

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы IV научной конференции
(16-17 февраля 2010 г.)

Содержание

Предисловие	4
Раздел 1. Пленарные доклады	5
<i>Михайлова Л. П.</i> Этнические контакты на севере России сквозь призму русского слова	5
Раздел 2. История и культура Карелии	8
<i>Старицын А. Н.</i> Монастыри Карелии по материалам писцовых и переписных книг XVII века ...	8
<i>Кузнецова Н. Ю.</i> Староверие в культурно-историческом ландшафте Карелии: Троицкая-Сунарецкая пустынь и Корнилие-Палеостровский монастырь	13
<i>Скобелев О. А.</i> Планировка и хозяйственные постройки усадьбы братьев Елизаровых в деревне Потаневщина Кижской волости Петрозаводского уезда в первой трети XX в.	17
<i>Воробьёва Е. А.</i> Выращивание и обработка льна в Олонецкой губернии. По материалам периодических изданий середины XIX – начала XX вв.	23
<i>Литвин Ю. В.</i> Женские промыслы в Карелии (вторая половина XIX – начало XX вв.)	28
<i>Воробьёв И. С.</i> Кузнечное ремесло Кижской волости по данным архивных источников	32
<i>Михайлова Н. С.</i> Традиционное музыкально-инструментальное исполнительство в Карелии (конец XIX – начало XX в.)	36
<i>Рутт Т. Е.</i> Особенности русского быта жителей Карелии во второй половине XIX века (по лексическим данным материалов «Олонецких губернских ведомостей»)	41
<i>Логвиненко Е. С.</i> Формирование архитектурного ансамбля Круглой площади (конец XVIII – XIX вв.). Опыт реконструкции в постоянной экспозиции Карельского государственного краеведческого музея	45
<i>Зайцева Н. И.</i> Герман и Элизабет Халлонблад – меценаты и благотворители Ладужской Карелии	49
<i>Калинина Е. А.</i> Из истории библиотек учебных заведений Олонецкой губернии в первой половине XIX века	51
<i>Кондратьев В. Г.</i> Педагоги Карелии. Масштаб личности и неоценимый опыт	56
<i>Морозова С. П.</i> Творческий подход к решению школьных проблем карельскими учителями второй половины 1950-х – начала 1960-х годов	62
<i>Петричева И.</i> Документы Национального архива Республики Карелия об участии посланцев Олонецкого края в сражениях с Наполеоном (1812–1814 гг.)	66
Раздел 3. Краеведы и краеведение в Карелии	70
<i>Мамонтова Н. Н.</i> В поисках своих корней	70
<i>Гусева Е. Р., Павлова А. В.</i> Республиканский конкурс «Край родной – родное слово»: итоги и перспективы	72
<i>Николаева А. А.</i> Краеведческий компонент в работе справочно-библиографического отдела Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета	74
<i>Данков М. Ю.</i> Судьба своевольного капитана Питера фон Памбурха. (К истории первой дуэли в Карелии)	78
<i>Дроздюк А. А.</i> Образ Карельского Поморья во второй половине XIX – начале XX веков	83
<i>Терешкин А. А.</i> Из истории посещения г. Петрозаводска великим князем Владимиром Александровичем Романовым	86

<i>Мошина Т. А., Кораблёв Н. А.</i> Новый источник по истории Петрозаводска (журнал «Иллюстрация»)	89
<i>Ершов В. П.</i> Дневник заонежского бондаря	92
<i>Шафранская К. В.</i> Формирование туристских направлений Карелии в краеведении 1920-х, 1930-х гг.	100
Раздел 4. Филологические аспекты краеведения	106
<i>Чикина Н. В.</i> Мир природы в поэзии А. Волкова (лирико-математический анализ)	106
<i>Приобращенский А. В.</i> Местная топонимия в архивных документах как историко-лингвистический источник	110
<i>Пюльзю Е. А.</i> «Болтуны» и «ворчуны» в Обонежье (по лексическим данным)	110
<i>Горшкова А. А.</i> Из бытовой лексики говоров Пудожя	114
<i>Невский С. А.</i> Этноязыковые контакты в лексике крестьянского строительства русских говоров Карелии	116
<i>Швайко В. И.</i> Лексика юридических документов о выделении рыболовных угодий в Кемском уезде конца XIX – начала XX вв.	118
<i>Попов А. А.</i> Ареальные связи обонежских говоров (на примере названий насекомых и пресмыкающихся)	120
Раздел 5. Карелия Советская: к 90-летию республики	124
<i>Дианова Е. В.</i> Кооперативная агитация и пропаганда 1920-х гг.	124
<i>Титов С. М.</i> Обзор боевых действий на Онежском озере в 1919 году	130
<i>Дианова К. А.</i> Первые мероприятия советской власти в оценках краеведов (на примере Архангельска и Петрозаводска)	139
<i>Федосов А. В.</i> От Школы полицейских урядников Олонецкой губернии до Центра профессиональной подготовки МВД по Республике Карелия	142
<i>Карпеченко С. В.</i> Сотрудники НКВД КФССР в годы Великой Отечественной войны: возвращение из списка потерь	147
<i>Вавулинская Л. И.</i> Строительные организации Карело-Финской ССР: проблема кадров в послевоенные годы (1945–1950 гг.)	150
<i>Никулина Ю. А.</i> Справочник И. М. Мулло «Памятники и памятные места Карелии» как источник по истории выявления историко-культурного наследия Карелии	154
<i>Серко И. В.</i> Философия конфликта в государственной символике Республики Карелия	156
Раздел 6. Заключительное пленарное заседание	161
<i>Сойни Е.</i> Карелия в творчестве Юрия Солоневича	161
<i>Кораблёв Н. А.</i> Становление неофициальной газетной печати в Олонецкой губернии (1906–1917 гг.)	164

Предисловие

16–17 февраля 2010 г. в помещении Карельского научного центра РАН состоялась четвертая научная конференция «Краеведческие чтения», посвященная 90-летию Республики Карелия.

Участники конференции – научные работники, преподаватели, студенты Петрозаводского государственного университета, Карельской государственной педагогической академии, учителя школ города Петрозаводска и учреждений дополнительного образования детей, специалисты из Карельского государственного краеведческого музея, Национального архива Республики Карелия, Национальной библиотеки Республики Карелия и других учреждений республики.

Впервые организаторами конференции выступили одновременно академическое научное учреждение – Карельский научный центр РАН и общедоступная библиотека – Национальная библиотека Республики Карелия. Было отмечено, что удачное сочетание академических научных докладов и сообщений о практических исследованиях в области краеведения способствуют объединению и обогащению краеведческого движения в республике.

Сборник материалов по итогам конференции включает 41 доклад. Тематика докладов и сообщений конференции – краеведческие исследования по истории, культуре, образованию, филологии, краеведению, библиотечному делу. В соответствии с названиями секций конференции статьи объединены в разделы: «Пленарные доклады», «История и культура Карелии», «Краеведы и краеведение в Карелии», «Филологические аспекты краеведения», «Карелия советская: к 90-летию республики».

Публикации адресованы краеведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей края.

Все статьи опубликованы в авторской редакции.

Составители сборника благодарят авторов статей за предоставленные материалы и участие в работе конференции.

Материалы конференции представлены на сайте Национальной библиотеки Республики Карелия в разделе «Издания НБ РК» (http://library.karelia.ru/in_draterials/kraeved_chtenia_2010.html).

Раздел 1. Пленарные доклады

Михайлова Любовь Петровна

Этнические контакты на севере России сквозь призму русского слова

Современные русские говоры Карелии, бытующие в основном в восточной и юго-восточной ее части, формировались в течение многих веков в условиях активного взаимодействия носителей славянского, восточнославянского языка в его диалектных реализациях – новгородских, псковских, владими́ро-суздальских и других говоров – с прибалтийско-финскими этносами.

В области фонетики и морфологии русские говоры Карелии имеют в своей основе черты, известные и другим современным русским диалектам, которые сохраняют элементы древнерусской системы. Своеобразные признаки – анлаутный акцент и «заонежское яканье», то есть перенос ударения на первый слог под влиянием прибалтийско-финской акцентологической системы с одновременным переходом гласного [e] > [’a]: *в лесу́* > *в ля’су*. Лексический состав русских говоров Карелии, как и Севера в целом, содержит самые разнородные в хронологическом и генетическом плане элементы.

Значительный вклад в разработку вопросов, связанных с историей формирования русских говоров Карелии, внесли А. С. Герд, на примере ареальных связей отдельных локальных групп с другими говорами русского языка, С. А. Мызников, изучающий прибалтийско-финскую лексику Русского Севера путем применения ареально-этимологического анализа. Большое значение для определения истоков формирования топонимии, а также лексики Севера имеют работы А. К. Матвеева, И. И. Муллонен, Н. Н. Мамонтовой, Г. М. Керта и др.

Задача настоящего исследования – показать на отдельных примерах воздействие особенностей прибалтийско-финских языков на внешний облик слов русского происхождения. Яркой иллюстрацией соединения «своего» и «чужого» в одном слове служат названия ложки¹: **лу́зик** ‘ложка’ Новг., Волог., Пошех. Ярослав., Моск., Калуж., Самар.; Волх., Лод., Тихв. Ленингр.; ‘большая ложка с толстым черенком; поварешка’ Брейт., Ростов., Рыб., Углич. Ярослав.; **лу́зик** ‘ложка’ Кашин. Твер.; **лу́зица** ‘ложка’ Осташк. Твер.; **лу́зка** ‘ложка’ Пошех. Ярослав. Начальный путь этих слов лежит в др.-русс. *лъжьска*, которое было усвоено соседними языками: карел. *lužikka*, олон. *luzikku*, людик. *lužik*, вепс. *lužik*, водск. *lužikka*, эст. *lusikas*, *lusik* ‘ложка’². Затем карел. *lužikka*, олон. *luzikku*, вепс. *lužik* были усвоены русскими говорами, включая и некоторые южнорусские. Слово **лу́зик** послужило основой антропонимов, отмеченных в памятниках письменности Карелии XVI в.: Санька **Лу́зикин** – Шуерецкая волость, Григорей Ондреев сын **Лу́зика** – в Варзуге³.

Многие слова изменили фонемный состав под влиянием такой особенности прибалтийско-финских языков, как отсутствие сочетаний согласных в начале слова⁴. Происходит упрощение группы согласных в анлауте: например, **верно́** – **угол** ‘ближний к двери угол в крестьянской избе’ Каргоп., Пуд. связано с сочетанием *дверно́й угол* ‘угол около порога, напротив печки’ Медв., Кем.; **верста́** ‘мелкодробленный камень, дресва’ Медв., Пуд., ‘мелкий щебень, дресва’ Выт. Волог., Пин. Арх., ‘каменный песок, употребляющийся для оттирания деревянного пола от грязи’ образовалось от более широко распространенного слова *сверста́* ‘дресва’ Онеж. Арх., Севмор. Мурман., Тихв. Ленингр., Чуд. Новг., Уст., Чер. Волог.

Обратим внимание на два слова, происхождение которых не вполне ясно без привлечения дополнительных данных. Приспособление для сгибания дуг, полозьев носит название **га́ло** в вологодских и **ба́ло** во многих архангельских, вологодских, а также медвежьегорских говорах; в последних **ба́ло** обозначает также льномялку. Может показаться, что эти слова отражают мену звуков [г] и [д], характерную для севернорусских говоров, ср. название брѹквы *дала́нка* только в междуреченских и *гола́нка* в восточных вологодских говорах. На самом деле родство данных слов выявляется по другим основаниям. В обоих случаях начальный согласный возник в результате упрощения консонантных сочетаний: **гб** – > **б** – и **бг** – > **г**. Станок для выгибания дуг и полозьев носит название *гиба́ло* Нянд., Уст. Арх., Баб., Бабуш., Ваш., Кир., М.-Реч., Ньюкс., Устюж., Хар., Череп., Шексн. Волог., возникшее из более раннего *гыбало*, ср. также родственное *гбач* ‘поворот, излучина (о реке)’ Вил. Арх.

¹ Используем данные известных словарей русских говоров, без их указания, соблюдая принятые в них сокращения географических названий.

² Suomen kielen etnologinen Sanakirja O. 2, 314.

³ Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 318.

⁴ Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974. – С. 119.

из *гъбачь*. Слово **бало** появилось на базе исходного *гъбало*, в котором утратился редуцированный звук, а затем упростилось труднопроизносимое сочетание согласных, что могло произойти и на русской почве. Заметим, что поддерживающим фактором данного процесса явился одноконсонантный анлаут соседней прибалтийско-финской системы. Слово **гало** образовалось от *бгало*, которое известно брянским говорам в значении 'станок, на котором гнут полозья для саней', производящим для которого выступает восточнославянский глагол *бгати* (< *бъгати*) 'гнуть, сгибать; мять, комкать'. Изменения, отраженные в анализируемых словах, можно представить в виде цепочек: *гъбало* > *гбало* > **бало**; *бъгало* > *бгало* > **гало**. Этимологи реконструируют праславянские формы **gъbadlo* и **bъgadlo*, отмечают родство слов с древними корнями **gъb* – и **bъg-*, в которых отношения метатезы восходят, по предположению О. Н. Трубачева, к и.-е. состоянию; вопрос же о том, какой корень является первичным, не имеет однозначного решения⁵. Любопытно отметить, что в лексемах **бало** и **гало** от искомого корня осталось только по одному согласному звуку, а далее, с затемнением этимологии, произошла перестройка морфемной структуры. Оба корня отражены в топонимах: **Обжа**⁶ – название населенного пункта в Олонецком районе Карелии, **Гбач** – название притока р. Пинеги.

Сочетание согласных в начале слова ликвидируется и другими путями: постановкой гласного перед сочетанием – протезой, вставочным гласным между звуками – эпентезой, перестановкой второго согласного и следующего за ним гласного – метатезой. Приведем соответствующие примеры.

Протеза **tt** – > **att-**: **окрúча** 'склон, косогор' Бокс. Ленингр.; **опрèжде** 'прежде' Яросл.; **оглúпыш** 'глупец' Тер. Мурман., ср. *глупы'ш*; **оглúшно** 'жарко, душно' Карг. Арх., ср. *глúшно* 'душно' Гд., Стр. Пск.; **ускорóнить** 'спрятать' Брейт. Яросл., ср. *скоронítъ* 'то же' Молож. Яросл., Новг., Влад., Нижегород., Ульянов., Ряз.; **аботнúк** 'лодка-долбленка' Устюж. Волог., ср. *бóтник* и *ботнúк* 'то же' Баб., Устюж. Волог.; **истанúшка** 'нижняя женская рубашка' Вят., ср. *станúшка* 'то же' в разных говорах, включая южнорусские.

Обнаруживается совмещение протезы с упрощением: 1. **tt** – > **t** – > **at-**: **изойтú** (< *взойтú*) 'поместиться, войти' Низ. Печора; **озáпуски** (< *взáпуски*) 'наперегонки, взапуски' Кандалакша Мурман.; **озóхаты** (< *взóхаты*) 'целовать' Забайкалье; 2. **ttt** – > **tt** – > **att-**: **озмóрье** (< *взмóрье*) Чаг. Волог.; **оглáзить** (< *сглáзить*) Бокс. Ленингр.; **úзношье** (< *взнóшье*) 'два ведра воды' Гд., Пск.

Эпентеза **tt** – > **tat-**: **берестú** (< *брестú*) 'медленно идти' Низ. Печора; **галыжú** (< *глажú*) 'морозка' Порх. Пск.; **королúться** (< *кролúться*) 'рожать крольчат' Пск.; **поросóхнуть** (< *просóхнуть*) Любим. Яросл.; **порорóбстичек** ласк. 'поросль, молодые деревца' Усьянск. Арх., ср. *прóрость* 'мелкий ельник, березник, появившиеся на пустых местах' Вят.

Метатеза **ttat** – > **tatt-**: **пирлáвок** (< *прилáвок*) 'небольшая загородка возле печи, где зимой держат домашнюю птицу, поросят и т. п.' Сев.-Двин.; **перлúп** (< *прилúп* < *прилúб* < *прируб*) 'летняя кухня' Пуд. Карел.; **персленé'к** (< *прясленé*) 'железное кольцо, надеваемое на веретено при прядении' Костром.; **перстежóк** (< *прястешóк*) 'то же, что персленé'к' Мурман.; **жантьé** (< *жнатé*) 'время уборки зерновых, период жатвы' Медв. Карел.; **дерсвá** (< *дресвá*) 'измельченный камень, крупный песок, обычно используемый для очистки деревянных поверхностей' Карг., Мез., Холм. Арх.; **баргы'нь** (< *браты'нь*) 'большая чаша для пива' Пин., Шенк. Арх.; **портвэжжа** (< *прóтвешек*) Пин. Арх.; **тифс** (< твист) Пуд. Карел.; **бердня'к** (< *бредня'к*) 'ива' Вл. Пск.; **корпúва** (< *кранúва*) Сев.-Двин.

Особенности в области гласных связаны с переносом ударения на предшествующий слог: 1. **о** > **á**: **káлия** (< *коля*) Кириш., Тихв. Ленингр., Пуд. Карел.; **карысть** 'чувство удовольствия, радость' Н.-Рж., Пыт. Пск., ср. *кору'сть* 'доход, прибыль' Яросл.; **лáскут** (< *лоскут*) Черепов. Волог.; **пáддонки** (< *поддóнки*) 'остатки при сбивании масла, пахта' Твер.; 2. заонежское «яканье», то есть **е** > **á**: **мя'довик** 'гнездо диких пчел с сотами' Медв. Карел., ср. *медовúк* 'дикая пчела' Медв., Пуд., Лоух. Карел., Плес. Арх., Канд., Тер. Мурман.; **поля'мешать** 'побежать' Медв. Карел., ср. *лемешítъ* 'идти частыми мелкими шажками, семенить' Петрозав.; **ня'досуг** 'нет времени' Заонежье; **пя'хнуть** 'толкнуть, пихнуть' Медв., Петрозав., ср. *пехнúть* 'то же' Оят. Ленингр., Север.; **пя'хтерить** 'нести, тащить что-л. тяжелое' Выт. Волог., ср. *пехтéрить* 'то же' Пошех. Яросл., Твер., Пск.; **ря'тливый** 'добрый, сердечный, душевный' Кад. Волог., ср. *ретлívый* 'пылкий, горячий (о сердце)' Медв. Карел.; **ря'шить** 'сломать, исковеркать' Кондоп. Карел., ср. *решúть* 'привести в негодность, испортить' Пуд. Карел., Подп., Тихв. Ленингр., Карг. Арх., Выт., Кирил. Волог.; ср. также **пя'кло**, **пя'тун**, **пя'тушок**, **стя'рнуть**, **мя'тла** – Медв. и *пеклó*, *петún*, *петушóк*, *стернúть*, *метлá*.

Заметим, что истоки этого явления уходят в глубокую древность, о чем может говорить топоним **Вяртсиля**, который мотивируется соответствующим апеллятивом, ср. фин. *värtsi* 'pussi, säkki, laukku' – в переводе 'мешок, сумка', карел. *värtsi*, *värtsi*, водск. *värtsi* 'мешок', связанным со словом *верéтье* 'грубый холст'. Формант – *la//-*ля (< ф. – *la//-*lä) "служит для обозначения места". Возможно другое решение: суффикс – *la//-*lä имеет значение 'обладающий каким-л. отличительным признаком, содержащий что-л., наделенный чем-л.', помимо значения 'принадлежащий кому-л.' (*miehelä* 'дом супруга'). Для уточнения этимологии топонима **Вяртсиля**

⁵ Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 3 – М.: Наука, 1976. – С. 114–115; Вып. 7. – М.: Наука, 1980. – С. 187.

⁶ Об этимологии названия н. п. Обжа, р. Обжанка см.: Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. – Петрозаводск: ГОУВПО «КГПУ», 2004. – С. 140–146.

необходимо учесть и другие значения русского слова *веретье* (**vertʲje* > фин. *värtsi*), которые также могли быть усвоены прибалтийско-финскими языками на каком-л. этапе⁷.

В области согласных подчеркнем такое яркое явление, как мена звуков **t ~ d**: 1. звонкий согласный в соответствии с глухим – **бугать** (< *пугать*) Кон. Арх.; **гачать** (< *качать*) Белоз. Волог.; **жирокый** (< *широкый*) Мар. Пос. Чуваш.; **жолыгать** 'быстро, торопливо есть' Бокс. Ленингр., ср. *шелыгать* 'подкидывать что-л. ногою, передвигая вперед'; 2. глухой согласный в соответствии со звонким – **корох** (< *горох*) Ляд. Пск.; **твор** (< *двор*) Ельн. Чуваш.; **хбпот** 'берег' Волог. Волог., ср. *хббот* 'место на изгибе реки' Межд. Волог.

Отмеченные явления подтверждают мысль А. С. Герда о существовании этноязыкового союза на Северо-Западе России, предопределяющими факторами которого являются обязательные контакты неблизкородственных языков (диалектов), наличие сопредельности, экономические и культурные контакты⁸.

Вопрос об исконных взаимных отношениях славян и финнов и отражении их в языке волновал российских ученых еще в конце XIX – начале XX вв.

Ученые подчеркивали «первостепенную важность изучения финно-угорских языков для вопросов, настоятельно выдвигаемых русской наукой: исследованием русского языка, быта и истории русского племени»⁹. Историко-лингвистический анализ лексики севернорусских говоров может открыть новые страницы в вопросах изучения этноязыковых контактов.

⁷ Более подробный анализ см. в работе: Михайлова Л. П. О славяно-финских языковых контактах на топонимическом уровне (*Вятсиля*) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 3. – М. : Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 437–438.

⁸ Герд А. С. О языковом союзе на Северо-Западе РСФСР // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л., 1978.

⁹ Записка гг. И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. А. Брауна, С. К. Булича, К. Г. Залемана, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Радлова, А. Д. Руднева, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова по вопросу о мерах к обеспечению преподавания и изучения финно-угорских языков в России // Известия Императорской Академии Наук. – 1911. – № 12. – С. 863.

Раздел 2. История и культура Карелии

Старицын А. Н.

Монастыри Карелии по материалам писцовых и переписных книг XVII века

До середины XVII в. территория современной Карелии входила в Обонежскую и Водскую пятины Новгородского уезда. С образованием в 1649 г. Олонецкого уезда в него включили часть бывших новгородских земель Заонежской половины Обонежской пятины, называемых Заонежскими погостами. Именно эти земли вошли в ареал нашего исследования. Один из погостов – Пиркинский, относящийся ранее к Заонежской половине, с середины XVII в. стал числиться в Нагорной половине Обонежской пятины, поэтому мы сочли возможным не рассматривать его в данной работе. На территории Заонежских погостов в XVI–XVII вв. возникли монастыри, многие из которых бесследно исчезли, но некоторые, возобновленные в наше время, составляют гордость Петрозаводской и Карельской епархии. В современной научной историографии посвященной монастырям главное внимание уделяется проблемам монастырского хозяйствования и землевладения¹. Для этих целей в полной мере используются писцовые и переписные книги. Попытаемся взглянуть на указанный источник с церковно-географической точки зрения, чтобы представить общую картину состояния карельских монастырей в XVII в. Нас в первую очередь интересует информация о количестве, местоположении, названии, типологии монастырей, о церквях и других монастырских постройках, составе монашествующих.

В качестве основных источников привлечены редко используемые исследователями писцовые книги Обонежской пятины Заонежской половины: 1) 1620 года письма и дозору Мины Дмитриевича Лыкова и подьячего Якова Гневашева и 2) 1628–1629 гг. письма и меры Никиты Панина и подьячего Семена Копылова. А также переписные книги: 1) Заонежских погостов Новгородского уезда 1646–1647 гг. Ивана Прохоровича Писемского и Лариона Григорьевича Сумина, которым помогал подьячий Яков Ефимьев и 2) Олонецкого уезда 1678 г. стольника Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова. В качестве вспомогательных источников информации использовались материалы писцовых книг 1496 и 1563 гг.², 1582–1583 гг.³, 1619 г.

В первом из 17 Заонежских погостов – Олонецком – существовало 3 монастыря. Писцовые книги 1619 и 1620 гг. отметили только два. Один – Троицкий владычный, т. е. расположенный на митрополичьей земле и находящийся под особым покровительством Новгородского митрополита, на озере Сянзе (Сяндебский). В монастыре всего три кельи, в которых проживали один черный священник и два старца. Церковь «ставлена ново после войны немецких людей».⁴ Описание 1582–1583 гг. сообщает, что «...в 90-м году церковь сожгли и игумена убили немецкие люди»⁵. Речь идет о событиях весны 1580 – лета 1581 гг., когда Олонецкий погост подвергся разорению от шведов во время Ливонской войны⁶. Книга 1628–1629 гг. дает более подробную информацию о монастыре. Вновь построенная церковь «древяна клецки... Да на монастыре в келье черной поп Иосиф, да три кельи, а в них живут семь старцов, да за монастырем двор коровей, а в нем живет коровник Ондрюшка Григорьев...»⁷. Перепись 1678 г. лишь упоминает его в числе прочих безвотчинных монастырей: «Монастырь митрополей на озере на Сизе. А на монастыре церковь Живоначальные Троицы, да за монастырем двор скотьской, а в нем живут монастырские работники»⁸. Другой (по описанию 1619 и 1620 гг.) – «Ондрусов монастырь на озере на Ладожском, а в нем церковь Николай Чюдотворец каменная, келья черного священника

¹ Перечень литературы по этому вопросу см.: Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007. С. 16–48.

² Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. 271 с.

³ Частично изданы К. А. Невוליным в приложении к его работе «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке». СПб., 1853. С. 133–181. (Далее – Неволин К. А. О пятинах). Полное издание, осуществленное И. А. Черняковой в 1987 г., оказалось нам не доступно. См.: Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/83 гг. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. Т. III. С. 35–341.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 745. Л. 22 об.; Д. 746. Л. 56.

⁵ Неволин К. А. О пятинах. С. 155.

⁶ Сулова Е. Д. Писцовая книга Заонежских погостов 1616–1619 гг. как источник по истории церкви в Карелии Раннего нового времени // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М., 2008. С. 307.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 308. Л. 687.

⁸ Там же. Д. 1137. Л. 166.

Левкея да 5 братьев...»⁹. В 1678 г. помимо каменной упоминается еще и деревянная Введенская церковь, «да за монастырем двор конюшенной, да за губою от монастыря за версту двор коровей, а в нем живет старец и манастырские работники»¹⁰. Введенская церковь существовала раньше. Она упомянута в 1563 г., но в 80-х гг. XVI столетия была сожжена шведами и восстановлена только во второй половине XVII в.¹¹. Третий монастырь, находившийся на территории Олонецкого погоста, впервые встречается в писцовых документах только в 1678 г.: «Да у Ладожского ж озера монастырь Габанова пустыня, а в нем церковь во имя святых апостол Петра и Павла, да за монастырем двор скотской, а в нем живут монастырские работники»¹². Между тем эта древняя пустынь была известна уже в XVI столетии, когда в 1070 г. Новгородский архиепископ Пимен пожаловал старцу Иосифу с братией «черного лесу около той Габановы пустыни на все 4 стороны по версты»¹³.

На территории Важенского погоста находилась основанная в XVI в. Задне-Никифоровская пустынь. В переписной книге 1678 г. дается следующее описание: «...монастырь Задняя Никифорова пустыня, а на монастыре церковь боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа, другая церковь Успения Пресвятыя Богородицы, обе деревянные. Да от монастыря за озером двор скотской, а в нем живут монастырские работники»¹⁴.

В Рождественском Остреченском погосте книги 1619 и 1620 гг. отмечают 4 монастыря, один из которых в переписи 1678 г. отнесен к другому погосту. Во-первых, Яшезерский монастырь, в котором была одна теплая Благовещенская церковь с приделом Николы чудотворца. В келье жил строитель Иона и в двух других кельях 3 старца¹⁵. Во-вторых, Никольский Брусненский на Брусненском острове. Помимо храма зафиксирована небольшая деревянная же часовня. В игуменской келье жил черный священник, а в двух братских кельях шесть монахов и шесть слуг¹⁶. Монастырь назван богорадным, что означает, что принять в него могли без вклада «Бога ради»¹⁷. В-третьих, в Остреченском же погосте (вместо Мегорского) писцы Мина Лыков и Яков Гневашев расположили Петропавловский «на Он[е]ге озере монастырь на тридцать носов на Вытегорском носу», в котором описали четыре кельи с одним живым черным священником Дионисием, а прочие «чернцы побиты от литовских людей во 121 году»¹⁸. В-четвертых, «Рождественского ж погосту Остречинского Ладвинские выставки монастырь Ильинской, а на монастыре церковь Илья Пророк да девять келей, а в них живут пятнадцать братьев»¹⁹. Это описание слово в слово повторило описание Андрея Плещеева и Семейки Кузьмина 1582–1583 гг., которое, вероятно, использовалось в качестве приправочной книги²⁰. Переписи 1646–1647 и 1678 гг. существенно дополняют и в некоторых случаях проясняют ситуацию с монастырями в Остреченском погосте. Первые два монастыря нашли подтверждение в переписных книгах: «В Остречинском погосте на Онеге озере монастырь на острове на Брусне, а на монастыре церковь во имя Чюдотворца Николая деревяная. От монастыря за озером на берегу двор скотской, а в нем живут монастырские работники. В том же погосте монастырь Благовещенской н[а Ешо] озере словет Ешозерская пустыня, а на монастыре церковь Благовещение Пресвятыя Богородицы деревяная. За монастырем [двор] скотской, а в нем живут монастырские работники»²¹. Относительно Брусненского монастыря уточняется, что в 1646 г. там проживало три старца в двух кельях²². Ильинский монастырь в переписи 1646–1647 гг. вместо Ладвинской выставки упомянут в Таржепольской волостке²³. В 1678 г. уточняется его местоположение на Машеозере: «а в нем на острове церковь во имя Илии Пророка да за монастырем двор скотской, а в нем живет старец»²⁴. Вопреки устоявшемуся мнению, что монастырь основан в 1563 г.²⁵, выскажем предположение о более раннем времени его образования. К этой мысли подводит запись в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина о Машеозерской пустыни: «Монастырь Ильинские пустынки на Машо-озере по Юрьеву писму Костянтиновича Сабурова был пуст, а ныне в том монастыре игумен Иасаф да 17 старцов. Пашни у них нет. Да их же дер. старая церков-

⁹ Там же. Д. 745. Л. 24; Д. 746. Л. 60 об.

¹⁰ Там же. Д. 1137. Л. 166.

¹¹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 75; Неволин К. А. О пятинах. С. 156.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Л. 166.

¹³ Карелия в XVII веке: сб. док. / сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. С. 266.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Л. 166–166 об.

¹⁵ Там же. Д. 745. Л. 62; Д. 746. Л. 151.

¹⁶ Там же. Д. 745. Л. 62 об.; Д. 746. Л. 151 об. – 152.

¹⁷ Синицына Н. В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV–XVI вв.) // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: ист. очерки. М., 2005. С. 121.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 746. Л. 152 об. – 153.

¹⁹ Там же. Д. 745. Л. 63; Д. 746. Л. 153.

²⁰ Неволин К. А. О пятинах. С. 159.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Л. 168.

²² Там же. Д. 980. Л. 335 об.

²³ Там же. Л. 537.

²⁴ Там же. Д. 1137. Л. 44 об.

²⁵ Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 200; Амелина Т. П. К вопросу об основании и основателях монастырей Прионежья и Онежско-Ладожского перешейка в XV–XVII вв. // Православие в Карелии: материалы II регион. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 65.

ная пуста была и пашня под нею ни закос не писан, в обжы не положена, а ныне те деревни пустые роспахали монастырем в поле на пол-коробьи ржы, а в дву по тому же, сена косит 5 коп., пол-четверти обжы, земля середняя. Да тое же старые деревни земли стали починки ново, а в Юрьеве письме Костянтиновича Сабурова и в приправочном не писаны»²⁶. Далее идет описание монастырских угодий. Можно ли предположить на основании этого отрывка, что пустынь или, по крайней мере, церковь уже существовали на острове до Иасафа в конце XV века? Возможно, монастырь образовался из так называемого келейного сообщества, существовавшего при церкви Пророка Илии и получившего в 1563 г. официальный статус монастыря.

Что касается Петропавловского монастыря на Вытегорском носу, то в 1678 году мы находим его описание в пределах Палтовской волости Мегорского погоста. Он назван Лобасовой пустынью на тридевяти носгах (по другим источникам – Лобанова). Помимо Церкви Петра и Павла в описании фигурирует только скотный двор, в котором живут монастырские работники²⁷. В Рождественском Мегорском погосте в той же книге 1678 г. впервые в писцовых материалах встречается известие о Пятницкой Керовой (Кедровой) пустыни на озере Пинги²⁸.

В Никольском Шуйском погосте писцовая книга 1620 г. называет единственный новый «монастырь Соломян, а на монастыре церковь Петр и Павел деревяна, ставлена клетцки, да на монастыре старцы да четыре слушки монастырские.... А стал тот монастырь внове после письма и меры Андрея Плещеева во 122 году»²⁹. Материалы письма 1628–1629 гг. предоставляют более подробные сведения: «В Шуйском же погосте на усть реки Шуе у Онега озера на берегу на Соломяни пустынка, а в ней церковь святых апостол Петра и Павла с трапезою. ... И всё церковное строенье тое ж пустыни бывшего строителя старца Касьяна. А около пустыни ограда заметом да двои ворота: одни святые, другие задние. Да в той же пустынке на монастыре в келье строитель старец Илья, в келье келарь старец Тихон да четыре кельи братских, а в них четыре старца»³⁰. В другом месте той же книги дается ссылка на грамоту Василия Шуйского 1607/1608 г.: «По государеве цареве и великого князя Василия Ивановича всеа Руси грамоте за приписью диака Григорья Елизарова 116 году дано в монастырь Соломяны пустыни святых апостол Петра и Павла строителю Касьяну з братьею или хто по нем в той пустыни ино строитель и братья будет четь выти со всеми угоды, и оброку с них с тое пашни с чети выти со всеми угоды и с сенных покосов и со всяких угодий имать не велено. И во 125 году та царя Васильева грамота подписана на государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имя. А припись на грамоте диака Ивана Болотникова. А велено им ходить о всем, как в царя Васильеве грамоте написано. И тою пустою землею владеют Соломяны пустыни строитель Касьян з братьею...»³¹. Указанные в документах годы, к сожалению, не вносят ясности в запутанный вопрос о дате основания монастыря, но очевидно, что основателем является старец Касьян. В переписных книгах 1646–1647 и 1678 гг. сведения о монастыре крайне скудны – церковь по-прежнему деревянная, за монастырем скотный двор, в котором живут монастырские работники³². В переписи 1678 г. сообщается о еще одном монастыре в Шуйском погосте: «В том же погосте монастырь Троицкая пусты[н]я построена вново. А на монастыре церковь Живоначальные Троицы. За монастырем двор конюшенной»³³. Это уникальное сообщение из официального источника о монастыре больше известном по старообрядческим произведениям как Троицкая Сунарецкая пустынь.

В Спасском Кижском погосте письмо 1620 г. отмечает два монастыря. Во-первых, «монастырь на Воше острове, а в нем церковь боголепное Преображение да место церковное Николы Чюдотворца. Да на монастыре десять келей, а в них черной поп Тихон да братьи шестнатцать старцов, да слуг вклатчиков белцов дватцать человек»³⁴. Также в описании зафиксирована принадлежащая монастырю мельница на реке Торпе. Рядом был поставлен монастырский двор, в котором жили старец Варлам и мельник³⁵. Во-вторых, «монастырь на Климецком острову середе Онега озера в Ужном наволоке. На монастыре церковь деревяная с трапезою Живоначальная Троица ставлена наново да место церковное, что была церковь Никола Чюдотворец. Да на монастыре келья игуменская, а в ней живет черной поп Арсеней, да девять келей братских, а в них живут одиннатцать братов, да в тех же кельях живут монастырские слушки»³⁶. Книга 1628–1629 гг. дает массу интересных подробностей для каждого монастыря. Для первого: «Монастырь на Вайше острове поставлен в 93 году промеж Кижского и Шуйского погоста. От Кижского погоста до выставки до Чоболокши десять верст, а от Шуйской волости от выставки от Кондопоги семь верст на лешем на Вашем озере на острову на чорном лесу. А в нем церковь Преображение Господа нашего Исуса Христа деревяна клетцки, верх шатром, с трапезою и с келарскою ... и всякое церковное строенье бывшего строителя старца Иосифа. Да на монастыре же в келье строитель старец

²⁶ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 113.

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Л. 167.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Д. 746. Л. 174 об. – 175.

³⁰ Там же. Д. 308. Л. 853–854.

³¹ Там же. Л. 185–185 об.

³² Там же. Д. 980. Л. 121 об.; Д. 1137. Л. 168.

³³ Там же. Д. 1137. Л. 168.

³⁴ Там же. Д. 746. Л. 181.

³⁵ Там же. Л. 182 об.

³⁶ Там же. Л. 182 об. – 183.

Гурей, в келье келарь старец Ондраян да шесть келей братских, а в них десять человек старцов ... мельницы на речке на Каме ж да на ручье на Торпье»³⁷. Для второго: «Монастырь в Кижском погосте на Клименском острову среди Онега озера в Ужном наволоке, а на монастыре церковь поставлена вново на старом церковном месте во имя Николы Чюдотворца древяна о пяти верхах, верхи шатровые. ... На монастыре же другая церковь Живоначальные Троицы теплая с трапезою и келарскою, верх шатровой. ... Да на монастыре же в келье игумен Герасим, в келье келарь старец Евсей да шесть келей брацких да келья болничная, а в них десять старцов»³⁸. Перепись 1646–1647 гг. лишь подтверждает наличие двух деревянных церквей в Клименецком монастыре, а перепись 1678 г. добавляет к описанию конюшенный двор³⁹. В Вашеостровском монастыре в 1678 г. отмечены две церкви, а также строительская, хлебная и шесть братских келий, в которых насчитывалось 19 старцев. В «Кондопойской» волости описан монастырский двор для приезда старцев и работников⁴⁰.

В Шунгском Никольском погосте располагался Рождественский Палеостровский монастырь, в котором писцовые книги 1620 и 1628–1629 гг. насчитывают три деревянные церкви, одну келью игуменскую и 18 братских. Игуменом в 1620 г. был Иоасаф, с ним два черных священника, черный дьякон и 18 черноризцев. В 1628–1629 гг. в монастыре были: игумен Никифор, келарь старец Филарет, казначей старец Иасаф, два черных попа Аркадий и Киприан и 43 старца. И та и другая книги называют монастырь общим, т. е. устроенным по общежитийному уставу. В 1620 г. существовали церкви: Рождества Богородицы – шатровая, Николая Чудотворца – клетский храм и теплая Ильинская с трапезной. В 1628 г. в Никольской церкви отмечена трапезная, а верх «на каменное дело». В описании Ильинской церкви добавлена келарская и замечено, что «верх шатровой». Рождественская церковь сгорела в 1626 году, а на её месте строится новая⁴¹. По переписи 1646–1647 гг. Рождественская церковь значится построенной, указывается игуменская келья, 12 братских, в которых живут 44 монаха, и конюшенный двор⁴². В 1678 г. все три деревянные церкви существуют, количество келий сократилось до 9, число монахов неизвестно⁴³. В той же переписи появляется запись о другом монастыре: «В Шунгском погосте на Котке острову Ильинской девичь монастырь, а в нем поставлена вново церковь во имя Рождества Пророка Илии деревянная»⁴⁴. Существование келейного сообщества при церквях Шунгского погоста известно с XV века. Его отмечают писцовые книги 1496, 1563, 1582–1583 гг., причем, заметно преобладание стариц над старцами⁴⁵. Вероятно, перед нами тот случай, когда келейному сообществу все-таки удалось получить официальный статус монастыря. Ильинский девичий монастырь просуществовал до 1689 г., когда он был упразднен, а монахини переведены в запустевший Вознесенский мужской монастырь, находящийся на реке Свири в Оштинском погосте⁴⁶.

В Никольском Андомском погосте в начале XVII столетия значился только один «монастырь Муромской на озере на Онеге на Муромском острову. А в нем две церкви древяные: Успение Пресвятей Богородицы ставлен клетчки, верх шатровой, да церковь Иван Предтеча теплая с трапезою, ставлена клетчки, да на колницы пять колоколов. Да за монастырем в роцы церковь Лазарь святой древяная, ставлена клетчки, а та церковь и церковное строение бывшего строителя Афонасия. Да на монастыре келья игуменская, а в ней живет черной поп Саватей, да келья старца Никиты да шесть келей братских, а в них живут старцы семь братьев»⁴⁷. В 1646 г. в монастыре – в отдельной келье тот же черный священник Саватей и в 5 кельях 7 старцев, имеется конный двор⁴⁸. А в остальном переписные книги 1646–1647 и 1678 гг. ничего существенного не добавляют к вышеупомянутому описанию. В переписи 1678 г. появляется сообщение о новом монастыре. Это самое раннее документальное свидетельство о существовании легендарной Курженской пустыни, прославленной старообрядческими писателями выговской литературной школы: «В Андомском погосте над Куржеским озером монастырь Ефросинова пустыня, а на монастыре церковь Живоначальные Троицы. За монастырем двор скот[ской], а в нем живут монастырские работники»⁴⁹.

В Покровском Вытегорском погосте письмом Мины Лыкова 1620 г. зафиксирована «пустыня Живоначальные Троицы на озере на Лужанде, а в ней церковь Живоначальные Троицы древяная с трапезою. А в ней живут старцы Сергей з братьею да шесть мест келейных. А селятца ново после войны немецких и литовских людей. А строил тое пустыню преже сего старец Герасим. Да за монастырем место дворовое коровницкого двора»⁵⁰. Переписная книга 1678 г. дает немного информации: «В Вытегорском погосте монастырь Лужандозерская пус-

³⁷ Там же. Д. 308. Л. 855–856 об.

³⁸ Там же. Л. 857–860.

³⁹ Там же. Д. 980. Л. 165 об.; Д. 1137. Л. 167 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1137. Л. 146.

⁴¹ Там же. Д. 746. Л. 230 об. – 231; Д. 308. Л. 863–867 об.

⁴² Там же. Д. 980. Л. 194 об.

⁴³ Там же. Д. 1137. Л. 99.

⁴⁴ Там же. Л. 168 об.

⁴⁵ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 1, 147; Неволин К. А. О пятинах. С. 165.

⁴⁶ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. М., 2007. Стб. 1009.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 746. Л. 358 об. – 359.

⁴⁸ Там же. Д. 980. Л. 427; Д. 1137. Л. 20.

⁴⁹ Там же. Д. 1137. Л. 167.

⁵⁰ Там же. Д. 746. Л. 386 об. – 387.

тыня, а на монастыре церковь Живоначальные Троицы. За монастырем двор скотской, а во дворе монастырской работник Павелко Андреев, а у него сын Изотко, а иные работники наемные»⁵¹.

Единственный монастырь в Никольском Оштинском погосте на реке Свири был описан в 1620 г. с любопытными подробностями: «Монастырь Вознесенской на усть реке. А на монастыре церковь Вознесение Господа нашего Иисуса Христа да церковь Благовещение Пресвятыя Богородицы, а в ней предел Никола Чюдотворец, да колоколница деревянная, на ней четыре колокола не велики. Да на монастыре келья, а в ней живет черной поп Давыд, да две кельи, а в них живут два старца. Да на монастыре келья хлебная, а в ней живут слуги и детеныши. Да на монастыре пять анбаров стоят пусты да шестнатцать мест келейных. А в монастыре церкви и церковное строенье старца Ферафонта и мирское»⁵². В переписной книге 1646–1647 гг. упомянуты три кельи, в одной из которых живет игумен Симеон, а в двух других 8 монахов. Названы Вознесенская церковь и вместо Благовещенской – Никольская⁵³. Перепись 1678 г. снова называет Благовещенскую и Вознесенскую церкви «обе деревянные. Да от монастыря с версту монастырской двор коровой, а на дворе живут работники Антипо Власьев, Федка Фотеев да Ивашко Фотеев же, Федка Андреев, Кондрашко Иванов, Оска Иванов. А те работники старинные монастырские»⁵⁴. В 1689 г. монастырь запустел в результате морового поветрия. Оставшиеся в живых монахи были переведены в Муромский монастырь, а на их место, как уже было сказано выше, поселились монахини Ильинского девичьего монастыря из Шунгского погоста⁵⁵.

На землях Ильинского Веницкого погоста по материалам письма Мины Лыкова 1620 г. разместился только один «монастырь Корнильева пустыня, а в нем храм Никола Чюдотворец да храм Александр Свирски теплый, да в рощи храм Введение Святея Богородицы, да колоколница, а в ней два колокола. Да келья игуменская, а в ней живет игумен Мисаила. Да келья, а в ней живет старец Власей. Да три кельи, а в них живут слуги да дьячок. ... А строенье в монастыре прежнего строителя старца Корнилья»⁵⁶. Перепись 1678 г. отмечает «в Веницком погосте монастырь Корнильева пустыня Паданской тож. А на монастыре церковь Введение Пресвятыя Богородицы. Другая церковь во имя чудотворца Николая. Третья церковь во имя преподобнаго Александра Свирскаго чудотворца. Все деревянные. Да за монастырем двор скотской, а в нем живут монастырские работники»⁵⁷.

В Рождественском Водлозерском погосте письмо 20-х годов не зафиксировало никакого монастыря. Но по переписи 1646–1647 гг. там значится «монастырь Юрьева гора новая Демьянова пустыня подле каргопольского рубежа. А в ней церковь во имя Живоначальные Троицы, другой храм Введения Пречистые Богородицы, третий храм Зосимы и Саватая Соловецких чудотворцов. А на монастыре пять келей братских, а в них четырнатцать человек братии, а слуг и детенышев у них нет»⁵⁸. Перепись 1678 г. упоминает только одну Троицкую церковь, два скотных двора и кожевенную избу⁵⁹.

Последний монастырь, о котором содержатся сведения лишь в одной переписной книге 1678 г., располагался между Пудожским и Водлозерским погостами. Речь идет о Рогозерской пустыни «на Рого озере на острову. А на монастыре церковь Богоявление Господа нашего Иисуса Христа древняя от ветхости розвалилася. Поставлена часовня. За монастырем двор скотской, а в нем живут монастырские работники Сенка Федоров, Гришка да Ивашко Сергеевы, Ефремко Степанов»⁶⁰.

В 17 Заонежских погостах писцовыми и переписными книгами было зафиксировано 22 монастыря, из которых 4 (Палеостровский, Муромский, Машеозерский и Вашеостровский) были наделены вотчинами, а 18 землями не владели. В 4-х погостах: Шальском, Выгозерском, Толвуйском и Челможском монастыри не выявлены. В Олонецком погосте отмечены 3 монастыря, в Остреченском, Мегорском и Шуйском – по два, в остальных – по одному. Привязка монастырей к погостам, принятая в писцовом производстве, позволяет точно определить территориальное расположение обители в случае недостаточной информативности других источников. Так, например, Курженскую пустынь, не имея достоверной информации, многие исследователи помещали в район Повенца⁶¹. Обязательное обозначение писцами главного храмового престола помогает избежать путаницы при идентификации монастырей. Машеозерский монастырь описывали то в Ладвинской выставке, то в Таржепольской волостке, но всегда указывалось его патрональное посвящение – Ильинский. Лобанова пустынь называлась ещё монастырем на Вытегорском носу, но неизменно упоминался главный храм – Петропавловский. В писцовых материалах содержатся сведения о времени постройки монастырских церквей,

⁵¹ Там же. Д. 1137. Л. 167.

⁵² Там же. Д. 746. Л. 398.

⁵³ Там же. Д. 980. Л. 514 об.

⁵⁴ Там же. Д. 1137. Л. 166 об.

⁵⁵ Строев П. М. Указ. соч. Стб. 1008; Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 94.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 746. Л. 404–404 об.

⁵⁷ Там же. Д. 1137. Л. 166 об.

⁵⁸ Там же. Д. 980. Л. 253.

⁵⁹ Там же. Д. 1137. Л. 167 об.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См. подробнее: Старицын А. Н. Где находилась Курженская пустынь? // Сельская Россия: прошлое и настоящее : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Республика Карелия, Водлозерский национальный парк, 4–9 авг. 2008 г.). М., 2008. С. 137.

их архитектурном облике, гибели и воссоздании на прежнем месте. Многие храмы были сожжены во время Ливонской войны в 1581 г. и восстанавливались в различных монастырях с неординаковыми временными интервалами. Троицкая церковь монастыря на озере Сянзе была заново отстроена к 1620 г. Введенская церковь Андрусова монастыря и Никольская Вашеостровского возобновились на прежнем месте только ко второй половине XVII в. Церковь Николы в Клименецком монастыре вновь построена в 1628 г. В Палеостровском монастыре в 1626 г. сгорела церковь Рождества Богородицы. В 1628 г. она значилась строящейся, а в 1646 г. уже построенной. В Рогозерской пустыне Богоявленская церковь к 1678 г. развалилась от ветхости, а вместо неё поставлена часовня. В Брусненском монастыре в 1620 г. также существовала часовня наряду с Никольским храмом. О других монастырских постройках информация не столь подробная. Редко упоминаются колокольни и мельницы. В большинстве случаев указывается количество келий и хозяйственных построек вроде кожевенной избы, скотных дворов или конюшен. Исключение составляет описание Соломенской пустыни в 1628 г., в котором говорится о монастырской ограде и двух воротах. Сведения о монашествующих содержатся преимущественно в писцовых книгах. Переписные книги (главным образом 1678 г.) их практически игнорируют. Безвотчинные монастыри были, как правило, малочисленными (в среднем 3–5 монахов). Из вотчинных самым крупным являлся Палеостровский монастырь, насчитывавший в 1646 г. 45 человек братии. Только в нем встречается полный перечень монастырских должностей: игумен, келарь, казначей, а также два черных священника и один черный дьякон. Наличие игумена и келаря отмечено в Клименецком монастыре, строителя и келаря – в Соломенской пустыне и Вашеостровском монастыре. Игумены управляли монастырями в 5-ти случаях, черные попы в 6-ти, строители в 3-х и в 8-ми случаях нет сведений. Писцы в XVII в. не видели никакого принципиального отличия между монастырем и пустыней и ставили знак равенства между этими терминами. Монастыри Троицкий на Сянзе, Брусненский, Машеозерский, Вашеостровский, Клименецкий, Палеостровский, Муромский, Вознесенский на Свири, Ильинский девичий Коткоостровский не названы пустынями, остальные 13 монастырей именуется пустынями. Типологически только два монастыря характеризуются как общины – Палеостровский и богорадный Брусненский. Проблема келейного сообщества находит освещение в писцовых и переписных книгах, но для её решения материала недостаточно. Самой информативной оказалась писцовая книга 1628–1629 гг., но в ней описываются не все монастыри. Наиболее полный перечень карельских монастырей содержится в переписной книге 1678 г.

Кузнецова Н. Ю.

Староверие в культурно-историческом ландшафте Карелии: Троицкая-Сунарецкая пустынь и Корнилие-Палеостровский монастырь

Более шести веков, начиная с крещения Руси (в 988 г.), Русская Церковь наслаждалась внутренним миром и покоем. Не было тогда в Русской Церкви ни ересей, ни расколов, ни раздоров.¹ Россия исповедовала одну христианскую, православную веру и составляла одну истинную православную Церковь. Россия являлась действительно святой Русью и носила по праву этот титул: святость была идеалом русского народа.

Но в середине XVII века, в тот период, когда Русская церковь достигла наибольшего величия, в ней совершился раскол, разделивший всех русских людей на две половины – на две церкви: новообрядческую и древлеправославную. Нововеерами (или никонианами) стали называть тех, кто последовал за патриархом Никоном, принял новые обряды и чины, усвоил новую веру. А противников Никона и его новшеств стали именовать раскольниками. Позднее им было присвоено мирское (не церковное) наименование – старообрядцы, которое и было затем общепринято. Сами старообрядцы называют себя староверами, или древлеправославными христианами и Церковью Христовой.²

Старообрядцы подвергались гонениям, но никакие гонения не могли их уничтожить: они существовали в городах и селениях, скрывались в лесах и пустынях, но оставались верны древлеправославию. Но при этом они заново должны были как-то созидать свою духовную жизнь, быть организованными, объединенными, иметь своих пастырей, руководителей, получать таинства церковные, духовно питаться и расти. Нужны были духовные центры гонимой Церкви. И таковые созидались в первые же годы ее бегства, и это было отличительной чертой старообрядчества – созидание монастырей и скитов, которые становились источником и руководством духовной жизни приверженцев древлеправославия.

Старообрядчество, как известно, получило массовое распространение на Севере нашей страны, в том числе и в Карелии. И на территории нашей республики в настоящее время находится очень много памятников сакрального значения для старообрядцев.

¹ Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. – Минск : Изд-во БГПУ, 1999. – С. 14.

² Указ. соч. С. 16.

В данной работе будут рассматриваться две обители, существовавшие в Карелии в XVII веке и сыгравшие важную роль в развитии старообрядческого движения в крае: Корнилие-Палеостровский монастырь и Троицкая-Сунарецкая пустынь. Почему были выбраны именно эти два сакральных центра? Ведь можно было рассмотреть, например, Выговское общежитие.

Но именно на примере Сунарецкого и Палеостровского монастырей мы можем проследить участие в старообрядческом движении как крупного монашеского центра, так и небольшой обители.

Многие русские монастыри возникали на островах, берегах рек и озер. Карелия не являла в XIV–XVII веках собой исключение: в XIV в. на Ладожском озере возникает Валаамский монастырь, на Муромском озере – Муромский монастырь. В XVI в. на острове Большом Клименецеком в Онежском озере возникает Клименецкий монастырь, на острове Палей – Палеостровский. Интересующие нас обители (а Сунарецкая пустынь, кстати сказать, также была основана на острове Виданском на реке Суне) занимают в культурном ландшафте и духовно-религиозной жизни Русского Севера особое место.

Их островное положение, несомненно, придавало особую притягательность этим монастырям. Именно оно соединило в них множество смыслов, в конечном счете, и создававших феномен островного монастыря. Доминирующим был тот смысл, который вкладывало в образ островного монастыря христианское сознание. Оно видело в соединении монастыря и острова путь к спасению, идеальные условия для духовной сосредоточенности, своего рода пространство преображения и истины. Острова привлекали прежде всего безлюдностью, труднодостижимостью, своей удаленностью от греховного мира, облегчавшей единение с Богом.³

Духовно-религиозная сторона деятельности обителей, связанна с их участием в процессах духовной жизни населения. И здесь мы можем видеть особое значение Сунарецкой пустыни и Палеострова в крае. История обоих монастырей связана со старообрядчеством, оба внесли большой вклад в сохранение и распространение древлеправославия. Но в судьбах обителей раскол отразился по-разному.

Монастырь на Суне в момент своего основания не являлся староверческим, но затем стал одним из оплотов старообрядчества в крае, а его основатель инок Кирилл – видным деятелем раннего старообрядчества. Он был хорошо известен крестьянам близлежащих деревень и немало способствовал переходу жителей в истинную веру. Об этом упоминает еще Семен Денисов – один из основателей Выговского старообрядческого общежития – в сочинении «История об отцах и страдальцах Соловецких».

Свои дни инок Кирилл закончил на р. Выг, являясь тем самым, одним из первых Выгорецких пустынников. (Скончался инок Кирилл на Выге в 1690 г., а в 1694 г. Андрей Денисов, наследник репрессированного рода князей Мышецких, скрываясь от гонений, основал в Олонецкой губернии Выговскую общину).⁴

Что касается Палеострова, то в последней трети XVII века монастырь дважды захватывали старообрядцы. В марте 1687 и ноябре 1688 года здесь произошли самые массовые старообрядческие самосожжения (до 2700 и до 500 человек). Это – драматическая страница истории монастыря. И это только одна страница в старообрядческой истории Палеострова.

Кроме того, следует также отметить, что история обоих монастырей связана с известными деятелями раннего старообрядчества: в Троицкой-Сунарецкой обители некоторое время жил инок Епифаний Соловецкий, а в Корнилие-Палеостровском монастыре находился в заточении епископ Павел Коломенский. Остановимся на этих деятелях несколько подробнее.

Инок Епифаний нашел приют такой на Суне после того, как было сломлено сопротивление одного из последних оплотов истинной веры – Соловецкого монастыря. Он пришел на Виданский остров и принес с собой не только «книги и иная нужная потребная пустынная», но и истовую приверженность дониконовскому православию. Так в Житие самого Епифания упоминается, что он изгонял беса из «молчальницы» Кирилла Сунарецкого при помощи иконы Богородицы медного литья: «образом вольяшным медяным пречистыя Богородицы изгнан бысть бес ис келии тоя».⁵ Он продолжал совершать молитвы по дореформенным правилам: «пети вечерню и павечерню и каноны глаголати и прочее правило свое по обычаю совершив».⁶ Епифаний способствовал переходу жителей окрестных деревень в старообрядчество.

В 1654 году царь и Никон создали в Москве Собор для того, чтобы осудить старые обряды и ввести новые. Только Павел Коломенский открыто высказывался на Соборе против церковной реформы. По свидетельству современников, он заявлял: «С того времени, как мы сделали христианами и получили правую веру по на-

³ Мильчик М. И. Островные монастыри Русского Севера в иконографии XVI – начала XVIII века // Святые и святые северорусских земель (по материалам VII научной региональной конференции). – Каргополь : Каргопольский гос. ист.-архитектур. и худож. музей, 2002. – С. 109.

⁴ Кортава Т. В. Словесная школа Выговской пустыни как отражение языковых и культурных традиций допетровского времени [Электронный ресурс] / Т. В. Кортава. – Электрон. ст. – [Самара]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. (Т. В. Кортава. Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 240–248). – (Дата обращения: 31.03.2009).

⁵ Житие протопопа Аввакума ; Житие инока Епифания ; Житие боярыни Морозовой. – СПб. : Глаголь, 1994. – С. 123.

⁶ Указ. соч.

следству от отцов и дедов благочестивых, мы держались этих обрядов и этой веры и теперь не согласны принять новую веру!»⁷

Никон, раздраженный непокорностью архиерея, призвал его в свои палаты. Как гласит старообрядческое предание, Патриарх говорил епископу «лестные словеса», надеясь склонить Павла на свою сторону. Когда же это не удалось, Никон «рыкнул, яко лев зол, и начал бить немилостиво по ланитам преосвященного. И дотоле его бил, дондеже сам изнемог».

Потом Патриарх приказал слугам заковать епископа в цепи и отвести в темницу. Вскоре по единоличному решению Никона епископ был лишен сана и сослан с несколькими иноками-послушниками на Онежское озеро, в далекий Палеостровский монастырь.

Условия заточения в Палеостровском монастыре считались весьма жестокими, недаром архидьякон Павел Алеппский, греческий путешественник, посетивший Россию в 1654–56 гг. в свите своего отца, антиохийского патриарха Макария, и составивший подробный отчет об этом путешествии, с содроганием писал о судьбе сосланного святителя: «умереть лучше было бы для него, чем жить там, по причине великого стеснения и жалкой жизни, постоянного мрака, голода и совершенного отсутствия хлеба; отсюда ему невозможно убежать и спастись!». Впрочем, грек нисколько не сочувствовал опальному архиерею, заявляя: «Он, епископ, был достоин того!» К изгнаннику в монастырь стекалось множество старообрядцев, как мирян, так и священников, которым епископ проповедовал верность святоотеческому преданию «ясным гласом и светлою душею». Легенда гласит, что изгнанный святитель с радостью принимал проходящих и наставлял их: «Стойте во благочестии и держитесь предания святых апостол и святых отец, а догматов новых, внесенных в Церковь от Никона и учеников его, не приемлите. Блюдите себя от творящих распри и раздоры, подражайте вере бывших святых архипастырей российских, а в учения странные и чуждые не прилагайтесь. Почитайте священника, без него не пребывайте! На покаяние приходите, посты сохраняйте, пьянственного питья удаляйтесь, Тела Христова не лишайтесь!».⁸

Епископ Павел провел в Палеостровском монастыре год и шесть месяцев, но поскольку его проповедническая деятельность стала известна в Москве, был переведен под более строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь. По общепринятому старообрядческому преданию, мученическая кончина епископа Павла произошла 3 апреля 1656 года на Страстной седмице в Великий Четверг. Епископ-мученик Павел стал одним из наиболее почитаемых святых в староверии. В истории «древлего благочестия» ему отводится особая, первенствующая роль, а его подвиг сравнивается со служением апостолов.

Итак, Троицкая-Сунарецкая пустынь и Корнилие-Палеостровский монастырь могут быть отнесены к сакральным историческим местам. Ведь в XVII веке на Виданском острове был расположен один из главных центров старообрядческого движения Олонецкого края. Сунарецкая обитель и те кто ее прославил, а это Кирил Сунарецкий и Елифаный Соловецкий – внесли весомый вклад в дело защиты старой веры. А на Палеострове находился единственный старообрядческий епископ, вставший в один ряд с такими деятелями, как протопоп Аввакум и боярыня Морозова – Павел Коломенский. И это придает обителям особое значение и сакральную ценность в старообрядческой среде.

Интерес к истории старообрядчества в последнее время возрос, и исследований по данному вопросу можно найти немало. Но при этом версии и предположения, которые делаются историками, как правило, сильно отличаются от мнений историков-старообрядцев. А в самой старообрядческой среде активно поддерживается интерес к своему прошлому, и это делает им честь. Но одним из самых существенных недостатков нынешнего старообрядчества можно считать и недостаток грамотности, знаний.⁹

Как мы знаем в любом обществе память о своих истоках, о духовных центрах (особенно малоизвестных), сохранение традиционных сакральных знаний и устоев – это удел небольшой части этого самого общества.

Что касается Сунарецкой обители, то для подавляющего количества современных старообрядцев она совсем не известна, и о ней знает лишь узкий круг специалистов и тех староверов, кому не безразлична собственная история.¹⁰ Но те, кто знают, понимают ее особое значение в истории старообрядчества.

Палеостровский монастырь более известен, так как имя епископа Павла Коломенского в среде староверов достаточно известно и почитаемо. Но и здесь есть свои особенности и проблемы, так расходятся точки зрения официальных историков и старообрядцев по вопросу о самосожжениях на Палеострове. Существуют две точки зрения: общеизвестная – о самосожжении староверов, и точка зрения самих представителей древлеправослав-

⁷ Сказание о Павле епископе Коломенском (из «Истории о бегствующем священстве» Ионы Курносого) [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/60-1-0-720>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. – (нет). – (Дата обращения: 6.12.2009).

⁸ Урушев Д. А. Апостол града Коломны [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/60-1-0-720>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. – (нет). – (Дата обращения: 6.12.2009).

⁹ Езеров А. О наших недостатках. Нemoшь современного старообрядчества [Электронный ресурс] / А. Езеров – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=715>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. (Вторжение. – 2001. – № 2). – (Дата обращения: 11.01.2010).

¹⁰ Представлено мнение, высказанное Алексеем Александровичем Безгодовым, который является руководителем Историко-архивного отдела Российского Совета Древлеправославной Поморской Церкви (г. Великий Новгород).

ной церкви – трактовка событий марта 1687 года как «мученического подвига защитников древлеправославной веры».¹¹

В настоящее время в России идет интенсивный процесс восстановления сакрального пространства. Карелия – уникальная в этом плане территория, так как здесь возрождение сакрального пространства происходит вне восстановленных монастырских стен. Данный процесс характерен для старообрядческих обителей в первую очередь. Возрождение идет специфическим, характерным именно для РПСЦ, образом. Так, если в обителях РПСЦ Московского патриархата в Карелии (Муромский, Важеозерский) идет восстановление монашества, стен, церквей, то для старообрядческого сакрального пространства Карелии это невозможно. Оно было уничтожено значительно раньше, чем в советский период, и степень сохранности материальных памятников – минимальная. Поэтому восстановление происходит в несколько этапов: сначала о местах сакрального почитания для верующих РПСЦ идет сбор материала, затем организуются экспедиции на это место, где устанавливается поклонный крест. И для них – это уже восстановление сакрального пространства. И здесь – мы можем видеть различие между РПСЦ и РПСЦ.

В Троицкой-Суворецкой обители монастырское служение не восстановлено (то есть в том месте, где раньше активно шла иноческая жизнь старообрядцев). Но при этом Суворецкая пустынь каждый год принимает паломников-старообрядцев, хотя изначально здесь был установлен крест от представителей РПСЦ.

Палеостровский монастырь сейчас восстанавливается, но восстановление идет по инициативе РПСЦ (хотя старообрядцы почитают это место и совершают сюда паломничества). Мы видим, что освещая эту тему, поднимается большое количество вопросов и сложностей. Изучение такого явления как старообрядчество немыслимо без нашего понимания масштаба сакрального пространства Севера России в целом и исследования истории отдельных монастырей в частности. Троицкая-Суворецкая пустынь и Корнилие-Палеостровский монастырь имеют большое значение для сакрального пространства Карелии и представляют особую ценность для изучения развития старообрядчества в крае. Поэтому, исследование этих монастырей может внести неоценимый вклад в изучение истории РПСЦ и ее отношений с РПСЦ как в веке XVII так и на сегодняшний день.

Источники и литература

Опубликованные источники

Житие протопопа Аввакума ; Житие инока Епифания ; Житие боярыни Морозовой. – СПб. : Глаголь, 1994. – 219 с.

Неопубликованные источники

Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкого пустынножителя, создавшего прежде обители при реке Суне на острове Виданском во Олонецких пределах [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: http://starover.boom.ru/kiril_suna.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. – (нет). – (Дата обращения: 25.11.2007).

Литература

1. **Воронов, А. П.** К истории Троицкой Суворецкой пустыни // Олонецкие губернские ведомости. – 1900. – № 60.

2. **Зеньковский, С. А.** Русское старообрядчество / С. А. Зеньковский. – М. : Институт ДИ-ДИК, 2006. – 688 с. : ил.

3. **Камкин, А. В.** Православная церковь на Севере России : очерки истории до 1917 года / А. В. Камкин. – Вологда : Волог. гос. пед. ин-т, 1992. – 163 с.

4. **Мельников, Ф. Е.** Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. – Минск : Изд-во БГПУ, 1999. – 368 с.

5. **Мильчик, М. И.** Островные монастыри Русского Севера в иконографии XVI – начала XVIII века // Святые и святые северорусских земель (по материалам VII научной региональной конференции). – Каргополь : Каргопол. гос. ист.-архитект. и худож. музей, 2002. – 316 с.

6. **Озерецковский, Н. Я.** Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя / Н. Я. Озерецковский. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1812. – 559 с.

7. **Олонецкая** епархия: Страницы истории / Петрозав. и Карел. епархия, Нац. архив РК. – Петрозаводск, 2001. – 253 с.

7. **Островский, Д.** Виданский остров на реке Суне и его значение в истории поморского раскола // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1898. – № 12. – 38 с.

8. **Старообрядчество** в России (XVII–XX вв.). – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 456 с. : ил.

¹¹ Поморцев Ф. Ф. Палеостров. Крест, поставленный старообрядцами, хотели снести ... но передумали [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://pomorian.narod.ru/module6/module203.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. – (нет). – (Дата обращения: 12.12.2009).

Интернет-ресурс

1. **Езеров, А.** О наших недостатках. Нemoшь современного старообрядчества [Электронный ресурс] / А. Езеров. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=715>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. (Вторжение. – 2001. – № 2). – (Дата обращения: 11.01.2010).
2. **Кортава, Т. В.** Словесная школа Выговской пустыни как отражение языковых и культурных традиций допетровского времени [Электронный ресурс] / Т. В. Кортава. – Электрон. ст. – [Самара]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. (Т. В. Кортава. Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 240–248). – (Дата обращения: 31.03.2009).
3. **Поморцев, Ф. Ф.** Палеостров. Крест, поставленный старообрядцами, хотели снести ... но передумали [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://pomorian.narod.ru/module6/module203.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. – (нет). – (Дата обращения: 12.12.2009).
9. **Сказание** о Павле епископе Коломенском (из «Истории о бегствующем священстве» Ионы Курносого) [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/60-1-0-720>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. – (нет). – (Дата обращения: 6.12.2009).
10. **Урушев, Д. А.** Апостол града Коломны [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – [М.]. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/60-1-0-720>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Аналог печат. изд. – (нет). – (Дата обращения: 6.12.2009).

*Скобелев Олег Александрович,
старший научный сотрудник отдела Истории и этнографии
музея-заповедника «Кижь»*

Планировка и хозяйственные постройки усадьбы братьев Елизаровых в деревне Потаневщина Кижской волости Петрозаводского уезда в первой трети XX в.

Дом Константина и Григория Алексеевичей Елизаровых был перевезён в основную экспозицию музея-заповедника «Кижь» в 1961 г. Дом был построен, вероятно, их дедом в конце 1860-х гг., перестроен, предположительно, после пожара в 1880 г. Тип дома – кошель, то есть жилая и хозяйственная части расположены под общей асимметричной крышей; жилая часть одноэтажная на высоком подклете.¹

К настоящему времени в экспозиции под открытым небом на о. Кижь сформирована «усадьба Елизарова», состоящая из дома, перевезённого из деревни Потаневщина, бани, перевезённой из деревни Усть-Яндома и косой изгороди вокруг приусадебного участка. Приусадебный участок не возделывается. В таком неполном виде усадьба существует уже много лет. Восстановление подлинного облика усадьбы братьев Елизаровых в музее-заповеднике «Кижь» представляет большой практический интерес, прежде всего в плане воплощения в реальность разработок по планировке крестьянских усадеб Заонежья, традиционному хозяйству и малым архитектурным формам.

Подробным устройством усадьбы Елизаровых мы заинтересовались в 2005 г., когда появилась теоретическая возможность устроить садовые гряды и огород у перевезённого на о. Кижь дома Елизаровых. Были записаны четыре беседы с единственной ныне здравствующей дочерью К. А. Елизарова Клавдией Константиновной Семёновой (Елизаровой), 1926 г. р., в ходе которых выяснены многие вопросы, касающиеся планировки и внешнего вида строений усадьбы, их взаимного расположения, изгородей, тропинок и пр. Также были сделаны выписки из записей бесед с Анной Константиновной Елизаровой (1918–2001) и К. К. Семёновой, хранящихся в Научном архиве музея «Кижь».

Кроме того, в июне 2005 г. в ходе работы в деревне Потаневщина, переставным метром были обмерены следы прежней усадьбы Елизаровых. Появилась возможность составить схему взаимного расположения построек подлинной усадьбы. Конечно, работа по выяснению облика усадьбы Елизаровых на начало XX в. ещё не закончена, но необходимый минимум сведений по вопросу «как же была обустроена усадьба Елизаровых в предколхозный период?» уже получен.

¹ Кижь : путеводитель по музею-заповеднику / сост. Мельников И. В., Воробьёва С. В., Калашникова Р. Б. – Петрозаводск, 2001. – С. 75–77.

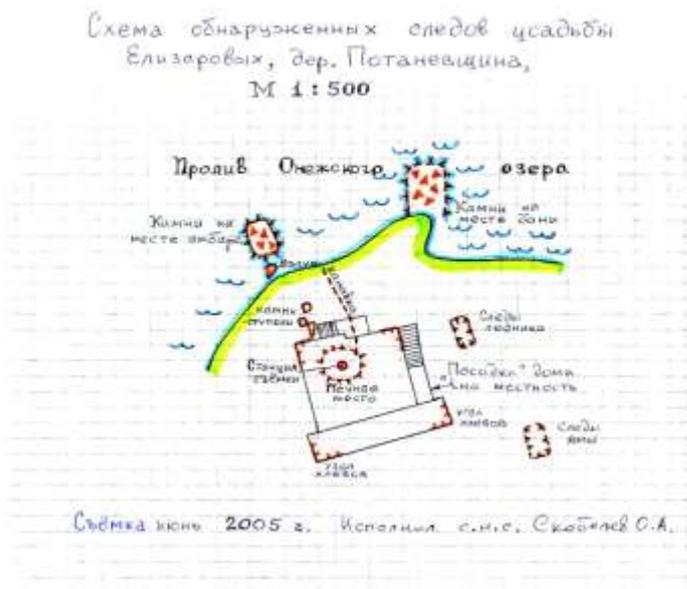

Рис. 1. Схема расположения следов усадьбы Елизаровых.

Описание самого дома Елизаровых мы приводить не будем, его можно найти в путеводителе по музею «Кижь» 2001 года издания. Важно заметить, что дом, имея размеры в плане примерно 23×23 м, занимал большую часть усадебного места – 529 из 980 кв. м. Дом был крайним в деревне, севернее его домов не было; а в целом в Потаневщине дома стояли «тесно» вдоль береговой линии – деревня насчитывала 22 дома. Согласно Строительному Уставу 1876 г. противопожарный разрыв между жилыми строениями должен был быть не менее шести саженей, то есть не менее 12,78 м (Устав Строительный 1876 г., раздел 7, ст. 475).

1. Краткое описание усадьбы Елизаровых первой трети XX в.

Исходя из собранных сведений и натурного обследования, можно заключить следующее:

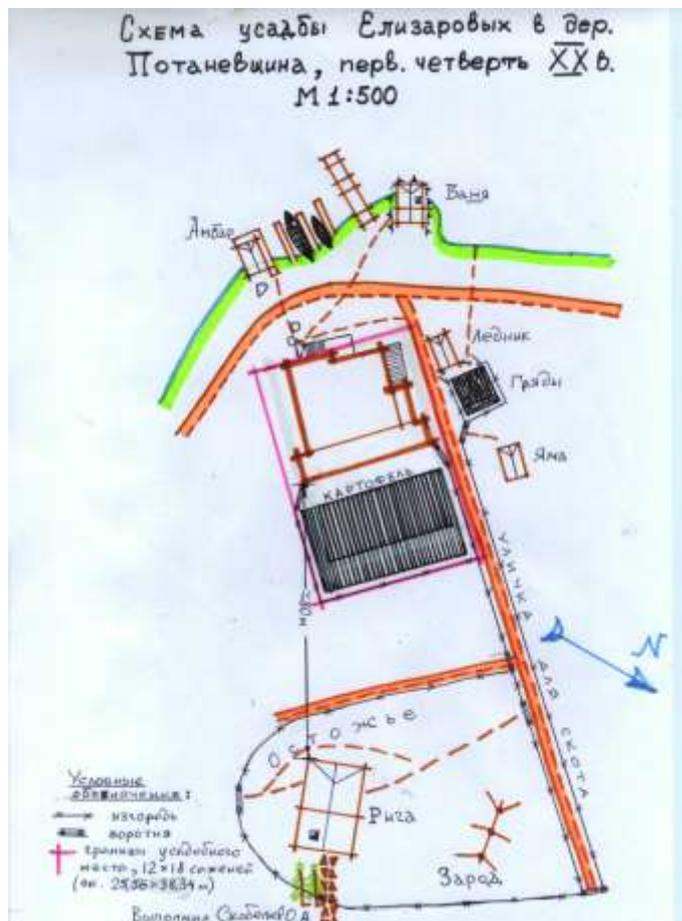

Рис. 2. Схема усадьбы Елизаровых первой четверти XX в.

1.1. Дом Елизаровых стоял на берегу пролива, недалеко от озера, так, что в год с высоким уровнем воды привязывали лодки к крыльцу. Фасад, выходящий на озеро, был обращён на ЮЗ.²

1.2. За хлевами, «на задворках», в 4–5 м от стены, начинался картофельный огород, который должен был укладываться в размеры отведённой, согласно Строительному Уставу, усадьбы – скорее всего, 12×18 сажень (сажень 2,13 м), т. е. 25,56×38,34 м. Эти размеры усадьбы – 12×18 сажень – являются типичными для деревень Кижской округи при отводе усадеб на рубеже XIX–XX вв.³ Таким образом, примерные размеры огорода равнялись 14×23 м (322 кв. м). С СЗ стороны огорода проходила улочка для прогона скота, шириной она была три метра, огорожена с двух сторон косой изгородью. Сам картофельный огород с остальных трёх сторон был огорожен, скорее всего, прямой изгородью в шесть жердей. Вход на огород был в виде столбовой воротни – двух столбов с отверстиями и жердями-раздвигушами. Пахали огород вдоль по склону, от озера.⁴

1.3. На берегу, против южного угла дома, был двухэтажный «двухширный» (с двумя дверями, на двух хозяев) амбар размерами, судя по остаткам камней, которыми был забутован «ряж», на котором он стоял, около 3,5×5 м по осям. Половина амбара стояла «на воде», половина – «на горе». К СЗ и ЮЗ стенам амбара примыкала пристань.⁵

1.4. Севернее амбара на берегу находилась небольшая пристань «в четыре досочки», использовавшаяся для хозяйственных нужд. За нею, дальше к северу, ещё две «скодни» («небольшенькие пристанюшечки»), у которых ставили лодки. Лодок было две: двухпарусная, длиной 7–8 м и однопарусная, длиной 5–6 м. Далее к северу находилась большая пристань, имевшая настил приблизительно 2 м в ширину и 12 м в длину.⁶

1.5. Севернее этой пристани находилась баня, западная стена которой была «на воде», а остальная часть на берегу, на основании, выложенном из камня.⁷

1.6. С СЗ стороны дома, недалеко от воды, находился ледник, за ледником, с СВ его стороны, располагались гряды. Ещё выше гряд – овощная яма. Между ямой и огородом проходила улочка для скота.⁸ Гряды были огорожены прямой изгородью, выход из гряд был в сторону озера, задёргивался он жердями.⁹

1.7. Улочка для прогона скота шла от дома на СВ и заканчивалась западницей, т. е. одно- или двустворчатыми воротами, верхняя петля которых была свита из берёзовой ветки, а роль нижней выполнял чурбан с дыркой.¹⁰ С ЮВ стороны к улочке примыкало «остожье» – ригача со стоящими невдалеке зародами (высокими неподвижными вешалами для сушки снопов), огороженная вместе с ними изгородью. Изгородь эта была местами прямая, а где и косая. Проезд сквозь остожье был сквозной, было две воротни столбовых, заволакивающихся жердями. Вдоль стороны остожья, обращённой к дому, проходила дорога. Общая длина улочки для скота была около 100 м. Между остожьем и огородом усадьбы находились хлебные поля.¹¹

2. Краткое описание бани Елизаровых.

«Баня была хорошая, большая». Стояла на основании, выложенном из камня, на небольшом мыске. ЮЗ стена бани была «на воды», основная часть сруба – на берегу. Размеры бани примерно 4×6 м по осям. Имела предбанник (привылеток) и мыльное помещение. Крышу имела тесовую двускатную симметричную, вероятно, по курицам и потокам, на рубленном щепце (рубленные фронтоны). «На вышке» (чердаке) были маленькие окошечки с двух сторон, в мыльне окно «нормальных» размеров на Ю сторону.¹²

Мостков у бани не было, вход был «прямо так», входная дверь посередине короткой ЮВ стены предбанника. Дверь из предбанника в мыльню смещена к ЮВ стене, печь-каменка в С углу мыльни, на некотором удалении от стен, в каменку вделан котёл. Топилась баня по-чёрному, дощатая труба (дымник) находилась над каменкой. Полок шёл вдоль СЗ стены мыльни и занимал 3 угол, вдоль ЮВ и ЮЗ стен, «углом» стояли лавки. Также в бане находились ковши, ушаты под холодную воду и, вероятно, деревянные шайки (до начала использования металлических тазов). Судя по всему, котёл был довольно большой, т. к. о нагревании воды в ушатах камнями информаторы не упоминают.¹³

3. Краткое описание амбара Елизаровых.

Амбар представлял собой четырёхугольный сруб с асимметричной тесовой крышей. Размеры сруба не менее 3,5×5 м по осям. На Ю сторону была собственно клеть, на С сторону – навес, опирающийся на три столба. Расположен был так: «половина на горы, половина на воде».¹⁴

² Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 2.

³ НА РК. Ф. 2, оп. 50, д. 59/34, л. 8–9, 13–14; д. 64/45,

⁴ Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 10.

⁵ Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 9.

⁶ Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 8.

⁷ Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 21.

⁸ Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 1.

⁹ Личный архив автора. Беседа с К. К. Семёновой 7 апреля 2008 г. Тетрадь 3. С. 116.

¹⁰ Научный архив музея «Кижы». НРФ-1133. С. 51–52.

¹¹ Беседа с К. К. Семёновой 6 апреля 2008 г. Архив автора. Тетрадь 3. С. 115.

¹² Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 7–8.

¹³ Там же. С. 21–22.

¹⁴ Там же. С. 8.

Вверху, под крышей, столбы соединялись бревном, лежащим, вероятно, на выпусках рубленного щепца (фронтон). Внутри клеть амбара была разделена надвое дощатой перегородкой. Половина, которая ближе к берегу, была за Григорием Алексеевичем, а та, которая в озеро – за Константином Алексеевичем. Внутри имелись лесенки на второй этаж, «на подволоку». Под навесом, на С сторону, были две двери, каждая вела в одну из половин амбара.¹⁵

Сруб был довольно высоким, т. к. внутри амбар был двухэтажным и, по воспоминаниям дочерей, их отец, К. А. Елизаров, будучи мужчиной среднего роста, свободно, не пригибаясь, в нём везде ходил.¹⁶

И вверху, и внизу стояли лари, муку держали на нижнем этаже, зерно – на подволоке.¹⁷

Под навесом, с СЗ стороны, с берега шла пристань, выходящая в озеро дальше сруба амбара и шедшая ещё и вдоль ЮЗ стены.

4. Краткое описание ледника Елизаровых.

Суда по оставшейся на месте ледника яме, его размеры были примерно 3×5 м по осям. По описаниям, это был сруб в 4–5 венцов, с рубленными щепцами (фронтонами), высотой от земли до конька крыши в рост человека (около 1,7 м). Крыша была тесовая двускатная. С ЮЗ стороны, на озеро, были довольно широкие двойные двери на петлях. И крыша и двери были плотные, добротные сделанные.

Под срубом была вырыта яма, стенки ямы обшиты досками. Весной, чаще всего в апреле, яму забивали практически доверху «пластами» озёрного льда, скатывая их в двери по доскам. Лёд укрывали сверху болотинной (осокой) или соломой. Лесенки вниз не было, льда было столько, что становились прямо на лёд, на него же ставили продукты.¹⁸ Тепловой тамбур между двумя дверями забивали также болотинной или соломой; кроме того, закрывали соломой двери снаружи – от солнца. Льду хватало до поздней осени.¹⁹

5. Краткое описание овощной ямы Елизаровых.

Яма располагалась на склоне повыше гряд, люк выходил на озеро, на ЮЗ. Яма была большая, в неё помещалось 5 тонн картошки (что равняется примерно 625 вёдрам или 156 мешкам). Яма имела двускатную симметричную тесовую крышу, опирающуюся на бревенчатый засыпной потолок. На потолок стелили утеплитель – болотину (сухую осоку), сено, солому – и засыпали его сверху землёй. С боков яма также засыпалась землёй.²⁰ Также известно, что в Заонежье для утепления на ямы ссыпали льняную костницу – она стойкая к гниению.

Фронтоны, скорее всего, были дощатыми. Вход закрывался приставным люком, который от солнечного излучения, вероятно, также прикрывали снаружи болотинной или худым сеном. За внешним люком, скорее всего, следовал тепловой тамбур с обшитыми стенками, заглублённый в землю, который заканчивался вторым, внутренним люком. За вторым люком находилась собственно холодная яма. Изнутри яма не была обшита досками, но для хранения картошки были сделаны засеки (отсеки). Было четыре засеки: мелкая картошка, для скотины – поближе к выходу, потом средняя, а дальше всего от выхода крупная; семенную картошку засыпали в отдельную засеку.

Лаз, где ходили, между двумя люками, забивали болотинной или соломой.²¹

6. Краткое описание риги Елизаровых.

Рига (ригача) у Елизаровых была своя, довольно просторная, состояла из двух частей: собственно риги (или сушилки) и гумна (его ещё называли и овином), где проводился обмолот. Представляла ригача из себя большой сруб, разделённый перерубом на две неравные части: гумно было значительно больше (примерно 8×9 м), а рига-сушильня меньше (примерно 6×9 м). Сушилка была обращена на СВ, имела три глухие наружные стены и одну дверь во внутренней стене, выходящую в гумно. Сушилка имела дощатый потолок высотой 3–3,5 м, позволявший ставить на просушку стоймя два ряда ржаных снопов друг над другом, колосники (жерди для усаживания снопов) и печь-каменку. Каменка находилась ближе к восточному углу. Основное пространство сушилки занимали передвижные жерди-колосники. Над каменкой в потолке было сделано волоковое отверстие с деревянной задвижкой и над ним, сквозь крышу, выведена дощатая труба.

Гумно имело три двери – по одной во всех стенах, кроме ЮЗ стены. Вход был в СЗ стене, напротив него, в ЮВ стене, была такая же дверь для выбрасывания наружу обмолоченной соломы. Третья дверь, в СВ стене, вела в сушилку, из неё подавали высушенные снопы для обмолота. Гумно не имело потолка. Пригузы (цепы), совки, лопаты, мётлы, грабли, грёбла и пр. хранились тут же в гумне – на крюках на стенах или ставились по углам.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Научный архив музея «Кижы». НРФ-1133. «Дневник экспедиции в Сенногубский сельсовет в июле 1986 г.» Воробьёвой С. В. С. 51.

¹⁸ Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 15–16.

¹⁹ Личный архив автора. Беседа с К. К. Семёновой 4 апреля 2008 г. Тетрадь 3. С. 115.

²⁰ Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 14–15.

²¹ Личный архив автора. Беседы с К. К. Семёновой 4 и 6 апреля 2008 г. Тетрадь 3. С. 115.

Крыша у ригачи была тесовая, двускатная симметричная, возможно, «по курицам и потокам». Окон не было.

Недалеко от риги, примерно в 20 м к северу, стояли зароды (вешала для сушки снопов на солнце), состоявшие из трёх столбов (то есть, двух прясел – пролётов), высота столбов превышала 5 м. Осенью на них вешали овёс. Рига вместе с зародами была обнесена изгородью, где косой, где прямой, составляя единое остожье, называемое так потому, что в нём ставили стоги хлеба до сушки и обмола. Остожье летом не выкашивали, а пасли в нём телят, овец с ягнятами, они и объедали траву.²²

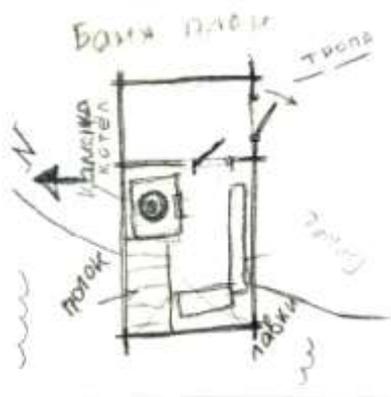

Рис. 3. План бани.

Рис. 4. Баня, вид с юга.

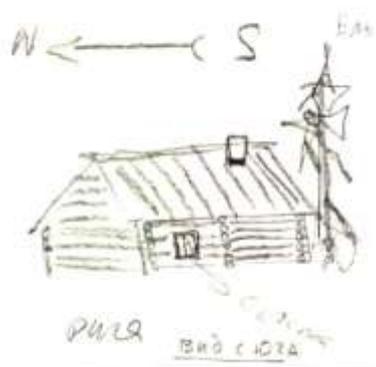

Рис. 5. Рига, вид с юга.

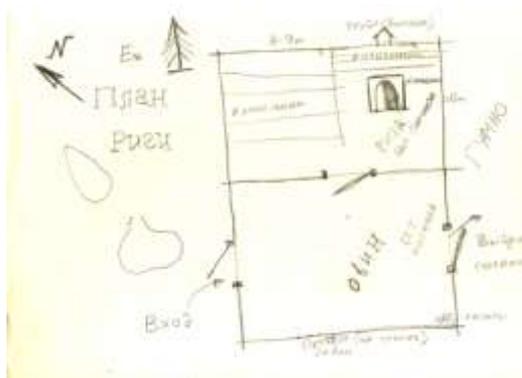

Рис. 6. План риги.

²² Личный архив автора. Расшифровка беседы от 06.05.05 с Семёновой (Елизаровой) К. К. С. 2–23.

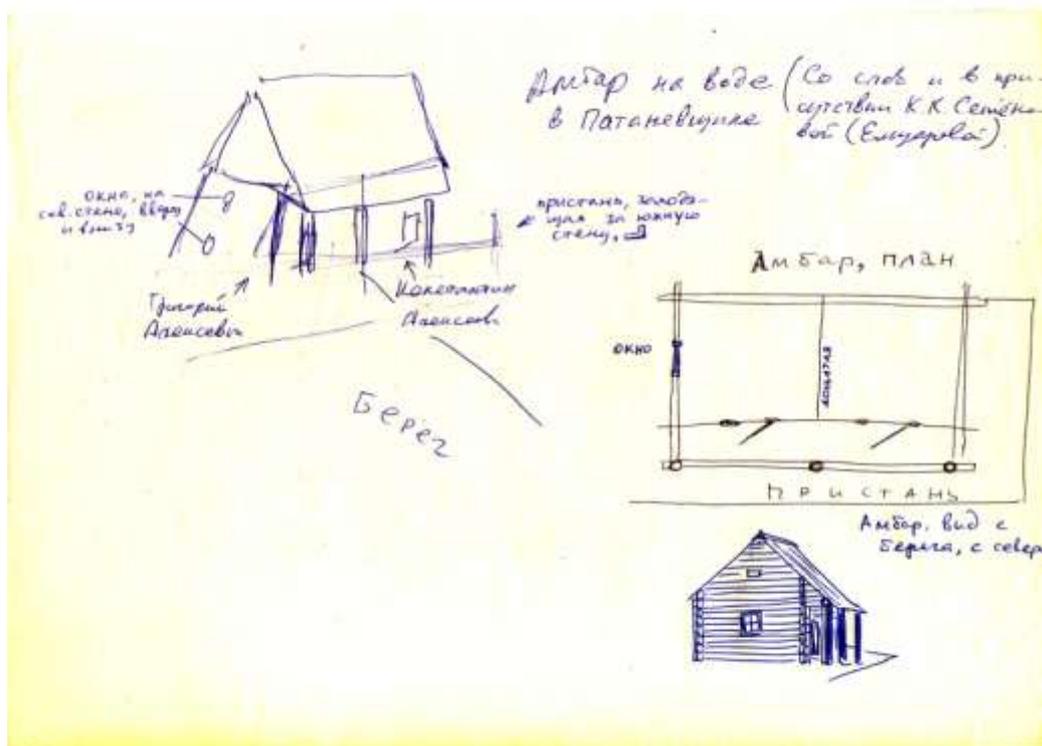

Рис. 7. Рисунки и план амбара, выполненные К. К. Семёновой (Елизаровой) и О. А. Скобелевым.

Рис. 8–9. Ледник колхозный в д. Воробы, 2007 г. Ледник Елизаровых выглядел примерно также.

Рис. 10–11. Картофельная яма в д. Зубово, 2004 г. Её устройство аналогично устройству ямы Елизаровых.

Таким образом, можно сказать, что в усадьбе Елизаровых имелись все основные хозяйственные постройки, характерные для береговых заонежских усадеб рассматриваемого времени: амбар, баня, ледник, яма. Принадлежащая же Елизаровым рига с гумном стояла на значительном расстоянии от дома и не входила в комплекс усадебных построек.

Конечно, амбары были далеко не у каждого крестьянина и указывали на хозяйственную состоятельность семьи. Интересно, что большинство амбаров во всех береговых деревнях стояли на воде²³ – и рыбные, и хлебные. По мнению местных жителей, в амбаре на воде зерно «не горит», не точится мышами, лучше защищено от пожара.

Характерно, что среди малых береговых форм отсутствует ворот для вытаскивания на берег лодок. Как говорит К. К. Семёнова, раньше они (вороты) тоже были, но «как-то не было принято» – «раньше ребята как молодые были, дак тащат её (лодку) хоть куда».

Расположение построек и возделываемых участков земли можно назвать наиболее удобным для ведения хозяйства крестьянской семьёй: ледник располагался поближе к воде, чтобы ближе было возить пласты льда, «грязня» овощные также располагались поближе к источнику полива. Овощная яма устраивалась повыше над уровнем озера, но всё равно её не делали глубокой, бревенчатые стены и потолок обкладывали утеплителем (сеном, соломой) и засыпали землёй. Такое «засыпное» устройство ям сохранилось в деревнях окрестностей о. Кизи и до сего времени.

Вся возделываемая земля в усадьбах огораживалась, чаще прямой изгородью; кроме того, общая деревенская изгородь, «юхтега» закрывала от берега до берега весь наволок (мыс), на котором находилась деревня. Концы юхтеги уходили в озеро, чтобы скот не мог обойти её по воде. Через юхтегу и изгороди между полями переходили по «переставальницам» – двум приставным лесенкам или доскам, приставленным к изгороди с обеих сторон.²⁴

Таковы наиболее примечательные особенности хозяйственных построек и планировки усадьбы братьев Елизаровых в деревне Потаневщина первой трети XX в.

*Воробьёва Евгения Анатольевна,
ФГУК Музей-заповедник «Кизи»,
сотрудник отдела истории и этнографии*

Выращивание и обработка льна в Олонецкой губернии. По материалам периодических изданий середины XIX – начала XX вв.

Впервые темой выращивания льна в Олонецкой губернии автор данной статьи занялся в 2008 году. В рамках программы «Ожившая экспозиция» сотрудники музея-заповедника «Кизи» среди прочих крестьянских ремесел решили представить традиционные процессы выращивания и обработки льна. Подобный опыт уже существовал в кижском музее. В конце 1970-х годов на о. Кизи выращиванием льна занималась В. А. Гущина, в 1987–1988 гг. – О. А. Набокова. В 2008 г. музеем была издана брошюра сотрудника отдела истории и этнографии О. А. Скобелева «Заонежский лён: как это было». В брошюре вошли воспоминания жителей Заонежья о том, как выращивали лён в первой половине XX в. В 2008 году мы обратились к практике льноводства по технологиям XIX в. Тогда же возникла необходимость теоретического обоснования темы.

Основным источником информации стали работы О. А. Набоковой: статья о переработке льна в «Кижском вестнике» за 2002 год¹ и экспедиционные записи 1980-х годов². Чтобы более полно представить, какое значение имел лен для крестьян Олонецкой губернии на рубеже XIX–XX вв., автор обратилась к периодической печати того времени и архивным источникам, хранящимся в Национальном архиве Республики Карелия. Статья написана на материалах «Олонецких губернских ведомостей» (ОГВ) и «Памятной книжки Олонецкой губернии на 1864 год», потому как эти источники наиболее полно раскрывают интересующую нас тему. Необходимо сказать, что в XIX в. каждая крестьянская семья выращивала лён для собственных нужд, и только в Пудожском

²³ Научный архив музея «Кизи». НРФ-1133. «Дневник экспедиции в Сенногубский сельсовет в июле 1986 г.» Воробьёвой С. В. С. 51.

²⁴ Личный архив автора. Беседа с К. К. Семёновой 6 апреля 2008 г. Тетрадь 3. С. 115.

¹ Набокова О. А. Выращивание и обработка льна крестьянами Пудожского уезда на рубеже XIX–XX вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. № 7. С. 67–85.

² Арх. № 1873, ф. 1, оп. 3. Набокова О. А. Беседы в Заонежье по теме: «Выращивание и обработка льна в Карелии». 1985–1987 гг. Музей-заповедник «Кизи».

Арх. № 1900, ф. 1, оп. 3. Экспедиционный дневник Набоковой О. А., ст. н. с. музея «Кизи». Экспедиционная поездка в Пудожский район 16–20 декабря 1985 г. Музей-заповедник «Кизи».

Арх. № 1901, ф. 1, оп. 3. Экспедиционный дневник экспедиции по Пудожскому району 27.10. – 01.11.1986 г. Музей-заповедник «Кизи».

уезде крестьяне разводили лён в промышленных масштабах. Именно поэтому в периодической печати того времени наибольшее внимание уделялось пудожскому льну.

Самые ранние сведения о разведении льна в Пудожском уезде находим в сообщениях Корреспондента Императорской Академии Наук Крестинина, который отмечал, что в окрестностях уездного города Пудожа «изобильно родится особливой доброты лен»³. Наибольший урожай льна крестьяне получали в следующих юго-западных волостях Пудожского уезда: Нигижемской, Пудожской, Песчанской, Купецкой, Шальской⁴, в деревне Устьколоде Пирзаковского общества, в Сумах, Кривцах, Острове, Филимонихе и других деревнях Коловской волости, Нигижемско-Пречистенской и Гакукской дачах Каршевского общества⁵, а также Андомской волости Вытегорского уезда⁶. По сообщению Крестинина, в 1788 году в Пудожском и Вытегорском уездах производилось до 60000 пудов⁷ льна, из них 40000 пудов шло на продажу⁸. В 1848 году только у государственных крестьян Олонецкой губернии сбор льна составил 35.520 пудов⁹. По данным ОГВ за 1855 год, количество продаваемого льна уменьшилось до 15000 пудов¹⁰. П. Н. Рыбников привел следующие цифры о количестве выращиваемого в уезде льна на 1860–1864 гг. В д. Каршево из 360 дворохозяев 150 выпаживали до 30 пудов льна, 60 человек – до 40 пудов, около 25 человек – более 60 пудов, из этих последних 5 человек выпаживали по 80 и по 100 пудов¹¹. В д. Остров Коловского общества 30 дворохозяев получали по 25 пудов, 5 – более 60 пудов и 1 – 100 пудов льна¹². По данным за 1864 год, пудожские крестьяне получали следующее количество льна: в Купецкой волости (600 дворов) – от 2000 до 2100 пудов, в Тубозере – от 100 до 120 пудов, в Рындозере – от 500 до 600 пудов, в Нигижме – от 8500 до 10000 пудов, в Гакуксе – от 600 до 700 пудов, в Коловском – от 5000 до 6000 пудов, в Кульгалах – от 500 до 600 пудов, в Суме – от 300 до 400 пудов, в Устьколоде – от 1000 до 1280 пудов, в Шале – от 1200 до 1300 пудов. Всего в указанных местах выпаживали от 19700 до 23400 пудов ежегодно¹³.

Семена льна в Пудожском уезде, в связи с климатическими условиями, созреть не успевали, поэтому их приходилось покупать в Псковской губернии¹⁴, в Ростове¹⁵ или в Риге¹⁶. Как правило, этим занимались богатые мужики, которые закупали 100–150 пудов семян льна, а потом перепродавали его своим соседям¹⁷. Был и другой способ доставки семян. Их привозили псковские мужики в город Пудожа и продавали там местным купцам, а те, в свою очередь, сбывали их крестьянам или развозили по деревням, но не дальше Купецкого погоста¹⁸.

Сеяли лен обычно в мае. Для этого чаще всего использовались подсеки. На определенном участке весной вырубали лес. Через год ветки и бревна сжигали, выкорчевывали пни, землю перепаживали, боронили и засекали семена. На подсеках лен родился длиннее, но зато волокно его было крупным и жестким. Так как через несколько лет лен на подсеках урождался гораздо короче прежнего, на третий год там обыкновенно сеяли хлеб. На пашнях лен вырастал короче, зато волокно его получалось мельче и мягче. На одну десятину¹⁹ высевали около 2 ½ пуда льна, он рос густо, семена не вызревали, но волокно получалось хорошим и качественным²⁰. Вспашка земли косулей оказывалась довольно поверхностной, земля достаточно не разрыхлялась. Зачастую семена, не прикрытые хорошо землей, вымерзали при поздних заморозках²¹.

Когда лен вырастал до ¼ аршина²², его начинали полоть. Убирали обыкновенно в период с 20 августа по 10 сентября, до наступления морозов, т. к. лен, прихваченный морозом, приобретал особые качества.

³ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Рыбников П. О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1860. № 32. С. 2.

⁶ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 29.

⁷ Пуд – 16 кг.

⁸ Там же.

⁹ О разведении льна в Олонецкой губернии в 1848 году // ОГВ. 1852. № 16. С. 7–8.

¹⁰ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 11. С. 36.

¹¹ Рыбников П. О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1860. № 32. С. 4.

¹² Там же.

¹³ О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком. Петрозаводск, 1864. С. 149.

¹⁴ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 32.

Рыбников П. О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1860. № 32. С. 3.

Рыбников П. Н. О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком. Петрозаводск, 1864. С. 146.

¹⁵ Дашков В. Описание Олонецкой губернии в Историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. Дашковым. СПб., 1842. С. 152.

¹⁶ Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии, составленный К. Бергштрессером. СПб., 1838. С. 68.

¹⁷ Рыбников П. Н. О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком. Петрозаводск, 1864. С. 146.

¹⁸ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 32.

¹⁹ Десятина – 80×30 сажень = 170, 688 м×64,008 м. 1 сажень = 2,13 м. Площадь одной десятины равна 10925,4 м², или 1 га и 9,25 соток.

²⁰ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 31–32.

²¹ Там же. С. 31.

²² Аршин – 0, 72 м.

Он имел красный оттенок, а после вымачивания становился мягким и окрашивался в черный или синеватый цвет²³. Богатые крестьяне старались выбрать его до 15 августа, чтобы сохранить мягкое и тонкое волокно²⁴. К тому времени лен мог достигнуть высоты 70 см, при средней длине 55 см.²⁵ При смене семян он мог вырасти до 125 см.

Семенные коробочки (колоколки) отделяли от стебля при помощи бросальницы – деревянной доски с деревянными или металлическими зубьями²⁶. Колоколки сушили дома прямо на полу и убирали в корзины, которые хранили в амбарах или подклетьях до марта месяца. Затем семена вымолачивали, складывали обратно в корзины и хранили их до посева²⁷.

После отделения колоколки льняные стебли необходимо было вымочить в воде. Для этого устраивали мочила (мочища). Специальных ям (м. н. – копанцев) для мочения крестьяне не делали, особых помещений для замачивания тоже не устраивали. Мочили прямо в озерах или реках. Снопы укладывали в воду – от 1 до 3–4 и более друг на друга²⁸, сверху прижимали камнями и другими тяжелыми предметами, чтобы лен не всплывал.

Интересно, что в одном месте лен мочили не более двух раз. Лен, вымоченный в озерах, всегда окрашивался белым цветом, а вымоченный в реках мог быть разного цвета. Это зависело от свойств воды²⁹. Наилучшей считалась ранняя или меженная³⁰ мочка. Позднее замачивание было вредно для льна из-за ранних морозов, ведь во время заморозка лен из воды вынимать нельзя. Смысл вымачивания состоял в том, чтобы в процессе ферментации (гниения) от стебля начали легко отделяться волокна. Готовность вымоченного льна определяли взятием проб, что у пудожских крестьян называлось опытками³¹.

Когда волокно начинало хорошо отходить, лен вынимали из воды и расстилали в полях, затем его связывали в снопы и ставили их для просушки комлем вниз тут же на поле. Окончательно его досушивали в овинах в октябре месяце, после чего мяли на мялках, причем мятием льна занимались преимущественно мужчины, а трепанием женщины³². Мялка, или мялица, представляла собою подобие узкого корыта без дна на ножках, боковые части ее в Пудожье назывались шоками³³. С одного края прикреплялся язык, которым мяли волокно. После того, как основная часть костицы (одревесневших частей стебля) была отбита, лен еще раз мяли в бросальницах³⁴, которые имели такое же устройство, как и мялицы, только с более низкими ножками. После этого лен трепали трепалом³⁵ в той же бросальнице или просто на коленях. Трепало – это тонкий валеk длиной около 70 см, шириною 6–6,5 см. Трепанный лен сортировали по своему достоинству: белый к белому, красный к красному, синий к синему³⁶.

Несмотря на несовершенство способов, приемов и орудий, используемых крестьянами при переработке льна, его волокно получалось необыкновенно белым, тонким и прочным. Этими качествами лен обязан, прежде всего, превосходной почве, на которой произрастал, и отличным качествам воды, в которой он вымачивался³⁷.

Окончательная очистка и подготовка льна для продажи осуществлялась пудожским 3 гильдии купцом И. И. Малокрошечным на заводе в д. Бальбино (Бальбинской) Шальского погоста³⁸. В конце XVIII века, по свидетельству Крестинина, в окрестностях города Пудожа работало 5 заводов по очистке льна³⁹, к середине XIX в. остался только один завод Малокрошечного. Купец скупал почти $\frac{3}{4}$ всего добываемого в уезде льна. Завод его состоял из двух зданий. В одном находилось около 100 ручных трепальных станков, в другом складировался лен: сначала в виде сырца, затем уже обработанный (до 10000 пудов)⁴⁰. Работы на заводе начинались в феврале и заканчивались к началу полевых работ в мае. Работали крестьяне из окрестных деревень Шальского, Пудожского и Кулгальского погостов⁴¹. Лен заново трепался и сортировался на разряды по 1-му, 2-му и 3-му сортам, укладывался в тюки дляграничного отпуска. Тюки льна грузились в соймы, вмещавшие более 2000 пудов, и в июне месяце отправлялись к Петербургскому порту. Путь от д. Бальбино до Санкт-

²³ Рыбников П. О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1860. № 32. С. 3.

²⁴ Там же.

²⁵ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 32.

²⁶ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 32.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 33.

²⁹ Рыбников П. О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1860. № 32. С. 3.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Рыбников П. О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1860. № 32. С. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 4.

³⁷ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 33.

³⁸ Рыбников П. О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1860. № 32. С. 4.

³⁹ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 11. С. 36.

⁴⁰ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 34.

⁴¹ Там же.

Петербурга по реке Водле, Онежскому озеру, реке Свири, по Ладожскому каналу и реке Неве занимал от 20 до 50 дней⁴².

Трудно определить точное количество пудожского льна, шедшего на продажу. Крестинин указывал, что только в Негижемском, Пудожском, Песчанском, Купецком и Шальском погостах сбывалось до 40000 пудов в год.⁴³ В середине XIX в. основная часть льна скупалась промышленниками, кроме того, сами крестьяне отвозили его на продажу в Архангельскую губернию в село Сороку, в город Петрозаводск, на ярмарку в село Шуньгу Повенецкого уезда⁴⁴. Предположительно, в 1850–1855 гг. объем продаваемого льна составлял более 15000 пудов. Из них около 8000 пудов льна 1-го сорта отправлялось И. И. Малокрошечным за границу, 5000 пудов отвозилось в Сороку и 2000 пудов расходилось внутри самой Олонецкой губернии⁴⁵.

В начале 1860-х годов, по данным П. Н. Рыбникова, большая часть льна, 10000–15000 пудов, скупалась И. И. Малокрошечным⁴⁶, а затем после переработки, отправлялась в Петербург. Небольшие партии льна Пудожские крестьяне отвозили в Каргополь и в селения по реке Онеге, где выменивали его на хлеб. Кроме того, скупщики (м. н. – булныи)⁴⁷ отправляли лён в Вытегру, Петрозаводск, Поморье⁴⁸ и Шуньгу. В Поморье лён продавался за деньги, которые затем шли на уплату податей. Ежегодно сбывалось следующее количество льна: в Петрозаводск – 500–1000 пудов, в Вытегру – 400–500 пудов, в Каргополь – 1200–1500 пудов, в Шуньгу – 3000–5000 пудов (в 1859 г. льна было 1500 пудов, в 1860 г. – до 3000, в 1861 – до 4000, а в 1862 – до 4500 пудов)⁴⁹, в Онегу, Кемь, Суму, Поморье – 3000–5000 пудов, в Санкт-Петербург – 6000–8000 пудов. Всего на продажу шло от 15000 до 22000 пудов льна⁵⁰. С 1860 года начался сбыт льна на вологодские льняные фабрики, и в 1861 году было туда продано уже до 500 пудов⁵¹.

В XVIII веке лён 1-го сорта продавался по 2 рубля, а самого низкого сорта – по 1 р. 20 к. ассигнациями за пуд⁵². В 1855 году лён, шедший за границу, продавался на месте по цене от 1 до 1 р. 5 к., но не более 2 рублей серебром за пуд. В Сороке пуд льна стоил от 2 р. 50 к. до 3 рублей серебром⁵³. Если принять сравнительную ценность денег в 1788 и 1855 годах, то получится, что цена на лён возросла совсем незначительно. П. Н. Рыбников в 1864 году указывал, что средняя цена льна в 1859–1860 гг. при покупке у крестьян составляла: за 1 сорт – от 3 до 4 руб., за 2 – от 2 р. 50 к. до 3 руб., за 3 – от 2 р. до 2 р. 50 к. за пуд⁵⁴. Цена льна при продаже его торговцами была следующая: за 1 сорт – 5 руб., за 2 – от 4 руб. до 4 руб. 50 к., за 3 сорт – от 3 руб. 50 к. до 4 руб.⁵⁵

По самым приблизительным подсчетам, промышленники от перепродажи льна получали прибыли более рубля серебром с 1 пуда, в то время как крестьяне, выращивавшие лён, едва покрывали расходы на покупку семян. Хлеба, выращенного крестьянским семейством, хватало месяца на 3–4, затем его приходилось докупать. Хлеботорговцы отпускали крестьянам муку в долг, а оплату требовали льном, который забирали осенью следующего года за бесценок⁵⁶. Тогда крестьяне начали ограничивать свое льняное хозяйство, что привело к упадку, а в дальнейшем и к исчезновению этой отрасли промышленности.

Для того чтобы возродить льноводство в Пудожском уезде, предлагалось наладить доставку хлеба в уезд. Тогда прекратилась бы монополия хлебопромышленников и поднялись цены на лён. Для этого предлагалось пользоваться не только привычной дорогой для подвоза хлеба из Рыбинска, но и другим мало исследованным водным путем через Каргопольский и Пудожский уезды⁵⁷ по так называемому Кенскому волоку, который упоминался в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.⁵⁸ П. Н. Рыбников предлагал привлечь в Пудожский уезд капиталистов, которые могли бы конкурировать с местными скупщиками⁵⁹.

В XIX в. пудожский лён приобрел всемирную известность. Он экспонировался на Всероссийских и Всемирных выставках. Впервые лён и льняное семя демонстрировались на сельскохозяйственной выставке в Пет-

⁴² Там же.

⁴³ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 11. С. 36.

⁴⁴ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 9–10. С. 34.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Рыбников П. Н. О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком. Петрозаводск, 1864. С. 150.

⁴⁷ Булныя – торговец из крестьян, который разъезжает по деревням, скупает и берет на комиссию разные товары.

⁴⁸ Рыбников П. Н. О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком. Петрозаводск, 1864. С. 150.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 11. С. 36.

⁵³ Там же. С. 35.

⁵⁴ Рыбников П. Н. О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком. Петрозаводск, 1864. С. 150.

⁵⁵ Там же. С. 151.

⁵⁶ О льняном хозяйстве и льняной промышленности Пудожского уезда // ОГВ. 1856. № 11. С. 38.

⁵⁷ Там же. С. 39.

⁵⁸ Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 177.

⁵⁹ Рыбников П. Н. О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком. Петрозаводск, 1864. С. 152.

розаводске в 1838 году⁶⁰. Затем лен, льняное семя, а также изделия из льна «холст белый, тонкий, пачесный, рядный, белый для скатертей, средний, толстый... утиральники... пестрядь... крашенина»⁶¹ были представлены на сельскохозяйственной выставке Императорского Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге в 1850 г. Лен, привезенный из Олонецкой губернии был высоко оценен. Так, премию в 50 рублей серебром получил государственный крестьянин Пудожского уезда д. Островской Николай Александров. Бронзовой медалью был награжден государственный крестьянин Гаврила Бодухов «за представленные из Олонецкого уезда хорошие ячменную крупу и льняное семя»⁶².

В 1851 году в Лондоне состоялась Всемирная выставка промышленности, где приняла участие и Олонецкая губерния⁶³. Среди прочих произведений туда был отправлен «лен Карельский 1-го сорта» от Пудожского купца Ивана Малокрошечного, который удостоился похвального отзыва⁶⁴. Кроме того, «обработанный пудожский лён (от Малокрошечного)»⁶⁵ вошел в краткий список предметов из Олонецкой губернии, «образцы которых желательно и полезно иметь на Петербургской выставке»⁶⁶ 1860 г. В перечень предметов, отправленных на Всероссийскую выставку произведений сельского хозяйства и сельской промышленности в Москву в сентябре 1864 года вошел и «лен из Пудожского уезда... образцы растений, семян и вредных для льна растений...»⁶⁷.

К сожалению, с течением времени разведение льна в Олонецкой губернии пришло в упадок. В 1905 году в «Олонецких губернских ведомостях» была опубликована заметка пудожского крестьянина П. П. Пакшина⁶⁸, в которой он с горечью отмечал, что времена, когда пудожский уезд славился своим льном, канули в лету. П. П. Пакшин призвал «местного купца-благодетеля» помочь восстановить льняное производство и дать людям возможность зарабатывать деньги на месте, потому как мужики, пытаясь прокормить семью, уходили в отход в Петербург и другие места, «нередко возвращаясь домой с пустыми руками, внося в домашнюю жизнь болезни и дурные привычки»⁶⁹.

Опираясь на материалы периодической печати середины XIX – начала XX вв., можно сделать следующие выводы о разведении льна в Пудожском уезде Олонецкой губернии.

1. Наиболее благоприятными для разведения льна были почвы юго-западной части современного Пудожского района: г. Пудож, д. Филимоновская, д. Каршево, д. Нигижма, д. Гакукса, д. Колово, д. Каршево, д. Остров, д. Кривцы, пос. Авдеево и окрестности Купецкого озера, пос. Песчаное, пос. Шала.

2. Семена закупались крестьянами в Псковской и Новгородской губерниях, в Ростове.

3. Несмотря на довольно небрежную обработку льна, волокно получалось прочным, тонким и белым, во многом благодаря плодородию почв, где выращивался лен, и свойствам воды, в которой он вымачивался. За свои превосходные качества Пудожский лен был удостоен наград на Всероссийских и Всемирных выставках.

4. Постепенно количество выращиваемого льна в уезде уменьшалось. В конце XVIII века крестьяне выращивали до 60000 пудов льна, 40000 пудов из них шло на продажу, в 1848 году в целом по Олонецкой губернии было собрано 35520 пудов. В 1855 году в Пудожском уезде количество льна для продажи сократилось до 15000 пудов. В 1860–1864 гг. выращивалось 19700–23400 пудов. К 1905 году наблюдается совершенный упадок производства льна в уезде. Об этом свидетельствует и сокращение льнотрепальных заведений от пяти в конце XVIII века до одного к концу XIX в.

5. В начале XX века эта отрасль промышленности перестала существовать. По сведениям источников XIX в., причиной тому послужило уменьшение цен на лен на фоне роста цен на зерно, в результате чего выращивание льна перестало приносить крестьянам прибыль.

Такой предстает перед нами история развития льноводства в Пудожском уезде на страницах «Олонецких губернских ведомостей».

⁶⁰ Участие Олонецкой губернии в сельскохозяйственной выставке Императорского Вольного экономического общества, бывшей в Санкт-Петербурге в 1850 г. // ОГВ. 1851. № 16. С. 2.

⁶¹ Участие Олонецкой губернии в сельскохозяйственной выставке Императорского Вольного экономического общества, бывшей в Санкт-Петербурге в 1850 г. // ОГВ. 1851. № 24. С. 4.

⁶² Там же. С. 6.

⁶³ Произведения Олонецкой губернии, бывшие на всемирной выставке промышленности в Лондоне // ОГВ. 1851. № 32. С. 3–4.

⁶⁴ Награда пудожскому купцу на Всемирной выставке в Лондоне // ОГВ. 1852. № 22. С. 5–6.

⁶⁵ НА РК. Ф. 27, оп. 1, д. 2/24, л. 23, 1860 г.

Дело о доставлении в комитете Всероссийской выставки сельских произведений в Москве списка местных произведений сельского хозяйства и сельской промышленности. (02.03.1864 – 13.03.1864).

Проект учреждения временного вспомогательного Олонецкого комитета выставки.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ НА РК. Ф. 27, оп. 1, д. 2/24, л. 14, 1864 г.

Дело о доставлении в комитете Всероссийской выставки сельских произведений в Москве списка местных произведений сельского хозяйства и сельской промышленности. (02.03.1864 – 13.03.1864).

Список произведений сельского хозяйства и сельской промышленности Олонецкой Губернии.

⁶⁸ Пакшин П. П., крестьянин. Наше льняное производство. (Из Пудожского уезда) // ОГВ. 1905. № 30. С. 3.

⁶⁹ Там же.

Женские промыслы в Карелии (вторая половина XIX – начало XX вв.)

В данной статье мы рассмотрим женские промыслы на территории Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. Избранный временной отрезок отсылает нас, с одной стороны, к традиционным практикам патриархальной семьи, с другой – показывает, как развитие модернизационных процессов повлияло на важнейшую составляющую жизни любого крестьянина – трудовую деятельность. Территория дореволюционной Карелии – не только типичный пример окраины Российской империи, она также имеет близкое соседство и этническое родство с экономически более развитой Финляндией, с которой сложились тесные хозяйственные, в частности, торговые связи. Неравномерность заселения карелами территории Олонецкой и Архангельской губерний смещает центр нашего внимания к уездам, которые принято назвать «карельскими» – Повенецкий, Петрозаводский, Олонецкий в Олонецкой губернии и Кемский в Архангельской.

Экономическая ситуация в Олонецкой и Архангельской губерниях, как и везде на Севере, не благоприятствовала развитию сельского хозяйства – урожая зерна часто не хватало на год. Уровень обеспеченности хлебом значительно варьировался в зависимости от агроклиматической зоны. В южной части Карелии (Петрозаводский, Олонецкий, Пудожский уезды) он поднимался до 63 %, в средней (Повенецкий уезд) составлял 47 %, а в северной Карелии (Кемский уезд) опускался до 31 %¹. В остальное время крестьянские семьи были вынуждены закупать зерно в течение 2–6 месяцев в году. Однако, несмотря на неблагоприятные почвенные и климатические условия, экономически регион считался сельскохозяйственным, тогда как крестьяне составляли свыше 90 % населения края². Развитие промышленности сдерживалось отсутствием грунтовых дорог, а единственным крупнейшим промышленным предприятием края в пореформенные десятилетия XIX в. оставался казенный Александровский пушечный завод в Петрозаводске³.

Что же позволяло выживать крестьянам в таких суровых условиях? Не в последнюю очередь – наличие побочных промысловых занятий. Согласно переписи 1897 г., почти половина населения участвовала в различных ремесленных производствах (в Повенецком уезде этот показатель равнялся 61,7 %, в Кемском – 55,2 %⁴). Однако большинство крестьянских семей сочетали ремесленно-кустарное производство и сельское хозяйство. Только около 4,3 % не имели запашки⁵.

Прежде всего, определимся с терминами.

Ремесло – одна из форм обрабатывающей промышленности, предшествующая фабрично-заводской. Согласно авторитетной энциклопедии Брокгауза и Ефрона его главными признаками являются:

- преобладание ручной работы, применение небольших двигателей;
- на предприятии занято небольшое число работников (хозяин, мастер, подмастерья и ученики);
- сбыт продуктов – большей частью заказчикам, а не на рынок⁶.

Авторы исследования «Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии» ремесленниками называют лиц, нанимающихся в чужие мастерские или работающих дома, но по заказу от других мастеров⁷.

Под **кустарной промышленностью** понимается мелкая семейная организация производства продуктов на сбыт, существующая у крестьян-земледельцев в качестве вспомогательного промысла⁸. Соответственно, кустари – это лица, работающие на дому для сбыта на рынок⁹.

Кустарное производство пореформенной России прошло три основных этапа:

1. Производство товаров на ближайший рынок, куда они доставлялись самими производителями;
2. Поставки на более отдаленный рынок, связь с которым осуществлялась через торговых посредников – скупщиков;
3. Работа также на отдаленный рынок, но уже из сырья и материалов скупщиков. На последнем этапе кустари превращались фактически в наемных рабочих¹⁰.

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 260.

² Покровская И. П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 105.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 270.

⁴ Покровская И. П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 105.

⁵ Кораблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии (вторая половина XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2009. С. 5–6.

⁶ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXVI. СПб., 1899. С. 557.

⁷ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 5.

⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XVII. СПб., 1896. С. 121.

⁹ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 5.

¹⁰ Большая энциклопедия в шестидесяти двух томах. Т. 25. М., 2006. С. 36.

На территории Карелии в рассматриваемый период сосуществовали все три стадии. Однако чаще всего население активно пользовалось услугами скупщиков, отчасти из-за отсутствия удобных путей сообщения и «разбросанности» населенных пунктов, отчасти из-за незнания русского языка карельскими мастерами (и особенно мастерицами).

И последнее, что следует отметить относительно терминологии, это главное отличие между ремесленниками и кустарями, которое заключалось в том, что первые работали по заказу потребителей, а вторые – на рынок. В то же время не следует забывать о подвижности понятий «кустарь» и «ремесленник», особенно в условиях зарождения мелкого товарного производства в дореволюционной Карелии.

Традиционно промысловые занятия включали в себя рыболовство и охоту; отходничество; извоз; тягу судов; заготовку, вывоз и сплав леса и кустарные промыслы (изготовление обуви, колес, бочек, корзин, деревянной и глиняной посуды, сбор грибов, ягод и т. д.). Большинство дореволюционных и современных исследователей чаще уделяли внимание типично мужским видам промыслов, не только потому, что они были наиболее распространенными, но и потому, что сами исследователи-мужчины находились под влиянием гендерных стереотипов и связывали получение дохода именно и только с вкладом главы семейства (роль добытчика). Безусловно, в большинстве случаев это было именно так, однако мы можем обратить внимание на случаи, выходящие за рамки привычных представлений, а также рассмотреть некоторые традиционные виды женских промыслов.

В Российской империи процесс привлечения женщин в экономическую деятельность пришелся на конец XIX – начало XX вв. Именно в это время все большее количество крестьянок Карелии также втягиваются в отхожие промыслы. Из Олонецкой Карелии уходили на заработки в основном в город (Петербург, Петрозаводск). В Петербурге женщины работали рабочими, казенной и частной прислужкой, няньками, кухарками, портнихами, сиделками, сестрами милосердия, прачками, служащими. Женщины и девушки из южной Карелии составляли также немалую часть «капорок» – работниц, трудившихся летом на обширных пригородных огородах столицы. Для того, чтобы замужней женщине получить отдельный от мужа паспорт и уехать из деревни в Петербург, необходимо было представить в волостное правление разрешение от супруга¹¹. Крестьянки северной Карелии занимались традиционно развитым коробейническим промыслом, отправляясь вместе с мужем и детьми торговать в Финляндию. Некоторые из них уходили на зиму в финские города, где находили временную работу, дававшую средства для содержания семьи. Например, представительница рода рунопевцев Малинених Анни Лехтонен из д. Войницы в течение ряда зим в 1910-х гг. отправлялась на заработки в далекий финский город Оулу¹².

На страницах Вестника Олонецкого губернского земства в начале XX века появилась статья П. Успенского, который обратил внимание на распространение нетипичных для губернии женских промыслов. Так, например, в селе Кондуши Неккульской волости на промысел отправлялись женщины: «Они закупают там (в Петербурге – Ю. Л.) товар, – пишет автор, – затем, ходят лето по селам и деревням, распродают, что можно и возвращаются домой уже к осени, принося выручку не редко до 100 и 200 руб.»¹³ Торговали в основном тканями, кружевами, готовыми костюмами и другими вещами, рассчитанными на состоятельный класс. П. Успенский отметил двойственные последствия такого новшества. С одной стороны, экономическая целесообразность женского отходничества была очевидна: «И сельское хозяйство не падает, и деньги зимой есть»¹⁴. С другой – автор пишет о расшатывании традиционной модели семьи: «дома такая промышленница держит себя очень независимо. От нее приходится хозяину брать деньги на нужды дома, она же и справляет свадьбы, выдавая замуж дочерей»¹⁵. Таким образом, отходничество имело неоднозначные социальные последствия, вело к появлению нового типа семейных отношений: «подобное распределение ролей даже современные россияне относят скорее к «американскому типу» семьи!»¹⁶ Однако, необходимо отметить, что женское отходничество не было широко распространено в Олонецкой губернии, поэтому и его последствия носили скорее локальный характер, не затрагивая соседние селения Неккульской волости. Этот же автор сообщает, что в селе Мегреге был еще женский промысел, но уже домашний – плетение соломенных шляп. Сбывали изделия приезжающему специально для этого скупщику. Но труд оплачивался плохо – по 4 коп. за штуку, а в день успевали сделать 3–4 шляпы.

Этот вид промысла пользовался популярностью еще в третьей четверти XIX в. Техника производства соломенных шляп была освоена крестьянином Михаилом Васильевичем Тарасовым (Соколовым) из деревни Гамар-Горы Мегрецкого общества. В его доме была забыта шляпа финского пастуха. По ее образцу Соколов сам сделал шляпу. Но, будучи зажиточным крестьянином, он предпочел не сам заниматься этим ремеслом, а обучить ему бедную крестьянскую девушку Наталью Федоровну Пименову, а та, в свою очередь, научила этому мастерству своих мать и сестру и, таким образом, они первые начали делать из соломы шляпы для продажи.

¹¹ Трифонова Л. В. Отходничество заонежан в Петербург в конце XIX – начале XX века // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. № 5. С. 42–53.

¹² Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007. С. 37.

¹³ Успенский П. Женские промыслы в Олонии // Вестник олонцкого губернского земства. 1909. № 24. С. 17.

¹⁴ Успенский П. Женские промыслы в Олонии // Вестник олонцкого губернского земства. 1909. № 24. С. 17.

¹⁵ Успенский П. Женские промыслы в Олонии // Вестник олонцкого губернского земства. 1909. № 24. С. 17.

¹⁶ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007. С. 37.

Постепенно количество лиц, занятых производством соломенных шляп увеличилось и товар стали сбывать не только в пределах Олонецкого уезда, но и везли на продажу в Петербург, где брали за одну шляпу от 15 до 30 копеек¹⁷. В конце XIX в. производством соломенных шляп занимались в более 4700 человек Олонецкого уезда (Неккульская и Рыпушкальская волости)¹⁸. Работали в основном подростки – мальчики и девочки. Мужчины не принимали участия в работе; женщины же работали урывками, в свободное от других занятий время.

Однако с конца XIX в. популярность изделий стала падать. Скупщики требовали плести солому тоньше, однако население пренебрегало советом торговцев. Плести по петербургским образцам – сложная и кропотливая работа, но платили за нее мало. В селении Мегреге плести солому по петербургским образцам умели только две девочки¹⁹. Кроме того, излишек товара на рынке породил не только понижение цен (4 коп. за штуку²⁰), но и снижение спроса на соломенные шляпы. Поэтому скупщики вынуждены были искать новые рынки сбыта – Ревель, Москву, Одессу, Варшаву²¹. От окончательного прекращения развития этого вида промысла спасли «бойкие кондушские крестьянки». До 350 женщин ежегодно отправлялись на заработки в Петербург, где торговали в разнос нитками и кружевами. По пути они забирали и соломенные шляпы на комиссию. Так, благодаря посредничеству кондушских крестьянок, кое-как поддерживался сбыт шляп, причем лучше всего покупались пестрые шляпы с широкими полями²². Соломенные изделия Матрены Коммисаровой из д. Сюръя Неккульской волости были представлены в 1900 г. на Парижской Всемирной выставке и удостоены большой серебряной медали²³.

Но если женское отходничество было скорее социальной проекцией развития экономических отношений и женщины в этой сфере еще не могли составить заметную конкуренцию мужчинам, то традиционные для женщин ремесленные занятия стабильно развивались. К традиционным женским занятиям следует отнести прядение, ткачество, вязание, вышивание, беловшейное мастерство, золотошвейное, кружевное. По подсчетам Н. А. Кораблева, из 645 мастериц Олонецкой губернии 417 находились в карельских уездах²⁴. География распространения того или иного вида промысла зависела от степени близости к центрам продаж (Санкт-Петербургу, Петрозаводску). Например, в Рыпушкальской волости Олонецкого уезда занимались прядильно-ткацким, вязальным, вышивальным, кружевным ремеслами, в то время как в Поросозерской волости Повенецкого уезда – только вязальным²⁵. Наиболее популярным оставался прядильно-ткацкий промысел, однако большинство изделий по-прежнему шло на удовлетворение потребностей семьи и только излишки продавались. Например, продажей ниток занимались только крестьянки селения Кондуши Неккульской волости. Нитки сбывали ранней весной в Петербург по ценам: фунт 50 коп., моток 10 коп., пасмо²⁶ 2 коп.²⁷ Причем работали женщины на прялках «первобытного устройства». Кроме того, в связи с ограниченным кругом покупателей, крестьянки вынуждены были продавать свой товар за полцены²⁸.

Вышивальным промысел мастериц Карелии высоко ценился даже в столице. В 1879 г. с успехом экспонировались вышитые полотенца Степаниды Афанасьевой (Мелеховой) из с. Горки Кондопожской волости и Ирины Михеевой из д. Тарасы Великогубской волости на Московской антропологической выставке²⁹. Вышивка платков золотом в начале XIX в. оценивалась в 100 руб. и более за штуку, в конце XIX в. за 3 месяца

¹⁷ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 74.

¹⁸ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 75.

¹⁹ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 75.

²⁰ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 100.

²¹ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 75.

²² Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 79.

²³ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 100.

²⁴ Кораблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии (вторая половина XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2009. С. 32.

²⁵ Подсчитано по: Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 85–86.

²⁶ Пасмо – одна из частей, на которые делится моток пряжи.

²⁷ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 98.

²⁸ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 99.

²⁹ Кораблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии (вторая половина XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2009. С. 35.

(с 1 апреля по 1 июля) мастерица делала около 10 платков, заработок ее составлял около 80 руб³⁰. В целом же, мастериц по золотошвейному промыслу к началу XX в. насчитывалось единицы. А. П. Косменко отмечает, что технику золотошвейных вышивок северные карелки, вероятнее всего, переняли от сумпосадских золотошвейных ремесленников. Она рассказывает о жительнице с. Шуезеро Евдокии Андроновой, работавшей в молодости в прислугах в Поморье, где она и научилась золотошвейной вышивке. Вернувшись, она зимой, «между делом», выполняла заказы на шитье повойников для свадеб и праздников³¹. О технике декорирования известно немного, поскольку этими видами шитья занимались лишь отдельные ремесленницы, работавшие по заказам местного населения. В первые десятилетия XX в. таких мастериц осталось уже немного³².

Кружевное производство только начинало появляться. В связи с этим следует отметить работы Татьяны Ивановны Риккиевой из Рыпушкальской волости Олонецкого уезда, которая в 1900 г. была удостоена серебряной медали на Парижской Всемирной выставке³³.

В целом, как видно, женские заработки были достаточно низки. В лучшем случае они доходили до 50–90 руб., но в среднем составляли 10–25 руб. в год при постоянном занятии ремеслом и 1–15 руб. при временном³⁴. Такой низкий уровень заработков зависел и от посреднической роли скупщиков, и от сокращения круга покупателей, и от возрастающей роли фабричных изделий. Но если с ростом фабричной конкуренции мастерицы не могли бороться, то участие скупщиков многие крестьянки пытались исключить. Так, жительницы Вытегорского уезда пешком ходили в Петербург, благодаря чему их заработок за 3–4 месяца составлял 30–60 руб³⁵. Иногда крестьянки перерабатывали изношенную материю, лоскуты в цветной половик, который продавали в Петербурге по 7–12 коп. за аршин (1 аршин – 0,7 м. – Ю. Л.)³⁶

Из отраслей кустарной промышленности, где были заняты мужчины, наиболее развитие получили промыслы, связанные с деревообработкой. К началу XX в. ими было занято (без учета Кемского уезда) 49 % (3,4 тыс.) всех кустарей³⁷.

В занятия портновским ремеслом были вовлечены как мужчины, так и женщины. Зарботки мужчин в среднем составляли 52 руб. за 5 месяцев работы, женщин – только 20 руб. за тоже время³⁸.

В тоже время мы можем говорить о росте экономической активности женщин: крестьянки быстро догоняли мужчин как по количеству сберегательных книжек, так и по суммам вкладов³⁹. В 1909 г. сумма всех вкладов женщин составляла 954,1 тыс. руб., у мужчин 1101,1 тыс. руб., то есть более 43 % составляли женские вклады⁴⁰.

Таким образом, проведенный анализ состояния женских промысловых занятий позволяет говорить о проникновении модернизационных процессов в карельскую деревню к концу XIX столетия. Несмотря на то, что это явление не носило повсеместного характера, появились и окрепли первые ростки экономической самостоятельности женщин.

³⁰ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 101.

³¹ Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002. С. 155

³² Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002. С. 155

³³ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 88.

³⁴ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 88.

³⁵ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 89.

³⁶ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 89.

³⁷ История экономики Карелии. В 3 кн. Петрозаводск, 2005. Кн. 2. С. 118.

³⁸ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 93.

³⁹ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007. С. 37.

⁴⁰ Копятевич В. Сбережения населения Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск, 1909. С. 253.

Кузнечное ремесло Кижской волости по данным архивных источников

Одним из самых древних видов ремесел было кузнечное. Кузнечное ремесло по праву можно считать той основой, на которой выросла экономическая культура Руси и России. В немалой степени именно этой отрасли производства мы обязаны росту экономико-политического потенциала России, что позволило ей в начале XVIII в. стать одной из промышленно развитых держав.

Совершенно естественно, что с ростом общественного разделения труда именно кузнецы стали первыми ремесленниками-специалистами, что именно их, творцов металла, народ окружил множеством различных легенд и поверий: кузнец-колдун, «хитрец», находится под покровительством русского Гефеста – бога Сварога; он может не только выковать плуг или меч, но и врачевать болезни, устраивать свадьбы, ворожить, отгонять нечистую силу от деревни.

Кузнечное ремесло Кижской волости, а шире Заонежья, до настоящего времени не было предметом отдельного исследования. Исключением является рукопись Л. М. Поповой «Кузнечное ремесло в Заонежье. Зарождение, становление, развитие»¹, хранящаяся в научном архиве музея «Кижь». В XIX веке в состав Кижской волости входило 47 ближайших к о. Кижь деревень (см. карту), которые ныне входят в охранную зону музея-заповедника «Кижь». На протяжении XVIII–XIX веков состав Кижской волости неоднократно менялся. Долгое время в нее входили Великогубское и Сенногубское сельские общества, расположенные в непосредственной близости от кижских деревень. Известно, что крестьян Кижей, Сенной Губы и Великой Губы объединяли не только родственные связи, но и общность хозяйственных интересов. В силу этого в данном докладе будут использованы материалы о кузнецах из сенногубских и великогубских деревень.

Одним из древнейших центров кузнечного ремесла на Севере Руси, а позднее России, бесспорно, являлся Великий Новгород, в котором развились свои собственные традиции обработки металла. Поскольку Кижская волость первоначально являлась центром Спасо-Кижского погоста Обонежской пятины, т. е. на территории бывших владениях Великого Новгорода, то можно предположить, что в навыках ремесла местных кузнецов сохранилась преемственность традиций обработки металла Древнего Новгорода. Для кузнечного ремесла Северной Руси характерно преобладание в производстве кузнечных изделий сварных технологических конструкций, основанных на сочетании стального лезвия и железной основы. Наиболее ярко эволюционные изменения в конструкции и технологии железных предметов проявились на ножах – универсальном орудии труда, которые, являются одной из самых массовых археологических находок².

Это, в какой-то степени, подтверждают археологические раскопки 2009 года, проведенные археологами музея-заповедника, К. Э. Германом и И. В. Мельниковым, на о. Кижь на месте древнего поселения «Большой двор на низу у часовни» (ныне д. Васильево), первоначально принадлежавшего одному из новгородских бояр Луке Федорову³.

По предварительным данным там была обнаружена кузница XIV–XVI вв. Среди большого количества находок, в раскопе был найден нож, предположительно относящийся к новгородскому типу, однако подтвердить это можно будет после проведения соответствующей экспертизы.

К сожалению, в общей своей массе архивные документы XVI–XIX веков, дают весьма скудную картину жизни деревенских ремесленников, ограничиваясь только перечислением кузниц и, иногда упоминаниями о специализации мастеров.

В данном докладе были использованы следующие исторические источники, которые позволили частично проследить традицию кузнечного ремесла на выделенной территории с XVI в. по нач. XIX в. К ним относятся: **1.** Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.⁴, **2.** Карелия в XVII веке. Сборник документов / сост. Р. Б. Мюллер⁵, **3.** Повенецкая таможенная книга 1612 г.⁶ **4.** Ведомость о числе кузниц, находящихся в Кижской

¹ Попова Л. М. Кузнечное ремесло в Заонежье. Зарождение, становление, развитие. Музей «Кижь», 2005. Ф. 1, оп. 3, инв. № 2830.

² Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://read.aif.ru/pages/read_book_online?page=1&art=180754&fontsize=18.

³ В тексте писцовой книги 1563 года не сохранилось начало описания Спасо-Кижского погоста, но, судя по более позднему названию поселения «Лукинщина», оно входило в состав владений именно этого новгородского боярина.

⁴ Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

⁵ Карелия в XVII веке : сб. док. / сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. С. 442.

⁶ Чернякова И. А. Повенецкая таможенная книга 1612 г. [Электронный ресурс] / И. А. Чернякова // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2006. Режим доступа: <http://illmik.petsu.ru/news/Documents/6BC8170F-9C1C-4612-8238-E93BB733ECA6.html>.

волости Петрозаводского уезда⁷, 5. Олонецкий Губернский Статистический комитет. Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях по Олонецкой губернии⁸.

Данные писцовых и переписных книг позволили выявить первые упоминания о деревенских ремесленниках, а также упоминания об особенностях их хозяйственного положения. Материалы же более поздних документов зачастую просто перечисляют ремесленников, занимающихся кузнечным ремеслом в данном районе, с упоминанием деревень, в которых они проживают. Информация о производимой продукции отсутствует полностью, говорится лишь о стоимости кузницы в целом и сколько кузнец зарабатывал в год⁹.

Первые документы, упоминающие деревенских ремесленников Заонежья, относятся к концу XV века. Это Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. В материалах переписи 1496 года встречаются упоминания о кузнецах «Никольского погоста на Шуе»: «Дер. в Кондопоге ж» из 5 дворов среди которых двор кузнеца – «Лутьяно кузнец»¹⁰, «Поч. в Мунозере жи Омелянка кузнеца: двор пуст, пашут наездом, сеют в поле ржи пол-четвертки...»¹¹. Писцовая книга 1496 года сохранилась не полностью, в ней отсутствуют сведения о Кижском погосте.

Первое упоминание о ремесленниках Кижского погоста вообще, и о кузнецах в частности, встречаются в Писцовой книге за 1563 год: «Дер. на Великой губе Кобылинская да Жеребцовская» из 2 дворов среди них двор «Тараско Васильев кузнец да его дети Петрушка да Мартюшка»¹². Судя по всему, это был достаточно зажиточный человек, поскольку он упоминается как владелец амбара в Повенце. Этот факт свидетельствует о том, что кроме земледелия и ремесла он занимался и торговлей: «Да того же Николы Вяжитцкого монастыря на Повенцы на полуобежьюнй земли на писменной поставлены... Амбар из Кижские волости царя великого князя крестьянина Тараска кузнеца, молодого ч.[человека], в длину 3 сажени, поперег то ж»¹³.

Повенецкий рядок был одним из центров торговли Заонежских погостов, куда съезжались крестьяне из разных волостей. Данные о том что, крестьяне Кижской волости так же приезжали на Повенец с торговыми целями, мы находим в Повенецкой таможенной книге 1612 года: «Февраля в 11 день привез от моря на Повенец Кижского погоста Онтон Захарьев 4 возы, а в них соли 96 пуд...» и далее: «Того ж дни (Марта в 15 день) проехали от моря мимо Повенец Кижского погоста крестьяне Сенка Якимов, Федотко Григорьев... провезли 15 возов, а в них соли 360 пуд»¹⁴.

По далеко не полным данным писцовых книг можно говорить о большом количестве ремесленников среди крестьян Обонежья. Писцовые книги упоминают различных ремесленников: плотников и токарей, гончаров, портных, сапожников и рукавичников, но более всего кузнецов и кожевников. Подтверждение этому мы находим в Писцовых книгах по Толвуйскому: «Дер. на Карбе речке... (в)¹⁵ Огафонко шорник»¹⁶, «Дер. в наволоке у погоста словет Курготовская... (в) Спирко кожевник»¹⁷ и Шуньгскому погостам: «Дер. в Паеницах же... (в) Онисимко кожевник...»¹⁸.

Между тем, не подлежит сомнению, что именно кузнечное дело было очень распространено в Заонежье, богатом болотным железом, о чем свидетельствуют данные писцовой книги 1563 года: «Дер. на Толвуде ж в наволоке словет Копалино... (в) Сидорко кузнец»¹⁹ (Толвуйский погост). «Дер. Ходирилское, словет Перхино... (в) Ермолка Васильев кузнец да Юшко Сидоров»²⁰, «Дер. Целополе... (в) Савка Тимофеев кузнец да брат его Панфилко»²¹, «Дер. в Кевтине губе словет Кузнецовская... (в) Есипко Офромеев кузнец»²², «Дер. на Хаш-озери: Харка Каманов кузнец...»²³ (Шуньгский погост).

⁷ НАРК. Ф. 14, оп. 1, д. 4/2, 1867 г., л. 16. Ведомость о числе кузниц, находящихся в Кижской волости Петрозаводского уезда.

⁸ НАРК. Ф. 27, оп. 3, д. 59\524, 1916 г. л. 1. Олонецкий Губернский Статистический комитет. Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях по Олонецкой губернии.

⁹ НАРК. Ф. 14, оп. 1, д. 4/2, 1867 г., л. 16. Ведомость о числе кузниц, находящихся в Кижской волости Петрозаводского уезда.

¹⁰ Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 118.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Там же. С. 129.

¹³ Там же. С. 146.

¹⁴ Чернякова И. А. Повенецкая таможенная книга 1612 г. [Электронный ресурс] / И. А. Чернякова // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛИМИК. 2006. Режим доступа: <http://illmik.petrsu.ru/news/Documents/6BC8170F-9C1C-4612-8238-E93BB733E6A6.html>.

¹⁵ (в) – во дворе.

¹⁶ Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 140.

¹⁷ Там же. С. 141.

¹⁸ Там же. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 142.

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ Там же. С. 148.

²² Там же. С. 149.

²³ Там же. С. 150.

В Кижском погосте в нач. XVII века упоминание о кузнецах встречаются только один раз: «Пустошь чю была деревня на Коневе острове на Лукинской трети, а в ней пашет наездом деревни с Конева острова кузнец Докучайко Иванов...»²⁴. Но это не значит, что кузнецов было мало.

Так, например, в Кижской волости с XVI века существовала деревня Кузнецовская, название которой говорит само за себя. Хотя до XVII века в описании деревни нет никаких сведений о кузнецах, название поселения указывает, что в его основании участвовал представитель именно этой профессии. В книге «Карелия в XVII веке. Сборник документов», составленной Р. Б. Мюллер, приводится документ о местных кузнецах: «Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великие и Малые и Белье России самодержцу, бьет челом сирота твой Кижского погоста деревни Кузнецовской Митка Стафеев. В прошлом, государь, во 179-м году того ж Кижского конца деревни Корбы Бажен Федоров кузнец взял у меня сироте на подержанье наковалье на другой недели великого поста, а держать было ему тое наковалье до срока до Троицына дни того ж году, а кортом порядил он Бажен Федоров за то наковалье на всякую неделю по ножику по доброму... Да того ж погоста деревни Букалниковы Алексей Федухов нанял мне сироте из своих бревен кузнецу срубить...»²⁵.

Поскольку деревни Кузнецовская и Корба расположены в непосредственной близости друг от друга, то на основании этого документа можно предположить, что могли существовать различного рода профессиональные взаимоотношения между кузнецами разных деревень. Возможно, кузнец из д. Корба Бажен Федоров взялся за большой заказ, для исполнения которого необходима была еще одна наковальня, а у Митки Стафеева из д. Кузнецовская на данный момент кузница не функционировала, и он согласился дать свою наковальню в аренду. По другой гипотезе кузница в дер. Корба была только что построена, и ее хозяин еще не обзавелся нужным оборудованием.

Документы XVIII века, касающихся кузниц в деревнях окрестностей о. Кизи, пока найти не удалось.

Более подробно кузнечное ремесло раскрывают исторические материалы XIX – начала XX века. В Национальном архиве Республики Карелия хранятся документы о числе кузниц, принадлежавших крестьянам Кижской волости в середине XIX века:

1. дер. Егловской Ивану Васильеву Рогачеву.

2. дер. Кургеницы Петру Маркову Баранову.

3. дер. Пахтинского берега, д. Воробьи (?). В 1911 году кузница в этой деревне принадлежала Трофимову Федору Федорову.

В это же время в ближайшем от о. Кизи Сеногубском сельском обществе, которое раньше входило в состав Кижской волости, кузницы располагались в следующих деревнях:

1. дер. Гарницы Герасиму Иванову Оятеву.

2. дер. Любосельга Кондратью Сидорову Котьмину.

3. дер. Сельги Андрею Филиппову.

4. дер. Погостской Тихону Иванову²⁶.

Для сравнения, в начале XX века состав деревень занимающихся кузнечным ремеслом в окрестностях о. Кизи и деревнях Сенной Губы немного поменялся:

Кижская волость:

1. Титов Тимофей Федоров, дер. Шуйно.

2. Рисанов Андрей Гаврил, дер. Кургеницы.

3. Медведев Мих. Евсеевич, дер. Гевес-Наволоок.

4. Вавилины Петр, Григорий и Иван Васильев, дер. Телятниково.

5. Трофимов Федор Федорович, дер. Воробьи.

6. Паслов Григорий Иванов, дер. Сычи.

7. Беканин Яков Кузмич, дер. Феньково.

8. Дектярев Васил. Григор, дер. Кургеницы.

9. Мальков Федор Яковлевич, дер. Мальково.

Сеногубская волость:

1. Грешников Петр Иванов, дер. Обельщина.

2. Киселев Андрей Фадеев, дер. Южное Леликово.

3. Монастырь, дер. Клименицы.

4. Котлин Дмитрий Федор, дер. Дальняя Любосельга²⁷.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, д. 8554, 1616 г., л. 199, 200.

²⁵ 1680 г. не позднее октября 20. – Челобитная крестьянина Кузнецовской деревни Кижского погоста Дмитрия Стафеева о привлечении к суду крестьян Бажена Федорова и других за неуплату ему кортомных денег за наковальню и землю и невыполнение обстоятельств по постройке кузницы и пр. // Карелия в XVII веке : сб. док. / сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. С. 254.

²⁶ НАРК. Ф. 14, оп. 1, д. 4/2, 1867 г., л. 16. Ведомость о числе кузниц, находящихся в Кижской волости Петрозаводского уезда.

²⁷ НАРК. Ф. 27, оп. 3, д. 59\524, 1916 г., л. 1. Олонецкий Губернский Статистический комитет. Сведения о торговых, промышленных и промысловых заведениях по Олонецкой губернии.

В настоящий момент в фондах Музея-заповедника «Кижь» хранится множество различных предметов из черного металла, сделанных при помощи ручнойковки: это серпы, вилы, косари, таганки, остроги и т. п. Авторство большинства из них определить невозможно. Только несколько предметов несут на себе клеймо мастера, изготовившего их: 3 косы горбуши и плотницкий топор канадского типа. К сожалению, они не относятся к территории Кижской волости, но были изготовлены в двух сенокубских кузницах, принадлежавших Трепалину В. из дер. Мигуры и Грешникову С. А. из дер. Обельщина (Клементьевская). Последняя из этих кузниц упомянута в вышеприведенном документе 1916 года.

В процессе изучения деревень Кижской волости, связанных с кузнечным ремеслом, выяснилось, что на планах деревень XVIII и XIX веков кузницы, как хозяйственные постройки не отмечались, они вообще не отмечены на картах. В настоящий момент жители деревень тоже не могут точно указать на месторасположения кузниц. Определение точного месторасположения кузниц дало бы возможность изучить, при помощи археологических раскопок, более подробно деревенскую кузницу. В 2008 году были попытки найти кузницу в д. Воробы, принадлежавшую Трофимову Федору Федорову, однако поиски результатов не принесли.

На основе полученных данных можно предположить, что кузнечное ремесло было достаточно распространено в Кижской волости и в соседних с ней деревнях, поскольку практически в каждой деревне имелся свой кузнец. В связи с тем, что среди всех предметов из черного металла, хранящихся в фондах музея-заповедника «Кижь», лишь несколько имеют клеймо производителя, пока невозможно говорить о какой-то специализации среди кузнецов. Также остается открытым вопрос о расположении зданий кузниц в деревнях. Летом 2010 г. планируется исследование деревень Телятниково и Мальково с целью определения местоположения кузниц.

Традиционное музыкально-инструментальное исполнительство в Карелии (конец XIX – начало XX в.)

В конце XIX – начале XX вв. на территории, входящей в состав современной Карелии, традиционные музыкальные инструменты и исполняемая на них музыка играли важную роль в трудовой деятельности и досуге местного населения. Изучение музыкальных инструментов, хранящихся в фондах музеев Карелии и частных коллекциях,¹ архивных источников и фотоматериалов Национального архива РК, Карельского научного центра Российской академии наук, фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра, исследований ученых Финляндии и Карелии, а также собственные полевые записи автора, ведущиеся совместно с Е. П. Михайловым с 1997 г., позволяют раскрыть особенности бытования традиционного инструментального исполнительства на исследуемой территории.

На основании имеющихся данных можно выделить три группы музыкальных инструментов, которые позволяют структурировать описание исполнительской традиции. *Первую группу* составили инструменты, используемые только в трудовой деятельности пастуха. Игрой на музыкальных инструментах он оповещал жителей деревни о выгоне и возвращении стада, отгонял от него диких животных. Только пастух владел навыками игры на определенных инструментах и умел их изготавливать.

На исследуемой территории бытовали преимущественно трубы и рожки кларнетового типа, различающиеся большим разнообразием форм, размеров, конструкций и материалов изготовления. В Пряжинском и Медвежьегорском районах Карелии были зафиксированы факты бытования в первой половине XX века барабанки² – прямоугольной доски с двумя палочками-колотушками – инструмента, широко распространенного в Вологодской области. На расширение ареалов бытования музыкальных инструментов активно влияло пастушеское отходничество: в Каргопольском, Повенецком и Петрозаводском уездах были распространены случаи найма пастухов из Архангельской губернии,³ в карельских деревнях Олонецкого уезда скот пасли каргополы [Leisiö: 369, 371], во всех случаях предпочтение отдавали «чужим» пастухам.

Во время первого выгона скота музыкальный инструмент непосредственно участвовал в обряде. Пастух держал его при себе и впервые «тихим звуком» исполнял короткий наигрыш, который становился наигрышем сбора скота в течение всего сезона [Бобров, Финченко: 157]. Тексты заговоров, произносимых во время обряда, или кусочки специально приготовленного воска с клочками шерсти домашних животных прятали в раструб трубы под слои бересты [Суеверия и предрассудки: 690; Ребров: 49; Линевский, 1937: 187; Криничная: 186]. Они определяли дальнейшую функцию трубы как сигнального и «собирающего», «объединяющего» инструмента. Музыкальный инструмент становился магическим предметом как для пастуха, так и для всех жителей деревни.

Представления о сакральной функции трубы проявлялись и в зароках,⁴ которые необходимо было соблюдать в течение всего сезона пастбы: нельзя было кому-либо, кроме пастуха, играть на его трубе, смотреть в неё, трогать или даже видеть её.⁵ Нарушение этих запретов могло привести к несчастьям как со стадом, так и с самим пастухом. «Знающие» пастухи, чтобы избежать такой нежелательной ситуации, хранили «сговоренные» инструменты в муравейнике или в хлеву под навозом и пользовались ими только во время обряда отпуска [Линевский, 1928: 42; Черепихина: 14]. Для ежедневной пастбы делали дубликат инструмента. Если же использовали только один инструмент, то строго следили, чтобы пастушья труба или рожок не попали в чужие руки.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о глубокой архаичности бытования пастушеских музыкальных инструментов. Они служили иной раз не один десяток лет. Пастухи никогда не делали их на продажу (поэтому так редки старые инструменты в музейных коллекциях), а вышедшие из употребления, как и все остальные непригодные пастушеские атрибуты, не выбрасывали, а только сжигали.

В репертуаре каждого пастуха имелся основной наигрыш, характерный только для него. По этому наигрышу жители деревни отличали сигналы своего пастуха от какого-либо другого. Для общения с подпаском существовали другие наигрыши, которые хорошо были понятны обоим. В селе Шелтозеро Яковлев С., рассказывая

¹ В поле исследования вошли фонды Карельского государственного краеведческого музея, музея-заповедника «Кижы», Пудожского историко-краеведческого музея им. А. Ф. Кораблева, Шелтозерского вепского этнографического музея, частная коллекция Е. Михайлова, а также отдельные музыкальные инструменты, находящиеся в частной собственности.

² Полевые материалы автора (далее – ПМА), Карелия, Пряжинский район, 2008; Архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1, оп. 3, № 1932. Собиратель Р. Б. Калашникова, 1993.

³ Предпочтение отдавали пастухам из Шенкурского уезда, они проживали вдоль реки Ваги, поэтому повсеместно их называли *ваганами*. [Бобров, Финченко: 154–155]. Свидетельства найма в пастухи ваганов в Шелтозере зафиксированы в 1975 г. собирателями ДНТ; Фонотека ИЯЛИ КарНЦ, 3235/16.

⁴ Зарок – клятвенное обещание не делать чего-нибудь.

⁵ В с. Пяозеро Бабаевского р-на Вологодской обл. пастух выпасает коров «с отпуском». По утрам он играет на рожке, который не удалось увидеть ни собирателям, ни жителям деревни. По мнению информаторов, «у пастуха на рожок сделан зарок». – ПМА, Вологодская обл., Бабаевский район, 2001. – Фонотека кабинета фольклора ПГК, б/н.

о своей пастьбе, так объясняет смысл исполняемых им наигрышей: «Подпасок придет вечером домой, проверит, есть ли стадо... Если стадо дома, то он играет во все отверстия, ...если нескольких коров нет, то играет только в одно отверстие».⁶ Среди пастухов были и виртуозы-музыканты, которые знали множество разных наигрышей: танцевальные и песенные мелодии, бытовавшие на родине пастуха или в местах отходничества. Случаев ансамблевой игры пастухов не выявлено.

Использование музыкальных инструментов пастуха ограничивалось только сферой его трудовой деятельности и за ее пределы не выходило.

Во *вторую группу* вошли инструменты, бытовавшие на исследуемой территории исключительно среди карельского населения: кантеле и йоухикко.

Традиционное кантеле делали из цельного куска дерева способом долбления. Дерево выбирали крепкое, с прожилками и без сучков, чтобы инструмент не раскалывался и выдерживал натяжение струн. Мастера знали, как найти подходящий материал: «...не всякое дерево годится. Ель нужна такая, у которой древесина краснеет, как только кору снимешь. И ольха годится. Ольху искать надо там, где речка шумит. Старики говорили: шум голос кантеле дает» [Пулькин: 115]. В процессе вытесывания заготовку неоднократно поливали соленой водой для уплотнения древесины, улучшения ее резонаторных качеств и повышения сопротивляемости деформации в процессе высыхания. Новое кантеле, если была возможность, несли к морю и вымачивали, считая, что «морской голос кантеле дает» [Пулькин: 115].

В народной практике кантелисты использовали жильные (кишечные) или металлические струны, но исследователю карельского кантеле В. П. Гудкову в 1930-х гг. удалось записать от одной пожилой карелки, что в молодости она видела в своей деревне инструмент с волосными струнами, звучавшими очень слабо, но нежно и приятно [Гудков, 1937: 41]. Принято считать, что древнейшие кантеле имели пять струн, что соответствовало числу пальцев на руке и совпадало с мелодическим построением эпических песен.⁷ Пятиструнные инструменты в народной практике фиксировались редко, преимущественно в Беломорской Карелии. В южных районах Карелии в первой трети XX века были распространены 9-, 10-, 11- и 12-струнные инструменты.

При игре кантеле клали на колени или на стол. Играли на инструменте, перебирая пальцами обеих рук, прием бряцанья (популярный в современной практике игры на диатоническом кантеле) не использовался.

Репертуар кантелистов состоял из характерных прелюдий-переборов и танцевальных мелодий. Подтверждением тому служат опубликованные записи А. О. Вяйсянена, сделанные в Северном Приладожье, а также материалы В. П. Гудкова, собранные в Пряжинском, Петровском и Ведлозерском районах Карелии, которые, по его словам, на 90 % составляли танцевальные, очень живые, веселые и бодрые мотивы.⁸ Такой репертуар мог сложиться только в результате долгой практики игры под танцы на деревенских вечеринках. По рассказам исполнителей, до проникновения в карельскую деревню балалайки и гармоники, под игру на кантеле очень часто танцевали традиционную «кадрель», «ристукондру» и «круугу».

Также играли на кантеле музыку для слушания. Часто жители деревни собирались в доме кантелиста, чтобы просто послушать его игру. В. П. Гудков так описывает свои впечатления о встречах с народными музыкантами: «Когда мы просили сыграть заведомого кантелиста, он обычно немного отнекивался. Соблюдалась, так сказать, формула приличия: я-де плохо играю, отец играл лучше. Но кантеле обязательно появлялось в его руках, он клал его себе на колени (иногда – на стол), быстро настраивал и начинал замысловатые переборы... Изба наполнялась слушателями, лица которых, по мере нарастания сложных вариаций, расцветали улыбками одобрения: вот, мол, своя, доморошенная музыка, а как разбирает» [Гудков, 1933: 3].

Распространенное представление о кантеле как об инструменте, сопровождающем пение рун, в народной практике подтверждения не нашло. Показателен тот факт, что Э. Лённрот, описывая свое пребывание у рунопевца О. Маллинена, упоминает, что Онтрей и оба его сына искусно играют, но не отмечает, что они исполняют руны под кантеле [Путешествия Элиаса Лённрота: 106]. Наигрыши, записанные А. О. Вяйсяненом в 1914–1917 годах, свидетельствуют об использовании кантеле для аккомпанемента песням более поздних жанров.

Территория распространения кантеле среди карельского населения весьма неоднородна. Изучение различных источников позволило выявить имена свыше десяти кантелистов, записанных в конце XIX – первой половине XX в. И только лишь трое из них проживали в Беломорской Карелии, остальные музыканты были из южных районов Карелии. Активное бытование рунопевческой традиции в Беломорской Карелии стало предпосылкой к распространению мнения о том, что именно там должно было сохраниться и исполнительство на древнем музыкальном инструменте карел – кантеле. Но, поскольку свидетельств о бытовании кантеле на этих территориях было совсем немного, то на долгие годы сложилось мнение, что эта традиция угасла. Подтверждением этих слов может служить факт первой поездки в поисках кантеле в 1932 году молодого этнозиаста, в последующем известного карельского фольклориста В. П. Гудкова именно в северную Карелию.

⁶ Запись сделана в С. Шелтозеро в 1975 г. собирателями ДНТ от Яковлева В. С., 1898 г. р.; Фонотека ИЯЛИ КарНЦ, 3235/1–4.

⁷ Макарьев С. А. Карельское кантеле. Статья с приложением 18 фотоснимков и 1 чертежа. 1934 г. Рукопись. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 32, д. 179, л. 10.

⁸ К сожалению, опубликовано только два наигрыша, записанных В. П. Гудковым. Других материалов обнаружить не удалось, возможно, они безвозвратно утрачены.

В последствии он напишет: «Руны «Калевалы» теперь сохранились преимущественно в районе Калевалы. Здесь, казалось бы, должно сохраниться и кантеле. Однако сотрудниками Карельского научно-исследовательского института обнаружить его здесь пока не удалось» [Гудков, 1935: 40].

В 1916–17 годах финским фольклористом А. О. Вяйсяненем была тщательно обследована территория Северного Приладожья. Он встретился с 23 кантелистами, исполнившими ему более 120 наигрышей, что, несомненно, свидетельствует об активном бытовании традиции.⁹ Показательно также, что более трети встреченных музыкантов не достигли 50-летнего возраста. В 1930-х годах активное исследование карельского кантеле велось сотрудниками Карельского научно-исследовательского института В. Гудковым и В. Евсеевым. Настоящим открытием стала живая традиция исполнительства на кантеле, обнаруженная ими на юге Карелии. Они выявили и поставили на учет свыше сорока традиционных исполнителей и дополнительно названия 23 деревень, где были найдены только инструменты.¹⁰ Среди записанных кантелистов встречались и настоящие мастера-виртуозы своего искусства. Особо были отмечены: А. М. Дорофеев и А. Д. Макаров (Иматозеро), И. И. Лебедев (Чуккойла), сын и отец Архиповы (Меркелица), Н. Г. Ларионов (Чуралахта), Д. Ф. Никитин (Ангенлахта), а молодой 27-летний активист-колхозник из Еронсельги Метчельского сельсовета Степан Иванович Тупицын был признан «лучшим игроком в районе». Некоторые из них неоднократно были приглашены Сектором музыкальной культуры КНИИ для участия в больших концертах в Петрозаводске, Ленинграде, для записи на радио. И. И. Лебедев и С. И. Тупицын активно сотрудничали с первым составом кантеле-оркестра под руководством В. П. Гудкова, более того, И. И. Лебедев в 1938 году стал его участником. В 1939 году коллектив получил статус Государственного ансамбля песни и пляски КФСР «Кантеле».¹¹

На территории Северного Приладожья финским исследователем А. О. Вяйсяненем был зафиксирован смычковый инструмент йоухикко (jouhikko). Его корпус выдалбливали из деревянной заготовки. Вдоль корпуса посередине натягивали две или три струны, изготовленных из конского волоса, откуда и пошло название инструмента («jouhi» – «конский волос»). Также использовали жильные или стальные струны. Смычок делали из крутосогнутого прута, на который натягивали конский волос. На йоухикко сопровождали пение песен и исполняли танцевальные и плясовые наигрыши: «Maanitus», «Tšiižik» («Чижик»), «Trepätška» («Трепака») и др.

Традиция исполнительства на этом инструменте не получила широкого распространения. Исследователям удалось найти только шесть исполнителей на йоухикко во всей Карелии. В 1916 году А. О. Вяйсянен недалеко от Импилахти записал двоих: Юхо Вайттинена и Федора Пратчу. По словам последнего, этот инструмент в годы его молодости был очень популярен в округе. Тогда в деревне было много исполнителей, среди которых были и шесть его братьев. Позднее Вяйсянен запишет Пекку Ламберга из г. Сортавала, а В. Мериёна (Vaslei Meriön) из Суоярви в 1931 году пригласит на Песенный праздник в Хельсинки.

Поисками исполнителей на йоухикко занимался и В. П. Гудков. Инструмент удалось найти сотруднику Карельского научно-исследовательского института В. Я. Евсееву в Колатсельге Ведлозерского района (совр. Пряжинский район). В своем письме к В. П. Гудкову он пишет: «Нашел я наконец тебе смычковое кантеле, о находке которого ты в продолжении двух лет мечтаешь. Уже два раза нападал на следы этого кантеле в других деревнях, но в обоих случаях узнавал, придя на место, что кантеле вывезено за границу». Найденный инструмент В. Я. Евсеев отправил В. П. Гудкову. Йоухикко принадлежало А. Калачеву, ученику местной сельской школы. По словам собирателя, паренек очень хорошо играл на этом инструменте, а также на девятиструнном кантеле и на балалайке. Далее В. Я. Евсеев пишет: «<Йоухикко> ему сделал пять лет назад Семен Тупицын, у которого кстати есть другое старинное смычковое кантеле, полученное им по наследству, на котором он виртуозно играет. Тов. Семен Тупицын исполнил мне свыше десяти разных наигрышей и его безусловно необходимо пригласить на некоторое время в Петрозаводск».¹² Впоследствии руководитель фольклорно-лингвистической секции КНИИ А. Н. Нечаев выслал приглашение С. Тупицыну: «Тов. Тупицын! Приглашаем Вас приехать в Петрозаводск... и зайти в КНИИ к тов. Гудкову или Веденеву. Захватите с собой Ваше кантеле и йоухикко, Вам придется играть перед публикой и по радио, а может быть даже поехать в Ленинград...».

В других районах, входящих в состав современной Карелии, исполнителей на этом инструменте выявлено не было.

Третью группу составляют инструменты, появление которых на исследуемых территориях связывают с активным влиянием городской культуры и явлением отходничества – это балалайка и гармоника. В XIX – начале XX веков более трети мужского взрослого населения уходило на заработки в Петрозаводск, Повенец, Поморье, Архангельскую область, но чаще всего в Петербург. Кроме того, инструменты могли привозить род-

⁹ Результатом кропотливой работы А. О. Вяйсянена стала монография «Мелодии кантеле и йоухикко» (Kantele – ja jouhikko – sävelmiä. Toimittanut A. O. Väisänen. – 1928), которая по сей день является единственным источником традиционных наигрышей на кантеле для современных исполнителей и исследователей.

¹⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 3, № 208, л. 6.

¹¹ С 2006 года коллектив работает под названием Государственный национальный ансамбль песни и танца Карелии «Кантеле».

¹² Письмо В. П. Гудкову от В. Я. Евсеева. Ф. 1, оп. 3, д. 167, л. 15.

стенники, проживающие в столице.¹³ Из других регионов, в том числе и из Финляндии, инструменты попадали в деревни благодаря широко распространенной разносной торговле – коробейничеству.

Первые упоминания датируются 1863 г.: «Во время храмовых праздников проходят игрища, ...составляется хоровод, под звуки песни, балалайки или гармонии, которая с недавних годов распространена по всем селениям... Кроме балалайки и гармонии, других музыкальных орудий нет в употреблении» – пишет краевед К. Петров в заметках о повенецких карелах [Петров: 109.]. В 70-е годы XIX столетия гармонь звучит на гуляниях в селе Ильинском Олонецкого уезда: «...шумная ярмарка продолжается часов до восьми вечера и завершается общегулянькой, на которую преимущественно собирается молодежь обоего пола и составляет нечто вроде хоровода, без песни, под звуки гармонии» [Миролюбов: 773]. Гармоника становится непременным атрибутом рекрута: «Летом перед призывом рекрут, если он был из небогатой семьи, отправлялся на заработки – «в путину» на «Мариинку». Там он обязательно покупал себе гармонику по местному выражению «бобку» (русскую) или «тальянку» (гармонику с итальянским строем)» [Мельницкий: 215]. Вернувшись домой с гармоникой, рекруты ходили по беседам: «... побалагурит он чего-либо на природном своем наречии, поиграет кое-как в гармонию и отправляется на подобную же работу в другую избу» [Минорский: 206.]. В начале XX века гармонист – уже непременный участник деревенской молодежной вечеринки: «Если не две, то одна тальянка обязательно скрипит на вечеринке весь вечер... В одном углу кричат картежники, в другом – гармоника пилит, целый хор девушек дружно поет безчисленные, однообразные по мотивам, но любопытные по содержанию частушки...» [Унин: 96].

Основной путь появления балалаек в деревне был связан с отхожими промыслами, но были случаи изготовления инструмента самими исполнителями или местными кустарями. В 1926 году участники экспедиции Ленинградского института истории искусств в Заонежье встретили одного из таких мастеров в деревне Верховье (близ Великой Губы): «мы встретили самоучку балалаечного мастера, который делает их почти неотличимыми от городских, между тем сырье совершенно неожиданного происхождения. Например, струны сделаны из электрического кабеля, забытого белогвардейскими отрядами» [Гиппиус: 161]. Производства гармоник на исследуемых территориях не выявлено. Возможно, это связано с сильным влиянием на Севере России старобрядчества, и проповедуемым староверами строгим почитании сложившихся устоев, обрядности, строгости и сдержанности поведения на беседах, в отличие от «ухарской», «буйной» гармонии,¹⁴ которую считали непременным атрибутом свадьбы чертей.¹⁵ Тем не менее, гармоники различных конструкций были распространены на территории Карелии уже с середины XIX века. Ближайшими центрами гармонного производства был Петербург и его окрестности, а также северные районы Новгородской губернии (впоследствии вошедшие в Вологодскую обл.). Гармони могли завозить на ярмарки, а позднее в организуемые стационарные торговые точки – магазины и лавки.

Игрой на гармонии и балалайке сопровождали кадрили, парно-массовые танцы, появившиеся в 1920-е гг., и пение частушек. Общим для большинства музыкантов является традиционный комплекс наигрышей, исполняемых под одноименные танцы: «Яблочко», «Вальс», «Коробочка», «Семеновна», «Краковяк», «Падеспань», «Полька», «Светит месяц», «Тустеп», «Цыганочка», «Сербьяночка», «Барыня», «Русского». Причем репертуар балалаечника, как правило, значительно уже репертуара гармониста. На юго-востоке Карелии, ближе к Вологодской области, в репертуаре гармонистов начинает преобладать плясовой наигрыш «Русского», используемый как аккомпанемент кадрили и ланчику,¹⁶ частушкам и сольной пляске. С 1930-х годов, с распространением гармони хромки, репертуар гармонистов расширяется за счет наигрышей, сопровождающих или предназначенных для сопровождения пения. Это общеизвестные, широко распространенные и любимые народные и авторские песни: «В том саду при долине», «Златые горы», «На Муромской дорожке», «Степь да степь кругом», «По диким степям Забайкалья» и др.

Кроме того, в современном Суоярвском и Пряжинском районах выявлены случаи использования гармонии в похоронной обрядности: играли на гармонии, как правило, любимую песню покойного.¹⁷ Эта традиция была зафиксирована в Островском и Андреевском сельских советах Вологодской области, где любой житель села мог заранее заказать, чтобы на его похоронах гроб от дома до кладбища несли под игру на гармонии.¹⁸

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX века музыканту, чтобы удержать его у себя на беседе, платили за игру: «...парни делают между собою складчину, которая в Заонежье доходит за все время беседное до рубля серебром и более – и отдают ее играющему на балалайке или на гармонии» [Песни: 121]. Позднее оплачивать игру музыкантов-любителей было уже не принято. По словам самих исполнителей, денег за игру никто не брал, а на свадьбах, юбилеях и прочих торжествах гармонистов угощали. На гуляниях они играли бес-

¹³ Подробнее об этом см.: Трифонова, с. 42–54.

¹⁴ «Лёгкими черта» называли гармонь противники ее распространения в соседней Финляндии. [Kolehmainen: 8].

¹⁵ ПМА, Карелия, Суоярвский район, п. Вешкелица. – Фонотека кабинета фольклора ПГК, б/н.

¹⁶ Ланчик, ланцы, лансье – парный танец европейского происхождения (франц. *lancier*, буквально – улан), чрезвычайно популярный в народной танцевальной практике XIX – начала XX века.

¹⁷ ПМА, Карелия, Суоярвский и Пряжинский районы, 2000. – Фонотека кабинета фольклора ПГК, б/н.

¹⁸ Подобные факты являются проявлением распространенного древнего обычая «веселения покойника», бытующего и по сей день у некоторых групп вепсов.

платно. Очевидно, что отсутствие платы компенсировалось особым статусом музыкантов и уважением к ним жителей деревни.

С XX веком связано появление в Карелии *гитары и мандолины*. Под влиянием городской культуры, эти инструменты проникают в деревню, но все же не получают широкого распространения. Семиструнная гитара, излюбленный инструмент мещанских кругов, мелкого чиновничества, купцов, приказчиков и т. п., распевавших во второй половине XIX века под ее аккомпанемент «жестокие» романсы [Вольман Б.], попадает в деревню, принеся с собой соответствующий жанр, постепенно вытеснивший из народной поэзии старинную песню. Мандолина в деревне использовалась обычно в ансамбле с балалайкой или гитарой, но осталась инструментом большей частью деревенской интеллигенции – учителей, врачей. Играли на мандолине танцевальные мелодии, романсы и пр.

Традиционное музыкально-инструментальное исполнительство в XX веке претерпело серьезные изменения. Пастушьи музыкальные инструменты исчезают вместе с традицией выпаса скота с наемным пастухом. Бытование карельских инструментов – кантеле и йоухикко – прерывается в 40-х годах XX века, причиной чему, возможно, послужили, массовые репрессии, эмиграция исполнителей в Финляндию во время Зимней войны, Великая Отечественная война. Традиция исполнительства на балалайке и гармонике, поддержанная государственной политикой, проявила стойкость вплоть до активного распространения звуковоспроизводящей техники (магнитофонов, телевидения и др.). И сейчас еще можно встретить музыкантов-любителей, самостоятельно освоивших игру на балалайке, гармонии или баяне, и применяющих свое умение на семейных торжествах и праздниках.

Литература

1. **Бобров А. Г.**, Финченко А. Е. Рукописный Отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII – начало XX в.) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 135–164.
2. **Вольман Б.** Гитара в России. Очерк об истории гитарного искусства. Л., 1961 // Информационный сайт лютневой и гитарной музыки. Режим доступа: <http://www.lute.ru/russianguitar/volmanbook/part1.htm>.
3. **Гиппиус Е. В.** Крестьянская музыка Заонежья // Крестьянское искусство СССР. I. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 147–165.
4. **Гудков В. П.** Живое кантеле // Красная Карелия. 1933. 16 окт. № 239. С. 3.
5. **Гудков В. П.** Карельское кантеле // Народное творчество. 1937. № 8. С. 41–43.
6. **Гудков В. П.** Музыка Калевалы // Начало : [сборник]. 1935. Кн 4. С. 39–41.
7. **Криничная Н. А.** О сакральной функции пастушьей трубы (по материалам северных пастушеских обрядов) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 181–189.
8. **Линевский А. М.** Материалы к обряду «отпуска» в пастушестве Карелии // Этнограф-исследователь. Л., 1928. № 2/3. С. 41–45.
9. **Линевский А. М.** Материалы по этнографии и обычному праву карел Сегозерского района // Археолого-этнографический сборник / сост. А. М. Линевский. Петрозаводск, 1936–1937. Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 32, д. 194, с. 169–196. Рукопись.
10. **Мельницкий А.** Рекрутчина // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 2. С. 215–221.
11. **Минорский П.** Олонецкие карелы и Ильинский приход // Олонецкий сборник : материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 165–219.
12. **Миролюбов.** Праздник в честь пророка Илии в селе Ильинском (Олонецкого уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 67. С. 772–773.
13. **Песни**, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3-х т. / под ред. Путилова Б. Н. Петрозаводск, 1991. Т. 3.
14. **Петров К.** Повенецкие карелы: Их домашний быт и общественный быт, поверия и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 29.
15. **Пулькин В. И.** Кантеле // Север. 1971. № 3. С. 109–116.
16. **Путешествия** Элиаса Лённрота : путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / науч. ред., вступ. ст. и примеч. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1985.
17. **Ребров В.** Молитва скоту // Олонецкий сборник : материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 49–51.
18. **Суеверия** и предрассудки в простом народе (Сообщено редакции из Петрозаводского уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 78. С. 690–691.
19. **Трифонова Л. В.** Отходничество заонежан в Петербург в конце 19 – начале 20 вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 1999. № 5. С. 42–54.
20. **Унин Л.** На вечеринке (в Каргопольском уезде) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 2. С. 93–99.
21. **Черепихина А. П.** О традиционных формах бытования карельской инструментальной музыки // Музыкальное искусство Карелии : сб. науч. тр. Л., 1983. С. 5–16.

22. **Kantele** – ja jouhikko – sävelmiä / Toimittanut A. O. Väisänen. 2. uudistettu painos (1. painos 1928). Juväskylä, 2002.
23. **Kolehmainen** Ilkka. Hanuri suomalaisessa kansanmusiikista // Kansanmusiikki. № 3. Kaustinen, 1989. S. 8–13.
24. **Leisiö T.** Suomen ja Karjalan vanhakantaiset torvi – ja pillisoittimet. Kaustinen, 1983.

*Рутт Татьяна Евгеньевна,
Карельская государственная педагогическая академия,
кафедра русского языка, доцент*

Особенности русского быта жителей Карелии во второй половине XIX века (по лексическим данным материалов «Олонецких губернских ведомостей»)

Газета «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ) была учреждена в 1838 г. и выходила до 1917 года. Она состояла из двух частей: официальной и неофициальной, содержала информацию о событиях внутривластной и социально-экономической жизни страны и региона, публиковала сведения о положении сельского хозяйства, о развитии промышленности и торговли, образования и культуры. Заметное место на страницах ОГВ занимали вопросы материальной и духовной культуры населения Олонецкой губернии XIX в.

Предметом нашего изучения являются материалы газеты второй половины XIX века, в которых описаны народные верования, семейные обряды, праздники и повседневные занятия жителей Карелии. Особый интерес для нас представляет лексика, связанная с повседневной жизнью людей, их бытом, а также с традиционными занятиями и формами проведения времени.

ОГВ публиковали очерки, рассказывающие о русских обычаях, народных верованиях, семейных обрядах. В очерках широко представлена лексика свадебных обрядов: *сваты, сватины, катанье, встретный, дружка, клетник, отпуск (отпускать свадьбу), поезд, поезжане* и др. Большое место отводится описанию обрядовых действий, роли их участников, указывается время и место действия. Приведем здесь пример описания свадебного обряда крестьян Пудожского уезда: «Намъ брѣвающійся вступить въ бракъ приглашаетъ въ свой домъ людей бойкихъ, въ точности знающихъ дѣло сватовства. Тутъ предъ св. иконою зажигается свѣча и всѣ домашніе на минуту садятся на лавки; потомъ уже, помолившись Богу, назначенные сваты отправляются въ домъ невѣсты. Обыкновеніе садится всѣмъ на лавку наблюдается впрочемъ не при одномъ этомъ случаѣ, но и во всякое время, когда кто-либо отправляется въ дальній путь или для исправленія какого-нибудь важнаго дѣла.

По удаленіи сватовъ въ домъ жениха немедленно разрываютъ угли въ жаратке.

Для избѣжанія какихъ-бы то ни было встрѣчъ, отправившіеся для сватовства избираютъ, буде есть, окольный путь, ибо всякая встрѣча почитается неблагопріятною, не только въ это время, но и на пути к промысламъ, рыбному, звѣриному и т. п. Вступивши въ домъ невѣсты, сваты сначала, по обыкновенію, молятся Богу, а потомъ, поздравившись съ домохозяевами и положивъ шапки и рукавицы на *воронецъ* (выделено автором очерка), останавливаются срѣди избы подъ *матицею*. В это время невѣста, если случится тутъ, удаляется, догадавшись, въ чѣмъ дѣло; а домохозяева приглашаютъ приѣзжихъ садиться» (ОГВ, 1853: 2).¹

В группе лексики при описании обряда приезда жениха и его родни в дом невесты, обращает на себя внимание слово *встретный*: «Скоро и женихъ съ крестнымъ отцемъ является сюда и сперва помолившись Богу передъ св. иконами и потомъ поклонившись ожидающимъ его, останавливается среди сѣней въ рядъ съ крестнымъ отцемъ, дружка же и прочие спутники его останавливаются позади жениха. Тутъ приносятъ на поднось два большихъ стакана, которые наполняются водкой, въ этомъ случаѣ называемою *встрѣтною*. Женихъ и крестный его отецъ первые, а потомъ и прочие поѣзжане угощаются поочередно и по-парно этою *встрѣтною* чаркою. – *Невзвините*» (вмѣсто «извините» говорятъ ундозерскіе крестьяне) *любящіе* (вмѣсто любезные) гости! – говоритъ отецъ невѣсты приѣзжимъ по угощеніи ихъ водкою, отворяя дверь въ избу – «добро пожаловать въ хату; тамъ не будетъ ли вамъ теплѣе» (ОГВ, 1853: 2).

Значение слова *встретный*, отмеченное в ОГВ, в современных говорах Карелии, в том числе и пуд.,² не сохранилось. Здесь заметим, что в пуд. говорах бытуют лексемы *встрѣтва* ‘торжество по поводу приезда кого-н.’, *встрѣть* ‘встретить’, *встрѣтошка* ‘тот, кто встретился по дороге’, *встрѣчаемо* ‘навстречу’ (СРГК, 1: 248). Слово *встретный* ‘дующий в лицо, навстречу судну’ бытует в белом. и кем. говорах Карел. и ‘направленный в противоположную сторону’ – в баб. говорах Волог. (СРГК, 1: 248).

¹ Олонецкія губернскія вѣдомости. – 1853. – № 2. Здесь и далее в скобках: сокращенное наименование, год и номер источника.

² Сохраняем сокращения географических названий в использованных словарях без изменений.

Почти во всех местностях Обонежского края свадьба «как везде водится, проведена обыкновенным порядком, т. е. как проводят ее, разве только различествует в свадебных песнях. Одни и те же *сватины*, одни и те же *катанья* невесты и, особенно, непрменные действующие лица при всех почти свадьбах – это колдуны или знахари или, как их здесь называют, *клетники*, управляющие всеми действиями свадьбы, чтобы не допустить случиться во время оной чему-нибудь неприятному» (ОГВ, 1872: 1). Этнографические и фольклорные материалы позволяют предположить, что *сватины* – это один из этапов свадебного обряда, для которого принят термин *сватовство*. Новосибирским говорам известно выражение *веник катать*, обозначающее ‘в свадебном обряде – устраивать катание невесты и её подруг по деревне на санях с прикрепленным к ним украшенным венником’ (СРНГ, 13: 124). В Заонежье до свадьбы во время гулянья невесты устраивалось катанье на лошадях.³

Этнографические данные ОГВ свидетельствуют о том, что в XIX веке в кондоп. говорах *клетником* называли колдуна или знахаря, оберегающего молодых на свадьбе. В указанном значении слово *клетник* известно арх., а также гдовским говорам Пск. (СРНГ, 13: 286; ПОС, 14: 198). В гдовских говорах слово *клетник* имеет и иные значения: 1. старший свадебный чин и 2. шафер жениха, дружка (ПОС, 14: 198). В XIX веке в Заонежье *клетником* был один из участников свадьбы, который оберегал в первую ночь молодых от «порчи».⁴ Слово *клетник* в значении ‘колдун’ отмечено в прион. говорах: «И *клетника* надо, так называли колдуна» (СРГК, 2: 366). Как видим, этнографические сведения позволяют уточнить значение и расширить географию бытования слова.

Свадебный обряд в русских селах Карелии и тесно связанный с ним свадебный фольклор давно привлекали внимание исследователей.⁵ Наибольшее количество сведений о старинном свадебном обряде получено собирателями в Заонежье.⁶ Учёные обратили внимание на то, что единого свадебного обряда, общего для всех районов Карелии, установить нельзя. «Можно говорить об общей схеме и об общих основных моментах его, но в деталях каждый район играл свою свадьбу по-разному».⁷

В XIX столетии сохранился обычай после свадьбы водить свекровь в баню, но и такой элемент свадебного обряда мог иметь некоторые различия в отдельных уездах Олонецкой губернии. Так, например, в Заонежье невестка топила баню для свекрови на следующий день после вторых хлебин и просила соседок сводить в баню, помыть и попарить свекровь.⁸ По данным ОГВ, в с. Кондопоге Петрозаводского уезда во время свадьбы «свекровину баню» готовят «большую частью близкия, родныя свекрови, приносять въ баню хвойныхъ прутьевъ и вѣтниковъ, которые изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, ибудуть употреблять въ дѣло», затем сама невестка ведет в баню свою свекровь, там её парит и моет (ОГВ, 1872: 01). Далее мы узнаем, что как только молодая «начнетъ готовится ее парить, какъ женщины, присутствующія въ банѣ, поднимаютъ хвойныя прутья, намѣреваясь ими попарить счастливую свекровь; тогда молодая невѣстка, желая защитить свою новую мать отъ такой парки, начинать подчивать женщинъ кренделями или другимъ чѣмъ, и просить ихъ, чтобы онѣ прѣложили гнѣвъ свой на милость и попарили бы ея матушку новыми выпаренными вѣничками» (ОГВ, 1872: 01).

После бани свекровь надевала всё новое, полученное от невестки в подарок. «Когда свекровь при помощи молодой оденется в новые подарки, тогда невѣстка, поклонившись въ ноги свекрови, начинаетъ просить присутствующихъ при этомъ женщинъ, чтобы онѣ похвалили ея матушку, на что хоръ женщинъ отвѣчаетъ дружно: ‘Хороша’. При этихъ крикахъ, смешанныхъ съ пѣснями, молодая ведетъ подъ руку свою свекровь въ домъ, а женщины, потолковавъ еще около дому свекрови, тоже начинаютъ расходиться по домамъ. Этимъ уже оканчивается свадьба въ домѣ и все входитъ въ обыденную колею бытовой жизни» (ОГВ, 1872: 01).

В газете интересны рубрики, посвященные основным занятиям и промыслам населения: об охоте, рыболовстве, лесопилении, судостроении, хлебопашестве, огородничестве. Замечательны заметки о льноводстве. Как сообщают ОГВ, «из всех отраслей сельского хозяйства в Олонецкой губернии, кроме хлебопашества, получило значение разведение льна в Пудожском уезде» (ОГВ, 1861: 24–25). В другом очерке о льняном хозяйстве и льняной промышленности читаем: «Пространство, занимаемое в настоящее время Пудожским уездом, с давних пор известно тем, что жители его в особенности посвятили себя льняному хозяйству и льняной промышленности; ... в уезде окружного города Пудожа изобильно родится особливой *доброты* лен», который, «отправляют на мореходных судах в Санкт-Петербург» (ОГВ, 1856: 9–10). Или: «свою *добротую* пудожский лен лучше псковского» (ОГВ, 1861: 24–25). В словаре современного русского литературного языка слово *доброта* ‘качество вещей; доброкачественность’ зафиксировано с пометой устаревшее и в просторечии (БАС, 3: 849).

³ См.: Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX в. – нач. XX в.) / науч. ред. К. В. Чистов. – Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 2001. – С. 20.

⁴ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Указ. соч. – С. 17.

⁵ См.: Колпакова Н. П. Старинный свадебный обряд // Фольклор Карело-Финской ССР : сб. ст. Вып. I. Русский фольклор / под ред. проф. Н. П. Андреева. – Петрозаводск, 1941. – С. 163–189; Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче) / изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски. – Петрозаводск : Карелия, 1980.

Кузнецова В. П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1993 и др.

⁶ См.: Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. – Петрозаводск, 1993; Калашникова Р. Б. Беседы и беседные песни Заонежья второй половины XIX века. – Петрозаводск, 1999; Кузнецова В. П., Логинов К. К. Указ. соч. и др.

⁷ Колпакова Н. П. Указ. соч. – С. 163.

⁸ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Указ. соч. – С. 251.

В СРГК представлены слова *добренный* 'обладающий хорошими качествами, свойствами; выполненный из материала хорошего качества; хорошо сделанный' *добрецо*, 'о продуктах питания хорошего качества', *добро*² 'продукты питания, делающие тесто сдобным'; 'хорошие вкусовые качества, свойства', *добровка* 'трава хорошего качества' (СРГК, 1: 464–465). Из газеты мы узнаём, что пудожский лён заслужил по своим качествам почётного отзыва Лондонской Всемирной выставки (ОГВ, 1856: 9–10). Высшая или низшая степень достоинства самого льна зависит «от хорошего качества тех вод, в которых устраиваются мочила» (ОГВ, 1856: 9–10). В XIX веке «вода в реках и озерах, лежащих в Западной части Пудожского уезда, имеет все необходимые условия для того, чтобы лен, в ней вымоченный, получал все качества хорошего продукта;...» (ОГВ, 1861: 25).

В группе лексики, которая используется при описании производства льна (*бросальница, колоколка, кострица, лапта, мялица, опытки, трепание, трепать, трепаться, трепло*) обращает на себя внимание слово *лапта*: «Лен, вышедший из-под мялицы и несколько очищенный треплом, скупается в таком виде от крестьян промышленниками, занимающимися его торговлею; он содержит в себе еще много кострицы и *лапты*, ...» (ОГВ, 1856: 9–10). Или: «На заводе никаких машин нет; лен треплется на обыкновенных станках и обыкновенным треплом, *лапта* же отделяется обыкновенным ножом» (ОГВ, 1856: 9). По всей видимости, семантическая структура слова *лапта* близка по значению лексеме *кострица*, которая также не зафиксирована СРГК, хотя медв. говорам Карелии известно однокорневое *костричка* 'первые отходы от льна'. В этом же значении употребляются лексемы *костика, костница* в кондоп., выт., карг, онеж., бокс., лод. и тихв. говорах, а также сол. и шим. говорах Новг. (СРГК, 2: 442). В середине XIX века наименования *лапта* и *кострица* были известны пуд. говорам.

В XIX столетии крестьяне, после того как лен пролежит несколько дней в воде, берут оттуда пробы, которые в пудожском уезде называются *опытками*, и если проба «хорошо отделяет кострицу, то мочение прекращают», а лен вынимают из воды и растилают на полях (ОГВ, 1856: 9–10).

Лексемы *оп`ятка* и *оп`ыток* 'пучок, горсть необработанного льна, льнотресты, взятый для проверки готовности, для пробы' известны медв. говорам Карел., баб. и чаг. говорам Волог., тихв. говорам Ленингр. (СРГК, 4: 233). В XIX веке слово *оп`ятка* (или *оп`ыток*) употреблялось в пуд. говорах. В вашк. и выт. говорах Волог. отмечены слова *оп`ут, оп`уток, оп`уточек* (СРГК, 4: 230–231). Ярослав. и любыт. говорам (новг.) известно слово *оп`ыт* 'пучок льна, взятый со стлища для определения вылежки льна' и его варианты *оп`ятка, оп`ыток*⁹ (ЯОС, 1988: 54).

В материалах ОГВ при описании сохранения посевов льна представлены названия трав, засоряющих посевы льна. Это *городовуха, кошка* и *соляничникъ*. Например: «Когда лен послѣ посѣва поднимается отъ земли на ¼ аршина, тогда всё крестьянское семейство, не исключая и взрослыхъ мужчинъ, отправляется полоть его отъ сорныхъ травъ. Травы, посѣщающіе льняные поля суть: городовуха, кошка и соляничникъ такъ называются онѣ на языкѣ мѣстныхъ крестьянъ» (1856, 9–10:32).

По данным публикаций в XIX веке в пуд. говорах *городовухой, кошкой* и *соляничником* называли сорную траву в посевах льна. Указанные слова не зафиксированы в СРГК.

Слово *городовуха* известно только пуд. говорам в значении 'растение *Samelina sativa* Crantz., сем. крестоцветных; рыжик посевной. В 80–90-е годы XIX века в Пудожском районе были засвидетельствованы лексемы *солоник, солонница* и *солоничник* в значении 'щавель' (СРНГ, 39: 299–301). Арх. говоры сохранили слово *солоники* (мн.) «Растение *Oxalis Acetosella* L., сем. кислицыных; кислица обыкновенная (СРНГ, 39: 299). В современном литературном языке есть слово *солерос*, 'растение сем. маревых с сочным стеблем и колосовидным соцветием и отличающееся солевыносливостью' (БАС, 14: 211).

Слово *кошка* известно южн. в значениях: 1. Растение, пристающий репешок. Южн., Анненков (*Agrimonia eupatorium*); 2. Растение *Bidens tripartita* L., трёхраздельная череда. Пенз., Анненков, Скоп. Ряз.; 3. Растение *Cogonilla varia* L., белорозовый вязель. Южн., Анненков; 4. Растение *Cuscuta* L., сем. вьюнковых; повилика. Тобол., 1899: 5) Кошки, мн. Семена сорных растений, прикрепляющиеся жёсткими усиками к одежде людей, шерсти животных. Пенз., 1910 (СРНГ, 15: 149).

ОГВ публиковали интереснейшие сведения о судостроении, судоплавании и пароходстве в Олонецкой губернии, в частности, о постройке и спуске судов на воду (ОГВ, 1877: 15–18). Они предназначены для плавания по озерам Онежскому и Ладожскому, Мариинской системе и рекам, удобным к сплаву. «Суда, строящиеся въ Олонецкой губерніи, имѣютъ слѣдующія наименованія: *галиот, гуккаръ, озерное* или *мореходное судно, озерная лодка (бригъ, доникотъ, яхта), полулудок, баржа, барка, полубарка, тихвинка, сойма, трешкоут, паузок и бот*. «Всѣ эти суда не имеютъ постоянныхъ размѣровъ, а строятся такой вѣличины, какая заблагодарасудится строитѣлю; парусность и оснастка также даются имъ безъ всякихъ правилъ» (ОГВ, 1877: 16). В Лодейнопольском уезде – на реке Свири и её притоках – строятся барки и тихвинки, в Вытегорском – полубарки, а в Петрозаводском, Повенецком, Пудожском и Олонецком уездах – на берегах Онежского и Ладожского озер – строятся большие озёрные и даже мореходные суда типа галиот или галеот.¹⁰

Среди приводимых Б. Л. Богородским морских терминов отсутствуют слова *гуккаръ, доникот, трешкот*.

⁹ См.: Михайлова Л. П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах : дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1969. – С. 24.

¹⁰ Богородский Б. Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 78–79.

«Доншкоты, по конструкции, принадлежащий къ типу галиотовъ, по величинѢ же вполнину меньше, имѢть разницу и въ вооруженіи: на передней мачтѢ доншкотъ имѢть только марсель и гротъ, – брамсель употребляется рѣдко и то летучій; мачта безъ марса, только съ стеньгою» (ОГВ, 1877: 16).

Заимствованное из голландского языка слово *hoeker* в русском языке имело различные фонетические и графические варианты. Ср.: *гуккаръ* (ОГВ, 1877: 16); а также *зукеръ* – 1730-е годы (*зукаръ*, 1713, *зукоръ*, 1714, *зукръ*, 1707, *зукаръ*, 1730-е годы, *укаръ*, 1712, *зикарь*, 1719). В эпоху Петра I употреблялось в значении 'парусное грузовое судно' преимущественно в документах деловой письменности. Ср.: «На рѣкѢ ДвинѢ и на инѣхъ рѣкахъ въ Архангелогородской губернии: строить корабли и укари и галиеты и прочие суды» (из документов эпохи Петра Великого); или: «галъет голландский да гукаръ» (Материалы по морскому делу, 1712–1720) (СРЯ XVIII, 6: 10).

Из материалов ОГВ мы узнаем, что «*гуккаръ* имѢть по палубѢ длины около 90–95 (иногда от 130 до 140 футов) и ширины до 31 фута. Грузу поднимаетъ отъ 12000 до 49500 пудовъ, смотря по длинѢ судна. Стоимость его съ оснасткою около 9000 р. Гуккаръ точно также какъ и бригъ (или брига, какъ здѣсь называютъ), по конструкции и величинѢ, принадлежить къ типу галиотовъ, но по оснасткѢ и парусности съ нимъ значительно разнится. Гуккаръ вооруженъ двумя мачтами; на передней три реи и паруса: гротъ, марсель, брамсель, у иныхъ бомъ-брамсель и гротъ-трисель; на задней мачтѢ: бизань и топсель; по бушприту – кливеръ и бомъ-кливеръ, по фока-штагу – косою фокъ. КромѢ того, между гротъ и фокъ-мачтой поднимается два и болѣе летучіе топселя. Гуккарское вооруженіе похоже на шхунское, исключая того, что гротъ идетъ отъ реи внизъ только до половины мачты и грота-шкоты подтягиваются къ летучей реѢ, которая, при брасонкѢ, двигается съ парусомъ свободно, не смотря на свободно положенный грузъ судна сверху палубы» (ОГВ, 1876, 16).

В материалах ОГВ упоминается ещё один тип судна, название которого было известно строителям и морякам Олонецкой губернии. Это *трешкоут* (*трешкот*). Примечательно, что слово *трешкот* упоминает известный учёный, исследователь Олонецкого края И. С. Поляков в своем отчётном письме Императорскому Русскому Географическому обществу в начале 1873 года. Ср.: «Сегодня (25 апреля) собирается отправиться из Вытегры первый трешкот на Вознесенскую пристань».¹¹ В примечаниях к Письмам-отчётам И. С. Полякова дано следующее определение термина: «Трешкоты – небольшие палубные грузовые судна на Онежском и Ладожском озерах. Ходили под парусами, на веслах, а по каналам бичевою».¹² Заметим, что отдельные письма-отчёты И. С. Полякова публиковались в ОГВ за 1871.

В эпоху Петра I «начинает складываться в России язык морского транспорта».¹³ В XIX столетии, судя по данным публикациям газеты, этот процесс ещё не был завершен.

ОГВ представляют собой ценный источник для изучения родного края, особенностей русского быта жителей Карелии в XIX веке, содержат богатый материал не только по истории, этнографии, фольклористике, но и по лингвистике, лингвокраеведению, исторической и региональной лексикологии.

Принятые сокращения

БАС – Словарь современного русского литературного языка / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. – Т. 1–17.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. – Л. : Наука, 1984–2007. – Вып. 1–17.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Л. : Изд-во ЛГУ : СПбГУ, 1967–2009. – Вып. 1–19.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. – Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2007. – Вып. 1–41.

ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991. – Вып. 1–9.

¹¹ Поляков И. С. Путешествия по Олонецкой губернии. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – С. 50.

¹² Там же. С. 210; Богородский Б. Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

¹³ Богородский Б. Л. Указ. соч. – С. 2006.

**Формирование архитектурного ансамбля Круглой площади
(конец XVIII – XIX вв.).
Опыт реконструкции в постоянной экспозиции
Карельского государственного краеведческого музея**

История возникновения и формирования архитектурного ансамбля Круглой площади в Петрозаводске хорошо изучена исследователями и специалистами, но работа над ней ведется до сих пор. Истоки пристального интереса к истории ансамбля находятся в 50-х годах XX века, когда в общественности республики впервые отчетливо и громко зазвучала тема необходимости сохранения, развития ансамбля и придания зданиям статуса охраняемого памятника. Случилось это во многом благодаря усилиям московского архитектора Бориса Васильевича Гнедовского в 1951–1952 гг., который не только впервые исследовал и обмерил здания, но и выполнил первый проект реставрации. Результатом этой работы стал тот факт, что в 1960 г. ансамбль был признан памятником федерального значения и поставлен на государственную охрану.

Вот уже более 10 лет институтом «Карелпроект» и строительной компанией «Век» ведутся работы по реконструкции и реставрации зданий площади. На сегодняшний день часть работ успешно завершена, в отремонтированном крыле расположилась первая очередь постоянной экспозиции КГКМ. Музей, будучи переведенным в здания ансамбля еще в начале 1990-х, наконец, приближается к торжественному для него моменту открытия постоянной экспозиции. Тем важнее для экспозиционеров обратиться к истокам единственного сохранившегося городского ансамбля конца XVIII века, уникального для Петрозаводска, столь сильно пострадавшего в годы Великой Отечественной войны.

Поводом для раскрытия узкой, с точки зрения всего масштаба постоянной экспозиции, темы, стало оформление зала, посвященного образованию Олонецкой губернии в конце XVIII – начале XIX вв. В частности тема раскрывает территориально-административные реформы Екатерины II и ее приемников на примере Олонецкого края. Логика повествования ведет нас от общего взгляда на административные реформы, происходившие в Карелии, к факту создания города Петрозаводска, и, все более сужаясь, к теме Круглой площади – административного центра губернии. Художественному замыслу способствует и сам зал в экспозиции – двухуровневый, со спуском вниз, открывающий непосредственный доступ к кирпичной кладке стен и бутовой – фундамента. Он помогает посетителю стать непосредственным наблюдателем истории Круглой площади, своими глазами увидеть и собственной рукой прикоснуться к камням, скрытым в обычной жизни города слоями штукатурки вековой давности.

Уже сам интерьер зала чрезвычайно своеобразен и интересен, безусловно выделяясь среди других помещений постоянной экспозиции. По плану это пристройка, сделанная в середине XIX века к первоначальному строению. Реконструкция выявила и сделала доступной своими глазами увидеть не только внутренние черты здания, но и внешние, обусловленные как раз фактом пристройки: обнажился первоначальный фундамент одного из восьми зданий, открылось окно в его стене, и окно в подвальном уровне (рис. 1).

Именно нижний, колоритный по своей фактуре уровень зала и стал местом расположения мультимедийной программы, посвященной развитию ансамбля Круглой площади.

Сценарий программы был подготовлен на основе архивного материала, которым в копиях виде располагает научный архив краеведческого музея – это дела, относящиеся к моменту постройки зданий, их перестройки в конце XVIII и реконструкции в течение XIX вв., а также материалы архитектурного характера 50-х, 80-х и 90-х годов XX века. Помимо архивного материала, была использована литература, посвященная истории Круглой площади – публикации Б. В. Гнедовского, Е. Е. Ицксон, Л. И. Капуста.¹ Неоценимую помощь оказали материалы, предоставленные Еленой Евгеньевной Ицксон, и ее консультации – не только в качестве специалиста-краеведа, но и как главного архитектора ЗАО «Проектный институт «Карелпроект». Среди изобразительного материала, послужившего опорой при создании мультимедиа, важно отметить коллекцию чертежей, подготовленных мастерской Б. В. Гнедовского в рамках проекта реставрации площади в начале 50-х годов и переданного в фонды Карельского государственного краеведческого музея в 1964 г.

Задача, поставленная перед авторами мультимедийной программы, была следующая – в простой, доступной посетителю форме наглядно показать процесс формирования архитектурного ансамбля Круглой площади.

¹ Гнедовский Б. В. История Круглой площади / Б. В. Гнедовский // На рубеже. – 1952. – № 12. – С. 61–67; Гнедовский Б. В. Возникновение и развитие ансамбля площади им. 25 октября в Петрозаводске / Б. В. Гнедовский // Архитектура СССР. – 1954. – № 8. – С. 33–35; Ицксон Е. Е. Ансамбль русского классицизма: Архитектура [Петрозаводска] / Е. Е. Ицксон // Лицей. – 2003. – № 1. – С. 14; Ицксон Е. Е. История Круглой площади / Е. Е. Ицксон // Карелия. – 2001. – 30 июня (№ 71); Капуста Л. И. Круглая площадь / Л. И. Капуста // Улицы и площади старого Петрозаводска. – Петрозаводск, 2003. – С. 3–8.

Для максимальной наглядности был выбран путь 3D-моделирования. На основе предоставленного материала студией «Медиаверб» был разработан трехмерный макет зданий площади в двух ипостасях – в виде восьми зданий (шесть друг против друга и два флигеля) и в виде двух больших полукруглых корпусов, Западного и Восточного. Временные рамки охватывают период с момента постройки зданий в последней трети XVIII до середины XIX в., когда облик площади принял практически окончательный свой вид.

Становление архитектурного ансамбля показывается путем смены кадров, иллюстрирующих как кардинальные этапы перестройки, так и изменение внешнего облика зданий. Внимание уделяется виду площади с высоты птичьего полета и в частности фасадной стороне Западного корпуса (сейчас – место расположения экспозиций музея). Изменения, происходившие с дворовыми постройками, были оставлены за кадром.

В истории формирования ансамбля были выделены следующие ключевые моменты:

– Начальный этап показывает создание восьми корпусов для управления Олонецкой промышленностью по плану А. С. Ярцова в 1773–1775 гг. по проекту архитектора Назарова. В восьми зданиях должны были разместиться главный командир, два канцелярских чиновника, заводская канцелярия, аптека, школа, лаборатория (рис. 2).

– Временные рамки второго этапа охватывают промежуток с 1775 г. по 1780-е гг., когда здания стояли без наружной отделки (рис. 3).

– Третий этап показывает объединение шести зданий Круглой площади в два полукруглых строения в 1787–1789 гг. по проекту архитектора Михаила Кисельникова под руководством Федора Крамера. Изменения, произошедшие с внешним обликом зданий, были связаны с передачей их из ведения завода административной власти губернии. Именно тогда, благодаря встройкам между корпусами, появились четыре зала, из которых на сегодняшний день сохранились два: Губернаторский зал в здании Краеведческого музея и второй – при Республиканском центре национальных культур (рис. 4).

– Четвертый этап, отраженный в программе, иллюстрирует повреждения, которые нанес зимой 1803 года Западному корпусу пожар. Здесь же показывается последовавшее восстановление здания. В скором времени восстановленный Западный корпус заняла резиденция Олонецкого губернатора, а в Восточном корпусе расположились губернские присутственные места.

– Пятый этап посвящен периоду обветшания зданий в конце первой четверти XIX в., связанному с недостаточным уходом за зданиями из-за отсутствия финансирования и частой сменой губернаторов.

– Завершающий, шестой момент связан с реконструкцией и восстановлением зданий по проекту Василия Тухтарова в 1830–1840 гг. и приобретением площадью облика, близкого к современному. В программе отражены такие изменения, как замена деревянной крыши строений на железную, появление ограды между флигелями и корпусами, исчезновение пилястров на стенах корпусов, увеличение окон второго этажа, появление рустовки между окнами первого этажа, устройство эркеров на главном фасаде Западного корпуса, устройство тротуаров и сквера (рис. 5).

Следует отметить, что при создании данной мультимедийной программы мы ставили себе цель достаточно условно, без излишней для посетителя детализации, показать процесс формирования ансамбля площади. При этом были использованы те дизайн и арсенал технических средств, которые смогла предложить музею, как заказчику, студия-изготовитель. Дополнением к видеоролику, посвященному трехмерной модели площади, служит второй сюжет, основанный на иллюстративном материале, в котором раскрывается история зданий Круглой площади с момента постройки и до наших дней.

В экспозиции процесс формирования ансамбля показывается не только за счет представленной мультимедийной программы. К числу экспонатов, раскрывающих тему истории Круглой площади, относятся экспонируемые копии работ мастерской Б. В. Гнедовского начала 1950-х гг., план Александровского завода и Круглой площади 1774 г., Опись построенных при Александровском заводе домов 1775 г.

Тема изучения Круглой площади вот уже более полувека волнует умы исследователей истории города Петрозаводска – историков, архитекторов, искусствоведов. И отражение ее в музейной экспозиции представляется более чем актуальным. Надеемся, что созданная программа поможет музейному посетителю ближе познакомиться с историей создания единственного сохранившегося архитектурного ансамбля Петрозаводска XVIII в.

Рис. 1. Раздел постоянной экспозиции КГКМ «Административное устройство Олонецкой губернии в конце XVIII – начале XIX вв.».

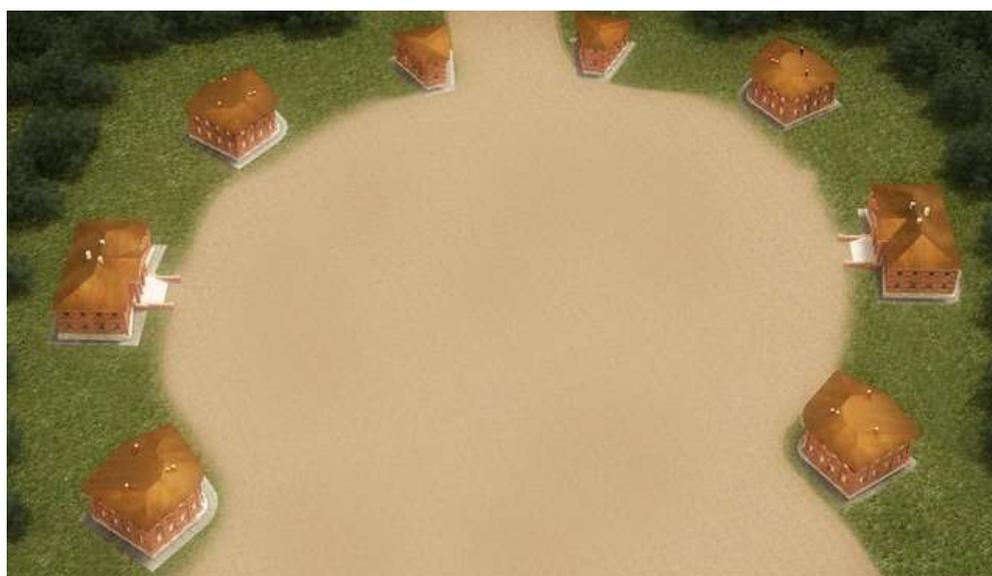

Рис. 2. Первоначальный вид Циркулярной (Круглой) площади. Трехмерная реконструкция

Рис. 3. Фасад центрального здания на западной стороне Круглой площади. Трехмерная реконструкция

Рис. 4. Вид Круглой площади после объединения зданий. Трехмерная реконструкция

Рис. 5. Вид Западного корпуса после реконструкции 1830–40-х гг. Трехмерная реконструкция

Герман и Элизабет Халлонблад – меценаты и благотворители Ладжской Карелии

Государственный советник Герман Халлонблад (1825–1894) и его супруга Элизабет Халлонблад (1831–1907) были крупными финскими меценатами 2-й половины XIX века, но развитие Ладжской или – как тогда ее называли – Приграничной Карелии было особенно близко их сердцу, т. к. оба родились, жили и работали в городе Сортавала. Они были горячими патриотами своей малой родины и оказывали ей реальную помощь в деле просвещения, культуры и экономики.

Биографические сведения

Родителями Германа Халлонבלада были коронный фохт в объединенном Сортавальском и Салминском судебном округе статский советник Йохан Халлонблад и дочь старшего пробста из Китее Катарина Вегелиус.

Детские годы Германа прошли в Сортавале. Халлонблады, у которых было 8 детей, жили в центре города, в одноэтажном деревянном доме, окруженном большим садом. Семья была очень дружной, гостеприимной и музыкальной. Все играли на пианино, пели, танцевали и устраивали концерты.

Герман получил прекрасное образование: он учился в лучшем учебном заведении Хельсинки – частном лицее «Хельсингфорс», а затем на факультете правоведения Хельсинского Императорского Александровского университета, по окончании которого в 1849 году служил в губернском суде Выборга. В 1852 году он получил должность вице-судьи, а за год до этого вступил в брак по взаимной любви с единственной дочерью сортавальского купца Лизинкой (Элизабет) Сийтонен.

Элизабет Халлонблад и со стороны матери, и со стороны отца принадлежала к старейшим родам сортавальских купцов Сийтоненых-Ниссиных. Иивана Сийтонен (*Иван Федоров Сийтойн – в русском написании*) был одним из самых богатых сортавальских купцов. Он имел свои суда и вел обширную торговлю с Петербургом.

Мать Лизинки Мария Ниссин умерла, когда ей было всего 3 года. Девочка жила с отцом, который отличался суровым и властным нравом, но старался дать единственной дочери хорошее образование. У нее были две домашние учительницы, обучавшие ее немецкому, шведскому и французскому языкам. В 1843–1846 годах она училась в двухгодичной немецкой частной школе для девочек в Савонлинне.

Иван Сийтонен долго не давал согласия на брак своей дочери с Германом Халлонбладом. Причина была в вероисповедании: Халлонблад был лютеранином, а Сийтонены – православными, и к тому же у отца был свой кандидат в мужья своей дочери – из купеческого сословия. Лишь тяжелая болезнь заставила старого купца уступить.

Вице-судья Халлонблад на протяжении своей жизни занимал множество различных должностей. Он служил мэром города Кякисалми (Кесгольма), директором Финского объединенного банка в Хельсинки, а вместе с тем он был еще и землевладельцем: ему принадлежали в разные годы усадьба Лауко в провинции Хяме, а также поместья Рюттю, Мюллюкюля и Хюмпеля в Сортавальском уезде.

Когда купец И. Сийтонен умер, его дочь стала наследницей огромного состояния. Особенно большое значение это имело для Германа Халлонблада, так как по законам того времени у мужа было полное право распоряжаться собственностью жены. Но используя средства Элизабет для благотворительных целей, Герман всё же принимал во внимание пожелания своей супруги, и чаще всего пожертвования они делали от имени обоих.

Герман и Элизабет Халлонблады – меценаты Ладжской Карелии

Супруги Халлонблады оказывали значительную финансовую поддержку как изобразительному искусству, так и музыкальной культуре, но тем не менее их помнят в Финляндии в первую очередь за содействие развитию народного образования в Карелии.

В 1860 году умер отец Элизабет, и в память о нем супруги Халлонблад решили открыть в Сортавальском уезде первую народную начальную школу, носящую его имя. С этой целью ими был подарен городу большой земельный участок в живописном пригороде Сортавала – Кюмеля, принадлежавший Сийтонену, на котором был построен целый учебный комплекс: два школьных здания, детский сад, интернат для девочек-сирот, ферма, различные хозяйственные постройки, огород. Школа И. Сийтонена была открыта в 1864 году. Кроме того, Халлонблады пожертвовали городу 200000 марок, годовые проценты от которых должны были идти на содержание школы. Общая сумма пожертвований составила 371500 марок, огромную сумму для того времени (в переводе на современные деньги – 1400000 евро).

Этот проект имел такое большое государственное значение, что Герман Халлонблад получил от императора Александра II орден Святой Анны II степени и титул статского советника.

Школа И. Сийтонена была передовой для своего времени, но прекратила свою деятельность спустя 13 лет, когда в 1877 все школьные строения вместе с землей, а также 200000 марок были подарены Халлонбладами

государству для основания здесь училища по подготовке учителей для народных школ (учительской семинарии). Именно этот дар сыграл главную роль в принятии решения правительством Финляндии о месте строительства семинарии, т. к. первоначально планировалось открыть ее в Савонлинне. Это была вторая в Финляндии учительская семинария с преподаванием на финском языке.

Открытие ее состоялось в 1880 году. Семинария представляла собой целый студенческий городок протяженностью почти километр, на котором располагались десятки строений: мужские и женские учебные корпуса и общежития, мастерские, концертный и спортивный залы, детский сад, т. н. «образцовые школы» для мальчиков и девочек, где проходили практику семинаристы, а также сад, огород, теплицы.

В 1891 году Герман Халлонблад дополнительно пожертвовал 3000 марок для помощи нуждающимся семинаристам, а Элизабет в течение нескольких лет оплачивала питание и жилье 10 ученикам школы. Супруги были и попечителями этого учебного заведения, ежегодно присутствовали на весенних экзаменах и праздниках.

Открытие семинарии имело огромное значение для экономического и культурного развития как города, так и всей Приграничной Карелии. Можно сказать, что в 1880 году открылась новая страница в истории Сортавала. Из маленького патриархального городка она превратилась в мощный образовательный и культурный центр Северного Приладожья. «Кюмельская семинария» стала для карельской молодежи своеобразным «Карельским университетом», как иногда ее называли. За 60 лет своего существования семинария подготовила 2800 учителей. Самым знаменитым ее выпускником был финский писатель-сатирик Майю Лассила.

После того как школа Сийтонена закрылась, Халлонблады продолжали активную деятельность по открытию народных школ в сельской общине, т. к. действующие при учительской семинарии т. н. «образцовые школы» не могли вместить всех желающих учиться.

В 1879 году на собрании сельской общины было принято решение о создании специального фонда для строительства и обеспечения сельских школ, и в то же время супруги Халлонблад пообещали пожертвовать каждой из открывающихся в Сортавальском уезде школ по 1000 марок на приобретение мебели и оборудования. В 1881 году правление сельской общины решило открыть 4 народные школы: в Ляскеля, Куркиеки, Тулола и Рюттю. Но прежде чем это решение воплотилось в жизнь, пришлось столкнуться с различными трудностями. Тогда пришел на помощь статский советник Халлонблад. На свои средства в 1882 году он построил первую в Сортавальском уезде сельскую народную школу и подарил ее общине.

Школа находилась в деревне Ристи (селение Рюттю), на землях родового поместья И. Сийтонена, доставшемся Элизабет Халлонблад по наследству. Год спустя Герман Халлонблад открыл там же двухгодичную столярную школу, куда принимались мальчики с 15 лет. Руководил ею талантливый преподаватель ремесел и рисования Сортавальской семинарии Ээро Мякинен. Со временем школа превратилась в профессиональное учебное заведение высокого уровня. Так, на промышленной выставке в Хельсинки в 1897 году изделия учащихся столярной школы Халлонблада получили 1 премию.

В 1880–1890-е годы в Финляндии началось движение по созданию т. н. школ рукоделия, в которых девочки получали профессиональные навыки, с помощью которых они могли содержать себя и свои семьи. В Сортавале первую школу ткачества и рукоделия основала в 1885 году Элизабет Халлонблад. До 1892 года она сама опекала и финансировала ее, а затем передала Сортавальскому женскому обществу, но продолжала выплачивать ежегодно по 500 марок на ее содержание. В 1912 году школа приобрела статус училища и стала называться Сортавальской женской школой местной промышленности. *(В 1940 году она переехала в Варкаус, где продолжает действовать и доныне).*

В 1901 году Элизабет Халлонблад исполнилось 70 лет, и она пожертвовала 20000 марок для основания Восточно-Карельского народного училища, построенного в 1906 году в Импилахти. *(Во время «Зимней» войны оно было эвакуировано и сейчас продолжает свою деятельность в Пункахарью).*

Говоря о вкладе Халлонбладов в просвещение карельского народа и воспитание его национального самосознания, нельзя не упомянуть и открытие ими Историко-Краеведческого музея в Сортавала в 1883 году. Для музея и библиотеки супруги отвели часть помещений в своем городском доме. Они дарили в фонды музея различные экспонаты (в частности, свою коллекцию старых золотых монет), а также делали значительные денежные пожертвования на пополнение музейных коллекций.

После смерти Элизабет Халлонблад весь дом отошел по завещанию Краеведческому музею и библиотеке. *(Это здание сохранилось и доныне, сейчас в нем размещен социальный приют для детей).*

Благотворительная деятельность супругов Халлонблад

Супруги Халлонблад хотели способствовать развитию народного образования и просвещения в Карелии, но вместе с тем и оказывать помощь бедным, больным и нуждающимся.

В 1888 году на территории своего поместья Сомероя в Рюттю они открыли первый в Сортавальском уезде Дом призрения для бедных. Сначала он вмещал 50 человек, но нуждающихся было гораздо больше. Тогда решили его расширить, и в 1892 году дом мог вместить уже 130 человек. На участке земли площадью 1,5 гектара были построены дом для престарелых и неимущих, психиатрическая больница, детский приют, ферма и конюшня. На эти цели Халлонблады пожертвовали 5000 марок и еще 2000 марок обещали выплачивать ежегодно на содержание учреждения. Они завещали городу свое поместье Сомероя вместе с постройками и недвижимым имуществом, а также 80000 марок, проценты с которых должны были идти на содержание Дома призрения.

За свою благотворительную деятельность Г. Халлонبلاد получил благодарность и признание уже при жизни. Он упоминается в изданном в 1880 году биографическом справочнике «Biografinen nimikirja» среди самых выдающихся деятелей Финляндии. За свои заслуги перед народом и меценатскую деятельность он получил в 1888 году титул государственного советника.

После смерти супруга в 1894 году Элизабет Халлонبلاد продолжает заниматься благотворительностью. В 1890-е годы она сделала значительные пожертвования для основания в Сортавале школы для глухонемых детей. 10 000 марок она подарила на нужды больницы для бедных, открытой в 1885 году – т. н. больницы сестер милосердия при Евангелическом обществе. В 1906 году, за год до смерти, она пожертвовала 14000 марок на строительство в городе Сортавала детского дома.

Через 2 года после смерти Элизабет, в 1909 году, вступило в силу совместное завещание супругов Халлонبلادов. Помимо огромных сумм, подаренных ими Финскому обществу искусства и двум высшим учебным заведениям Хельсинки, город Сортавала получил 50000 марок, ежегодные проценты с которых должны были бы пойти на нужды бедных.

Оба супруга умерли и похоронены в Сортавала, в их уникальном семейном склепе, который Герман Халлонبلاد построил для себя и своей жены. По его желанию склеп установлен на границе участков кладбища: одна половина его на лютеранском, другая – на православном.

Что побуждало супругов Халлонبلاد делать такие огромные пожертвования на благотворительность? Очевидно, истоки этой деятельности коренятся в обстоятельствах жизни (Элизабет лишилась матери в 3-х летнем возрасте, и у нее самой не было детей), активной общественной позиции, патриотизме и характерах супругов. В определенной мере проливает свет на отношение Германа Халлонبلاد к роли мецената некролог на его смерть, опубликованный в сортавальской газете «Laatokka» от 24 февраля 1894 г.:

«Да, Халлонبلاد был богат и пользовался всеми удовольствиями жизни. Но заслуживает уважения то, что он не делал кукла из денег и щедро делился своим изобилием с окружающими. И это желание помогать другим было у него в крови. Наверняка, если бы лишить его этой возможности, он не чувствовал бы себя счастливым. Он делал свое благородное дело не из-за тщеславия и желания выглядеть исключительным, а просто потому, что не мог этого не делать».

Калинина Елена Александровна

Из истории библиотек учебных заведений Олонецкой губернии в первой половине XIX века

Библиотеки являются неотъемлемой частью истории культуры России. Повсеместное открытие училищных библиотек в Российской империи началось в начале XIX в. Целью статьи является показать становление и развитие библиотек при учебных заведениях Олонецкой губернии в первой половине XIX в. Данное исследование основано на законодательных документах, регламентирующих функции деятельности школьных библиотек, архивных материалах по истории культуры Олонецкого края в XIX в.

Училищные библиотеки появились вместе с созданием учебных заведений в России в начале XIX в. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» (1804 г.) и «Устав учебных заведений» (1828 г.) разрешали губернским гимназиям иметь «библиотеку, избранную из разных известнейших классических авторов и лучших ученых творений иностранных и российских, <...> относящихся до учебных предметов, преподаваемых в гимназии».¹ Однако, законодательные документы первой половины XIX в. не предусматривали ученических библиотек в приходских и уездных училищах. В них предполагалось только лишь «небольшое собрание нравоучительных и других полезных книг для чтения, как учащихся, так и самих учителей».² В начале XIX в. училищные библиотеки появились только в губернских гимназиях, в других же учебных заведениях Российской империи библиотеки не предполагались.

Открывая библиотеки при губернских гимназиях, правительство не могло допустить свободы учителей и учащихся в выборе книг для чтения. За выпуском и приобретением учебной литературы устанавливался строгий надзор. Кто будет выполнять функции контроля и надзора за составлением, изданием учебников, книг, пособий для учебных заведений империи в начале XIX в. не было четко определено, поэтому в течение всей первой половины XIX столетия происходила корректировка и передача обязанностей по надзору за издаваемой учебной литературой различным комитетам.

¹ Устав учебных заведений // Сборник постановлений и инструкций Министерства народного просвещения. Т. 2. СПб., 1875. Ст. 180.

² Там же. Ст. 167.

Одним из первых учреждений, надзирающих за выпуском учебников для учебных заведений России, явилось Главное правление училищ, на которое возлагались обязанности по принятию мер к изданию книг и методических пособий для всех средних и низших учебных заведений России. Штат Министерства народного просвещения постоянно реформировался: появлялись новые комитеты и упразднялись старые. Министры просвещения, приступая к выполнению своих должностных обязанностей, старались по своему усмотрению провести перестройку государственного учреждения. В 1812 г. учредили особый временный Комитет о снабжении училищ пособием по части естественной истории. В 1817 г. при министре народного просвещения князе А. Н. Голицыне был создан Ученый комитет, который стал одним из подразделений Главного правления училищ и находился в ведение Министерства. Он стал еще одним учреждением, надзирающим за учебной литературой для учебных заведений России. Согласно инструкции от 5 августа 1818 г. Ученому комитету поручалось «рассмотрение книг, заготавливаемых для учебных заведений, суждение о книгах всякого рода, входящих к министру <...>, рассмотрение учебных пособий для училищ».³ Кроме этого, при училищном правлении был организован еще и хозяйственный комитет, который занимался снабжением книгами и учебными пособиями школ страны. Хозяйственный комитет управлял книжным магазином и книжной лавкой, где продавалась учебная литература.

В 1825 г. министром народного просвещения был назначен К. А. Ливен, при котором была проведена новая реформа подразделений Министерства. В 1826 г. был создан Комитет устройства учебных заведений, в состав которого включались «надежнейшие профессора и академики» после утверждения лично императором.⁴ Комитет рассматривал и утверждал не только все курсы обучения предметов, но и составленные российскими учеными учебники и руководства для преподавания в учебных заведениях. Комитет устройства учебных заведений действовал до 1849 г. При министре просвещения графе С. С. Уварове в 1831 г. был упразднен Ученый комитет, а его функции передали Департаменту министерства народного просвещения и Главному правлению училищ, которые осуществляли надзор за выпуском учебных пособий и книг для училищ. При Департаменте состоял книжный магазин и особый книгохранитель. Учреждался особый хозяйственный стол, в ведении которого находилось издание и снабжение учебной литературой школ России. Еще одним органом, контролирующим выпуск и распространение учебной продукции, стал Университет, который возглавлял подведомственный учебный округ. В его ведении находились все учебные заведения, в том числе и училищные библиотеки.

Таким образом, к середине XIX в. все функции по рассмотрению и проверке содержания учебных книг и пособий для всех учебных заведений, издание, снабжение книгами училищных библиотек, управление книжными магазинами и типографией сосредоточились в ведении Министерства народного просвещения, при котором с течением времени для надзора и контроля над ученическими библиотеками создавались различные комитеты. В 1856 г. восстановили Ученый комитет, который сосредоточил в своем ведомстве все функции контроля и надзора за рассмотрением издаваемых учебных пособий для учебных заведений России и за деятельностью училищных библиотек.

В начале XIX в. во всех образовательных учреждениях страны использовались книги и учебные пособия, изданные Комиссией училищ или частными лицами еще в конце XVIII в. «Устав учебных заведений» 1804 г. определял список учебных пособий по различным предметам, преподаваемым в учебных заведениях страны. По «Уставу», в фонде гимназической библиотеки должны были находиться грамматики и словари: латинские, немецкие и французские; антология французских поэтов; курсы чистой и прикладной математики, опытной физики, философии, изящных наук, истории и географии; статистика; начальные правила политической экономии, основания технологии и коммерческой науки.⁵ В уездных училищах в составе школьной библиотеки состояли: краткий и пространный Катехизис, «Книга о должностях человека и гражданина», Евангелие, грамматика русского и местного языков, арифметика, география, история, геометрия, физика.⁶ В приходских училищах необходимо было иметь российский букварь, прописи и руководства к чистописанию, арифметику, сокращенный Катехизис, краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, о сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья, правила для учащихся.⁷

Как шло формирование фондов училищных библиотек, и откуда поступали книги в библиотеку? Какой-либо системы в комплектовании библиотечного фонда не существовало. Училищный комитет Петербургского университета постоянно контролировал состояние фондов училищных библиотек своего учебного округа: какие учебные пособия имелись в школах, и в каких учебниках нуждались училища. Из отчетов и сообщений губернских дирекций училищ, комитет имел сведения с мест о комплектации книгами фондов училищных библиотек и регулировал численность учебной литературы в учебных заведениях округа.

Кроме этого, помощь школам оказывала Императорская Российская Академия наук, которая отправляла книги бесплатно, но эта поддержка была незначительна и непостоянна и, в основном, состояла из разовых присылок книжной продукции в различные учебные заведения. Например, при открытии Пудожского приходского

³ Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 234.

⁴ О составе Комитета для рассмотрения учебных пособий // Сборник постановлений... Ст. 26.

⁵ Устав учебных заведений, подведомых университетам // Сборник постановлений... Ст. 308.

⁶ Там же. Ст. 325.

⁷ Там же. Ст. 332.

училища в 1836 г. из Академии наук поступило 3 книги.⁸ Другие же приходские и уездные училища Олонецкой губернии такой помощи в течение первой половины XIX в. не получали. В Олонецкую гимназию в 1840 г. Академией наук была отправлена «Картины России и быт ее народов».⁹

Содержание библиотек полностью находилось в ведении самих учебных заведений. Приобретение книг происходило за счет специальных сумм, выделяемых государственной казной, и частных пожертвований. Средства на приобретение и покупку учебной литературы и содержание самих училищных библиотек предусматривались в общей смете расходов по губернской гимназии. В «Примерном исчислении сумм на ежегодное содержание Университетов, гимназий и уездных училищ в России» (1803 г.) по Олонецкой гимназии указывалась сумма 250 рублей на содержание отдельно каждой библиотеки.¹⁰ Интересно заметить, что в начале XIX в. специальной статьи на финансирование библиотек в бюджете гимназий не предусматривалось. Только лишь в графе «на содержание училищного дома и прочие расходы» указывалась сумма, отведенная на покупку книг для библиотек.¹¹ Отдельные статьи расходов на приобретение книг и учебных пособий в «Ведомости о приходе и расходе сумм по учебным заведениям» появились позже. Часто из-за недостатка финансирования гимназии сокращались именно эти статьи расходов, включая суммы на покупку книг для библиотек. В 1804 г. Олонецкий губернатор В. Ф. Мартенс сообщал попечителю Санкт-Петербургского учебного округа графу П. А. Строганову, что на содержание Главного народного училища в г. Петрозаводске на книги, дрова, свечи было определено 74 р. 65 к.¹² А в годовом отчете за 1809 г. в «Ведомости о состоянии училищ» указывалось, что на библиотеку было выделено 203 р.¹³ [вместо 250 рублей по ведомости расходов на содержание гимназий. – Е. К.].

Постепенно внимание училищных властей к развитию гимназических библиотек усиливалось. В 20-х годах XIX в. финансирование училищных библиотек увеличилось. Значительная часть средств на покупку книг и учебных пособий для учебных библиотек отпускалась Министерством народного просвещения: книги закупались в книжном магазине министерства и отправлялись на места. Губернские училищные дирекции несли расходы по приобретению книг для библиотек из книжного склада или из книжных магазинов Санкт-Петербурга. В фондах Национального архива Карелии сохранились оплаченные счета из Министерства просвещения и из магазина книгопродавца Смирдина в Петербурге.

Закупка учебной литературы производилась по решению педагогического совета гимназии, где составлялся список книг. Чаще всего при составлении реестров мнение директора было определяющим, поэтому большую роль в формировании фондов училищных библиотек играли начальники дирекций училищ. Они ведали всеми расходами по книжному делу училищных дирекций, заботились о состоянии библиотек. Директора изыскивали различные финансовые средства на покупку литературы, нередко сами выступали в роли благотворителей.

В первой половине XIX в. приобретение книжной продукции жителями северной провинции России было весьма проблематично. Купить книги и учебники для учащихся школ можно было только в специальных магазинах, открываемых дирекциями училищ, поэтому кроме фундаментальных библиотек в учебных заведениях России существовали также и «продажные» библиотеки. В них находились книги, предназначенные для продажи учащимся школ. Как правило, среди продажных книг большую часть составляли учебники для гимназий, уездных и приходских училищ. В дирекцию училищ книги поступали по отдельным ведомостям, в которых в одной графе указывались цены для учеников, во второй графе – цены для учебных заведений с указанием платы за доставку. Библиотекари в гимназиях, а в уездных училищах – штатные смотрители, продавали книги учащимся по ценам, установленным Министерством народного просвещения. Деньги, вырученные от продажи учебной литературы, шли на пополнение фондов библиотек. Судя по архивным данным, книги покупались только учениками гимназий и уездных училищ, а из приходских школ учебники возвращались обратно нереализованными. Так, в 1809 г. в приходские училища Олонецкой губернии были отправлены учебные пособия для продажи среди учащихся сельских школ. По ведомости, где были указаны цены книг для продажи, книги поступили в октябре 1809 г. Штатные смотрители и приходские священники, получившие книги, в течение всего учебного года докладывали в дирекцию училищ, что ни одна книга не продана.¹⁴ В итоге, все учебники были переданы обратно в гимназию и уездные училища.

По архивным источникам интересно проследить, как происходило пополнение фондов библиотек учебных заведений изданиями периодической печати. Специальных средств в бюджете училищ на выписку газет и журналов не предусматривалось. Поэтому в начале XIX в. в училищных библиотеках находился только журнал «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», который бесплатно отправлялся во все учебные заведения страны. Об этом свидетельствуют отчеты директоров народных училищ. Первые сведения

⁸ Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК), ф. 17: Директор народных училищ, оп. 5, д. 7/15, л. 121 об.

⁹ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 6/8, л. 738.

¹⁰ Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание Университетов, гимназий и уездных училищ // Сборник постановлений... Ст. 33.

¹¹ Там же. Ст. 34.

¹² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб), ф. 139: Канцелярия Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, оп. 1, д. 133, л. 3.

¹³ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 439, л. 1.

¹⁴ НА РК, ф. 17, оп. 6, д. 1/1а, л. 278, 295.

о выделении средств на выпуск журналов и книг для библиотеки появляются в ведомостях о суммах в Олонецкой гимназии за 1825 г.¹⁵ В середине XIX в. в библиотеки губернских гимназий поступали журналы «Отечественные записки», «Северная пчела», «Вестник Европы», «Христианское чтение», «Сын отечества», «Северный архив» и другие. В фондах находились подписки газет: «Сенатские ведомости», «Звездочка», «Гильдия», «Русский инвалид».¹⁶ Уездные училища стали выделять деньги на выпуск периодических изданий с 30-х годов XIX в. В 1834 г. Олонецкое уездное училище получало журнал «Родина».¹⁷ Чтобы заинтересовать учебные заведения в приобретении периодических изданий, Министерство народного просвещения рекомендовало всем губернским гимназиям подписаться на те или иные журналы. Так, например, в 1826 г. дирекциям училищ Санкт-Петербургского учебного округа предлагалось подписаться «на газету “Русский инвалид” или “Военные ведомости” единственно в пользу изувеченных воинов».¹⁸

Исследователь истории народного образования России XIX в., член Министерства народного просвещения, А. С. Воронов отмечает, что при уездных училищах в Олонецкой дирекции имелись небольшие училищные библиотеки уже с 1804 г., хотя на приобретение учебных пособий для библиотек уездных училищ не предусматривалось постоянной суммы. Как правило, библиотеки при уездных училищах, в основном, состояли только из книг, принесенных в подарок частными лицами, которые нередко были бесполезны по своему содержанию. Чаще всего местные чиновники свои благотворительные взносы в пользу учебных заведений делали в виде годовой подписки газет и журналов. Но с появлением постоянного финансирования их фонды существенно увеличились. Если в начале XIX в. они состояли из нескольких экземпляров книг, принесенных из частных библиотек, то к 1853 г. во всех библиотеках уездных училищ Олонецкой губернии составляли 924 названия и 2215 томов.¹⁹

Особенно остро нуждались в учебных пособиях приходские училища. Лишенные какой-либо помощи правительства, они не имели средств не только на приобретение учебных пособий, но и на содержание школьных домов и оплату учителей. Во всех приходских училищах Олонецкой училищной дирекции средств на покупку книг не предусматривалось. Поэтому многие приходские училища не имели учебных пособий не только в начале, но и в конце исследуемого периода.

Важной составляющей в формировании фондов училищных библиотек были пожертвования частных лиц. Финансовые средства на приобретение книг и учебных пособий для учебных заведений передавало купечество. Пожертвования со стороны местных жителей стали появляться уже с начала XIX в. Так, олонецкий купец Семен Васильев в 1837 г. пожертвовал на улучшение библиотеки Олонецкого уездного училища 60 руб., а в 1839 г. ежемесячно выделял на устройство этой же училищной библиотеки по 1 руб. 21 коп.²⁰ В 1839 г. также уроженец г. Олонца, Санкт-Петербургский купец Михаил Копосов подарил 575 учебных пособий беднейшим ученикам Олонецкого училища.²¹

Также в роли благотворителей выступали жители столичных городов. Например, в 1809 г. в Олонецкую гимназию было направлено учебное пособие по изучению французского языка Сикаровой «Французская общая грамматика» от московского именитого гражданина Блемлеера.²² Пожертвования в пользу Петрозаводского уездного училища сделал Ф. Н. Глинка, сосланный в Петрозаводск по делу декабристов. В 1829 г. в библиотеку училища им были переданы шесть томов «Систематического свода существующих законов Российской империи», «Устав сухопутного шляхетского корпуса», «Донесение Его императорского величества графа Каподистрия о учебном заведении г. Фелленберга».

Чаще всего благотворительный взнос на пополнение фондов библиотек, как гимназической, так и уездных училищ производился во время открытых испытаний (экзаменов) в конце учебного года. Такие публичные акты директора училищ старались проводить особенно торжественно и празднично, чтобы привлечь внимание общественности к делу просвещения. На испытания учащихся приглашались губернское и уездное начальство, именитые люди города, дворяне, почетные смотрители, родители учащихся. По окончании испытаний проводили сбор пожертвований на нужды школы. При этом составлялся список жертвователей с указанием суммы взноса. Этот список прилагался к отчету по учебному заведению и отправлялся по инстанциям от смотрителя училищ до попечителя учебного округа. В уездных и приходских училищах Олонецкой губернии такие благотворительные взносы были единственной материальной помощью в течение всего учебного года. В 1837 г. при испытаниях в Повенецком приходском училище было пожертвовано книг от разных лиц на 10 руб. 43 коп.,²³ в 1839 г. в Каргопольском уездном училище на 54 руб. 75 коп. и в Пудожском приходском училище

¹⁵ НА РК, ф. 17, оп. 6, д. 3/4, л. 482.

¹⁶ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 5048, л. 133 об.; д. 4677, л. 16 об.

¹⁷ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 5/12, л. 222.

¹⁸ Там же, д. 2/3, л. 13.

¹⁹ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715–1828 гг. СПб., 1849. С. 211.

²⁰ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 7/14, л. 9.

²¹ Там же, д. 7/15, л. 127.

²² Там же, оп. 6, д. 1/1а, л. 7.

²³ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 5/13, л. 420.

на 13 руб. 30 коп.²⁴ Кроме того, незначительная благотворительная помощь оказывалась приходским училищам. Учителями в этих школах были священники, которые учили бесплатно и снабжали учащихся сельских школ учебниками за свой счет.

Библиотекарем гимназической библиотеки по усмотрению директора училищ назначался один из старших учителей губернской гимназии, который выполнял свои обязанности бесплатно. В уездных и приходских училищах должности библиотекаря не предусматривалось, все школьные книги и учебные пособия находились в ведение штатного смотрителя училищ.²⁵ В обязанности библиотекаря и штатных смотрителей училищ входило ежегодное составление реестра всех книг, имеющихся в училищных библиотеках. При этом описывались все учебные пособия, имеющиеся в гимназии: учебники, руководства по преподаванию предметов, книги, исторические таблицы, карты всемирной истории, географические атласы, периодические издания. Журнал с описью книг постоянно проверялся училищным начальством. Опись находящихся в библиотеках книг мог потребовать и попечитель учебного округа с целью выявления дублетных изданий, которые затем высылались в другие учебные заведения. Так, Олонецкая гимназия выслала 38 томов дублетных изданий в Абовский университет.²⁶

Работа в ученических библиотеках требовала больших усилий и затрат времени. С увеличением книжных фондов значительно возрастало и количество функций заведующих библиотек. В связи с этим, учителя отказывались бесплатно выполнять обязанности библиотекаря или халатно их выполняли. В середине XIX в. в периодической печати стали появляться статьи с требованиями об определении библиотекарям жалования.²⁷

Вся литература, находящаяся в фондах училищных библиотек, обязательно должна была соответствовать списку книг, допущенным Министерством народного просвещения. «Вредная» литература не допускалась для использования в гимназии. По этому вопросу велась переписка попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с директорами училищ. В школьных библиотеках запрещалось хранить книги, противоречащие религиозным догмам. Министерством составлялись списки запрещенных книг, к ним относилась, например, масонская литература: «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова», «Гайнства креста», «Путь ко Христу», «Толкование на Евангелие».²⁸

Таким образом, гимназические библиотеки Олонецкой губернии к середине XIX в. имели достаточно хорошо укомплектованные библиотеки. Фонд Олонецкой гимназии насчитывал 1951 том (975 названий).²⁹ Гимназисты читали российских авторов и переводы иностранных литературных произведений: Ч. Дикенса, И. Гете, Д. Байрона, У. Шекспира и др., какие печатались в журналах, критические статьи В. Г. Белинского и В. Майкова в «Отечественных записках» и «Современнике», произведения молодых тогда русских прозаиков – «Обыкновенную историю» И. Гончарова, «Бедных людей» Ф. Достоевского, первые рассказы И. Тургенева, Д. Григоровича, А. Ф. Писемского, Л. Толстого, научные статьи К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Т. Н. Грановского и публицистические очерки А. И. Герцена.

И все же в учебных заведениях округа (уездных и приходских в особенности) ощущался недостаток в книгах и других учебных пособиях. Училищная дирекция была лишена возможности своевременно и в необходимом количестве приобретать учебную литературу и периодические издания. Пополнение книжных фондов многих ученических библиотек происходило бессистемно, носило случайный характер и зависело в основном от добровольных пожертвований. В библиотеке губернской гимназии часто отсутствовали учебные пособия необходимые для проведения уроков.

Министерство народного просвещения, Главное правление училищ, училищный комитет университета оказывали всяческую поддержку ученическим библиотекам. Но для удовлетворения нужд учебных заведений в учебных пособиях необходимы были значительные финансовые расходы, а правительство ассигнований на эти цели почти не отпускало. Надежда на помощь школам со стороны российского общества не оправдалась. Благотворительность в пользу учебных заведений империи в первой половине XIX в. была разовой и незначительной. К тому же многие директора и штатные смотрители сами часто недооценивали значения учебных пособий и мало заботились об их приобретении.

Вопросы постановки библиотечного дела на местах, принципов формирования и систематизации книжных фондов, оплаты труда библиотекарей впервые были поставлены еще в дореформенной школе и решались, в зависимости от материальных возможностей училищ, отношения провинциального общества и ведомственной политики.

²⁴ Там же, оп. 2, д. 8/16, л. 103 об.

²⁵ Устав учебных заведений, подведомых университетам // Сборник постановлений... Ст. 326.

²⁶ Петров К. М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 г. Материалы для истории учебных реформ // ЖМНП. 1874. Кн. 176. С. 17.

²⁷ Там же. С. 85.

²⁸ НА РК, ф. 17, оп. 6, д. 1/8, л. 279.

²⁹ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 5048, л. 4, 133 об.; НА РК, ф. 17, оп. 6, д. 8/9, л. 33а.

Педагоги Карелии. Масштаб личности и неоценимый опыт

Это небольшое сообщение – дань памяти выдающимся педагогам, в разное время работавшим в школах, учреждениях дополнительного образования, вузах. Каждый из них заслуживает того, чтобы о них рассказать, а объединяет этих, очень разных людей новаторство в педагогике, любовь к ученикам и любовь учеников к ним, высокий авторитет среди коллег.

КУЗЬМА ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ прожил недолгую жизнь, не дожив даже до пятидесяти, но вся его жизнь, вся без остатка, была отдана делу народного образования. В развитии начальной школы на селе в Карелии в конце XIX столетия выдающаяся роль принадлежит именно этому педагогу, Учителю с большой буквы.

К. И. Дмитриев представлял собой тип классического земского учителя-подвижника. Для него не было ничего важнее просвещения народа. Кузьма Иванович родился в г. Вытегра в семье чиновника 6 ноября 1863 года. Отец его рано умер, оставив семью практически без средств к существованию. Одной из возможностей для бедных получить образование в то время было поступление в учительскую семинарию. По счастью в его родном городе учительская семинария была недавно открыта. В 1882 году К. И. Дмитриев окончил Вытегорскую учительскую семинарию и был направлен в с. Вохтозеро Спасопреображенской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии (ныне Кондопожского р-на Республики Карелия), где 20 лет проработал учителем. В те времена это был глухой уголок Олонецкой губернии. Н. Г. Кучепатов следующим образом характеризует его педагогическую деятельность: «Человек передовой и ищущий Кузьма Иванович, несмотря на трудность условий, непрерывно занимался самообразованием и умножал свои знания, вынесенные из учительской семинарии. Он был не только прекрасно осведомлен в педагогической и методической литературе, но имел незаурядные знания и в области сельского хозяйства и медицины и применял свои знания в работе, как в школе, так и со взрослым населением».¹ Кузьма Иванович с большим интересом и глубоким уважением относился к жизни и быту карельского населения, изучал историю края и карельский язык, стремился сделать школу очагом культуры и просвещения для крестьян. Увлеченный передовыми педагогическими идеями, последователь К. Д. Ушинского, он выступал за осознанное, а не механическое усвоение материала, проводил принципы наглядности в обучении, разработал оригинальную методику преподавания русского языка с использованием наглядных пособий. Кузьма Иванович выбрал краеведческий принцип для ознакомления детей с русской грамотой. Во время прогулок, экскурсий, игр и совместного труда происходило взаимоизучение языков. Учитель овладевал карельской речью, дети – русской. В 1892 г. его «Курс начального обучения русского языка в карельских училищах по предметам и картинкам» был представлен на 1-м съезде учителей сельских школ Олонецкой губернии как заслуживающее публикации методическое пособие для учителей. При Вохтозерском училище он создал первый в Олонецкой губернии школьный краеведческий музей наглядных пособий, иллюстрирующих материальную культуру карел и природное богатство края. Музей также способствовал изучению детьми русского языка, так как каждый экспонат был снабжен этикеткой на русском языке и дети, рассматривая экспонаты, усваивали русские названия знакомых с детства предметов. Музей принес К. И. Дмитриеву всероссийскую известность. Он был удостоен малой серебряной медали Всероссийской сельскохозяйственной выставки 1895 года и диплома I-й степени 16-й Нижегородской Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года.

И этим его разнообразная деятельность не исчерпывается: К. И. Дмитриев создал передвижную библиотеку для местного населения – «сумочную народную читальню», ввел в курс преподавания уроки ручного труда, руководил курсами столярного и токарного дела для учителей своего уезда, распространял передовые сельскохозяйственные знания среди крестьян. При Вохтозерской школе он открыл общежитие для сирот и детей обедневших родителей из окрестных деревень с обеспечением их бесплатным питанием, одеждой и жильем. В обучении детей-карел русскому языку К. И. Дмитриев достиг поразительных результатов. На выпускных испытаниях учащиеся Вохтозерского училища показывали знания по русскому языку лучшие, чем ученики школ с русским составом учащихся, получая в основном отличные и хорошие оценки.

В 1902 году он был приглашен в Петрозаводск, до 1913 года преподавал словесность, переплетное дело в Петрозаводском ремесленном училище, по совместительству читал курс «Организация музеев в школе» в учительской семинарии. Вел большую общественную и просветительскую деятельность, возглавляя «Общество вспомоществования учителей и учительниц Олонецкой губернии». Умер К. И. Дмитриев 3 февраля 1913 года в Петрозаводске. Он прожил недолгую, но славную жизнь. Деятельность таких педагогов-энтузиастов, как К. И. Дмитриев, их опыт и методические наработки способствовали развитию образования в регионе. Опыт создания музея в школе в образовательных целях стал достоянием педагогической общественности России.

¹ Кучепатов Н. Г. Выдающийся карельский педагог Кузьма Иванович Дмитриев / Н. Г. Кучепатов // Труды Карело-Финского Учительского института. – Петрозаводск, 1948. – Т. 1. – С. 49.

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВИЧ БУРЦЕВ родился в мае 1878 г. в селе Покровское на Плове Тульской губернии в многодетной семье бедного священника, учился в Тульском духовном училище, затем в Тульской духовной семинарии. После окончания семинарии намеревался поступить в университет, но за неимением средств на обучение, поступил в 1898 г. в Московскую духовную академию. Особенно привлекали Александра лекции по истории, которые читал в академии один из ведущих российских историков того времени В. О. Ключевский. Окончил академию в 1902 г. с правом преподавания философии, физики, богословия со степенью кандидата богословия. Вся его дальнейшая жизнь связана с Карелией. В 1902–1917 гг. – преподаватель физики и математики в Олонецкой духовной семинарии. Последние годы его преподавания в семинарии приходятся на период ректорства Н. К. Чукова. По совместительству Александр Кондратьевич преподавал логику и психологию в Олонецкой губернской (мужской) гимназии, физику – в Мариинской женской гимназии. Постоянно участвовал в работе учительских курсов, организуемых земством, делился своим богатым опытом с молодыми педагогами. Александр Кондратьевич принял революцию и вошел в число активных строителей новой школы. В 1917–1921 гг. – учитель математики и физики 1-й школы II ступени г. Петрозаводска. Человек широко образованный, владевший немецким, латинским, греческим и еврейским языками, известный своими методическими разработками, в 1918–1920 гг. А. К. Бурцев входил в комиссию при Наркомпросе Олонецкой губернии по составлению новых учебных планов и программ. В 1921–1941 гг. он преподаёт физику и математику в 1-й средней школе Петрозаводска, одновременно преподавал математику, физику и теоретическую механику в техникумах г. Петрозаводска. Сильный педагогический коллектив сделал 1-ю среднюю школу одной из лучших в республике. К работе в школе были привлечены лучшие педагоги с дореволюционным стажем: Н. П. Громов, А. Г. Бонч-Осмоловская, Р. Н. Миролюбова, К. В. Собакин и другие. Кроме работы в школе А. К. Бурцев консультировал студентов-заочников Ленинградского медицинского института, преподавал математику и физику в вечерней школе взрослых и на курсах бухгалтеров. В 1941–1942 гг. – учитель математики и физики Шунгской средней школы. С февраля 1942 г. – преподаватель математики и физики Кемской средней школы. Тогда же в 1942 г. ему было присвоено звание «Заслуженный учитель школы КФССР». В своей автобиографии в 1942 г. Бурцев писал: «...В настоящее время моя учебная и педагогическая работа подходит к концу. Оглядываясь назад, я вижу все ее недостатки и недочеты... Я любил учеников, делал все, чтобы внедрить в них больше знаний, развить их и выработать привычку излагать свои предметы учащимся ясным и доступным для них языком... Что мог то и делал, и желаю, чтобы другие делали эту работу лучше, чем я».

Как преподавателя А. К. Бурцева отличали: высокий профессиональный уровень, интеллигентность, любовь и уважение к ученикам, простота, ясность, доступность изложения материала. Бывшая его ученица Елена Павлова Корчагина посвятила его памяти такие вот бесхитростные строки:

«Он нам так ясно толковал
Природы сложные законы
И незаметно помогал
Переходить их рубикон».

А. К. Бурцев был учителем-наставником и для молодых педагогов. Многие его ученики выбрали профессию учителя и среди них Галина Александровна Андерсон, Мария Петровна Логиновская, Елена Павловна Корчагина, Вера Степановна Алексина и другие.

Сведения о работе с 1942 г. по начало 1950-х гг. отсутствуют. С начала 1950-х гг. находился в доме-интернате для инвалидов на острове Валаам, где и умер 18 сентября 1959 г. А. К. Бурцев прожил долгую, и, внешне, благополучную жизнь. Может быть, самое печальное в его жизни – это ощущение своей ненужности, заброшенности, о котором он пишет одной из своих учениц из дома инвалидов. Вся жизнь в школе, с детьми и одинокая старость...

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНОВ в педагогическом сообществе Карелии фигура заметная, его вклад в педагогическую науку велик и неоценим, он один из разработчиков школьного краеведения в общепедагогическом и методическом плане.

Родился Павел Иванов 4 декабря 1906 г. в Солигаличском уезде Костромской губернии в семье учителя. Уже в раннем детстве проявлял интерес к биологии и краеведению. Уже в начале 1920-х гг. принимал активное участие в работе местного краеведческого общества, организовал несколько кружков юных краеведов и натуралистов. В 1925 г. как активный участник краеведческого движения присутствовал на юбилейных торжествах, посвященных 200-летию академии наук СССР в Ленинграде. С 1926 г. появляются первые публикации, посвященные вопросам краеведения, экономики и культуры Солигаличского района Костромской области. В 1931–32 гг. учился на заочном отделении естественно-исторического факультета коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. В 1941 г. успешно закончил Ленинградский педагогический институт им. Н. К. Крупской. С 1945 г. работал в Карелии. В 1945–1948 гг. Павел Владимирович возглавлял Институт усовершенствования учителей. В этой должности ему приходилось решать сложные задачи, так как значительное число учителей не имели высшего педагогического образования. В 1948–1951 гг. работал заместителем министра народного просвещения КФССР, одновременно возглавляя кафедру педагогики Петрозаводского государственного университета. С 1951 г. полностью сосредоточился на работе в университете. Читал лекции по педагогике, вел большую общественную и административно-хозяйственную работу, временно исполняя обязанности директора университета по учебной работе. В течение двух лет был деканом историко-

филологического факультета, ученым секретарем диссертационного совета по защите диссертаций в области гуманитарных наук. В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию, получив ученую степень кандидата педагогических наук. В 1966 г. П. В. Иванов опубликовал книгу «Педагогические основы школьного краеведения», в которой он со скрупулезной дотошностью рассмотрел роль краеведения в воспитании и образовании. В этой работе Павел Владимирович, в частности, писал: «Применение краеведческого принципа на уроках способствует обогащению учащихся знаниями о родном крае, привитию интереса к краеведению, приобретению навыка применения знания основ наук для понимания окружающей действительности и конкретного понимания закономерностей, законов и положений, излагаемых на уроке».² В 1968 г. в Ленинградском университете он защитил докторскую диссертацию на тему «Краеведение в системе учебной и воспитательной работы средней общеобразовательной школы». П. В. Иванов писал: «Русская природа, родные просторы, картины жизни и труда, окружающие люди, их язык, культура, традиции, предания и памятники родного края – все это с рождения ребенка влияет на его умственный и нравственный облик, на его психологию, мировоззрение и на всю жизнь оставляет неизгладимые следы в душе человека».³ Эта его диссертация за долгие годы явилась одной из первых в СССР по проблематике школьного краеведения. В своем выступлении на научно-практической конференции по вопросам школьного краеведения, проходившей в Благовещенске 2–3 декабря 1970 года П. В. Иванов отмечал: «... снова возросло актуальное значение школьного краеведения. Оно рассматривается как педагогическое средство, призванное готовить будущих граждан к активному участию в общественном краеведении (в плане учета «местных особенностей» в практической деятельности); при этом, важное значение имеет непосредственное участие их в краеведческо-исследовательской работе и умение применить знания основ наук для осмысления явлений окружающей природы и жизни».⁴ В 1970 г. П. В. Иванов был утвержден в должности профессора кафедры педагогики Петрозаводского государственного университета, где несколько лет занимался активной научно-педагогической, методической и преподавательской деятельностью, поддерживая связи со многими известными советскими педагогами (Б. Г. Ананьевым, А. М. Арсеньевым и другими). Павел Владимирович был одним из инициаторов проведения школьных олимпиад по краеведению, входил в состав научно-методического совета Министерства просвещения СССР, являлся членом Головного совета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР по вопросам педагогики высшей школы, членом Совета по педагогическим аспектам охраны природы при Академии педагогических наук. Он является автором многих научных трудов по вопросам школьной педагогики и школьного краеведения, методических пособий и учебников. В своих работах он обосновывает актуальность становления и самостоятельность развития школьного краеведения как учебной дисциплины, развивает идеи о краеведческом принципе, как одном из основных принципов дидактики, обеспечивающем тесную связь теории и практики, и экологическое образование как необходимый элемент общего образования. Одним из первых в Карелии в «Ученых записках карельского пединститута» за 1960 г. П. В. Иванов опубликовал статью «Из истории русской школы в Карелии», посвященную развитию образования в Северном Приладожье. С тех пор не так уж много вышло работ историков, посвященных этой теме. Многие идеи П. В. Иванова в области вузовской педагогики, в частности, так называемый «локальный принцип» в вопросе подготовки специалистов высшей школы нашли поддержку у ленинградских коллег и получили развитие в трудах преподавателей Петрозаводского университета. В течение 30 лет Павел Владимирович бесценно заведовал кафедрой педагогики ПГУ, он был удостоен звания «Заслуженный учитель КАССР» (1959 г.), награжден орденом «Знак Почета», многими медалями.

В 1970-е годы мне довелось слушать лекции Павла Владимировича в стенах Петрозаводского университета. Я как сейчас помню его строгий темно-синий, прекрасно отглаженный костюм, далеко не модный и далеко не новый, светлую рубашку с неизменным галстуком, всю его подтянутую сухопарую фигуру, несколько рассеянный взгляд. Он производил впечатление хорошего специалиста, был безукоризненно интеллигентен, всегда доброжелателен к студентам, словом был настоящим Профессором, абсолютно соответствующим этому высокому званию. Лекции он читал негромким голосом на безукоризненном русском языке без вводных слов и лишних наукообразных оборотов речи. Охотно шел на контакт со студентами и даже публиковался в студенческой стенной печати. Умер П. В. Иванов 18 февраля 1990 года. Его вклад в развитие педагогики велик, а краеведение, которому он отдавался со всей страстью с дней юности, оставалось его любимым «коньком» на протяжении всей его долгой жизни. Его работы в области краеведения, несмотря на все давление идеологического пресса, которое испытывала педагогическая наука, сохраняют свою актуальность и в наше время.

АНТОНИНА ПРОКОПЬЕВНА МОМОТОВА родилась 7 июня 1924 г. в с. Подосиновец Подосиновского района Кировской области в семье служащего. Юность Анастасии Прокопьевны пришлась на тяжелые военные годы. После окончания Подосиновской средней школы (1941 г.) работала зав. сектором учета в Подосиновском райкоме, в 1943 г. – бригадиром овощеводческой бригады в совхозе. Девушка тянулась к знаниям, мечтала продолжить образование. В 1943–45 гг. училась в Ленинградской лесотехнической академии

² Иванов П. В. Педагогические основы школьного краеведения / П. В. Иванов. – Петрозаводск, 1966. – С. 62.

³ Иванов П. В. Краеведение в системе учебной и воспитательной работы средней общеобразовательной школы : автореф. дис. на соиск. ученой степ. д-ра пед. наук / П. В. Иванов. – Петрозаводск, 1968. – С. 3.

⁴ Иванов П. В. О некоторых актуальных вопросах школьному краеведению // Краеведение в системе коммунистического воспитания школьников. – Благовещенск, 1971. – С. 15.

(в то время академия была эвакуирована в г. Киров), в январе 1945 г. студенткой 4-го курса переехала в Ленинград, окончила академию в 1947 году, одновременно работала на восстановлении города. В 1947–48 гг. жила в г. Таллин, в 1949–53 гг. – в г. Ленинград, работала в Аэровизуальной экспедиции. С 1954 г. Антонина Прокопьевна сотрудник Института леса Карело-Финского филиала АН СССР (г. Петрозаводск), на общественных началах сотрудничала с неполной средней школой № 4. Это сотрудничество привело к тому, что А. П. Момотова связала свою жизнь со школой, в 1963–89 гг. – учитель биологии в этой школе. В 1966 г. Антонина Прокопьевна экстерном сдала экзамены за полный курс Карельского государственного педагогического института по специальности «биология». В 1969 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию – кандидат педагогических наук. Обосновала и осуществила на практике систему работы учителя биологии и сельскохозяйственного труда по природоохранному образованию учащихся в городской неполной школе. Материалы по результатам этой деятельности неоднократно были представлены на ВДНХ в Москве. Увлеченно работая с детьми на пришкольном участке, Антонина Прокопьевна сделала этот участок одним из лучших в республике. В 1970–87 гг. А. П. Момотова возглавляла методическое объединение учителей биологии Ленинского района г. Петрозаводска. Уроки биологии, проводимые А. П. Момотовой, имели экологическую и краеведческую направленность, обеспечивали связь обучения с жизнью. Богатый гербарный и коллекционный материал, привезенный ею из поездок по 28 странам мира, использовался в учебном процессе. А. П. Момотовой разработана методика создания древесно-кустарникового питомника на пришкольном участке городской школы и организация производственного труда учащихся на его базе (с 1963 г. из питомника школы № 4 передано на озеленение города более 250 тысяч саженцев древесно-кустарниковых пород), организация фенологических наблюдений учащихся за древесно-кустарниковыми породами. Она разработала способ безрассадного выращивания цветочных культур в условиях Карелии. Подготовила (в соавторстве с Т. А. Бабаковой) программы факультативных курсов «Лес – биогеоценоз» и «Охрана природы», которые широко использовались в школах г. Петрозаводск и районов Карелии в 1980-х гг. С 1990 г. – педагог дополнительного образования Станции юных натуралистов (ныне *Республиканский эколого-биологический центр*), вела занятия в младших классах по авторской программе «Введение в экологию». Антонина Прокопьевна – автор 22 печатных трудов и 60 публикаций в газетах. Принимала участие в передачах по центральному и карельскому телевидению (ведущая 40 передач в цикле «Лесной меридиан»). Эти передачи неизменно вызвали большой успех у телезрителей. Антонина Прокопьевна писала: «Вопросы изучения природы, необходимости ее охраны, практические дела по умножению природных богатств должны являться постоянной составной частью всего учебно-воспитательного процесса». Она уделяла существенное внимание нравственным мотивам охраны природы, выделяя среди них: гуманистические (воспитание доброты), патриотические (любовь к природе – составная часть любви к Родине), эстетические (развитие чувства прекрасного, художественного вкуса). Призер Всероссийского конкурса авторских программ по экологическому образованию детей (1998 г.), дипломант Всероссийского конкурса «Подрост», посвященного 200-летию Лесного департамента России (1998 г.). Заслуги Антонины Прокопьевны были высоко оценены: награждена орденами Трудового Красного Знамени, Почета, медалями. Умерла Антонина Прокопьевна 18 июля 2002 г. в с. Подосиновец.

Велик и неоценим вклад Антонины Прокопьевны в развитие экологического образования. Всю свою жизнь она охотно делилась с коллегами своим богатым опытом.

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ЗАВЬЯЛОВ, безусловно, является заметной фигурой среди педагогов Карелии. Его трудовая биография началась в 1930-х и завершилась в 1970-х гг.

Константин Константинович Завьялов родился 3 января 1910 г. в центре российской ткацкой промышленности Иваново-Вознесенске в семье ткача. После окончания школы II ступени, поступил в Ленинградский педагогический институт. Годы учебы были трудными: родители, чем могли, помогали, но приходилось и голодать, и подрабатывать. С 1931 г. после окончания института работал в Карелии. Начал с педагогической работы. Поручили молодому педагогу важное и сложное дело – в 1931–1939 гг. он заведовал и преподавал на рабочих курсах Петрозаводского Горно. В этот период К. К. Завьялов сыграл значительную роль в подготовке молодых рабочих к поступлению в вузы. Форсированная индустриализация нуждалась в быстрой подготовке инженерно-технических работников с высшим образованием, а большинство молодых рабочих, стремящихся к знаниям, имели за плечами лишь 4–7 классов. Вскоре молодой коммунист с высшим образованием был замечен и выдвинут на партийную работу. В 1939–1941 гг. К. К. Завьялов работал заведующим отделом пропаганды и агитации, секретарем Петрозаводского горкома ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы – секретарь Беломорского горкома ВКП(б) (1941–1947 гг.). В 1947–1952 гг. – заведующий республиканской партийной школой.

И все-таки самым важным этапом в его жизни стала работа в школе. С 1952 г. Константин Константинович работал в школах г. Петрозаводска, в течение 10 лет он работал директором петрозаводской школы-интерната № 1, затем там же работал преподавателем истории и обществоведения. Уроки истории, которые вел Константин Константинович отличались нестандартным подходом, он умел заинтересовать любой темой ребят. Прекрасный учитель, он добивался, чтобы на его уроках ученики сами говорили, рассуждали, делились мнениями и делали выводы. Проявил себя и как незаурядный педагог-воспитатель, последователь системы А. С. Макаренко. Система А. С. Макаренко была для Константина Константиновича воспитательным идеалом. А. С. Макаренко большое значение придавал трудовому воспитанию, считал его одним из важнейших условий

воспитания личности. Он писал: «Трудовая задача и ее решение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы хорошей работой должно быть наградой за его труд. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы». К. К. Завьялов считал важным подготовить ребёнка к жизни после школы, дать ему навыки обслуживающего и производственного труда. Дети, выходящие из стен интерната, по его мнению, должны быть готовы к трудностям взрослой жизни, для них важно многое уметь. Для решения задач трудового воспитания нужно было создать базу. При интернате в целях приобщения детей к производительному труду было создано приусадебное хозяйство: крольчатник, свиноводник, пришкольный участок – один из лучших в республике. Воспитанники осваивали рабочие профессии в нескольких производственных мастерских. Интернат обеспечивал себя всем необходимым. И каждый воспитанник мог сам убедиться в важности и необходимости его трудового вклада. Вместе с тем в интернате были созданы благоприятные условия для всестороннего развития детей, их успешного обучения, воспитания коллективизма, формирования высоких моральных качеств. К. К. Завьялов считал необходимым занять детей на протяжении всего дня разумной деятельностью с правильным чередованием умственного, физического труда и разумного отдыха. В своей воспитательной работе Константин Константинович большое значение придавал вовлечению детей в управление интернатом. В интернате был создан совет коллектива воспитанников, который стал авторитетным органом и очень быстро занял ведущее место в школе. С его решениями считались и воспитанники, и педагогический коллектив.

Заслуги педагога-новатора были высоко оценены. В 1967 г. К. К. Завьялов был удостоен звания Заслуженного учителя РСФСР. Он был награжден орденом «Октябрьской революции», медалями, грамотами. Почётный гражданин г. Петрозаводска (1973 г.). С 1974 г. – персональный пенсионер. К. К. Завьялов ушел из жизни 13 августа 1975 г.

ИСААК САМОЙЛОВИЧ ФРАДКОВ – педагог-исследователь, создатель многих инновационных проектов преобразования карельской школы. Родился 3 июня 1927 г. в небольшом городке Велиж, Смоленской области в семье учителя. На выбор профессии повлияла встреча с выдающимся педагогом А. С. Макаренко, детскую коммуны которого он посетил в начале 1930-х гг. вместе с отцом. В 1941 г. он окончил 7-летнюю школу и был зачислен в Харьковскую артиллерийскую школу специального назначения, заканчивал ее уже в эвакуации в Казахстане (1944 г.). После окончания Киевского высшего артиллерийского училища (в апреле 1945 года) направлен в действующую армию, служил в Германии, принимал участие в ликвидации остатков фашистских формирований, был ранен и комиссован в 1946 г. Жил в г. Кострома, затем переехал в Карелию в г. Лахденпохья. Продолжал служить, осуществлял шефство над детским домом и школой (1947–51 гг.). В 1954 г. уволен в запас по инвалидности и после окончания физико-математического факультета Ленинградского педагогического института в 1954 г. полностью посвятил свою жизнь педагогике. Преподавал математику в школе рабочей молодежи в Петрозаводске (1954–56 гг.), с 1956 по 1969 г. – директор школы № 9, с 1969 по 1974 г. – преподаватель кафедры педагогики Петрозаводского государственного университета. Создал первый в Карелии учебно-производственный комбинат для школьников (ныне *Державинский лицей*), где работал директором до 1981 г., а также его филиал. Организовал Центр профориентации школьников, руководил им до 1987 г. Член Всероссийского координационного совета по профориентации. Методист кабинета руководящих кадров Института усовершенствования учителей (1987–89 гг.). Заместитель директора школы № 49 по научной работе. Создатель научной концепции первого в республике лицея (ныне лицей № 1), внедрил дифференцированное обучение на основе принципа преемственности в системе «детский сад – школа – вуз» и профильного подхода. Работал над проектом Республиканской школы для одаренных детей очно-заочного обучения, создаваемой на базе Учебно-производственного комбината (впоследствии *Республиканская школьная академия*). Форма 2-годичного обучения сессионно-заочная (4 сессии в год, которые проводились в дни школьных каникул). Конкурсный отбор проводился, преимущественно, среди учащихся 8–9-х классов общеобразовательных школ в сёлах, посёлках и районных центрах республики, изъявивших личное желание обучаться в РША. Занятия в РША по разнообразным дополнительным образовательным программам способствовали развитию интеллектуального потенциала и коммуникативных качеств личности, формированию у обучающихся навыков научно-исследовательской деятельности, что придает старшеклассникам уверенность при выборе дальнейшего жизненного пути. На 6 отделений: «Путешествие в прошлое» (история, краеведение, архивоведение); «Я знаю силу слов» (журналистика и литературное творчество); «Музыка цифр» (углублённая математика); «Искатели» (география, геология, землеведение); «Родные истоки» (карельский и вепсский языки и культура Карелии); «В будущее с компьютером» (решение сложных задач по программированию); «BRIDGES TO ENGLISH» («Мостики к английскому»); «Азы экономики» (деловое общение, менеджмент, предпринимательство) в РША обучалось одновременно до 200 слушателей. Индивидуальная исследовательская работа слушателя являлась одной из приоритетных технологий процесса освоения дополнительных образовательных программ, позволявшей ему самостоятельно реализовывать и развивать свой потенциал. Исаак Самойлович – автор проекта региональной дифференцированной школы, в котором реализовал идею интеграции профильных знаний на основе экологического компонента. В 1997–98 гг. создал и защитил проект новой муниципальной школы «Политех» для педагогически запущенных детей, где внедрил принцип дифференциации на основе выявления степени педагогической запущенности и творческих возможностей каждого ребенка. Последователь А. С. Макаренко, Фрадков развивал идею о необходимости трудового воспитания подростков путем создания межшкольного завода по изготовлению учебных наглядных пособий. Для реализации этой идеи организовал

малое государственное предприятие «Содружество». По инициативе И. С. Фрадкова в Петрозаводске были созданы: «Школа для начинающего директора», «Центр индивидуального репетиторства», воскресная школа «Абитуриент», ассоциация «Педагоги-исследователи». Замечательный педагог и методист, Фрадков принимал участие в публикациях ассоциации, оказывал методическую помощь образовательным учреждениям города и республики, проводил выездные конференции и семинары. Был создателем и первым учредителем газеты «Лицей». Автор более 300 статей и 180 печатных работ в республиканских и центральных изданиях. Заслуженный учитель КАССР (1959 г.). Награжден многими медалями. Петрозаводская средняя школа № 9 носит имя И. С. Фрадкова. Умер 12 декабря 1998 года в г. Петрозаводске. В память о И. С. Фрадкове проводятся «Фрадковские чтения».

Литература*

1. **Власьев Г. Е.** Проблемы реформы школы, содержания и методов обучения в первые годы советской власти в Карелии / Г. Е. Власьев // Ученые записки Карельского педагогического института. – Петрозаводск, 1968. – Т. XXI. – С. 13–25.
2. **Есарева З.** Школа краеведа П. В. Иванова / З. Есарева // Ленин. правда. – 1982. – 13 июня.
3. **Иванов П. В.** Краеведение в системе учебной и воспитательной работы средней общеобразовательной школы : автореф. дис. на соиск. ученой степ. д-ра пед. наук / П. В. Иванов. – Петрозаводск, 1968.
4. **Иванов П. В.** Педагогические основы школьного краеведения / П. В. Иванов. – Петрозаводск, 1966.
5. **Иванов П. В.** О некоторых актуальных вопросах школьного краеведения / П. В. Иванов // Краеведение в системе коммунистического воспитания школьников. – Благовещенск, 1971. – С. 15–18.
6. **Иванов П. В.** Ростки нового в практике учебно-воспитательной работы школ Карельской АССР // В помощь учителю. – Петрозаводск, 1959. – С. 3–8.
7. **Константин** Константинович Завьялов (1910–1975) // Почётные граждане Петрозаводска. – Петрозаводск, 1987. – С. 12–13.
8. **Кучепатов Н. Г.** Народное образование в Карельской АССР / Н. Г. Кучепатов // Национальная школа в РСФСР. – М., 1958. – С. 93–106.
9. **Кучепатов Н. Г.** Выдающийся карельский педагог Кузьма Иванович Дмитриев / Н. Г. Кучепатов // Труды Карело-Финского учительского института. – Петрозаводск, 1948. – Т. 1. – С. 49–60.
10. **Леонтьев Т. В.** За новую школу / Т. В. Леонтьев // За советскую Карелию. – Петрозаводск, 1963. – С. 501–508.
11. **Школа** Фрадкова. Воспоминания об учителе. Из педагогического наследия И. С. Фрадкова. – Петрозаводск, 2002.
12. **Шунгский Б.** И куда б пути не привели... / Б. Шунгский // Ленин. правда. – 1983. – 9 июля.
13. **Шунгский Б. Е.** О, школа... (очерки по истории 1-й средней довоенной школы г. Петрозаводска) / Б. Е. Шунгский. – Петрозаводск, 1990. – Научный архив Музея истории народного образования. – Рукопись.

* Использованы материалы из научного архива Музея истории народного образования РК.

Творческий подход к решению школьных проблем карельскими учителями второй половины 1950-х – начала 1960-х годов

Центральной фигурой педагогического процесса является учитель, результаты деятельности которого важны для всего общества. Именно учителю мы доверяем обучение, воспитание юных поколений. В ходе формирования советской школы усилия учительства направлялись не только на обеспечение полного охвата обучением всех детей школьного возраста, но и на повышение качества обучения.

Помощь в повышении квалификации учителей осуществляли институты усовершенствования учителей. Они выявляли, изучали и распространяли передовой опыт, оказывали помощь учителям в самообразовательной работе. Успех деятельности учителя во многом зависит от его творческого потенциала, инициативы, умения нестандартно мыслить, искать разнообразные подходы в своей профессии к процессу передачи знаний своим ученикам. Развитию творческих начал в деятельности учителей школ и преподавателей других учебных заведений во многом способствовали педагогические общества. Они проводили «Педагогические чтения» – городские, районные, республиканские, организовывали школы передового опыта.

Большую роль в организационном сплочении, обмене передовым педагогическим опытом, сыграли Съезды учителей Карелии. 28–30 марта 1957 г. в Петрозаводске работал II съезд учителей Карелии. В заседаниях предметных секций участвовали 668 учителей, заслушали 25 докладов и более 10 выступлений лучших учителей.

В дни съезда 15-ти учителям республики Указом Президиума Верховного Совета РСФСР было присвоено почётное звание Заслуженного учителя школы РСФСР. Среди них старейшая учительница Петрозаводской школы-интерната О. П. Колибрина, директор этой школы-интерната К. К. Завьялов, учитель 9-й средней школы г. Петрозаводска А. Ф. Романов, заведующей Олонецкого районного отдела народного образования Т. И. Вознесенская и др. Президиум Верховного Совета КАССР 35-ти учителям республики присвоил звание заслуженного учителя школы КАССР. В их числе – учительница биологии Новопоселковской школы Е. И. Тойвокайнен, методист института усовершенствования учителей Н. И. Хольм, учительница начальных классов Большегорской семилетней школы К. П. Яковлева, директор семилетней школы № 2 г. Петрозаводска Л. А. Мазуровский, преподаватель Карельского педагогического института Н. Г. Кучепатов и многие другие.¹ Также 62 педагога были награждены почётными грамотами Президиума Верховного Совета КАССР.

Работа секций показала стремление учителей активно работать и анализировать свой опыт для достижения лучших результатов в учебно-воспитательной работе. Заслуженный учитель школы РСФСР К. К. Завьялов, принимавший участие в работе II республиканского съезда учителей Карелии отмечал: «Учитель должен обладать не только знанием предмета, но и другими умениями. Каждый учитель должен иметь какую-то вторую специальность: что-то уметь делать руками, играть хоть на каком-нибудь инструменте, знать спорт».²

На основании материалов работы секций институт усовершенствования учителей обобщил накопленный опыт и издал в 1957/58 году бюллетени по предметным секциям.

Учителя в большинстве своём – энтузиасты. Многие из них добивались значительных успехов в учебной и внеклассной работе благодаря творческому отношению к своему делу. Инициативу по оборудованию своими силами кабинетов необходимыми материалами, наглядными пособиями и таблицами к урокам, проявляли учителя физики, биологии, химии, английского языка. Показательным являлся опыт по созданию материальной базы в Колатсельской средней школе Пряжинского района. Школа находилась в 50 км от механических мастерских, в районе не было электростанции. В 1955/56 учебном году в школе открыли 10 класс. Отсутствие электрического света в деревне создавало трудности в проведении уроков физики и практических занятий по электротехнике. Учащиеся школы, под руководством учителя физики И. С. Злотникова отремонтировали списанный генератор и своими силами электрифицировали школу.³ В 1956 году население деревни обратилось с просьбой электрифицировать дома работников совхоза и культурные учреждения. С этой задачей коллектив школы и учащиеся также справились, деревня была электрифицирована.

Творчески подходил к работе учитель физики средней школы № 7 г. Петрозаводска Н. И. Анциферов. В школе работал радиотехнический кружок под его руководством. Шефы передали школе списанные радиоприёмники. Учащиеся докупили необходимые детали и восстановили работу радиоприёмников. Следующий

¹ НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 18/222. С. 2.

² НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 9/103. С. 89.

³ Злотников И. С. Создание материальной базы и её практическое использование // В помощь учителю. Бюллетень № 7. – Петрозаводск, 1958. – С. 1.

этап работы заключался в переводе теоретических знаний учащихся в практическую плоскость. Юные радиолюбители создали в школе радиоузел, радиофицировали классы и школу.⁴

Такая инициатива учителей активно поддерживалась, так как давала возможность использовать школьный радиоузел для учебного процесса и для проведения различных мероприятий. В статье «Внеклассная работа учащихся по английскому языку» учительница Медвежьегорской средней школы № 1 В. Е. Мяки делилась опытом внеклассной работы с учащимися.⁵ Ученики сами активно принимали участие в оформлении кабинета английского языка, в котором имелись репродукции английских художников, небольшая библиотечка книг на английском языке, таблицы по грамматике. Особенно важную роль играл школьный радиоузел, все праздничные поздравления в школе передавались на 2-х языках – русском и английском. В ходе работы учитель подготовил дикторов, которые затем проводили школьный праздник, посвящённый VI Всемирному фестивалю молодёжи. Больше месяца учащиеся готовили это мероприятие: учили стихи, песни, сообщения на английском языке, посвящённые 100-летию со дня рождения Б. Шоу, оформляли зал. Школьный праздник вызвал необычайный интерес не только в школьной среде, но и родители учеников, городская общественность присутствовали на мероприятии. Таким образом, школа являлась не только центром просвещения, но и социально-культурной жизни.

Во второй половине 1950-х годов перед учительством стояла задача приобщения школьников к труду, практической деятельности и преодолению отрыва обучения от жизни.

Существенная роль в разрешении этих задач принадлежала учителям биологии. В статье «У самого полярного круга» директор Чупинской средней школы Лоухского района П. Г. Ращенко описал процесс создания школьного учебно-опытного участка.⁶ Находясь в 30 км от полярного круга, где вся земля усыпана камнями, практически нет почвенного грунта заведующая опытническим участком, учительница биологии Е. Н. Корытова организовала работу по расчистке участка. Все ученики, начиная со 2-го класса во внеурочное время работали на благоустройстве участка под руководством классных руководителей. Очистив участок от камней, навезли землю, песок. Семена получали с Лоухского опытнического участка, Республиканской станции юннатов и с успехом выращивали цветы, овощные культуры на пришкольном участке.

Ежегодно в Петрозаводске осенью проводилась республиканская выставка по итогам юннатской и сельскохозяйственной работы в школах КАССР. В 1956 г. приказом Министерства просвещения КАССР были премированы Олонецкий отдел народного образования, Сортавальская семилетняя школа и Угмойльская семилетняя школа Пряжинского района за хорошую организацию работ учащихся на школьных учебно-опытных участках и за хорошие результаты, достигнутые в выращивании различных сельскохозяйственных культур. В 10-й республиканской выставке работ юных натуралистов в 1956 г. приняли участие 48 районных республиканских школ, 7 школ г. Петрозаводска, Петрозаводский дворец пионеров, Республиканская станция юных натуралистов и Сортавальский дом пионеров.

В условиях скудной материальной базы, в большинстве школ отсутствовали элементарные условия для занятий физкультурой, учителя видели возможный выход в организации своими силами, с помощью родителей и учащихся спортивных площадок при школах, изготовлении спортивного инвентаря. Спортивного инвентаря, спортивных площадок и спортивных залов в школах было крайне мало, что в значительной мере тормозило выполнение программ по физической культуре и ограничивало возможности преподавателей в развёртывании физкультурно-массовой и спортивной работы среди учащихся в свободное от учёбы время.

В 1954 году физкультурные залы имелись в 113 средних, семилетних и начальных школах, в остальных занятия проводились в коридорах. Только 16 % средних и семилетних школ имели спортивные площадки. В Петрозаводске из 18 средних и семилетних школ только 9 школ имели спортивные площадки, но и они не были оборудованы полностью. В районах республики состояние материально-технической базы для проведения занятий по физической культуре характеризовалось следующими данными: из 15 семилетних и средних школ Пудожского района только 2 школы имели спортивные площадки. Ни в одной средней школе не было спортивного инвентаря, положенного согласно списку учебного спортивно-гимнастического имущества, рекомендованного для семилетних и средних школ Министерством просвещения РСФСР по новым программам физической культуры. В школах республики имелось всего 2555 пар лыж, 40 % из них без креплений, в то время когда в каждой средней и семилетней школе должно быть: 100 пар лыж, 120 пар лыжных палок, 120 пар лыжных креплений. В школах республики имелось из учебного спортивно-гимнастического инвентаря:

- Стенок гимнастических – 131 пролёт, когда необходимо было иметь в каждой школе 10 пролётов.
- Гимнастических скамеек – 55 пар, когда необходимо было иметь 6 штук в каждой школе.
- Канатов для лазания – 16, необходимо было иметь 4 в каждой школе.
- Перекладины 36, а требовалось по 1-й в каждой школе.
- Брусья параллельные – 20, а требовалось иметь одни в каждой школе.

⁴ Анциферов Н. И. Радиотехнический кружок и внеклассная работа // В помощь учителю. Бюллетень № 7. – Петрозаводск, 1958. – С. 8.

⁵ Мяки В. Е. Внеклассная работа с учащимися по английскому языку // В помощь учителю. Бюллетень № 10. – Петрозаводск, 1958. – С. 2.

⁶ Ращенко П. Г. У самого полярного круга // В помощь учителю. Бюллетень № 1. – Петрозаводск, 1957. – С. 2.

Не хватало также колец, гимнастических коней, мячей набивных, баскетбольных и волейбольных, сеток волейбольных, секундомеров и другого спортивного инвентаря необходимого для выполнения государственной программы по физической культуре. На приобретение учебно-спортивного инвентаря, положенного только для одной средней или семилетней школы требовалось затратить 25 тысяч рублей. Министерство просвещения КФССР ходатайствовало о выделении централизованно в 1955 году 500 тыс. рублей для приобретения спортивного оборудования и инвентаря для школ республики.⁷

Таки образом, материальная база школ во многом была заботой самих учителей, учащихся и их родителей, а также шефских предприятий.

Все школы включились в конкурс на строительство лучшей пришкольной спортивной площадки. Главная цель, которую преследовали учителя в своей деятельности: повысить качество проводимых уроков, расширить возможности для проведения внутришкольных спортивных соревнований и праздников. Возвращаясь к анализу тематики статей, представленных в бюллетенях института усовершенствования учителей внимание привлекают те тенденции в деятельности педагогов, которые способствовали повышению качества обучения. В целом ряде статей учителя делились своим опытом в создании материальной базы, наглядности по предмету.

Интересной представляется статья учителя физической культуры средней школы № 8 г. Петрозаводска К. Т. Васильева «Тройной бум на уроках физической культуры».⁸ В школе уроки физкультуры проводили в приспособленном помещении, не хватало снарядов, т. к. классы в основном 35–40 человек. Учащиеся своими силами под руководством учителя изготовили комбинированный снаряд – «тройной бум». Состоял снаряд из 2-х рам и одной передвижной. Спортивный снаряд «тройной бум» давал возможность увеличить плотность урока и разнообразить упражнения, сделать уроки более интересными. Ежегодно в этой школе работало 8 спортивных секций.

В статье «Школьный стадион» И. В. Дружинин учитель физического воспитания Колатсельгской средней школы Пряжинского района подробно описывал создание своими силами малой типовой спортивной площадки.⁹ До появления спортивной площадки все занятия велись в общем коридоре. Все работы начали с выравнивания поверхности, строительства беговых дорожек. Только в течение полумесяца ежедневно после уроков убирали камни, выравнивали бугры. В итоге появилась площадка с сектором для прыжков, для гимнастических упражнений, бревно для равновесия, баскетбольные щиты и другое. Всё учащиеся изготовили сами под руководством учителя и с помощью родителей.

В декабре 1959 г. начал работу III съезд учителей КАССР. На съезде рассматривали вопросы развития общеобразовательной политехнической трудовой школы и задачи учительства по повышению качества знаний учащихся. В газете «Ленинская правда» от 16 декабря 1959 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета КАССР о присвоении звания Заслуженный учитель КАССР 27-ми учителям, в их числе: директор школы рабочей молодёжи № 5 Музалёв Д. Н., учитель и впоследствии директор 10-й средней школы г. Петрозаводска Андерсон Г. А., учитель средней школы пос. Харлу М. И. Андреева, учитель средней школы № 1 г. Беломорска М. А. Ануфриева, директор средней трудовой политехнической школы № 10 г. Петрозаводска Фрадков И. С. и др. Почётными грамотами Президиума Верховного Совета КАССР наградили 91-го работника просвещения. В республике в то время работало 105 заслуженных учителей КАССР и 21 заслуженный учитель школы РСФСР.¹⁰

Тенденция к активизации исследовательского поиска учительства сформулированная уже к середине 1950-х годов, стала доминирующей, когда развернулись широкомасштабные работы по осуществлению реформы 1958 года. Коллективная творческая работа была направлена на повышение эффективности обучения, усиление его связи с жизнью и трудом. Опыт педагогов практиков оказывал стимулирующее влияние на качественное преобразование реального педагогического процесса. Содействовал массовому переходу от строго нормативной к деятельности инновационной (термин тогда не прижился). Необходимо было искать новые способы передачи знаний, приобретения и усвоения их учащимися, поскольку укоренившиеся формы обучения пришли к тому времени в нетерпимое противоречие с новыми задачами школы, вызванные социально-экономическими потребностями общества, прогрессом науки и техники.¹¹

Реформа 1958 года, как теперь очевидно, отвечала профессиональным надеждам и чаяниям учительской массы, ослабляла, хотя и не отменяла регламентации их деятельности в выборе форм и методов обучения. Союзная, республиканская и местная пресса охотно пропагандировала все начинания педагогов-новаторов. Тезисы «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» представлял собой во многих отношениях очень важный документ. Сформулированная в нём страте-

⁷ НА РК. Ф. 1394. Оп. 6. Д. 520/2586. Л. 5.

⁸ Васильев В. Т. Тройной бум на уроках физической культуры // В помощь учителю. Бюллетень № 5. – Петрозаводск, 1958. – С. 5.

⁹ Дружинин И. В. Школьный стадион // В помощь учителю. Бюллетень № 5. – Петрозаводск, 1958. – С. 17.

¹⁰ III съезд учителей Карелии // Ленин. правда. – 1959. – 16 дек. – С. 1.

¹¹ Гиреева Л. Д. Отечественные педагогические инновации 60–80-х гг. XX в. / Л. Д. Гиреева // Педагогика. – 1995. – № 5. – С. 84.

гия образования, ряд идей (создание многовариантных типов учебных заведений, школы для одарённых, развитие детской самостоятельности и творчества) не утратили своей значимости и спустя десятилетия.¹²

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью» в Карелии вызвал большой творческий подъём у учителей республики. Участие учителей КАССР в общем, творческом движении советского учительства по перестройке школы определился в следующих направлениях:

1. Искание форм соединения обучения с общественно-производительным трудом учащихся и подготовка их к практической деятельности.

2. Усовершенствование методики уроков в целях развития навыков самостоятельного мышления учащихся и упрочения их знаний.

3. Разнообразие форм внеклассной работы, в том числе пионерской, на основе учёта интересов и возрастных возможностей учащихся с целью повышения воспитательного значения этой работы и решения проблемы коллектива учащихся.

4. Развёртывание школами краеведения как средства обогащения учебного процесса, воспитательной работы и формы привития исследовательских навыков учащимся.

5. Усиление элементов эстетического воспитания как в процессе обучения, так и во внеклассной работе.¹³

Достижения и опыт педагогов Карелии в творческом движении учительства по перестройке школы обсуждались на школьных, районных, городских, республиканских «Педагогических чтениях», которые состоялись в республике в 1959 году. Обмен опытом между учителями проходил на учительских совещаниях и на республиканской научно-практической конференции, посвящённой трудовому воспитанию и подготовке учащихся к практической деятельности, которая состоялась в июне 1959 года. На конференции было прочитано 600 докладов.

В начале января 1965 г. открыл работу IV съезд учителей Карелии, самый представительный и самый массовый педагогический совет республики. Опытom делились лучшие учителя: заслуженный учитель КАССР Л. В. Полякова, заслуженный учитель школы РСФСР Д. А. Сало и другие. В канун съезда был опубликован Указ Президиума ВС КАССР о награждении 41 учителя почётными грамотами за успешную работу. Среди учителей Карелии ещё 24 человека были удостоены звания Заслуженный учитель КАССР. Указом Президиума ВС РСФСР почётное звание Заслуженного учителя школы РСФСР было присвоено Алексиной В. С. – учительнице восьмилетней школы № 10 г. Петрозаводска и Грининой М. А. – заведующей Вилговской начальной школы Прионежского района.¹⁴

Таким образом, немало талантливых и трудолюбивых учителей внесли свой вклад в развитие школы и образования в Карелии в 1950-х – начале 1960-х гг. Спустя многие годы они остаются в воспоминаниях своих учеников, соратников с которыми работали. На страницах республиканских газет описывают их судьбы, жизненный опыт и их вклад в развитие образования Карелии. Одна из них – Матрёна Федоровна Крашенинникова, которая в 1961 г. приехала в Петрозаводск, начала работать в 9-й школе-интернате на Кукковке учителем биологии. При школе был огромный пришкольный участок, теплицы, большой свинарник, сарай. Директор школы-интерната № 9 на Кукковке Лидия Дворникова, так описала талант и трудолюбие учителя: «Она организовала работу с детьми, а ведь больше половины были мальчики с трудными судьбами. Через год было много свиней, за которыми ухаживали и ученики, и учителя и шефы. Своя столовая давала отходы для корма. А в теплицах росли огромные огурцы, которыми постоянно снабжали столовую. Детей водили на экскурсию в теплицу, и было очень приятно видеть их рисунки на конкурсах «Наше хозяйство». Проводились праздники урожая. За 5 лет работы в школе-интернате № 9 Матрёна Федоровна своим трудом доказала, что значит «Отличник просвещения».¹⁵

О своей учительнице как о любимом и настоящем наставнике вспоминает Дина Евгеньевна Базарная, учась в средней женской школе № 1 г. Петрозаводска она познакомилась с Дагне Артуровной Сало. Дагне Артуровна, будучи прекрасным математиком, в 1960–70 гг. преподавала в школах г. Петрозаводска, но вскоре была приглашена преподавать в Карельский государственный педагогический институт и стала заведовать кафедрой. Ей было присвоено звание Заслуженного учителя Российской Федерации. Дагне Артуровна, по мнению Д. Е. Базарной, не только для неё, но и для многих других учениц определила их дальнейшую профессиональную деятельность, в которой математические знания являлись важной составляющей.¹⁶

В Карелии знают о династии учителей семьи Ржановских, живших в Заонежье – Сенной Губе и Кижях. Борис Иванович Ржановский из семьи протоиерея Заонежского прихода Василия Стефановича Ржановского.

¹² Гиреева Л. Д. Указ. соч. – С. 83.

¹³ Иванов П. В. Ростки нового в практике учебно-воспитательной работы школ КАССР // В помощь учителю. – Петрозаводск, 1959. – С. 3.

¹⁴ Народный учитель // Ленин. правда. – 1965. – 6 янв. – С. 1.

¹⁵ Дворникова Л. Блокадница Матрёна Фёдоровна Крашенинникова / Л. Дворникова // Пенсионный вестник Карелии. – 2004. – 7–13 янв. – С. 3.

¹⁶ Малюткина А. Её всегда интересовали люди / А. Малюткина // Пенсионный вестник Карелии. – 2004. – 17–23 марта. – С. 4.

Непростая судьба выпала Борису Ивановичу.¹⁷ В 1949 г. была арестована его мама, Ольга Николаевна, с конфискацией имущества, без права переписки. Все-таки бывшая дворянка, дочь тверского князя Данилова Н. Н. Так Борис Иванович стал членом семьи врага народа. В 1956 г. в Петрозаводске открыли курсы по подготовке учителей, Борису Ивановичу предложили поехать на эти курсы при педучилище. По окончании курсов направили учителем труда в Медвежьегорскую школу № 1. Женившись на Сири Петровне Алиповой, толвуйской учительнице, там и остался работать. Борис Иванович преподавал биологию, химию, военное дело, пение, местную противовоздушную оборону, трудовое воспитание. Создал хор учителей и учащихся старших классов, руководил художественной самодеятельностью. В 1961 г. Борис Иванович окончил заочно биологический факультет Карельского пединститута. Начал работу учителем биологии и химии в школе-интернате № 8 в Петрозаводске, но через два года переехали семьей в Сенную губу, где Борис Иванович стал директором школы. В 1978 г. школу сначала реорганизовали, затем закрыли совсем. Семья Ржановских переезжает в Петрозаводск. Горно назначает их в недостроенную 2-ю школу. Здесь Борис Иванович и проработал учителем труда до 60 лет, пока не вышел на пенсию.

В 1994 г. Борис Иванович принимал участие в научно-практической конференции, посвящённой 165-летию бывшей Олонецкой духовной семинарии, по теме «Учительские династии в Карелии, истоки и опыт. Династия священнослужителей и учителей Ржановских».¹⁸

Значимой фигурой в истории образования Карелии являлся И. С. Фрадков, который в конце 1950-х и в дальнейшие годы своей творческой педагогической деятельности всегда был на передовом плане. В 1956 г. молодой учитель математики стал директором школы № 9 г. Петрозаводска. На базе этой школы позже была открыта средняя политехническая школа с производственным обучением. Немало трудностей пришлось преодолеть трудовому коллективу школы под руководством директора, чтобы создать кабинетную систему, наладить связь с шефскими предприятиями и организовать работу учащихся в цехах ОТЗ. Необходимо было соединить обучение с производительным трудом. Школа, по его мнению, должна была готовить учеников к реальной жизни – к труду и дальнейшей учёбе. Педагогическим кумиром Фрадкова был Макаренко. О многих интереснейших инициативах своего учителя написали в воспоминаниях его ученики.¹⁹

Сообщество учителей Карелии играло большую роль в продвижении новых инициатив в реальную школьную практику, активно участвовало в культурной жизни населения. Учителя были депутатами местных Советов, агитаторами и пропагандистами, в свободное время читали лекции для населения своей округи. Главной их заботой оставалось совершенствование своих профессиональных навыков, развитие школы и педагогического процесса. Готовых рецептов активизации учебного процесса у них не было, но стремление к новому, позволяло разнообразить учебную деятельность и добиваться на практике улучшения учебно-воспитательной работы.

*И. Петричева,
ведущий специалист Национального архива Республики Карелия,
заслуженный работник культуры РК*

Документы Национального архива Республики Карелия об участии посланцев Олонецкого края в сражениях с Наполеоном (1812–1814 гг.)

В жизни каждого народа и страны есть такие грандиозные события, которые являются решающими и неизбежными в течение многих веков. Таким является 1812 год – начало Отечественной войны русского народа против Наполеона, завоевавшего многие народы и государства Европы в предшествующие годы.

В ночь на 12 (24) июня 1812 г. французские войска переправились через Неман на территорию Литвы у местечка Вильковышки. Александр I был в это время в Литве – он давал бал в имени Бенигсена. Во время всеобщего веселья появился гонец со страшным известием о переходе французов через Неман. Александр I сделал попытку урегулировать отношения с Наполеоном, с этой целью был направлен в лагерь французов генерал Балашов, но его миссия не увенчалась успехом. В течение нескольких дней на русскую землю переправилась старая, испытанная в боях, и молодая гвардия французов, кавалерия Мюрата. Россия не располагала такими крупными военными силами. На западной границе России в это время находилась армия Барклая де Толли и Багратиона, силы противников были неравными: 420 тысяч французов против 165 тысяч русских.¹ При этом необходимо отметить, что как раз в это время в армии Барклая де Толли находился 20-й егерский полк, впо-

¹⁷ Лауканин Л. Ржановские: учительская династия / Л. Лауканин // Пенсионный вестник Карелии. – 2004. – 21–27 янв. – С. 4.

¹⁸ Лауканин Л. Ржановские: учительская династия / Л. Лауканин // Пенсионный вестник Карелии. – 2004. – 21–27 янв. – С. 4.

¹⁹ Школа Фрадкова: Воспоминания об учителе. Из педагогического наследия И. С. Фрадкова / авт.-сост. Н. Н. Мешкова [и др.]. – Петрозаводск, 2002. – 190 с.

¹ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 288.

следствии получивший название 103-го петрозаводского, костяк которого составляли выходцы из Олонецкой губернии. В первый период войны этот полк участвовал в боях под Витебском, Смоленском и Бородино. Это были, в основном, рекруты, пополнившие армию в 1805–1812 гг. Воины из Карелии обороняли Багратионовы флеши во время знаменитого Бородинского сражения. За боевые заслуги в Отечественной войне 1812 г. полк первым в русской армии был отмечен новой коллективной наградой – знаками на киверах с надписью «За отличие» и пожалован гренадерским барабанным боем. В дни празднования 100-летия победы русской армии в Отечественной войне 1812 г., на Бородинском поле был поставлен обелиск в честь Петрозаводского, Муромского и Двинского полков. В настоящее время нам известны еще не все имена героев Бородина, уроженцев нашего края, но некоторые из них мы можем уже назвать: П. Беренко, С. Олферьев, С. Петерсон, К. Шкурлатин, Н. Эскимах, И. Полунин, И. Тулупов.²

Как известно, Бородинское сражение было переломным событием 1812 г. В этом сражении русские войска потеряли около 44 тысяч человек, французы – около 58 тысяч убитыми и ранеными.³ Как раз после этого сражения 30 ноября 1812 г. был объявлен Манифест Александра I о чрезвычайном рекрутском наборе (с 500 душ мужского населения по 8 человек).⁴ Началом набора рекрутов по Олонецкой губернии является 16 декабря 1812 г. Первыми по этому набору в Олонецкое рекрутское присутствие прибыли рекруты Лодейнопольского уезда.⁵ Как свидетельствуют документы НА РК, во время 1812–1814 гг. в русскую действующую армию направлялись мужчины 18–40 лет, ростом не менее 2 аршин 3 вершков. При этом крестьянские и мещанские общества снабжали своего рекрута одеждой, обувью и деньгами «принадлежащим количеством на обмундирование сукном, холстом, а также жалованием и провиантскими деньгами». ⁶ Как видно из предписания олонецкого губернатора В. Ф. Мертенса от 5 марта 1813 г., обмундирование рекрута из Олонецкой губернии состояло из мундира, шинели, панталон, галстука, манишки, фуражки и ранца, стоимость этого обмундирования составляла 34 рубля.⁷ Судя по описанию одежды олонецкого рекрута, они направлялись в войска линейной пехоты и в егерские части.⁸

В фонде «Олонецкое горное правление» (ф. 37) сохранилась переписка олонецкого губернатора В. Ф. Мертенса и горного начальника А. В. Армстронга о порядке отправления рекрутов из Петрозаводска в действующую армию, их количестве и снабжении: первая партия – 30 января 1813 г. – 406 чел., вторая партия – 25 февраля 1813 г. – 318 чел., третья партия – 18 марта 1813 г. – 135 чел., четвертая партия – 1 апреля 1813 г. – 43 чел., пятая партия – 6 мая 1813 г. – 354 чел. (предполагалось 400), шестая партия (недоимочные рекруты) – 14 августа 1813 г. – 50 чел., седьмая партия – 16 сентября 1813 г. – 108 чел. (предполагалось 117), восьмая партия – не позднее 18 сентября 1813 г. – 45 чел.⁹ Кроме перечисленных партий, направленных из Петрозаводска, в ноябре–декабре 1813 г. в Каргополе была сформирована группа в составе 346 чел.¹⁰ и в Пудоже – 158 человек.¹¹

30 июня 1826 г. вышел указ Николая I об установлении медали «В память вступления русской армии 19 марта 1814 г. в Париж». Этой медалью награждались все военные чины, бывшие в действующей армии по 19 марта 1814 г., непосредственно участвовавшие в битве за Париж, в военных действиях во Франции и в Польше под командой графа Беннингсена. В указе специально отмечалось, что не подлежат награждению провиантские комиссионеры, госпитальные смотрители, денщики и т. д.¹² Списки награжденных медалью, обнаруженные в настоящее время в фонде «Олонецкое горное правление» (ф. 37), действительно свидетельствуют о героизме русских солдат в войне с Наполеоном и дают возможность восстановить имена участников сражений. Они прошли с боями Герцогство Варшавское, Пруссию, Датское Королевство, участвовали в морских сражениях и в боях за взятие Парижа.¹³

6 июля 1812 г. Александр I обратился к россиянам с Манифестом «О сборе внутри государства земского ополчения», в котором говорилось: «Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие внутрь России... При всей твердой надежде на храброе наше воинство, полагаем мы за необходимое – нужное собрать

² История Карелии / под ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2007. С. 94–95; История Карелии в документах и материалах. Хрестоматия. Ч. I. Петрозаводск, 1980. С. 92–93; Балагуров Я. Боевая слава олонецких стрелков // Ленин. правда. 1962. 26 авг.

³ БСЭ. Т. 31. С. 388.

⁴ ПСЗРИ. Т. 32. СПб., 1830. С. 467.

⁵ НА РК, ф. 191, оп. 1, д. 67/933, л. 27–28.

⁶ НА РК, ф. 191, оп. 1, д. 66/932, л. 40.

⁷ НА РК, ф. 37, оп. 5, д. 76/515, л. 35.

⁸ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 235.

⁹ НА РК, ф. 37, оп. 5, д. 76/515, л. 19, 21, 24, 33, 34, 48, 50, 56, 59, 77, 80, 86, 159, 160, 184–186 об., 188; ф. 37, оп. 8, д. 26/292, л. 85–85 об., 118–118 об., 183–183 об.

¹⁰ НА РК, ф. 37, оп. 8, д. 126/292, л. 505.

¹¹ Там же. Л. 485.

¹² НА РК, ф. 37, оп. 5, д. 162/1508, л. 6. История Карелии в документах и материалах : учеб. пособие для ср. шк. Петрозаводск, 2000. С. 93.

¹³ НА РК, ф. 37, оп. 5, д. 162/1508, л. 15–16; ф. 37, оп. 8, д. 129/1043, л. 220, 220 об., д. 34/379, л. 397, 415, 420–420 об. и др.

внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех...».¹⁴

21 июля 1812 г. олонецкий губернатор В. Ф. Мертенс получил предписание «набрать из обитающих в Олонецкой губернии народов, в стрельбни зверей упражняющихся, до 500 человек, а далее и по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправить на подводах в С.-Петербург для причисления их к тому ополчению, которое там против неприятеля, вторгнувшемуся в пределы России, составляется...».¹⁵

24 июля 1812 г. в протоколе Олонецкой казенной палаты отмечается о препровождении в С.-Петербург «в пяти партиях, набираемых по высочайшему... повелению в Олонецкой губернии 575 человек стрелков».¹⁶ Первые 66 стрелков прибыли из Петрозаводского уезда в губернский город 11 августа 1812 г.¹⁷

К сожалению, документов об участии олонецких ополченцев в военных действиях 1812 г. сохранилось в Национальном архиве РК мало. Однако некоторые сведения можно восстановить опосредованным путем. Так например, 8 октября 1846 г. Олонецкое горное правление познакомилось с предписанием Олонецкого губернского правления о проведении работы по сбору сведений об обмундировании и вооружении «сформированному в 1812 г. в Олонецкой губернии, соединенно с Вологодскою, батальона стрелков»¹⁸ для подготовки Исторического описания одежды и вооружения Российских войск. В Национальном архиве РК сохранилось дело «По сообщению Олонецкого губернского правления о доставлении сведений о временно сформированных в 1812 г. ополчениях».¹⁹ В этом деле хранятся записи 20 опрошенных волостными правлениями ополченцев. Большинство ополченцев заявили, что они служили в Олонецком батальоне, некоторые указали точнее – в первом Олонецком батальоне, в 17-й дружине под командованием Петра Христиановича Витгенштейна, фамилия командира 17-й дружины записана следующим образом: генерал Иван Матвеевич Оклечеев, генерал-майор Оклечеев, генерал Аплечаев.²⁰ Для выяснения подлинной фамилии командира мы обратились к исторической литературе и, прежде всего, к сведениям энциклопедии «Карелия», где указано о том, что «под командованием генерал-майора И. М. Аклечеева олонецкие ополченцы выступили на фронт из С.-Петербурга в октябре 1812 г. и через 4 недели прибыли в Витебск».²¹ Словарь русских генералов [1812 г.] сообщает: «Аклечеев Иван Михайлович (1758–1824 гг.). Из дворян Вологодской губернии. 4 февраля 1798 г. произведен в генерал-майоры. В 1812 г. сформировал отряд олонецких стрелков, с которыми поступил в Петербургское ополчение и участвовал в боях под Полоцком и Чашниками, а в 1813 г. находился при осаде Данцига». Награжден орденами Святой Анны 1-й степени, Святого Георгия 4-го класса, Святого Владимира 3-й степени, одним иностранным крестом за Очаков, золотой шпагой «За храбрость».²² В этом же издании имеются сведения об участии в военных действиях 1812–1813 гг. генерал-лейтенанта с 1807 г. Петра Христиановича Витгенштейна (1768–1843 гг.). «В 1812 году – командир 1-го отдельного пехотного корпуса, прикрывавшего Петербургское направление... В июле под Клястицами его войска остановили продвижение маршала Удино, в августе произошли ожесточенные бои его войск под Полоцком с корпусами маршалов Удино и Сен-Сира. В октябре его части штурмом взяли Полоцк. Затем в сражении под Чашниками было нанесено поражение маршалу Виктору. В Березинской операции... он не смог нанести решительный удар по незащищенной с фланга переправе войск Наполеона. В 1813 г. части под его командованием заняли Берлин... Награжден орденами Святого Георгия 2-го класса, всеми российскими орденами высших степеней, 4 иностранными, двумя золотыми шпагами с алмазами, одна из них с лаврами».²³ Современники отмечали также исключительную демократичность графа Витгенштейна: «в нем соединялось рыцарское отношение к людям, без различия – равны они ему по положению, стоят выше его или находятся у него в подчинении, и характер твердый, решительный. Неся боевую службу Витгенштейн неоднократно возбуждал войска примером своей личной храбрости и неустранимости».²⁴

Не вызывают сомнений показания ополченцев об их непосредственных ротных командирах. Алексей Семенов из деревни Важинская Пристань, Михайла Лаврентьев из деревни Нинисельга, Кирила Евстифеев из деревни Афанасьева Сельга, Антон Афанасьев из деревни Улялега служили в 1-м Олонецком батальоне, в 4-й роте капитана Бажинского,²⁵ Кирик Михайлов из деревни Барановской, Терентий Ануфриев из деревни Нимпельды, Емельян Ананьев из деревни Пелдожи, в 3-й роте капитана Грибанова,²⁶ Савелий Михайлов

¹⁴ ПСЗРИ. Т. 32. СПб., 1830. С. 588.

¹⁵ НА РК, ф. 37, оп. 5, д. 77/523, л. 17–18.

¹⁶ НА РК, ф. 4, оп. 52, д. 172, л. 42.

¹⁷ НА РК, ф. 37, оп. 5, д. 77/523, л. 31–32.

¹⁸ НА РК, ф. 37, оп. 23, д. 15/121, л. 3.

¹⁹ НА РК, ф. 37, оп. 23, д. 15/121.

²⁰ НА РК, ф. 37, оп. 23, д. 15/121, л. 9, 14, 17.

²¹ Карелия : энциклопедия. Т. 2. Петрозаводск, 2009. С. 334.

²² Словарь русских генералов // Русский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VII. М., 1996. С. 293–294.

²³ Там же. С. 396.

²⁴ Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное изд. Т. III. М., 1912. С. 106.

²⁵ НА РК, ф. 37, оп. 23, д. 15/121, л. 17–17 об., 18–18 об., 21–21 об., 25–25 об.

²⁶ Там же. Л. 7–7 об., 13–13 об., 19–19 об.

из деревни Каскеснаволоок – во 2-й роте капитана Кутузова,²⁷ Михей Черепов из деревни Лариковой и Никифор Варшук из деревни Воевнаволоок служили под командованием ротного офицера Софрона Гутарова (рота не указана).²⁸ Исак Яковлев из деревни Римской, Евсей Кастьянов из деревни Салменижской, Василий Павлов из деревни Декнаволоок, Терентий Лукин из деревни Катчалы, Никита Арефьев из деревни Сулажгоры указали только о своей службе в 17-й дружине.²⁹ Обмундирование ополченцев было, в основном, следующее: казаки-ны* из черного сукна, полушубки из простой овчины, серые панталоны, на голове кивер из черного сукна, вер-хушка и козырек из черной кожи, спереди на кивере прикреплен медный крестик с надписью «За веру и царя», стрелки были вооружены ружьями и ранцами. Ополченцы указывали, что их вооружение было «наравне с еге-рями».³⁰

Несколько отличалась одежда ополченцев 3-й роты: «Обмундирование имели они вместо мундиров каза-кины или полукафтаны темно-зеленого сукна с такими же пуговицами... белые полушубки, на руках коротень-кие кожаные рукавицы, вместо ранца – кожаные сумки.³¹ По сведениям Шуйского волостного правления, не указывающего принадлежность ополченца к определенной роте, ратники были одеты в мундиры синего сук-на, вроде казакина, с красными воротниками и красными кушаками... кивера были синего сукна, верхушки ко-жаные лактерованные».³²

Одежда ополченцев к 1846 г., в основном не сохранилась, за исключением медных крестиков. Только Ки-рик Михайлов представил в Остреченское волостное правление «кивер, вместо ранца кожаную сумку и галстук темно-зеленого сукна».³³

21 декабря 1846 г. Олонецкое горное правление сообщило в губернское правление, что кроме показаний «оставшихся живыми ополченцев» другими сведениями об олонечких стрелках не располагает.³⁴ Однако в фонде «Олонецкая духовная консистория (ф. 25) обнаружен документ, который проливает свет на ряд интере-сующих нас вопросов – это аттестат от 20 июня 1814 г., выданный «служившему Новгородского ополчения в 4-й сводной дружине из вольноопределяющихся церковнику Ивану Харитонову в том, что во все время служ-бы его в ополчении вел себя добропорядочно, находился в заграничном походе в Пруссии и при блокаде крепо-сти Данциг, в сражениях был и службу отправлял всегда с усердием».³⁵ В заграничных боях с неприятелем участвовали также наши земляки Алексей Семенов, раненый в Саксонии и Савелий Михайлов – под Пари-жем.³⁶ В 1894 г. в Олонецком сборнике была опубликована большая статья неизвестного автора за подписью «моряк-любитель из олончан», в которой отмечалось: «В 1915 г. олонечкие стрелки, совершив святое дело и побывав в столице Франции, возвратились на свою родину, но уже не в том числе, в каком они ее оставили, зато почти все возвращавшиеся были украшены Георгиевскими крестами. Торжественно они были встречены в губернском своем городе Петрозаводске. Не доезжая до города по Петербургскому тракту были устроены, по случаю этой встречи, деревянные триумфальные ворота. Ворота эти существовали до конца двадцатых годов и назывались жителями, как мы очень хорошо помним, «трухмальными воротами».³⁷

²⁷ Там же. Л. 20–20 об.

²⁸ Там же. Л. 9.

* В тексте казатины.

²⁹ Там же. Л. 14–14 об., 24–24 об., 27–29 об.

³⁰ Там же. Л. 17–21, 24–25.

³¹ Там же. Л. 7, 14 об.

³² Там же. Л. 26–28 об.

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Там же. Л. 30.

³⁵ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 23/27, л. 3–3 об.

³⁶ НА РК, ф. 37, оп. 23, д. 15/121, л. 17 об, 20 об.

³⁷ Олонецкий сборник : материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петро-заводск, 1894. С. 242.

Раздел 3. Краеведы и краеведение в Карелии

Н. Н. Мамонтова

В поисках своих корней

Между живущих людей
безмянным никто не бывает
вовсе. В минуту рожденья
каждый, и низкий, и знатный,
Имя своё от родителей
в сладостный дар получает.
Гомер. Одиссея

Ларионов, Калинин, Мамонтов. Един в трех лицах. Речь идет об одном и том же человеке – нашем отце. Нет, он не был ни разведчиком, ни преступником, скрывавшимся от закона под этими разными фамилиями. Мы, его дети, прежде об этом ничего не знали, но нас всегда интересовало: почему мы – **Мамонтовы**, почему у нас такая фамилия странная, не очень распространенная, не то что: Медведев, Волков, Зайцев и т. д. или Петров, Иванов, Сидоров.

Взрослея, по книгам и другим источникам познакомились (заочно, конечно) с однофамильцами: Саввой Мамонтовым – известным меценатом XIX века; Аркадием Мамонтовым – нашим современником, журналистом. И все же вопрос оставался без ответа: откуда столь необычная фамилия у наших родителей – карелов, которые знать не знали об этом доисторическом животном, крупном как слон, но покрытым густой шерстью, с большими бивнями, жившим когда-то очень-очень давно на земле и со временем вымершим. Эти сведения мы получили будучи школьниками и, естественно, не испытывали удовольствия от них.

Позднее, когда появилось множество книг об именах и фамилиях различного происхождения, выяснилось, что в основе фамилии **Мамонтов** могло быть церковное личное имя **Мамант**, которое со временем на русской почве изменилось в **Мамонт** и в **Мамот, Момот**, отсюда фамилии **Мамонтов**, а также **Мамотов, Момотов**¹⁰.

Пока были живы родители, мы как-то не очень интересовались их прошлым, о чем сейчас, конечно, сожалеем, но и они не особенно рассказывали нам о себе. В те времена жили с оглядкой, по принципу: «меньше знаешь, лучше спишь (дольше живешь)», памятуя об имевших место необоснованных репрессиях, когда люди исчезали внезапно и надолго. Нашей семьи, слава богу, это не коснулось, но загадки были, и первая среди них: почему мы – **Мамонтовы**, откуда взялась эта не совсем обычная, можно сказать, даже экзотическая фамилия у нас, карелов?

Согласно документам Олонецкой духовной консистории в метрических книгах Виданского прихода Петрозаводского уезда имеется запись о рождении нашего отца: «...В 1908 г. 1 декабря рожден, крещен 7 декабря (по старому стилю) в семье крестьянина д. Косминской¹¹ Константина Калиновича Ларионова и законной жены его Пелагеи Игнатьевны, оба православного вероисповедания, сына Николая»¹². Таким образом, наш отец – **Ларионов Николай Константинович**.

Следует обратить внимание на то, что дед отца – Калина, а мать, наша бабушка, – Пелагея Игнатьевна Калининкова. Неофициально как в деревне Антушевской (на родине мамы), так и в деревне Кузьминки (на родине отца) нас, их детей, когда мы приезжали на каникулы к родственникам в деревню, местные жители старшего поколения звали **Kalinan** Kol'an Iarset (в переводе: «дети **Калинина** Николая»). Остается неясным, как появилась у нас фамилия **Мамонтовы**?

Итак, у нашего отца зафиксированы как бы три фамилии: **Ларионов, Калинин** и **Мамонтов**. По первым двум хоть что-то прояснилось, но откуда взялась фамилия Мамонтов (подчеркнем – у карела)? Существовала

¹⁰ Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-Пресс, 1993. С. 73.

¹¹ Она же Костминская, Кузьминская, Кузьминки. Входит в состав села Виданы – давнего поселения карелов-людиков, расположенного по обоим берегам Шуи в 25 км от ее впадения в Онежское озеро. См.: Село Виданы: история и современность // Краеведческие чтения: материалы II научной конференции (16 мая 2008 г.). Петрозаводск, 2009. С. 54–57.

¹² Об этом свидетельствует справка из Национального архива Республики Карелия № М-47 ф. 128 Шуйский приход, с. Шуя Петрозаводского уезда Олонецкой губернии (ф. 25, оп. 22, д. 561, л. 303–306 об.; д. 551, л. 194–195 об.), выданная 17.09.2003 г.

легенда, если ее можно так назвать, согласно которой, когда отца призвали на военную службу в г. Петрозаводске, то в списке новобранцев осталась под конец одна фамилия Мамонтов и один призывник – наш отец. Так он, якобы, и стал Мамонтовым (кстати, заметим, что эта фамилия зафиксирована у жителей Заонежья). В эту легенду, вероятно, можно было бы поверить, если бы только один наш отец имел эту фамилию, но его младший брат Егор – тоже Мамонтов и сестра Татьяна Константиновна (в замужестве Веремьева), которая, по архивным данным, была записана еще и как Бесфамильная. Выходит, нестыковка.

Отец и мама поженились в 1929 году, а в 1931 переехали в г. Петрозаводск и жили с семьей в комнате барака на улице Красной (напротив современного Дворца творчества детей и юношества. На этом месте сейчас здание «Недвижимости»).

С 1931 по 1935 годы отец, по его словам, служил в отдельном карельском егерском батальоне, даже на какое-то время был отправлен в Забайкалье.¹³ С 1937 по 1973 годы работал на Кировской железной дороге в должности кочегара, затем помощника машиниста в Петрозаводском депо, а во время войны – в Кемском отделении. В 1940 году они с братом Егором почти выстроили свой дом на Перевалке, который и сейчас стоит там. В нем мы родились и выросли. За время войны он был достаточно разрушен (но стены и крыша остались, а все остальное – окна, потолки, полы – были разобраны и унесены). После возвращения из эвакуации и до последнего дня своей жизни наши родители достраивали его и жили в нем.

Будучи на пенсии, отец работал дворником (с 1971 по 1983 год). Великий труженик. Имел правительственные награды. Обо всем этом говорят документы.

Но остается неясным одно: как и когда, каким образом мы стали Мамонтовыми. Поиски своих корней продолжаются.

Супруги Мамонтовы: Анна Петровна и Николай Константинович. 1983 год

Родительский дом на Перевалке

Все мы – Мамонтовы. 1983 год

Братья Мамонтовы: Николай Константинович (справа) и Егор Константинович (слева) – бойцы Карельского егерского батальона

¹³ По данным трудовой книжки, отец работал с 1919 г., общий трудовой стаж 16 лет, из них три года службы в РККА.

Мамонтовой Татьяне Юрьевне
г. Петрозаводск,
ул. Милосердова, д.4, кв.8

В документах Олонецкой духовной консистории, в метрических книгах
Неманского прихода Петрозаводского уезда имеется запись о рождении:
в 1809 г. 26 марта, крестник 5 апреля (по старому стилю) в семье крестянина
д. Антуринской Петра Сомыловича Окулова и законной жены его Марии Федоровны, оба
прирожденного православного, дочери Анны, Актиния звание - Е.
в 1808 г. 1 декабря, крестик 7 декабря (по старому стилю), в семье крестянина
д. Булановой Константина Екимовича Парикова и законной жены его Пелагеи
Павловны, обо врожденнаго православнаго, сына Николая. Актиния звание - 22.

Справка № 25, от 22.12.2009 г. № 30306-000, д.551, д.1946б-195

Директор архива

Начальник

О.Г. Часкина

Л.Н. Мырзин

Архивная справка

Гусева Елена Рафхатовна,
Павлова Александра Владимировна

Республиканский конкурс «Край родной – родное слово»: итоги и перспективы

В мае–ноябре 2009 года лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии при кафедре русского языка историко-филологического факультета Карельской государственной педагогической академии и Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН при поддержке музея-заповедника «Кижи», Института повышения квалификации работников образования, Министерства культуры, Министерства по национальной политике Карелии провели республиканский конкурс «Край родной – родное слово».

Цель проведения конкурса – приобщение коренных жителей, школьников, молодежи и старшего поколения к делу изучения народных говоров, истории и культуры различных территорий Карелии, а также пополнение собрания ономастического, диалектного и фольклорного материала.

В оргкомитет конкурса поступило 20 исследовательских работ из Лахденпохского, Лоухского, Прионежского, Пряжинского, Пудожского, Суоярвского районов. Возраст участников – от 10 до 87 лет. Количество информаторов – более 50 человек. Работы содержат ценные сведения о местной топонимии, антропонимии, русском и карельском фольклоре, диалектной лексике: списки местных слов, географических названий, прозвищ людей, кличек животных, автобиографии жителей деревень и городов Карелии, рассказы об особенностях прежней жизни, обычаях, традициях, праздниках, играх. Многие исследования оформлены в виде презентаций, богато иллюстрированных фотографиями.

Конкурсные работы оценивались в 4 номинациях: «История. Язык. Культура», «Фольклор», «Ономастика», «Диалектное слово». Члены жюри – руководитель «Ономастического центра» ИЯЛИ КНЦ РАН Нина Николаевна Мамонтова, профессор кафедры русского языка историко-филологического факультета КГПА, руководитель лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Любовь Петровна Михайлова, преподаватели кафедры русского языка Андрей Владимирович Приображенский и Елена Рафхатовна Гусева, преподаватель кафедры литературы Марина Геннадьевна Бабалык.

11 декабря 2009 г. на историко-филологическом факультете КГПА прошла итоговая конференция, на которой было заслушано 15 сообщений. Представим некоторые из конкурсных работ.

Ученики Энгозерской школы Лоухского района (руководители – заведующая библиотекой Гейнак Елена Владимировна, учитель географии Тимиева Наталья Викторовна) на основе сведений, полученных от 6 информаторов, данных «Поминальных списков Карелии 1937–1938 гг.», географических карт провели исследование ономастики исчезнувшей деревни Булдыри и ее окрестностей. Ребята попытались установить дату первого упоминания деревни Булдырской, выяснить происхождение некоторых «местных» названий (на карельском языке Шарвиньёми – мыс в виде оленьих рогов < шарви 'рога', нйёми 'мыс'), восстановить схему расположения домов и других построек деревни.

«Загадки пудожской топонимики» – исследование семиклассников школы № 2 г. Пудож (руководитель – учитель истории и обществознания Елена Владимировна Зиновьева). Это одна из первых работ по топонимике, выполненная в рамках программы «Топонимика родного края». Программа была принята 3 года назад сотрудничеством музейных работников Пудожского района. В полевых условиях, в походах ребята разгадывали «тайны» названий местности, например, гидронимов. Елена Владимировна также представила на конкурс собственную работу по изучению топонимики исчезнувшей деревни Малые Кривцы и словарь диалектной лексики.

Гагарина Яна из деревни Ведлозеро Пряжинского района (руководитель – учитель русского языка и литературы Любовь Федоровна Нестерова) собрала карельский фольклор: пословицы, заклинания, причитания, песни, частушки. «В живой карельской речи ведлозерцев старшего поколения сохранились пословицы (sanoon peät). Деревенские жители используют пословицы для того, чтобы выразить мысль более точно, ярко, образно, – говорит Яна. – Скажешь *vanhattuu askel lyhenov, matku pitkenov* «в старости шаг короче, а путь длинней» – и все понятно: речь идет о пожилым человеке, которому тяжело преодолевать большие расстояния. Пословицы выразительны, метки, кратки, легко запоминаются: *vierahal mual kesägi on vilu* «в чужом краю и летом холодно». В пословицах утверждаются положительные качества – трудолюбие, добро, честь: *Huväh sanah leppy lämbyu, pahah paivu katkieu* «от хорошего слова и ольха гнется, а от плохого и ива ломается». Во многих пословицах говорится о любви к дому, к родным местам: *Oma mua mansikka, vieras mua – mustikka* «родная земля – земляника, чужая земля – черника». Некоторые пословицы затрагивают вопросы морали и народной педагогики: *Opasta lastu, kuni on poikki laucas* «воспитывай ребенка, пока он поперек лавки лежит».

Борисова Валентина Алексеевна

Прокофьева Александра Николаевна

Гагарина Яна

Денис, Карина, Катя и Ульяна (пос. Ихала)

Самые маленькие исследователи, принявшие участие в конкурсе, – третьеклассники из поселка Ихала Лахденпохского района. Вместе со своим учителем Жебчук Аллой Владимировной они ходили в походы, разговаривали с пожилыми людьми: «Многие озера получили свои названия после войны. Наши бабушки и дедушки после войны приехали в посёлок Ихала и остались здесь жить. Озёра вокруг посёлка названы «по приметам». Озеро, на берегу которого находилась птицеферма, так и назвали – «Птицеферма». Пионерское озеро назвали

так потому, что летом на берегу озера располагался пионерский лагерь». Ребята собрали более 20 названий озер: *Пионерское, Пансионатовское, Победа, Пахарское, Солдатское, Питьево, Лимонадное, Танковое, Щучье, Птицеферма, Пятачок, Парнюгино, Сапог, Косаревское, Бабское, Черное, Два острова, Моховое, Длинное, Меньшиково, Окунёвое, Тёмное*, попробовали установить мотивы послевоенных наименований.

Самый старший участник конкурса – Александра Николаевна Прокофьева из деревни Шуя Прионежского района: «Прошло так много времени, мне уже 87 лет... Но удивительный говор шуян до сих пор со мной, он в моей памяти и в моих записях. Как только моя головушка запомнила и убрядила все словечки? ... Я помню, что означают слова *чипетать* и *фурскануть*. Удивительно, но *фурскану́* я услышала совсем недавно, и очень обрадовалась. Помню среди других слов важные слова *муши дай*. Очень много вспоминается... Иногда думаю, все ли это было *возаболь*? Все было *дбсюль*, но как будто *лонись*. Хочется воскликнуть: «*Е Га́ли!*». Составить небольшой словарь Александре Николаевне помогла сотрудник Шуйской библиотеки Екатерина Алексеевна Мозолевская: *возаболь* ‘правда настоящая’, *дбсюль* ‘давно-давно’, *е га́ли* ‘есть чудо! диво!’, *лонись* ‘недавно, вчера’, *муши дай* ‘поцелуй меня’, *убрядить* ‘спрятать’, *фурскануть* ‘бросить’, *чипетать* ‘капать (о дожде)’.

77-летняя Валентина Алексеевна Борисова из деревни Водла Пудожского района записала деревенские пословицы и поговорки: «Так ведь и не выдумашь, чтобы вот эти все вы помнить. А я как запомню, так скорей бежу записываю. Запишу, чтобы не забыть. Как опять какую вспомню, так опять ручку беру, опять записываю».

Нищего ограбить – с руки корзинка снять – «*Ничо у него нет, он ходит с корзинкой, просит только, нищий дак. А его ограбить – корзинка снять, и всё*».

Не было бы добрых, много было мёртвых – «*Ну как вот у меня нет того, нет другого, а мене люди дают. Если б люди не дали, значит, я бы с голоду пропала, можно сказать, вот как во время войны. Сейчас-то, може бы, и не пропала. Или вот платно́ како-то... У меня нет, а мене дают*» (платно́ ‘одежда’).

Хлеб свой – хоть у попа стой – «*Денежки есть свои, дак хочь у кого хошь ночуй*».

Дураку и вору кажно платье впору – «*Вот, примерно, вор ворует. Там ему подходит, не подходит, ладно, не ладно, а он его всё равно оденет. И дурак не поймёт тоже, како дают. Даёшь како-нибудь платно́, может, худо, а он всё равно будет его носить*».

Душа в гуликé, а голос в тереме – «*Вы знаете, что такое гулик? Вот веник, который с листьев вяжут. Потом листья эти все упадут, а он такой голый станет, ну голячок. Дак вот говорят, как маленький человек, а он говорит громко так, скажут: «Душа в гуликé, а голос в тереме». Значит, голос у неё хороший*».

Язык мой – друг мой и враг мой – «*Это, знаете, тоже скажешь чего-нибудь, что не надо, вот выскочит. Он и друг мой, он и враг мой*».

Все участники конкурса получили дипломы первой и второй степени, сертификаты об участии, памятные подарки: словари и справочные пособия по русскому языку, книги по истории, фольклору, топонимике Карелии, фотоальбомы с репродукциями картин карельских художников.

Информация о конкурсе содержится на сайте историко-филологического факультета КГПА, газетах «Карелия», «ГВР-Панорама» (февраль–март 2010 г.).

*Николаева Александра Александровна,
начальник справочно-библиографического отдела
Научной библиотеки Петрозаводского
государственного университета*

Краеведческий компонент в работе справочно-библиографического отдела Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета

Всякая благородная личность
глубоко сознает свое родство,
свои кровные связи с отечеством.
В. Г. Белинский

Интерес к краеведению – это тенденция современной эпохи. Он основан на осмыслении человеком своей личности в контексте истории, культуры и судьбы своего края. Академик Д. С. Лихачев считал, что воспитательная роль краеведения исключительна велика.

Большую роль в становлении студента, как будущего квалифицированного специалиста играет вуз, библиотека и краеведческие знания, которые он приобретает посредством обращения к изданиям краеведческого характера и к библиотечному краеведению, которые формируют уважение и любовь к своему краю, где он живет и будет работать.

Основной базой краеведческой деятельности в библиотеках Республики Карелия является Национальная библиотека РК. Научная библиотека Петрозаводского государственного университета так же немало внимания уделяет в своей работе проблемам краеведения и имеет свой накопленный опыт.

В Петрозаводском государственном университете сосредоточены научные силы по многим отраслям знаний. Кафедры университета занимаются разными исследованиями, в т. ч. связанными и с нашим краем. В нашем университете читаются такие дисциплины, как: «История Карелии в дореволюционный период», «Историческое краеведение Карелии», «Археологические памятники Карелии», «История Петрозаводска» и др. Исследовательская деятельность требует библиографического обеспечения проводимых работ, библиографической помощи исследователям и такую поддержку оказывает Научная библиотека Петрозаводского государственного университета.

Основным центром краеведческой работы НБ ПетрГУ является справочно-библиографический отдел, основанный в 60-х годах XX в. Основные направления деятельности отдела: справочно-библиографическое и информационное обслуживание, научная деятельность. В период становления отдела немалую роль в удовлетворении запросов читателей по краеведческой тематике играли картотеки, формируемые отделом:

- «Краеведение»,
- «Карелия в русской дореволюционной печати»,
- «История университета»,
- «Картотека профессорско-преподавательского состава»,
- «Научные работы преподавателей университета» (с 1966 г.),
- «Издания университета»,
- «Картотека диссертаций, защищенных в университете»,
- «Картотека выполненных справок» (есть раздел по Карелии).

С началом создания в 1992 г. электронного каталога Научной библиотеки ПетрГУ, многие картотеки прошли процесс консервации и стали основой в формировании системы пособий ретроспективной научно-вспомогательной библиографии и баз данных по разным научным темам, разрабатываемым в университете. Стоит отметить, что с 60-х годов справочно-библиографическим отделом издано около 50 библиографических изданий, среди них большая часть – это библиография трудов ученых университета. Например, наиболее значимые:

Сводные указатели изданий ПетрГУ:

Издания Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена / сост.: М. В. Савушкина, А. В. Попкова // 25 лет Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена. – Петрозаводск, 1965. – С. 196–216.

Научные труды преподавателей и сотрудников Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена (1940–1965) : библиогр. указ. / науч. рук. Е. А. Веселов ; ред. Н. Ф. Модина. – Петрозаводск, 1973. – 252 с.

Научные труды преподавателей и сотрудников биологического факультета Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена (1966–1987) : библиогр. указ. : в 2-х ч. / сост.: Н. Г. Евсеева, Р. М. Беляева, Н. В. Егорова, Г. Н. Новикова. – Петрозаводск, 1991. Ч. 1. – 110 с.; Ч. 2. – 62 с.

Персоналии:

Шумилов Михаил Ильич : библиогр. список / сост.: Л. И. Мартынова, Г. Н. Новикова, Л. М. Ротц ; ред. Н. Ф. Модина. – Петрозаводск, 1978. – 24 с.

Куусинен Отто Вильгельмович : библиогр. список литературы. (К 100-летию со дня рождения) / сост. Ю.-Э. И. Кантола. – Петрозаводск, 1980. – 55 с.

Игорь Николаевич Григович : указ. науч. тр. : 1963–2001 гг. / сост.: Р. М. Беляева, Н. Г. Евсеева, А. А. Николаева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 26 с.

Игорь Николаевич Григович [Электронный ресурс] : указ. науч. тр. : 1963–2001 гг. / сост.: Р. М. Беляева, Н. Г. Евсеева, А. А. Николаева. – Электрон. версия. – Петрозаводск, 2002. – Режим доступа: <http://library.petrus.ru/activity/grigovich.shtml>, свободный. – Яз. рус.

Список научных трудов Афанасьевой А. И. / сост.: Р. М. Беляева, Н. Г. Евсеева, А. А. Николаева // Вопросы истории европейского Севера: проблемы развития культуры: вторая половина XIX–XX вв. : сб. науч. ст. / ПетрГУ. – Петрозаводск, 2002. – С. 213–222.

Список научных трудов Афанасьевой А. И. [Электронный ресурс]. – Электрон. версия. – Петрозаводск, 2002. – Режим доступа: <http://library.petrus.ru/activity/afanasjeva.shtml>, свободный. – Яз. рус.

Юрий Васильевич Лупандин : указ. науч. тр. : 1962–2003 гг. / ред.-сост.: Н. В. Егорова, Н. А. Мощенская, Л. Е. Мезенцева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 27 с.

Юрий Васильевич Лупандин [Электронный ресурс] : указ. науч. тр. : 1962–2003 гг. – Электрон. версия. – Петрозаводск, 2002. – Режим доступа: <http://library.petrus.ru/activity/lupandin.shtml>, свободный. – Яз. рус.

Тематические указатели:

Компрессионный шок : библиогр. указ. / НБ ПетрГУ ; Нац. б-ка РК ; сост.: Н. Ф. Модина, А. Г. Островский. – Петрозаводск, 1971. – 83 с.

Охрана водной среды от загрязнения: библиогр. указ. / НБ ПетрГУ ; КНЦ РАН ; сост.: В. В. Богданова и [др.] – Петрозаводск, 1975. – 54 с.

Бронхиальная астма : указ. лит. : 1945–1987 гг. / НБ ПетрГУ ; Нац. б-ка РК ; сост.: Е. С. Карашуров, А. Г. Островский [и др.] ; ред.: Н. Г. Евсеева, Н. В. Егорова [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – 192 с.

Биология и патология пушных зверей : указ. лит. : в 2-х ч. / НБ ПетрГУ ; КНЦ РАН ; под ред.: В. А. Берестова, Н. Ф. Модина, В. С. Клодт [и др.]. – Петрозаводск, 1977. Ч. 1: 1960–1974. – 303 с.; Ч. 2: 1960–1975. – С. 304–521.

Русская дореволюционная периодика в фондах библиотек города Петрозаводска. 1703 – окт. 1917 : алф. список в 2-х ч. / сост.: Н. Г. Евсеева, Р. М. Беляева, Н. В. Егорова, Г. Н. Новикова. – Петрозаводск, 1989. Ч. 1 – 60 с.; Ч. 2 – 60 с.

С полным списком изданий справочно-библиографического отдела можно ознакомиться на Web-сайте НБ ПетрГУ в разделе «Издательская деятельность» (<http://library.petrso.ru/activity/publishing.shtml>).

С 1993 г. началась работа по редактированию библиографического указателя ученого-краеведа Ивана Михайловича Никольского «Природа, население, экономика, история и культура Карелии». Долгое время библиографический указатель существовал только в виде рукописи. (Сохранилось 2 экземпляра. Один находится в фонде справочно-библиографического отдела НБ ПетрГУ, другой – в фонде Национальной библиотеки РК).

Работа по отбору и систематизации материала была закончена И. М. Никольским в 1934 г. и первоначально отредактирована Макаревым Степаном Андреевичем, видным ученым-краеведом, этнографом-вепсологом. Библиографический указатель «Природа, население, экономика, история и культура Карелии» представляет собой опыт создания ретроспективной краеведческой библиографии, где собрана литература второй половины XIX века – первой трети XX века о Карелии. Эта работа является ярким свидетельством непростого времени и привлечет внимание ученых-историков, краеведов и др.

Сотрудники Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета приложили немало усилий, чтобы издать библиографический указатель и подарить ему вторую жизнь. Библиографический указатель издан в 3 выпусках (основная часть) и содержит 4,5 тыс. библиографических записей, в 4-м выпуске вниманию читателей будут предложены вспомогательные указатели, которые отсутствовали в рукописи И. М. Никольского (географический и именной). При подготовке библиографического указателя к изданию использована большая источниковая база, т. к. многие библиографические записи в рукописном варианте требовали уточнения. Библиографы-редакторы для работы над указателем обращались в крупнейшие библиотеки г. Москвы и Санкт-Петербурга. Большая часть (около 90 %) названий литературы, включенных в указатель, были просмотрены сотрудниками библиотеки de visu, и были исправлены ошибки, неточности в библиографическом описании монографий, научных статей, отчетов, периодических изданий о Карелии.

В издании 10 больших разделов: общий раздел, природа Карелии, население Карелии, промышленность, советское строительство, партийное строительство, профессиональное строительство, культурное строительство и история Карелии. Библиографы НБ ПетрГУ, не нарушая целостности научного труда, сохранив структуру указателя, принятую И. М. Никольским, сделали библиографическое описание источников, указанных в работе, по современным правилам. Кроме перечисленного, библиографический указатель включает подробное содержание, которое отсутствовало в рукописи, список сокращений источников и информативное предисловие, написанное кандидатом исторических наук Ларисой Николаевной Амоновой, которые позволят представить всю полноту и многообразие краеведческих документов.

В 2006 г. на Web-сайте библиотеки была открыта новая библиографическая служба – «Виртуальная консультация». По электронной почте библиографы консультируют пользователей по оформлению списков к научным и дипломным работам, направляют пользователей в информационном поиске по правильному пути, в т. ч. отвечая на тематические запросы о нашем регионе.

С 2007 г. в нашей республике начала издаваться энциклопедия «Карелия». Библиографы нашей библиотеки приняли участие в редактировании пристатейной библиографии ко 2 тому (2009 г. – 1200 библиографических записей) и к 3 тому, который планируется издать в 2010 г. (1595 библиографических записей).

Сегодня пользователь библиотеки имеет возможность работать как с печатными, так и с электронными ресурсами, не взаимомисключающими, а взаимодополняющими друг друга.

В апреле 1996 г. университетская библиотека получила доступ к ИНТЕРНЕТ, что положительно отразилось на качестве информационно-библиографического обслуживания. В 1997 г. на сервере «Карелия» (<http://www.karelia.ru>) был создан Web-сайт «Научная библиотека Петрозаводского государственного университета». С созданием сайта у библиотеки появилась возможность представить свою библиографическую продукцию в разделе «Издательская деятельность» (<http://library.petrso.ru/activity/publishing.shtml>), формировать систему пособий ретроспективной научно-вспомогательной библиографии в электронном формате, доступном любому пользователю библиотеки, даже отдаленному. С 2000 г. справочно-библиографический отдел НБ ПетрГУ приступил к формированию своих библиографических баз данных, в т. ч. краеведческой тематики,

используя программное обеспечение АИБС «Фолиант». Например, базы данных «Экология Карелии» (1284 библиографических записей), «История НБ ПетрГУ» (477 библиографических записей) и др.

Большое внимание в справочно-библиографическом отделе Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета уделяют формированию информационных ресурсов по экологии Республики Карелия. С 2003 г. наша библиотека приняла участие в проекте по созданию комплексных электронно-информационных ресурсов по экологии регионов с ГПНТБ и другими библиотеками России. Результатом этой работы было создание раздела «Экологическое просвещение» на Web-сайте библиотеки. В 2009 г. раздел был преобразован в тематический сайт «Экологическое просвещение» в структуре Web-сайта Научной библиотеки ПетрГУ (<http://library.petrso.ru/activity/sbo/glav.html>), где информация о ресурсах по экологии нашего края выделена в специальный раздел «Экология Карелии», содержащий:

1. Библиографическую базу данных. (1284 библиографические записи. Для создания использовано программное обеспечение АИБС «Фолиант»).

2. Полнотекстовую базу данных статей из периодических изданий. (514 статей в формате PDF. Выделено 7 тематических разделов).

3. Коллекцию ссылок на ресурсы ИНТЕРНЕТ по экологии Карелии. (90 ссылок. Выделено 6 тематических разделов).

4. Биобиблиографический справочник «Ученые-экологи Карелии». (Online-справочник. 17 персональных страниц ученых. Каждая персональная страница содержит: биографические, контактные данные и список основных научных работ ученого. Библиография в справочнике составляет – 480 библиографических записей).

5. Online-справочник «Марш парков Карелии». (Содержит информацию о заповеднике «Кивач», национальном парке «Водлозерский» и др.).

Создание экологической страницы на Web-сайте НБ ПетрГУ предоставило пользователям библиотеки полную и разностороннюю информацию по экологии Республики Карелия.

Сотрудники НБ ПетрГУ продолжают работу по формированию Web-сайта «Экологическое просвещение», создавая все новые и новые ресурсы, способствующие улучшению эффективности и качества обслуживания пользователей библиотеки и оказывающие помощь в экологическом просвещении наших читателей.

Продолжается работа по формированию баз данных, в т. ч. краеведческой тематики и изданию библиографических указателей. В 2011 г. планируется издать рукопись библиографического указателя «Карелия в русской дореволюционной исторической периодике. Журналы: «Русский архив», «Русская старина», «Древняя и Новая Россия», «Исторический вестник». Составители: доцент, кандидат исторических наук, зав. кафедрой «Истории дореволюционной России» А. М. Пашков и ведущий библиограф Н. Г. Евсеева. Библиографический указатель состоит из 10 разделов: Карелия в составе Великого Новгорода; разделы 2–7: Карелия с XI–XX вв. (по 1917 г.); фольклор, этнография, археология; религия и церковь; раздел «Персоналия» Соловецкий монастырь; вспомогательный аппарат: именной указатель, географический, предметно-тематический, приложение «Монастыри, скиты, пустыни и пустыньки».

Современная краеведческая деятельность библиотек – это важный шаг в развитии библиотеки как социального института. Библиотеки, в т. ч. университетские, все активнее становятся центрами народной памяти, народной культуры, тем самым сохраняя преемственность поколений. Формирование ресурсов краеведческой тематики – это не основное направление работы справочно-библиографического отдела, но приобретает со временем все большее значение для удовлетворения информационных запросов наших пользователей.

Литература

Кожевникова Е. С. Читатель вузовской библиотеки в грядущем цифровом обществе / Е. С. Кожевникова // Научно-технические библиотеки. – 2002. – № 12. – С. 46–50.

Лихачев Д. С. Краеведение, как наука и как деятельность // Избранное : мысли о жизни, истории, культуре / Д. С. Лихачев. – М., 2006. – С. 72–87.

Лопатина Н. В. Библиограф в новых информационных реалиях / Н. В. Лопатина // Библиография. – 2002. – № 5. – С. 6–13.

Судьба своевольного капитана Питера фон Памбурха. (К истории первой дуэли в Карелии)

Среди голландцев заключивших «государев контракт» во время Великого посольства (1697/1698), выделялись «флотцы», вскоре превратившиеся в преданных единомышленников государя. Блистательный капитан Питер фон Памбурх [?–1702] оказался одним из них¹. Биография моряка, избравшего Московию родиной, завораживает драматизмом и недосказанностью, интригует безвременной кончиной гордого флибустьера на поединке в Карелии². Качества морского капитана Памбурх прекрасно сочетал с жизнью бесшабашного гуляки и ролью безукоризненного исполнителя державной воли Петра I. Необузданность нрава голландца уживалась с прагматизмом и чувством собственного достоинства. Однако, жизненная стезя «не зело предосудительного» моряка Питера фон Памбурха почти не известна исследователям³. Замысловатым образом его имя связано с дипломатической миссией 1699–1700 гг. в Константинополь. Для нас же существенна фатальная причастность беспокойного иноземца к событию национального масштаба – «Осударевой дороге» 1702 года⁴. О дате и месте рождения «флота капитана» в Нидерландских Генеральных штатах существует исследовательский вакуум, только ничего неизвестно об обстоятельствах знакомства с русским царем. Встреча, очевидно, состоялась в декабре 1697 г., до отбытия государя из Амстердама в Англию. Во всяком случае, первое упоминание о Памбурхе находим в «Приемных списках иноземцев поступивших в русскую морскую службу» в 1698 году⁵. Содействовал зачислению моряка в команду «сговоренных» К. Крюйс, о котором Ф. Головин сообщал: «...зело человек... добр, жаль такого пропустить»⁶.

3 июня 1698 г. голландец на зафрахтованном судне прибывает в приполярный Архангельск⁷. «Роспись начальным людям и матросам, которые присланы из Амстердама на 4 кораблях» фиксирует размер его жалованья «по 60 ефимков на месяц»⁸. Вскоре фартовый моряк, с повышенным жалованьем «в год по 448 рублей» командирован в Воронеж, для обустройства Адмиралтейства⁹. Карьерный рост П. Памбурха начался в августе 1699 г. когда он был назначен капитаном 52-ти¹⁰ пушечного фрегата «Крепость» и принял участие в знаменитом походе флотилии судов под началом первого кавалера ордена Св. Андрея Первозванного Ф. А. Головина от Паншина через Азов и Таганрог в Керчь. Тогда же дипломатическая миссия Емельяна Украинцева и Ивана Чередеева на корабле «Крепость» отбыла в Константинополь. В ходе плавания, П. Памбурх и штурман Христиан Отт¹¹, составляют рукописную карту северо-восточной части Азовского моря, Керченского пролива и Босфора. Впоследствии чертежи профилей побережья были гравированы А. Шхонебеком, отпечатаны г. Донкером (мл.) в Амстердаме и вошли в «Атлас течения реки Дона», который составил Крюйс¹². Между тем, на подходе к Порте капитан фон Памбурх подвергся профессиональной дискредитации со стороны турецкого представителя Капычи-баши. Посол Е. Украинцев 26 августа 1699 г. докладывал Петру I о том, что турки настаивают: «Капитан ... человек молодой и непостоянный, ходу Черного моря не знает». Однако дипломат его взял под защиту: «...приказал я, раб твой, капитану Петру Памбургу ... Меотискаго моря глубину и ширину описывать, и он так...и впредь чинить будет»¹³. Появление в сентябре 1699 г. военного корабля в водах Порты, безусловно, подчеркнуло военно-морскую мощь России. Фрегат в Константинополе возбудил любопытство турок и европейцев. Самолюбивый Памбурх отмечал: «Не по малу они дивятся, что в русском государстве строятся кораб-

¹ Питер фон (фан) Памбурх (Памбург; Памбург; Памберг; Памберх; Панбурх), [Raemburg Piter von]. См.: Данков М. Ю. Памбурх Питер фон // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках : библиограф. справочник / сост. и отв. ред. Л. Д. Попова, Я. В. Велувенкамп. Архангельск, 2007. С. 240; Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 683.

² Веселаго Ф. Ф. Общий морской список. Ч. I. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 298.

³ Номен Я. К. Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / пер., введ. и прим. В. Корта. Киев, 1904. С. 63.

⁴ Данков М. Ю. Памбурх Питер фон... С. 240–243; Данков М., Лапшов С. Два капитана // Рейтар. 2007. № 4 (37). С. 18–32.

⁵ Елагин С. И. История русского флота: Период Азовский. Приложения. Ч. II. СПб., 1864. С. 201.

⁶ Там же. С. 189.

⁷ 5/15 мая П. Памбурх отбыл из Голландии и прибыл в Архангельск 3/13 июня 1698 г. См.: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство... С. 286.

⁸ Памятники дипломатических сношений. Т. 9. СПб., 1868. 1230 стб.

⁹ Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 298.

¹⁰ В исторической литературе существуют разночтения о вооружении корабля «Крепость». Исходя из исследования Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия 1697–2006. СПб., 2008. С. 100, 814, следует, что фрегат имел 52 пушки.

¹¹ По другим данным, шведский подданный, Отто Крестьян Григорьевич (Ottoj Christian) являлся лейтенантом. См.: Багров Л. С. История русской картографии. М., 2005. С. 353.

¹² Богословский М. М. Петр I. Т. 5. Посольство Е. И. Украинцева в Константинополь. 1699–1700. М., 1948. С. 186.

¹³ Елагин С. И. История русского флота... С. 504.

ли, чего прежде не бывало и не слыхано»¹⁴. Даже султан и великий визирь в парадном каюке с 24 гребцами «ездили на корабль и на него смотрели много время». Турецкая власть, обеспокоенная тем, что судно встало «близко ... салтановых сараев не в указанном месте», настаивала «...свесть и поставить там, где стоят французские, английские и голландские корабли», а также постаралась обязать Памбурха из пушек «без дела и безвременно не стрелять»¹⁵.

Но, невзирая на требования секретаря А. Маврокардато прекратить «многую ...ночную пушечную пальбу», П. Памбурх, склонный к независимости и авантюризму, отказался подчиниться. Разъяренный чиновник утверждал: «капитан – человек порочный, из голландской земли выгнан, для того и поступает так бесчинно, своевольно и неистово»¹⁶. Согласимся, повод для резких заявлений администрации, очевидно, все-таки существовал. По словам турок, моряк «бешенством и своевольством» всех ввел в «превеликое ... страхование и смущение», которое от «капитанов корабельных никогда не бывало». Однако попытка интернировать Памбурха и «посадить в тюрьму» не удалась. Верхом скандала стала «превеликая досада и оскорбление ... умножительнейшему их императору», когда после артиллерийской пальбы «от внезапного страху ... многие жены беременные из утроб ... безвременно младенцев повывергли»¹⁷. Хотя по логике, Памбурх следовал морскому уставу, стреляя из одной пушки «на вечерней и утренней зорях...по манеру воинскому, как на кораблях ведется для караулу»¹⁸. Посол Украинцев защищал Памбурха: «...капитан принят в царскую службу в голландской земле» как «доброповеренный человек», в службе «непостоянства и шатости, ... за ним не видали». Но главное подчеркивал он: «назначен ...на корабль везти их в Царьград как наиболее сведущий среди морских капитанов»¹⁹. Безусловно, резкий и преданный Питер Памбурх, был царю по нраву, более того, государь тайно брал с него пример и мечтал на него походить. В июне 1700 г. дипломатическая миссия на корабле «Крепость» прибыла в Азов. Любопытно, что перед выходом на «Осудареву дорогу» осенью 1702 г. Петр I неожиданно вспомнил о фрегате. Царь предложил Ф. М. Апраксину: «Только, кажется Памбурха лучше б не трогать...»²⁰. Заметим, вопреки традиции, корабль упомянут по фамилии знаменитого капитана. Вскоре «Крепость» втащили в эллинг для ремонта, а к 1710 г., как сообщает капитан-командор Ян Бекман²¹, фрегат «...сгнил, стоит на берегу и в починку негоден»²².

До весны 1702 г. П. Памбурх курсирует между Москвой и Воронежем. Не теряя квалификации, «сговоренный» на русскую службу, находится «при морском деле» на виду у государя. Близость капитана к Петру I подтверждается активной перепиской этого времени. «Всепопданейший и верный раб» в одной из корреспонденций, публикуемой впервые, обращается с «покорностью и мольбою» и умоляет оградить от притязаний Крюйса, который «неприятель являлся и зла... ищет»²³. Памбурх решает «под потеряннем головы своей» требовать у монарха должность «шаутовнахтову» (шаутбенахта)²⁴, объясняя сохранением «его царского величества кораблей» в Архангельске. Капитан эмоционально сообщает: «Того ради молю, да возрит милостивое око ... на ... челобитие..., и меня тем шаутовнахтовым местом да пожалует, и готов буду пребывати даже до смерти»²⁵. Памбурх чин получить не успел, но текст демонстрирует некую близость и «цареву благосклонность» к «своевольным» требованиям голландского моряка. Весной 1702 г. П. Памбурх и давний приятель Я. Валронт²⁶ направлены к «Архангельскому корабельному пристанищу» для контроля по строительству загадочных фрегатов «Сошествия Св. Духа» и «Скорый гонец»²⁷, заложенных на верфи датчанина И. Э. Избранта²⁸.

¹⁴ РГАДА. Ф. Книга турецкого двора. № 27. Л. 54 об., 56 об.–57. Цит. по кн.: Богословский М. М. Петр I. Посольство Е. И. Украинцева... С. 12.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ РГАДА. Ф. Книга турецкого двора. № 27. Л. 93–98 об. Цит. по кн.: Богословский М. М. Петр I. Посольство Е. И. Украинцева... С. 19.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ П и Б. Т. II, 1702–1703. СПб., 1889. С. 75–77.

²¹ Англичанин Ян Бекман [Jonn Becham] прибыл в Архангельск 9 июня 1698 года на яхте «The Transport Royal», которая связана с загадками «Осударевой дороги». См.: Ryan W. F. Peter the Great's English yacht // The Mariner's Mirror. Vol. 69. 1983. P. 76; Данков М. Ю. Яхта «The Transport Royal» на Северной Двине // Двинская Земля. Вып. 3. Вельск, 2004. С. 87.

²² РГАДА. Ф. Книга турецкого двора. № 27. Л. 947–948 об. Цит. по кн.: Богословский М. М. Петр I. Посольство Е. И. Украинцева... С. 188.

²³ РГАДА. Ф. 161. Оп. 1, 1701–1702 гг. Д. 442. ЛЛ. 8, 9.

²⁴ Шаутбенахт – производный термин на флоте от голландского словосочетания (шау бе нахт – смотри ночью). Первый адмиральский чин, соответствующий контр-адмиралу. Чин шаутбенахта имел Петр I.

²⁵ РГАДА. Ф. 161. Оп. 1, 1701–1702 гг. Д. 442. ЛЛ. 8, 9.

²⁶ Джон Валронт (Вальронт, Валронд, Волрант, Вальрант) [Jan Walrond], английский комендор, затем капитан. См.: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство... С. 668; Данков М. Ю. Загадочный капитан Я. Валронт и Русский Север // Защитники Отечества : материалы XIII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2003. С. 15–26.

²⁷ В исторической литературе бытует ошибочное наименование судов «Св. Дух» и «Курьер». В действительности корабли назывались «Сошествие Святого Духа» [РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г. Д. 74. Л. 1–2] и «Скорый гонец» [РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 21. Л. 140].

²⁸ Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896. С. 112.

Заметим, судьбы «сговоренных» моряков постоянно переплетаются в землях Московии. Впервые имена капитанов упоминаются в 1698 г. в «Росписи начальным людям и матросам, которые присланы из Амстердама на 4 кораблях»²⁹. Затем летом 1699 г., в составе флотилии Ф. Головина Валронт на 28 пушечном корабле «Меркурий», Памбурх на фрегате «Крепость», а государь на судне «Отворенные врата» совершили переход в Керчь.

Между тем судьба двинских фрегатов столетия продолжает волновать и захватывать своей недоговоренностью. До сих пор бытует ложный взгляд о волоке по «мостовой настилке» кораблей на расстояние 174 версты. Якобы морские суда по просекам и гатям, сооруженным в Карелии, ухитрились переместить от Белого моря к Онежскому озеру и далее доставить к Нотебургу³⁰. На самом деле, «мифологическая выдумка» основана на данных консервативной историографии. Предания о волоке кораблей звучат заманчиво, однако патристические легенды не подтверждаются архивными материалами³¹. Участие фрегатов в Нотебургской баталии в октябре 1702 г., а затем присутствие в составе военно-морских сил на Балтике исследователям не известно³².

Впервые о Памбурхе, как капитане одного из таинственных кораблей, узнаем из депеши от 5 июня царя Ф. М. Апраксину: «Два малые фрегаты спущены в Троицын день и пойдут скоро на море; имена: один "Святого Духа", на нем Памбурх, другой "Куриер" на нем Вальронт»³³. Однако исходя из недавно обнаруженной «Росписи людям, которые на корабле царского величества «Сошествия Святого Духа» под командою Яна Ванларда»³⁴, можно утверждать об описке государя. В действительности капитан Питер фон Памбурх возглавил команду систершипа «Скорый гонец». Розмерения кораблей³⁵ содержатся в «Росписи фригат кораблю что при бытности его царского величества у Архангелского города заложен» также недавно обнаруженной в РГАДА³⁶. К этому времени государь разработал уникальную стратегическую операцию, по транспортировке пяти батальонов Преображенского и Семеновского полков от побережья Белого моря в Ингрию. Трасса, возведенная М. Щепотевым, И. Мухановым, М. Волковым и А. Головкиным от мыса Вардегорский, до Повенецкого рьяка на Онежском озере, и далее к Нотебургу на Ладоге, в преданиях получила название «Осударева дорога»³⁷. 5 августа 1702 г. Петр I на английской яхте «The Transport Royal» от устья Сев. Двины, через Б. Соловецкий остров отплыл к м. Вардегорский, месту выхода на «Осудареву дорогу»³⁸.

Фрегаты «Сошествия Св. Духа» и «Скорый гонец» вошли в состав флотилии из 10 судов³⁹, хотя по более глухим летописным сведениям эскадра К. Крюйса состояла из 13 судов⁴⁰. 16 августа государь с царевичем Алексеем на «The Transport Royal», а П. Памбурх на фрегате «Скорый гонец» от Б. Соловецкого острова взяли курс к небольшому монастырскому Нюхоцкому усолью на Вардегорском мысу⁴¹. Здесь по «Наказной памяти» и «Статьям для ведома» сержант Щепотев ухитрился подготовить временное «корабельное пристанище»⁴². К вечеру осударева флотилия добралась до о. Рислуда в Онежском заливе Белого моря и бросила якоря «в версте от Понаморева у Крестовой луды», что в пяти морских милях от усолья. Тотчас началась широко-масштабная военно-морская десантная операция. За несколько часов гвардейцы и 4000 человек свиты десантировались на почти необитаемый берег. Усталость, суматоха и вероятно изрядный алкоголь, спровоцировали

²⁹ Елагин С. И. История русского флота... С. 201.

³⁰ Данков М. Ю. «Осударева дорога» в контексте геополитики нового времени // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 89; Данков М. Ю. Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология. Археологические изыскания. Вып. 45. СПб., 1997. С. 80.

³¹ Исключение составляет «Челобитная поморов», обнаруженная историком П. Кротовым в РГАДА. См.: Кротов П. А. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Европы. СПб., 2007. С. 288–303.

³² Данков М. Ю. Об организации на «Осударевой дороге» таинственного волока «буйар» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004. С. 121–133.

³³ П и Б. Т. 2. С. 65.

³⁴ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г. Д. 74. Л. 1–2.

³⁵ Длина в англ. ф. 70 ф., ширина 18 ф., глубина интрюма 9 ф. (21,3 × 5,5 × 2,7 м.).

³⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 12. Л. 611.

³⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 70. 1702. ЛЛ. 1–9. См. также: Данков М. Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах – 2007 : труды Государственного Эрмитажа XXXVIII. СПб., 2007. С. 76–89; Данков М. Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах – 2008 : труды Государственного Эрмитажа XLIII. СПб., 2008. С. 83–87; Данков М. Ю. Письма с Осударевой дороги // Чело. 2008. № 1. С. 26–35; Кротов П. А. Осударева дорога... С. 178–220.

³⁸ Данков М. Ю. Карт-бланш царя на карельский поход 1702 года // Петровское время в лицах – 2005. Государственный Эрмитаж. СПб., 2005. С. 112–120; Данков М. Ю. «Осударева дорога» и архимандрит Фирс // Защитники Отечества : материалы XV региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2004. С. 66.

³⁹ Беспятых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 42; Елагин С. И. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. 1866. № 1. С. 123.

⁴⁰ Сектор редких книг Национальной библиотеки Республики Карелия (СРК НБ РК). Инв. № 45614 р. 1790 гт. // Летописец Соловецкий. Рукопись. 1790-е гг. Л. 23; Новиков Н. О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... М., 1783. С. 96–97.

⁴¹ Данков М. Ю. Сержант бомбардирской роты Преображенского полка // Чело. 2005. № 2. С. 42–49.

⁴² Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М., 1833. С. 98.

недоразумения и ссоры. Одна из них завершилась трагически. От шпаги француза Ламбер де Герэна⁴³ на карельском берегу гибнет «неистовый голландец», человек-скандал Питер фон Памбурх.

Царь и адмирал Ф. Головин, могли быть невольными свидетелями кровавой драки «не zelo предосудительного капитана Памбурха»⁴⁴. Во всяком случае, о смертельном бое, государь сообщал «с реки Свири, в 10 день сентября 1702 году» Ф. М. Апраксину: «...господин Памберх на пристани Нюхчи от генерал инженера Ламбера заколот до смерти, которой он сам был виною (о чем, чаю, Вам не безызвестно)»⁴⁵.

Первая в истории новой России дуэль состоялась, несмотря на именной указ от 14 января 1702 г. «О нечинении иноземцам никаких между собою ссор и поединков под смертною казнию»⁴⁶. Закон, появившийся до «карельской» дуэли и предписывал «Приезжим разных государств служилым иноземцам, как выших так и нижних чинов ... под смертным страхом ... ни за какие ссоры и недружбы на поединки с саблями и шпагами» не «ходить». Указ запрещал поединки, которые вызывали «напрасные смертные многие убийства» и наказывал за то, чтобы соперники даже «шпаг не вынимали б и устрасия и похвальбы между собою тем не чинили». В противном случае «кто впредь ... учнет какие поединки заводить», или даже «кого чем поранит», то «будет смертная казнь без всякой милости».

Царская кара де Герэна обошла стороной. Соперника фон Памбурха не наказали. Историк XIX века Бантыш-Каменский отмечал: «...по свидетельству бывших тогда в той компании почтенных особ», французский генерал, был «признан невинным». Поэтому государь ограничился лишь выговором и «простил его»⁴⁷. Вскоре Ламберу доверили инженерно-строительное обеспечение уникальной экспедиции в Карелии. На Ладоге и Неве фортификатор возглавил шанцевые работы при осаде Нотебурга и Ниеншанца, а затем стал автором проекта деревоземляной Петропавловской крепости, первого сооружения имперского Петербурга⁴⁸.

Между тем, расширяет представления о конфликте ранее малоизвестное сочинение «Разговор между трех приятелей сошедшихся в одном огороде, а именно Менарда, Таландра и Варемунда»⁴⁹. Неизвестный автор, рассуждая о «провинности» Ламбера, подчеркивает «та присяга вместо свидетельства принята в его оправдание». Так сменив гнев на милость: «инженер ... французской нации ... по несколько времени от ареста освобожден...»⁵⁰. Pamфлет, создан в XVIII столетии, чуть позже описываемых событий, тем не менее к трактату следует отнести с уважением. Описание начинается с момента отплытия эскадры Крюйса «...от Архангельской пристани ... на корабле». Безымянный сочинитель подчеркивает: Ламбер с капитаном Памбурхом «...был весьма приятельски и конфидентно трактован». Следовательно, о ранее существовавшей неприязни говорить нельзя. Однако шпажная драка с «капитан-командором голландской нации, именуемым Панбурх» все-таки состоялась. Ламбер де Герэн «...вышел на берег», почти играючи «наедине в лесу заколот» фартового капитана «шпагою до смерти». Будто бы генерал «с присягою объявил» Памбурха зачинщиком «...понеже при том никого свидетелей не было». К тому же, якобы «...он Панбурх его нападением своим наглым с обнаженною шпагою принудил против себя обороняться». Таким образом, ответственность за убийство «флота офицера» была переложена на подвыпившего фон Памбурха. Утверждалось, что голландец «...шпагу свою против ... устави», а затем «...насувся прокололся»⁵¹. Однако детали карельской трагедии остаются не до конца понятными.

Дополнительные разъяснения мы получили благодаря еще одному архивному источнику⁵². Записки «из семейного архива» детализируют ситуацию «16 августа 1702 г.», когда «Царское величество с транспорта пере-

⁴³ Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн [Lambert de Guerin]. См.: Беспятых Ю. Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005. С. 58, 205; Данков М. Ю. Баловень фортуны. О загадочной судьбе Ламбера де Герэна // Петровское время в лицах – 2006 : труды Государственного Эрмитажа XXXII. СПб., 2006. С. 113–122; Данков М. Ю. Судьба фортификатора Ламбера де Герэна // Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII–XX вв.) : материалы III Афанасьевских чтений / под общ. ред. Л. Д. Поповой. Архангельск, 2008. С. 121–135; Данков М., Лапшов С. Дуэлянт Осударевой дороги или взлет и падение генерал-инженера и кавалера Ламбера де Герэна // Рейтар. 2006. № 9 (33). С. 17–27.

⁴⁴ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. СПб., 1863. С. 187; Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 299, а затем Беспятых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I... С. 57, ошибочно называют датой гибели П. Памбурха сентябрь 1702 года.

⁴⁵ П и Б. Т. 2. С. 84

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (ПСЗРИ) Т. IV. 1700–1712. 1830. С. 175.

⁴⁷ Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов... с означением кончины некоторых кавалеров ... Московском Коллегии иностранных дел архиве хранящихся... М., 1814. С. 67.

⁴⁸ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2. СПб., 1861. С. 422, 427; Данков М. Ю. Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О национальном стратегическом проекте 1702 года) // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции : историко-археологический сборник. Великий Новгород, Россия. СПб., 2007. С. 304–305.

⁴⁹ Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном огороде, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда // Русский вестник. 1841. Кн. 11–12. С. 303–360.

⁵⁰ Там же. С. 325.

⁵¹ Там же. С. 324.

⁵² Арнольди К. Н. Авантюрист начала XVIII века (из истории приема иностранцев на русскую службу) // Русская старина : ежемесяч. ист. изд. 1916. Т. 167. Кн. VIII. С. 175–191.

шел на сухой путь»⁵³. Скандал действительно затеял Памбурх пристав к Ламберу с вопросом⁵⁴: «Для чего ты с таким гунифотом помирился? Знатно такой же и ты гунифот»⁵⁵. Речь касалась напряженных отношений голландского моряка с Крюйсом. Пререкаясь «капитан корабля, успевший ... хватить изрядную порцию голландской водки», будто бы продолжал оскорблять француза: «Молчи, ... и рот свой держи! В моей воле, что я тебя в карман мой всуну»⁵⁶. За Ламбера заступился врач Петр Постников⁵⁷, но голландец мгновенно ответил: «Ты меня задираешь! Изволь со мной на шпагах биться»⁵⁸. Вмешавшийся саксонский посланник фон Кениксек урезонил «расходившегося» капитана: «Друг мой, покинь сие: ты ведаешь повеление нашего Государя ... немало себе чести получишь, что с пьяным доктором биться станешь»⁵⁹. Вскоре, наедине с де Герэном, Памбурх, отдав должное «Ивашке Хмельницкому» вновь не выдержал: «Теперь ты за вице-адмирала и за Постникова стой и отвдай голландца ... вынимай шпагу или я тебя заколю»⁶⁰. Под угрозой расправы фортификатор пробормotal: «...я себя заколоть не дам». В ответ лишь услышал: «Боронись сколько можешь». В результате поединок завершился мгновенно: «Шпага ... пробила кафтан, грудь, сердце Памбурга», и тут же «бедный капитан грянулся на землю, не издав ни звука»⁶¹. Ламбер был вынужден сообщить генерал-майору И. И. Чамберсу⁶² о смертельном поединке, сдал шпагу и произнес «Предаюсь в волю Государеву». При осмотре места драки, голландца «нашли усяща на спине, шпага у него в руке на голо»⁶³. Тогда же И. Чамберс доложил Ф. Головину «И ево, Памбурга, погреб, а животы его послал переписать Керхена, да с ним полкового писаря Григория Рубцова». Для современного историка представляет интерес «Подлинная роспись» личных вещей П. Памбурха «за закрепую стольника двинского воеводы Василия Ржевского». На примере имущества капитана, современник способен представить степень зажиточности иноземцев, вступивших в «государево служение» в эпоху Петра. «Роспись» сообщает о содержании двух сундуков Памбурха. В первом хранились: «персона Государева золотая», которая положена на французский красный кафтан, со шпагой «черен серебряной», два французских кафтана, один «дикого цвету», подбит «черным сукном», другой «лазореый ... петли золото с серебром», камзол и штаны «атлас белой, травы зототые», подбит камзол «белую тафтою».

В другом сундуке был обнаружен мешок атласный «шит золотом и серебром», а в нем «6 золотых двойных, да одинаких 140 золотых, ¼ ефимка серебрянного, 348 рублей...». О европейской образованности, начитанности, профессионализме и культуре Памбурха свидетельствуют «14 книг морских, 11 тетрадей с листовым золотом», которые остались после смерти, а также «7 скатертей столовых, 20 полотенец ручных столовых, 3 простыни, 5 платков немецкого полотна ... 8 пар манжет...»⁶⁴. Тем не менее, подлинных документов, способных реконструировать драму на Вардегорском мысу, крайне мало. Ситуация осложнена таинственной утратой двух следственных дел Ламбера «...о заколоте им голландском капитане Памбурге». В советское время документы исчезли из РГАДА, главного архивохранилища страны⁶⁵. Помета от 16 мая 1947 года свидетельствует, что уникальные листы «отсутствуют по ревизии 1938 года». По чьей инициативе материалы изъяты, и где они ныне находятся, не известно.

К сожалению, место захоронения голландца также под вопросом. Возможно, тело покоится на Вардегорском мысу в Карелии. Вспомним, И. Чамберс сообщал: «ево, Памбурга, погреб». Участники научно-исследовательского проекта «Осударева дорога» (Петрозаводск) в ходе разведочных работ в 1993/1999 гг. безуспешно пытались определить участок возможного захоронения легендарного «флота-капитана»⁶⁶.

Между тем в августе 1702 г. тело могло быть транспортировано К. Крюйсом в Архангельск. «Двинский летописец» отметил возврат полка М. Бордовика к городу «на тех же кораблях», которые «и зимовали в Новодвинской крепости»⁶⁷. Дьяк Посольского приказа Михаил Родостамов также сообщал о благополучном возвращении «из похода Государского» флотилии Крюйса: «А он вице-адмирал в устье со всеми кораблями пришел

⁵³ Там же. С. 180.

⁵⁴ Автор вместо фамилии Ламбер де Герэн употребляет имя Бертран.

⁵⁵ Арнольди К. Н. Авантюрист начала XVIII века... С. 181.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ П. В. Постников, один из самых образованных людей петровской эпохи, находился в составе царской свиты на Вардегорском мысе, но с К. Крюйсом государь «отпустил Постникова в Архангельск». См.: Шмурло Е. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. 1894. № 1. С. 43.

⁵⁸ Арнольди К. Н. Авантюрист начала XVIII века... С. 181.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 182.

⁶¹ Там же.

⁶² Чамберс (Чемберс) Иван Иванович (умер после 1713), на русской службе с 1689 г., с 1701 г. генерал-майор Семеновского полка, в августе 1702 г. преодолел «Осудареву дорогу». См.: Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. III. СПб. ; Щелково, 2006. С. 250.

⁶³ Арнольди К. Н. Авантюрист начала XVIII века... С. 183–184.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18.

⁶⁶ Сорокин П. Е. Отчет о проведении археологических исследований в районе мыса Вардыгора (так в отчете – М. Д.) на Белом море в 1999 году // Рукописный Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47. ЛЛ. 1–21.

⁶⁷ ПСРЛ. Холмогорская летопись. Двинский летописец. М., 1977. Т. 33. С. 201.

сего августа 26 числа»⁶⁸. Однако в Архангельске последнее пристанище «своевольного» дуэлянта не установлено, хотя немецкое кладбище вместе с «гамбургским» приходом, где мог быть погребен Памбурх, образовано в конце XVII столетия⁶⁹. В год основания Петербурга, вдова капитана обратилась к адмиралу Ф. А. Головину, возможному очевидцу боя на берегу Белого моря, с просьбой «...исходатайствовать у Государя милость делам ее»⁷⁰. Между тем, дальнейшая судьба семьи Питера фон Памбурха не известна.

Завершая повествование о завораживающей биографии героя, признаемся, Россия бездарно потеряла в Карелии одного из самых талантливых «мореходцев» петровской эпохи, который не раз ревностно и с честью служил ей. История нашего края еще раз, пусть так неуклюже, обозначила свою причастность к большой политике.

*Дроздюк Александр Александрович,
Петрозаводский Государственный университет,
исторический факультет,
студент, IV курс*

Образ Карельского Поморья во второй половине XIX – начале XX веков

Интерес государства к северному региону и к Поморью в частности, в конце XIX – начале XX веков был обусловлен несколькими моментами. Ввиду своего выгодного географического положения, выход к морю, близость к Финляндии, Русский Север, а особенно его приморская область, обладал всеми данными, чтобы, по выражению А. П. Энгельгардта, «служить на пользу всего государства».¹ Первое, что привлекло внимание, это большой потенциал для развития рыбной промышленности. Местное население, с момента своего появления в этом районе, занималось рыбными промыслами в огромных масштабах – они вылавливали треску, палтуса, пикшу, сельдь и другие виды рыб. Кроме рыбного промысла, была развита и охота на морского зверя, такого, как тюлень и нерпа. Кроме того, в регионе имеются неосвоенные минеральные богатства: нефть, соляные источники, серебро-свинцовые, медные и железные руды. Важной частью дохода и прогрессивной отраслью экономики государства, должны были стать лесные угодья, общей площадью более двадцати миллионов гектаров. В связи с этим планировалось развитие инфраструктуры: строительство дорог, усовершенствование водных сообщений, прокладывание телеграфных линий. Все это нужно было для поднятия рыбного промысла, а также охоты на ценных морских зверей, на государственный уровень.

Но не только с экономической точки зрения Поморье представляло интерес в это время. Так, в начале XX века регион Поморья показывал неплохие для того времени результаты по уровню грамотности. Достаточно привести следующие цифры: «в Варзужской и Умбской волостях в каждой семье насчитывались 1–2 грамотных мужчины. В той же Варзуге на 526 душ мужского пола приходилось 43 грамотных, в Керети на 366 – 31 грамотный».² Но, несмотря на это, в финской печати стали появляться призывы, основным содержанием которых был лозунг: помочь братьям-карелам «блуждающим во тьме культурного и религиозного невежества».³ После опубликования данного призыва в печати, в Архангельскую Карелию (Поморье) направились финские проповедники. Возможно, борьба с безграмотностью была лишь прикрытием, или по сравнению с финским населением карельское действительно было безграмотным, но так или иначе в Карелии и в Поморье, в частности, появились финские проповедники. Естественно, что этот факт вызвал ответную реакцию со стороны Русской церкви. В 1907 году в Кеми было открыто «Отделение Финляндского Православно-Карельского Братства во имя великомученика Георгия Победоносца», целью которого было «просвещение беломорских карел в духе святой православной веры, для укрепления и преуспеяния среди них православия и для противодействия пропаганды финляндцев, стремящихся олютеранить и офинить православных карел».⁴ Таким образом, видно, что к Поморью возник интерес не только со стороны государства, но и со стороны Русской Православной церкви.

Кроме того, Карелия была местом ссылки политически неблагонадежных лиц, и Поморье не являлось исключением. Так, например, в Кеми имелась колония политических ссыльных, где отбывали срок сосланные народники: «Софья Андреевна Иванова-Борейшо – наборщица нелегальной типографии И. Н. Мышкина, Иван

⁶⁸ Елагин С. И. История русского флота... С. 253, 254.

⁶⁹ Шумилов Н. А. Немецкие захоронения на лютеранском кладбище Архангельска // Немцы и Русский Север : сб. ст. М., 2000. С. 212.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 161. Оп. 1, 1703 г. Д. 291. Л. 150.

¹ Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. – СПб., 1897. – С. 1.

² Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX вв. – Л., 1983. – С. 87.

³ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – Архангельск, 1914. – С. 403.

⁴ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – Архангельск, 1914. – С. 403–404.

Иванович Едуков – организатор народнического кружка среди рабочих тульского оружейного завода».⁵ Пребывание в данном регионе политически неблагонадежных лиц также заставляло правительство обращать внимание на Поморье.

Учитывая эти факторы, можно попытаться объяснить появление в Поморье многочисленных путешествующих людей: от священников и народных учителей до губернаторов и других важных государственных лиц. Целью их путешествий являлось освящение всех сторон жизни поморского населения: хозяйственной и промышленной деятельности, обрядов и традиций, описание состояния дорог и трактов, памятников старины (старинные книги, церкви, часовни, поклонные кресты), а также сбор статистических данных и запись народных поверий и легенд. Таким путешествиям способствовало появление Архангельского Общества изучения Русского Севера, которое наладило выпуск журнала с публикациями о Карелии и спонсировало исследователей и путешественников. В конце XIX века велось также экономическое описание региона, но в 10-х годах XX века губернские власти запретили сбор информации об экономике.

Самыми известными путешественниками в Поморье на рубеже XIX–XX веков являлись многие исследователи, священники и политики того времени. Среди них был Сергей Васильевич Максимов – писатель-беллетрист, этнограф и почетный академик. По приглашению Морского министерства он привлекался в группу литераторов для описания побережий морей, жизни приморского населения и промыслов населения. Путешествие по приморской части Европейского Севера совершил в 1856 году, но кроме того, по поручению Русского Географического Общества он был направлен в Белоруссию и Литву с целью собирания этнографических материалов. В своих записках и очерках Максимов выступал как исследователь, этнограф, географ и экономист, и печатался в «Морском сборнике». Путешествие по Европейскому Северу в 1856 году являлось одним из самых продолжительных и сложных. Его маршрут пролегал следующим образом: Санкт-Петербург – Архангельск, где он занялся сбором краеведческой информации, в том числе и о Новой Земле. Далее путешествие было продолжено по морю вдоль Летнего, Онежского и Поморского берегов Белого моря, посетив Солзу, Неноксу, Уну, Кемь, Соловки, Кереть, Ковду, Кандалакшу. Затем пролегает пеший маршрут по Кольскому полуострову: Кола, Мурманское побережье и Терский берег Белого моря до Порьей Губы, откуда снова возвращается на Карельский берег через Кандалакшский залив, и возвращается в конце года в Архангельск. Во внутренней (не приморской) Карелии Максимов не был, но на основе архивных материалов города Кемь оставил интересную и содержательную информацию о Топозере – старообрядческом центре, который во время его путешествия был уже разрушен. На основе собранных во время путешествий материалов, Максимов опубликовал в 1859 году книгу «Год на Севере», выдержавшую четыре издания. За свои исследования автор был удостоен в 1861 году малой золотой медали, которую ему присудило Русское Географическое Общество. Таким образом, С. В. Максимов оставил очень большое литературное наследие, имеющее ценность как в культурном, так в этнографическом и экономическом планах, несмотря на то, что среди писателей он был да и остается малоизвестным.⁶

А. П. Энгельгардт – губернатор Архангельской губернии в 1890-х годах, писатель. В 1895 году совершил несколько служебных поездок по Северу России: Поморский и Карельский берега Белого моря, принадлежавшие тогда Архангельской губернии, а также Кольский полуостров. Он посетил Сумский Посад, Кемь, Кереть, Ковду, Кандалакшу, результатом чего явилась книга «Русский Север. Путевые записки», изданная в 1897 году с картами маршрутов, а также с большим числом иллюстраций и фотографий.⁷

Бубновский Михаил Иванович – учитель сельской церковно-приходской школы с. Маслозеро Кемского уезда. Прделал путешествие в 1913 году по Архангельской Карелии на средства Архангельского Общества изучения Русского Севера. В основном занимался сбором информации по церковной археологии, но также записывал легенды, делал описание путей и быта населения. Описание экономики края было запрещено в то время губернскими властями. Свои очерки он публиковал в журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Таким образом, мы видим, что описанием края занимались не только по приказу властей, но и на добровольных началах.

Кроме того, И. В. Оленев, А. К. Энгельмейер, А. Г. Слезкинский и многие другие также внесли огромный вклад в развитие краеведения на рубеже XIX–XX веков.

Образ Поморья складывается, как правило, из нескольких составляющих частей, по сути своей являющихся одним целым. В записках путешественников можно четко выделить четыре момента, составляющие в совокупности образ региона Поморье:

1. Образ города Кемь;
2. Наличие старообрядчества, как неотъемлемой, а в какой-то мере и определяющей части общества;
3. Наличие особенных для данного региона специфических промыслов;
4. Связанные с особенностями географического положения, а также с наличием промышленной деятельности, культура и быт поморского населения.

Прежде чем приступить к восстановлению образа Поморья во второй половине XIX – начале XX веков, нужно обратиться к двум немаловажным проблемным вопросам: заселение и освоение Северного региона,

⁵ Шумилов М. И. За счастье народное. – Петрозаводск, 1967. – С. 16.

⁶ Григорьев С. В. Биографический Словарь. Естествознание и техника в Карелии. – Петрозаводск. – 1973. – С. 150–151.

⁷ Там же. С. 248.

этнический состав поморского населения, и возникновение термина «Поморье» и «поморы» и современное его значение.

Если говорить о колонизации Русского Севера, то, безусловно, главенствующая роль в этом процессе отведена новгородцам. В период с XII по XV столетия, самостоятельность Новгорода все более возрастает, и вследствие этого, новгородцы берут под свой контроль освоение северных русских земель. За этот период новгородцы не только осваивают земли омываемые Белым морем, непосредственно Поморье, но и осваивают морские просторы, доходя до Новой земли и Карской губы. Именно в этот период формируется новый этноним, объединяющий под собой определенную группу людей, которые освоили морские пространства, – поморы. Но, следует заметить, что только после того, как новгородцы адаптировались к новым географическим и климатическим условиям проживания, превратили море в основной источник своего существования и создали новый тип морского хозяйства, который нехарактерен для восточных славян, только после этого они сформировались в самостоятельную этнокультурную группу. Таким образом, именно ландшафтные и географические условия способствовали формированию этнокультурной поморской группы, где объединяющим фактором стала «форма хозяйственной деятельности, где основную роль играли морские зверобойные и рыбные промыслы, добыча пушнины, а также меновая торговля».⁸

Но не следует забывать и о карельской народности, которая, безусловно, внесла свой вклад в формирование поморского населения. Одним из определяющих факторов, который способствовал проникновению русского населения на Север, было мирное сосуществование и сходный образ жизни. Карелы наряду с русскими не только участвовали в заселении побережья белого моря, но и участвовали «в организации океанских промыслов в западной части Кольского полуострова, сыгравших важную роль в формировании поморского населения».⁹ Немаловажным фактором является и Православная вера.

В историографии сталкиваются две точки зрения по вопросу о происхождении терминов «поморы», «поморье». По мнению Т. А. Бернштам, название «поморец» появляется в летописи под 1526 годом: «Поморцы с моря окияна, из Кандолжской губы».¹⁰ В данном контексте поморцы противопоставляются лоплянам, как православные русские люди, то есть противопоставляются по этнической и религиозной принадлежности. С ней соглашается и В. В. Ануфриев, правда, он указывает еще и на то, что особую роль играет и географический фактор, и делает вывод, что поморцами назывались «православные русские люди, живущие на берегу моря».¹¹ Однако, Ануфриев замечает, что термин «поморье» впервые встречается в новгородской купчей грамоте в 1459 году. Здесь он употребляется в значении западного беломорского побережья от Онеги до границы с Терским берегом, который принадлежал новгородцам, а жителей данной области называли поморцами. Причем поморцами называли именно русских жителей, и термин не являлся этнонимом.

По мнению Т. А. Бернштам, Поморьем называлась незаселенная территория Мурманского берега. Данный вывод сделан на основе того, что термин «мурмане» заимствован русскими от саамов и вначале относился к норвежцам, а слово «помор» соответствовало по смыслу понятию «мурман» («морской человек»), стало названием русских и карел, занимавшихся промыслом на Мурманском берегу и сменивших норвежцев.¹² Она объясняет данную гипотезу тем, что:

1. С течением времени данный термин закреплялся как самоназвание за населением, которое продолжало интенсивно заниматься этим промыслом;

2. Постепенно исчезал в тех местах, где промысел сокращался;

3. Не являлся самоназванием жителей, хотя и живущих на беломорском побережье, но почти не занимавшихся этим промыслом.¹³

Таким образом, Бернштам приходит к выводу, что население беломорского побережья не осознавало своего единства, что выражалось, прежде всего, в разной степени развитости и бытования самоназвания «поморье». Таким образом, термин «поморье» обозначает 1) территорию беломорского побережья от Онеги до Кеми; 2) территорию всего беломорского побережья; 3) территорию всего Русского Севера (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии в XIX в.). Первое и второе значения показывают территориальные границы ядра поморского населения с наиболее выраженным самосознанием и территории всей поморской группы в целом. Третье значение не имеет никакого отношения к границам расселения и заменяется впоследствии термином Русский Север. Что касается самой Т. А. Бернштам, то она говорит о Поморье как о беломорском побережье, «представляющего собой область расселения специфической локальной группы северорусского населения – поморов».¹⁴ Таким образом, она отрицает этническую однородность поморов и не выдвигает этнический признак как основной признак в вопросе обособления поморов как группы в среде северорусского населения. Основным признаком, по её мнению, – это жизнь в приморской неземледельческой зоне и связанный с ней особый морской промысловый уклад хозяйственной жизни.

⁸ Ануфриев В. В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. – Архангельск, 2008. – С. 25.

⁹ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX вв. – Л., 1983. – С. 69.

¹⁰ Бернштам Т. А. Там же.

¹¹ Ануфриев В. В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. – Архангельск, 2008. – С. 37.

¹² Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX вв. – Л., 1983. – С. 71.

¹³ Бернштам Т. А. Там же. С. 74.

¹⁴ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX вв. – Л., 1983. – С. 80.

Несколько иная точка зрения у В. В. Ануфриева. Он говорит о том, что поморы сформировались как группа в результате новгородской колонизации при участии финно-угорских народов. Однако новгородское влияние сыграло решающую роль в процессе формирования этнокультурной группы. Это доказывает тот факт, что основу культуры поморов составила исконная новгородская культура, тесно связанная с общерусской культурой, но имеющая свои локальные особенности.

Таким образом, поморы – это особая этнокультурная группа русского народа, населяющая побережье Белого моря, выработавшая свой особый тип промыслового морского хозяйства; произошедшая в ходе новгородской колонизации севера в результате смешения новгородцев с автохтонным населением; а также, имеющая культуру неразрывно связанную с русской культурой, выражающуюся в единстве происхождения обеих.

Подводя итог, следует сказать, что интерес к Поморью на рубеже веков был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это экономический интерес к региону, связанный с освоением природных ресурсов и последующим развитием инфраструктуры края, и экономическим развитием региона в интересах Российского государства. Во-вторых, регион относится к национальным окраинам, а население близко по происхождению и языку к финскому населению, что могло способствовать попаданию местного населения под влияние финских проповедников и развитию процесса финнизации. Это естественно привлекло внимание Русской Православной Церкви. В-третьих, Поморье было местом ссылки политически неблагонадежных лиц. Все эти факторы обусловили появление путешественников и впоследствии путешественных записок, по которым будет воссоздаваться образ Поморья.

Источники

1. **Бубновский М. И.** Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – Архангельск, 1914. – № 13. – С. 402–412.

Литература

1. **Ануфриев В. В.** Русские поморы. Культурно-историческая идентичность / В. В. Ануфриев ; Рос. ин-т культурологии. – Архангельск : Солти, 2008. – 160 с.

2. **Бернштам Т. А.** Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. / Т. А. Бернштам. – Л., 1983. – 231 с.

3. **Шумилов М. И.** За счастье народное. – Петрозаводск, 1967. – 145 с.

4. **Энгельгардт А. П.** Русский Север. Путевые записки. – СПб., 1897. – 258 с.

5. **Григорьев С. В.** Биографический Словарь. Естествознание и техника в Карелии. – Петрозаводск. – 1973. – 269 с.

*Терешкин Алексей Александрович,
Карельский государственный
краеведческий музей*

Из истории посещения г. Петрозаводска великим князем Владимиром Александровичем Романовым

Работа сотрудника отдела фондов краеведческого музея состоит не только в том, чтобы хранить и атрибутировать предметы, но и на их основе изучать историю родного края. Иногда один такой предмет скрывает за собой целую историю, открывающую перед людьми много интересного.

В фонде краеведческого музея хранится фотография (фот. 1), на которой имеется надпись: «Освящение лагеря Петрозаводского местного батальона, поставленного по желанию Его Императорского высочества, главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа, Великого Князя Владимира Александровича, на вновь отведенной местности Городской Управою 17 июня 1885 г.».

Эта фотография вызвала мой живой интерес, так как на ней запечатлены лица солдат местного батальона, историей которого я занимаюсь уже несколько лет.

Великий князь Владимир Александрович (фот. 2), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета, сенатор, третий сын императора Александра II, родился 10 апреля 1847 года. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., где отличился в боях между Ломом и Янтром в ноябре 1877 г., за что и был награжден орденами, золотой саблей и золотой шпагой, украшенными бриллиантами. С 1884 по 1905 годы был главнокомандующим войсками гвардии и петербургского военного округа. При нем, с целью распространения военных знаний среди офицеров, были организованы периодические научные сообщения в штабе войск гвардии петербургского военного округа. С 1898 г. – почетный президент Общества ревнителей

военных знаний; инициатор создания Офицерского экономического общества; председатель Комиссии по устройству и открытию Офицерского собрания армии и флота. Он принимал участие в деятельности Императорской Академии Художеств, состоя с 1869 г. товарищем президента, а с 1876 г. президентом её. Не раз исполнял важные поручения общегосударственного характера, например, осмотр гидротехнических работ по Мариинской водной системе, открытие Екатерининского порта на Мурманском берегу. С 16 августа 1874 г. состоял в супружестве с дочерью великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II, Марией Павловной. Умер 4 февраля 1909 г.

В ходе путешествия по северо-западу России в июне 1884 г. великий князь Владимир Александрович прибыл в Петрозаводск вместе со своей супругой Марией Павловной, которая стала первой великой княгиней, приехавшей в Олонецкую губернию. Знакомясь с городом, они посетили в том числе и Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей, где в книге посетителей, которая до сих пор хранится в фондах музея, написали свои имена, вместе с герцогом Иоанном-Альбрехтом Мекленбург-Шверинским, братом великой княгини Марии Павловны, и сопровождающими их лицами, среди которых были управляющий двором Его Высочества, шталмейстер, генерал-лейтенант Скалон; начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, Свиты Его Величества генерал-майор Бобриков; адъютант великого князя В. Маков; егермейстер Высочайшего Двора князь Барятинский (фот. 3).¹ По приезду в город великий князь вместе с губернатором Григорьевым и бригадным генералом Граве, начальником 2-й местной бригады, в состав которой входил и наш Петрозаводский батальон, сделал смотр местной команды. Полурота в развернутом фронте ожидала на казарменном плацу. Обойдя ряды великий князь приказал произвести строевое учение. Сам же обошел казарму, все хозяйственные помещения, а на кухне испробовал пищу и отдельно хлеб, который нашел вполне удовлетворительно испеченным. Согласно устава возле парадного крыльца губернаторского дома был выставлен почетный караул. Численность почетных караулов зависела от значимости охраняемой особы: к Императору, Императрице выделялась рота со знаменем, хором музыкантов и полковым адъютантом; к Великим Князьям, Княгиням, Князьям, к иностранным Государям и Принцам, имеющим титул Высочества, в отсутствие Императора выставлялся такой же караул.² Великий князь, подойдя к строю, поздоровался с солдатами, затем пропустил роту мимо себя церемониальным маршем и распустил караул, оставив у подъезда 2 часовых. На следующий день 14 июня в 9 утра был проведен смотр местного губернского батальона. В полном составе и в парадной форме батальон стоял на Соборной площади развернутым строем, имея на флангах музыкантов. Обойдя фронт, Владимир Александрович остался довольный бодрым видом солдат. Сначала были показаны ружейные приемы в точности с правилами устава, затем проверке подверглась сводная рота, составленная из одних новобранцев последнего призыва. Все было исполнено удовлетворительно и как было отмечено: «вообще батальон представлял собой одно целое, мастерски обученное». Затем было произведено построение и развертывание колонн, а в конце – ротное учение со стрельбой, в котором 1-я рота показала себя молодцами. После церемониального марша батальону было приказано следовать с музыкой и песнями в казармы, куда следом явился и великий князь.

Вследствие ремонта казарм, батальон стоял лагерем, в палатках. Осведомившись о том, что деревянные казармы зимой холодные, столовые тесные, рядом проходит скотопрогонный тракт, причиняющий поднимаемую пылью глазную болезнь чинам батальона, великий князь попросил сопровождающих его губернатора Г. Г. Григорьева и городского голову Н. Ф. Пикина принять соответствующие меры: «Прошу Вас, господа, содействовать к улучшению казарменной обстановки батальона, всякое участие Ваше к нижним чинам приму за выражение Вашего внимания ко мне».³ При этом отметил, что в случае приезда в следующем году непременно проверит изменения.

В июле 1885 г. великий князь Владимир Александрович действительно посетил Петрозаводск. Сразу после молебна, проведенного в соборе, он отправился в лагерь местного батальона, а оттуда в казармы, отремонтированные после осмотра прошлого года. К батальонному лагерю, построенному возле Петербургской почтовой дороги, на местности, уступленной городским общественным управлением, собрались многие из городских дам и масса народа из местных и окрестных жителей, «которые с большим любопытством следили за производством смотра».

Сначала великий князь произвел ротное учение третьей роте, потом молодым солдатам последнего призыва, затем осмотрел офицерскую и солдатскую столовые, попробовал пищу, осмотрел палатки – три офицерские, одну фельдфебельскую и несколько нижних чинов – и произвел смотр гимнастики четвертой роты. Великим князем было отмечено, что «лагерь разбит на сухой и возвышенной местности, окруженной кустарником и вне вредного влияния северных ветров. Господа офицеры имеют хорошо устроенную общую столовую и библиоте-

¹ Книга отзывов посетителей Олонецкого музея. 1873–1933. Фонд «Документы» Карельского государственного краеведческого музея. КГМ-1309.

² Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801–1855. М., 1996. С. 132.

³ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Издание Олонецкого губернского статистического комитета под редакцией А. Иванова. Вып. VII. Путешествие Их Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича и Государыни Великой Княгини Марии Павловны по Олонецкой губернии в 1884 г. Петрозаводск, 1885. С. 54.

ку, а нижние чины обширную столовые и кухни, не уступающие соответственно постройкам лагеря Краснопольского».⁴

Окончив осмотр казарм, великий князь Владимир Александрович отправился в губернаторский дом на предложенный городским обществом завтрак. Зал был специально подготовлен к его приезду: все окна, стены и пьедестал в нише под хорами, на котором находился бюст Петра I, были заставлены тропическими и другими растениями, а стол для завтрака был красиво убран живыми цветами (фот. 4). До начала завтрака уездный воинский начальник поднес великому князю марш, «сочиненный по случаю приезда в Петрозаводск Его Высочества, капельмейстером батальонного хора музыкантов Глазуновым».

Великий князь Владимир Александрович по делам службы еще дважды посещал Петрозаводск: в 1887 и 1892 гг. В ходе последнего визита во время завтрака в губернаторском доме играл батальонный оркестр, капельмейстер которого Б. С. Вельк к приезду великого князя сочинил и оркестрировал марш под названием «Петербургский военный округ». По окончании завтрака Владимир Александрович приказал оркестру повторить марш и обратил внимание на мальчика, исполнявшего партию на барабане. Он обратился к капельмейстеру со словами: «Давайте-ка сюда вашего барабанщика, я посмотрю его школу». Юный музыкант вышел вперед и по данному знаку исполнил свое соло. Вот как это описано в документах: «мальчик начал с «*pianissimo*» едва слышно, словно песок на барабан посыпался, затем звук начал постепенно усиливаться, дошел до «*fortissimo*» и опять, постепенно затихая, дошел до почти неслышного шума». Великий князь остался доволен как игрою мальчика, так и вообще оркестром, что и изволил милостиво выразить капельмейстеру.⁵

На оборотной стороне фотографии освящения лагеря имеется оттиск печати «Северная типография Ярослава Пекарского в г. Петрозаводске».

Ярослав Александрович Пекарский, дворянин, родился в 1845 году в Виленской губернии. Он увлекся фотографией и уже к 20 годам открыл в Москве заведение под названием «Арбатская фотография», которое обслуживало Общество русских врачей, основанное врачом-клиницистом, педагогом и общественным деятелем, редактором и издателем еженедельника «Московская медицинская газета» Ф. И. Иноземцевым. На Всероссийской мануфактурной выставке в 1870 г. работы Пекарского были удостоены почетных отзывов, а на Политехнической выставке 1872 г. отмечены даже серебряной медалью. В 1875 г. Пекарский состоял в фотоотделе Общества распространения технических знаний. Был почетным членом Общества фотографов Москвы. Умер фотограф в 1889 году.

В фондах Карельского государственного краеведческого музея имеется еще несколько не менее интересных экспонатов, связанных с посещением Петрозаводска августейшими особами Российского Императорского Дома.

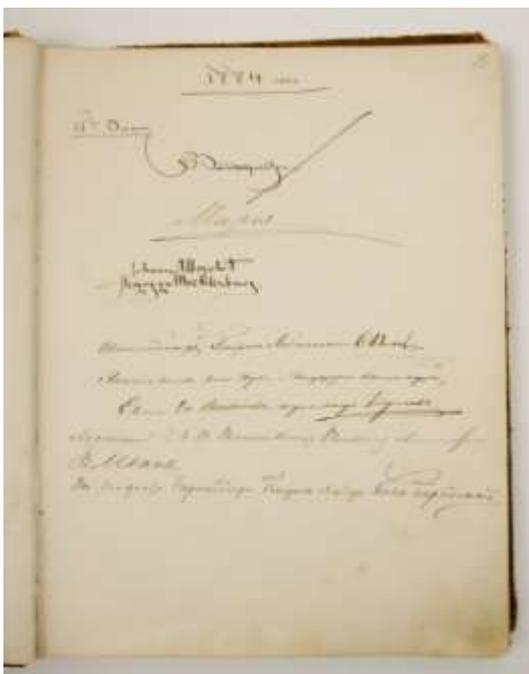
Фот. 1

Фот. 2

⁴ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Издание Олонецкого губернского статистического комитета под редакцией А. Иванова. Вып. VII. Путешествие Их Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича по Олонецкой губернии в 1885 г. Петрозаводск, 1886. С. 29.

⁵ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Издание Олонецкого губернского статистического комитета под редакцией А. Иванова. Вып. X. Путешествие Их Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича по Олонецкой губернии в 1892 г. Петрозаводск, 1894. С. 78.

Фот. 3

Фот. 4

Мошина Т. А., Корablёв Н. А.

Новый источник по истории Петрозаводска (журнал «Иллюстрация»)

В журнале «Иллюстрация» за 1848 год в разделе «Отечественное» напечатана серия статей без подписи под названием «Поездки по России». Статья четвертая посвящена Олонцу и Петрозаводску. Эта статья не упоминается ни в указателях, ни в работах наших краеведов.¹

Издателем журнала «Иллюстрация» был Александр Павлович Башуцкий (1801–1876). Его отец Павел Яковлевич Башуцкий служил в Гатчинских войсках, затем в Измайловском полку, был комендантом Петербурга и членом Верховного уголовного суда над декабристами. Среди близких родственников Башуцких были отважные мореплаватели, военные, сенаторы. А. П. Башуцкий, закончив Пажеский корпус в 1822 г., служил в Измайловском полку, состоял адъютантом графа М. А. Милорадовича, петербургских генерал-губернаторов П. В. Голенищева-Кутузова (1825–1830 г.) и П. К. Эссена (с 1830–1833 г.). Затем А. П. Башуцкий служил в Министерстве финансов чиновником особых поручений, а в 1838 г. был назначен состоять за обер-прокурорским столом в 6 департаменте Сената и с этой должности 4 февраля 1841 г. был определен помощником статс-секретаря государственной канцелярии Гражданского департамента. Барон Корф и В. А. Соллогуб весьма положительно отзывались о нем. В декабре 1849 г. вышел в отставку в чине действительного советника и придворном звании камергера (1838 г.).² А. П. Башуцкий – автор книг, статей, издатель, в т. ч. и журнала «Иллюстрации» (1845–1848). Проведенные авторами генеалогические и архивные изыскания свидетельствуют о том, что именно сам А. П. Башуцкий написал серию статей «Поездки по России». В предисловии об авторе сказано так: «русский дворянин и солдат», «военный, бывавший в атаках», «соотечественник, имевший случай исполосить Россию со всех концов, во всех направлениях, взглянуть во многое, на что другие не глядят, послушаться на многое, к чему другие глухи и взвесить все на весах русского сердца».³ Автор пишет легко, увлекательно, приводит много сведений о селениях и городах, государственных и общественных деятелях, ссылается на многие источники. Он постоянно подчеркивает то, что он путешествует по делам службы: «дела служебные причиною, что путевые мои заметки будут очень коротки», «привожу в порядок мои служебные бумаги и путевые заметки». Он использовал не только устные рассказы, но и специально подготовленные для него материалы. Об Олонецкой губернии, например, пишет так: «знаю, что многое пропустил, многое из слышанного не смею

¹ Этот журнал «Иллюстрация» № 29 хранится в Научном архиве Карельского государственного краеведческого музея. Дело № 4374.

² Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб., 1910. С. 141–142, 156–158. Приложения. С. 6.

³ Иллюстрация. 1848. № 18. С. 69.

внести в дневник, забыл подробности, опасаясь рассказать ошибочно, но для возможного дополнения очерка губернии приложу выписки из доставленных мне официальных сведений. Сведений о крае собрано много, так много, что не знаю, как вжать их в дневник».⁴ Немаловажно и то, что автору, как чиновнику высокого ранга, в Петрозаводске было оказано повышенное внимание, он был принят в домах генерала Ф. К. Левенталья, подполковника В. Е. Коарка, Преосвященного Игнатия и др. Авторство Башуцкого подтверждают воспоминания современников, а также факты из биографии, приведенные им в статье и сверенные нами с доступными источниками. Так, гравер Л. А. Серяков, работавший в журнале в 1848 г., писал: «сотрудников у него не было..., все отделы «Иллюстрации» писал он сам».⁵ Автор упоминает о том, что его воспитанием занималась бабушка, которая была очень религиозной и возила его мальчиком в Валаамский и Коневский монастыри (фамилию он не называет, только инициалы М. В. Д. или Д...а.), вспоминает, что сестры его учились в Смольном институте. Сведений о бабушке найти не удалось, а мать Башуцкого, Мария Григорьевна, урожденная Бибикина, умерла сразу после родов (1780–11.04.1803).⁶ Две двоюродных сестры, Мария и Елизавета Башуцкие, учились в Смольном.

В статье год поездки автора в Олонецкую губернию не обозначен, даны только даты: 19 марта автор был в Лодейном Поле, 23–26 марта – в Александро-Свирском монастыре, 27–31 марта – в Петрозаводске, на Пасху в Выговском общежительстве (Данилово и Лекса), затем в Повенце, Пудоже, Вытегре, Каргополе, 3 апреля – в д. Калгачиха на границе Архангельской губернии.

После знакомства с источниками удалось установить, что вероятнее всего, автор побывал на севере России в 1838 г. Это подтверждается целым рядом фактов: автор цитирует строки «погибшего поэта» («Зима, наш Мак – Адам...») из «Евгения Онегина»). А. С. Пушкин скончался от ран, полученных на дуэли, 29 января 1837 г., следовательно, поездка состоялась после 1837 г. В Петрозаводске он встречался с Василием Егоровичем Кларком, который умер 26 декабря 1841 г., с Марией Богдановной Левенталь, которая в то время жила в семье генерала К. Ф. Левенталь, позже она вышла замуж за Н. А. Фелькнера, и в 1842 г. у нее родился сын. И поездка, наиболее вероятно, могла состояться до 4 февраля 1841 г., в то время, когда А. П. Башуцкий служил в Министерстве финансов.

Два факта прямо указывают на 1838 г.: ссылка на статистические данные по городу за 1838 г., и упоминание о пасхальных днях, проведенных в Выговском общежительстве. В одном из сохранившихся текстов лексинского летописца⁷ имеется такая запись: «1838 года... апреля 3-го в день праздника Пасхи был гость на Выгу и на Лексы с Питера адъютант по Высочайшему повелению». К сожалению, в формулярном списке А. П. Башуцкого нет записей о его поездках в северные губернии (РГИА. Ф. 1162, оп. 7, д. 66).

Автор побывал в Александро-Свирском монастыре, беседовал с архимандритом Варсонофием (состоял настоятелем с 1827 по 1853 гг.),⁸ в Вытегре, Каргополе, Повенце, Пудоже, Олонце, где он останавливался в доме купца И. Ф. Редуева, в Архангельске, Сумпосаде, Коле, Соловецком монастыре. В Петрозаводск он приехал холодной ночью 26 марта. В записках он называет координаты расположения города на карте, а также на местности – у залива озера Онего, при впадении в него речек: Лососинки (*у автора Росошихи*) и Неглинки (*у автора Неглинной*). Далее он приводит основные данные на 1838 год: церковей 7, часовня 1, каменных домов 24, деревянных 629, казарм, военных и заводских зданий 27, жителей обоего пола 5047, из них купцов 3-й гильдии 90, 1-й и 2-й ни одного.

Петрозаводск, по словам автора, имел свои достопримечательности, связанные прежде всего с личностью Петра: «На всяком шагу встречаешь здесь памятники Великого Петра, начиная от названия города, его устройства и до пользы, приносимой им государству, все говорит: здесь был Великий; высокий разум его озарил и эту пустынную страну, проник здешние воды, болота, открыл в глубинах их богатства и дикую тундру обратил в драгоценность». Далее он называет императора одним словом «Великий». Автор осмотрел церковь Петра и Павла, построенную в 1703 году, отметил, что в ней есть ходы наверх, и по легенде, «Великий часто любовался оттуда окрестными видами». Он иронизирует относительно «образов, пожертвованных Петром из его походной церкви». По его словам, образов «из походной церкви» слишком много в церквях империи, «очевидно, что после каждой поездки по России государь вновь наполнял свою походную церковь». Побывал автор и в заснеженном городском саду. Он упоминает, что сад был «забыт и брошен, но благодаря губернатору Рыхлевскому, возобновлен в 1820 г. по планам, оставшимся в бумагах Петра». Он с интересом осмотрел чугунный монумент Петра, «несколько берез, посаженных руками Великого, и огромный камень, служивший некогда алтарем его походной церкви».

⁴ Иллюстрация. 1848. № 19. С. 109.

⁵ Серяков Л. А. Моя трудовая жизнь // Русская старина. 1848. Т. 14. № 9. С. 355.

⁶ Санкт-Петербургский некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 168.

⁷ Краткое летоисчисление настоящего века Выгорецкого общежительства. Режим доступа: <http://starover.boom.ru/LetopisLeks.html>.

⁸ Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустыней, упраздненных и существовавших в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. С. 8.

Довольно много внимания автор уделяет Петровским железным заводам. Он подчеркивает, что Петр во время одной из поездок на заводы сам выделал четыре полосы железа, которые можно увидеть в Кунсткамере. Этот факт действительно имел место: О. П. Беляев, хранитель Кабинета Петра Великого, приводил даже тексты надписей, которые были на них нанесены.⁹ На куске железа (длина 9 вершков, вес 1,5 пудов) было выгравировано: «1724 февраля 11 дня. То есть в пяток Его Величество Петр Первый император и Самодержец Всероссийский в бытность свою на Олонецких Петровских заводах в молотовой сей прут собственными своими руками под молотом вытянул». На железной полосе (длина 1 аршин, ширина 15 вершков, вес 20 фунтов) выгравирован другой текст: «Сей кус отсечен от крицы трудами Его Царского Величества собственными руками под большим кричным молотом на Олонецких Петровских железных заводах. Марта 2. 1720 года».

С заводом автора знакомил «почтенный» подполковник Василий Егорович Кларк, к которому он проникся большой симпатией. Отметив, что Гаскойн «трудами своими составил себе огромное состояние и был полезен для России многими улучшениями и нововведениями в литейном искусстве», он противопоставляет ему Егора Кларка, который «посвятил себя и детей своих исключительно пользе государства». В. Е. Кларк так сжился с заводом, что считал, по словам автора, «великим несчастьем невозможность ходить с утра до вечера по мастерским и наблюдать за работами». Автор ознакомился с гражданской продукцией завода: «браслетами, цепочками, перстнями, фигурами для часов, бюстами» и даже приобрел для себя «искусно исполненную лошадь», вазу и взял для образца «плиточки руды».

В Петрозаводске Башуцкий познакомился с окружным начальником внутренней стражи генералом Федором Карловичем Левенталем (1785–1849). Он характеризует его как человека «приветливого, истинно доброго» и добавляет, что эти качества свойственны тем, кто «пожертвовал всю молодость свою полевой и боевой службе». Ф. К. Левенталь, проживший в городе почти 20 лет, служил в Архангелогородском, Низовском пехотных полках, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, был награжден золотой шпагой «За храбрость», проходил по делу 14 декабря 1825 г., участвовал в русско-турецкой войне (1828–1829 гг.). В одном из сражений был ранен, лишился руки, за отличие в сражении стал генерал-майором и получил назначение на должность окружного генерала III Округа отдельного корпуса внутренней стражи в Петрозаводске (7.11.1828), затем V Округа той же стражи (1849 г.).¹⁰ Автор провел все вечера в кругу семейства Левенталя, которое он называет «милым, бесподобным», «оазисом в пустыне». По вечерам его жена, Елизавета Мартыновна, с дочерью и племянницей читали вслух, занимались рукоделием. Племянница Мария Богдановна, отец которой, родной брат генерала, рано умер, была искусной рукодельницей, и вся гостиная была украшена ее карандашными рисунками и картинами, шитыми гарусом и бисером. Одна из картин ее работы была подарена автору заметок.

В Петрозаводске автор был «осчастливлен знакомством с ученым мужем, истинно благонамеренным и одаренным твердым характером» – с Преосвященным Игнатием (Брянчаниновым). Он отмечает, что именно Игнатию и «поучительным беседам» с ним он обязан сведениями о Петрозаводске и о губернии. Главным предметом разговора было «народное верование», о чем автор собирался написать в своих заметках, но это ему не удалось осуществить. Преосвященный подарил ему накладку для бумаги из Тивдийских мраморов трех цветов: черного, красного с белыми оттенками и белого. Эти «поучительные беседы» также косвенно свидетельствуют об авторстве Башуцкого: он действительно был знаком с Первосвященным и позднее выполнил несколько работ по его заданию: в 1852–1853 гг. он подготовил описания Сергиевой пустыни, Зеленецкого и Тихвинского монастырей, в 1854 г. издал книгу «Тихвинские монастыри».¹¹ Друг Башуцкого, князь Николай Сергеевич Голицын, в своих записках сообщает о том, что он передавал Преосвященному Игнатию по его просьбе рукопись Башуцкого о графе Милорадовиче.¹²

Нелестно отозвался автор о петрозаводской гостинице, где он увидел «нечистоту кругом», «дикость заспавшихся хозяев и слуг», «уродливые гравюры» на стенах. Автор, который сам занимался живописью и сохранил при журнале гравировальную мастерскую, удивился, что гравюры имели подписи, означавшие, что они выполнены «в литографии Беггрова». Одна из работ, «самая смешная и препестрая путаница» под названием «Последний день Помпеи» г. Брюллова, особо заинтересовала автора. Среди античных персонажей он с удивлением разглядел «человека в синем фраке, в нижнем платье в обтяжку и круглой шляпе». «Ни Помпея, ни Брюллово... верно уж не ожидали ничего подобного», – заключает он.

Свою статью об Олонецкой губернии автор иллюстрирует несколькими гравюрами, выполненными в его мастерской. Это прежде всего воспроизводимый в нескольких изданиях вид города с Петропавловской церковью. В данном случае этот вид «обрел автора» – гравюра подписана «Дунин». Д. Дунин был гравером, он посещал классы Академии художеств в 1844 г., в одно время с Т. Г. Шевченко. Работа этого же мастера «Добыча руды» иллюстрирует описанный в статье процесс: «Собирают руду очень нехитро: ездят по озерам на плотах и черпают со дна ковшами. Руда вымывается или скатывается на дно озер из окружных болот, следовательно сама природа вознаграждает употребленное на дело». На гравюре показан берег озера и занятые добычей руды мужчины на плоту, работник, толкающий тележку, и трое мужчин, отдыхающих на берегу. Другая гравюра

⁹ Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1793. С. 31–32.

¹⁰ Левенталь К. Ф. // Декабристы. Биографический словарь. М., 1988. С. 99.

¹¹ Полное собрание творений Свяителя Игнатия Брянчанинова. В 7 т. Т. 6. СПб., 2004. С. 453, 784–786.

¹² Записки Николая Сергеевича Голицына. 1825–1855 // Русская старина. 1880. № 11. С. 607.

«Водопад Кивач» подписана «Гогенфельден». Егор Гогенфельден был французским подданным, художником и гравером.¹³

Башуцкий также помещает в журнале, по его словам, «редкую гравюру петровского времени». В тексте она подписана так: «Петр Первый кует железо на Петровском заводе», в ссылке – «Петр Первый кует железо на заводе Миллера». В «Подробном словаре русских гравированных портретов Д. А. Ровинского» названа гравюра 1724 г. «Петр Первый кует железную полосу в кузнице Вернера Мюллера (в России)».¹⁴ Вернер Миллер был представителем амстердамской компании «Даниил и Ян Бернард» в Петербурге, имел в собственности Истинские заводы, и Петр Первый, как свидетельствовал историк Петр Миллер, сын заводчика и царский крепостник, бывал там в 1722 г.¹⁵

Как следует из текста статьи, автор перед тем, как опубликовать свои заметки в журнале, отредактировал их и добавил новые факты. Так, в статьях, посвященных Олонецкой губернии, автор упоминает гравюру Петра Ивановича Разумихина с картины К. Брюллова «Последний день Помпеи». Картина была закончена в 1833 г., а гравюра, ставшая очень популярной, датируется 1839 г. Однако многие ошибки в названии рек, населенных мест он не выверил: Повенец он называет «Повенецком», реку Лососинку «Росошихой», Шуньгу – «Шуйкой», Кондопожскую волость «Кандобожской» и др. Однако, несмотря на неточности, статья А. П. Башуцкого, несомненно, представляет интерес для краеведов. Она дополняет уже известные сведения о Петрозаводске и дает ценные воспоминания о тех, кто жил в то время в городе – о В. Е. Кларке, К. Ф. Левентале, Преосвященном Игнатии (Брянчанинове). Безусловно, материалы, собранные Башуцким, заслуживают отдельной публикации в одном из местных изданий.

*Еришов Виктор Петрович,
кандидат педагогических наук,
заслуженный работник культуры РК,
член-корреспондент Петровской академии наук и искусств*

Дневник заонежского бондаря

Его я нашел в конце 2009 г., разбирая старые папки, давно лежащие на антресолях. Желание навести порядок, иногда приводит к замечательным открытиям. Среди каких-то тетрадей, рукописей, фотографий в синей папке лежала совершенно неприметная книжечка в коричневом, картонном переплете. «Книжка для приемщика хозяйственно-заготовленных бревен в операцию 192 ... 192... гг.» под грифом Лесозаготовительного отдела Управления Лесами А.К. С.С.Р.». Уже сама книжка представляет памятник экономической деятельности в Карелии 20-х гг. Типографская форма (страницы разграфлены на горизонтальные и вертикальные графы) послужила автору основой для дневниковых записей: каждая строка отводилась одному члену семьи: автору, Митрию (Митьке, Дмитрию Павловичу) – сыну его, Марье Дмитриевне – его жене и хозяйке или какому-либо событию.¹ Графы заполнялись уборым текстом, написанным остро отточенным простым и химическим карандашом. Нумерация страниц проставлена от руки коричневыми «галловыми» чернилами, которые изготовлялись в те далекие времена из шишечек ольхи и железного гвоздя. В послевоенное время в школе я писал такими чернилами, которые делал мой отец.

Рукопись была ветхая: обложки жили сами по-себе, к автономному существованию стремились и страницы. Их удерживали две тесемки, которые скрепляли тетради книжечки. На верхней обложке наклеен белый бумажный прямоугольник с аккуратно обрезанными уголками. Со временем он почернел от «пыли веков» и когда-то написанные карандашом «выходные данные» этой «книги» почти не читались: с трудом можно было разобрать имя «Павел Т...». Криминалисты МВД, к которым я обратился, добавили немного – «др. Красн...» (деревня Красная Сельга).

И так, это был дневник – уникальный памятник крестьянской письменной культуры 30-х годов XX века, эпохи коллективизации и начала умирания крестьянской цивилизации.

¹³ Кондаков С. Н. Список русских художников. СПб., 1914. С. 428, 430.

¹⁴ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. СПб., 1889. № 613.

¹⁵ Штелин Я. Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1. М., 1830. Анекдот 3 (21–23); Витсен Николаас. Путешествие в Московию. СПб., 1996. Примечание № 231. С. 244.

¹ Последняя страница дневника все же имеет отношение к лесозаготовкам: на с. 94 – записи о заготовке дров по кварталам. Это записи, видимо, были «для себя», для памяти, чтобы по ним сделать какой-то отчет в Райлесхозе.

Рис. 1. Страницы рукописи дневника

Рис. 2. г. Медвежьегорск. Здание школы-интерната № 4. 1966 г. (фот. В. Ершова)

40 лет назад, летом 1971 г. я с ребятами из школы-интерната № 4 г. Медвежьегорска шел по маршруту – Мягрозеро – Селецкое – Кузаранда – Ламбасручей, (Заонежье). Поход был захватывающе интересным, я знакомил ребят с жилой, хозяйственной и культовой архитектурой, знакомился с жителями, пользовались их гостеприимством, привезли в школьный музей много предметов быта, орудий труда, вышивки, иконы... Музей из школьного ныне стал муниципальным. Побывали и в деревне Красная Сельга, к этому времени она была уже не обитаемая («как остров в океане»), как, впрочем, и многие другие деревни Заонежья. Сказались репрессии, война и ущербная политика 1960-х гг. укрупнения деревень. Люди бросили дома. Да какие! Заключенные, они стояли скорбными, но могучими памятниками умирающей деревенской культуры. Таким архитектурным памятником был и дом, в котором мы нашли этот дневник.

Рис. 3. Дом Ананьева. В настоящее время в Кижях, комплекс Ямка (из Интернета)

Рис. 4. Дом Ананьева

В 1960–70-х годах после книги Вл. Солоухина «Черные доски» начался бум по собирательству «черных досок». Шквал столичных искателей прокатился по Заонежью (как, впрочем, и по всей Карелии!). Вскрывались пустующие дома, увозилось все, что можно было взять. Бумаги, конечно, не интересовали никого. По привычке собирателя я взял бумаги, валяющиеся на полу выпотрошенного дома. Дом был огромным, со взвозом, на высоком подклете, с безгвоздевой крышей и могучим шеломом, окна со ставнями и резными наличниками, с балконом-гульбищем и крыльцом на витых, сказочных столбиках. Не зря его позже перевезли в Кижы (1975 г.). Я все это хорошо запомнил, потому, что рассказывал своим маленьким спутникам о его архитектурных особенностях. Я тогда не мог предполагать, что снова, через 40 лет я возвращусь к нему.

Я жил тогда при Медвежьегорской школе-интернате, в сталинской квартире² и, вероятно, привезенные из похода бумаги взял для просмотра к себе в комнату. По какой-то причине дневник остался в папке и пролежал 40 лет. Да не осудят меня за это музейщики! Был я тогда молодой, совсем не опытный и много еще не понимал...

² Здание-гостиница было построено в 1933 г. к открытию Беломорско-Балтийского канала. На открытие приезжал Сталин и жил он на первом этаже в небольшой 2-комнатной квартире. Позже, после войны и оккупации Медвежьегорска финнами, полуразрушенное здание было передано под школу-интернат и реконструировано. В отдельном крыле здания жили преподаватели, мне выделили квартиру, в которой, как утверждает легенда, жил Сталин.

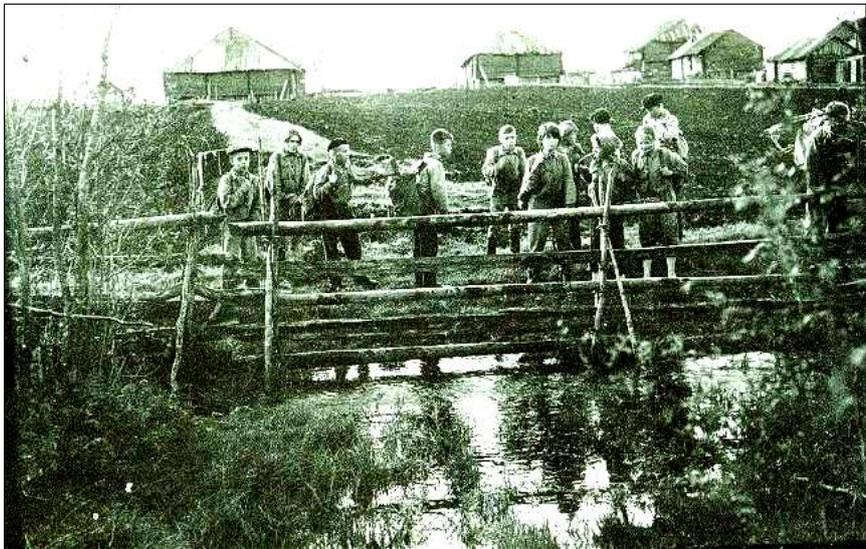

Рис. 5. Поход по Заонежью, 1971 г. Это мои маленькие собиратели, благодаря которым материальная и духовная культура Заонежья так полно представлена в Медвежьегорском музее, в т. ч. и находка этого дневника.
Хочу вспомнить их всех поименно: Мошников – малый, Мошников Михаил, Попова Люда, Володя Сулимов, Богущ Зоя, Зина Дворецкая, Аля Мошникова, Гаврилов, Гребнев Иван

Но вернемся к дневнику. Автор вел дневниковые записи с 1932 по 1936 г.³ 1938 год упоминается только один раз на последней странице при каких-то не очень понятных расчетах.

Начало дневника относится к 29 сентября 1932 года. При записях автор использует старый и новый стили календаря. Перед числами он указывает сокращенно дни недели. Как известно, разница между старым и новым стилями – 13 дней. Однако первые записи сделаны с нарушением соотношений: «В. 11–28» (вторник. 11–28 сентября); «С. 12–29» (среда 12–29); «Ч. 13–30» (четверг. 13–30 сентября). Разница – 17 дней. Но, уже начиная с 1 октября, соотношение восстанавливается, хотя нередко нарушается и дальше.

У дневника, вероятно, были предшественники, записи автор вел, видимо, на протяжении всей своей сознательной жизни. Тот, кто ведет дневник, – обычно делает это с завидным постоянством, если этому не мешают какие-то обстоятельства. Наверняка были еще тетради, в которых он писал о своих родителях, о строительстве дома в конце XIX века (это же такое событие и оно происходило на его глазах!), о своей женитьбе, рождении детей. Потому о семье в этом дневнике ничего не говорится. Дневник является продолжением предыдущих записей.

Вместо учетных данных возчика леса автор из заонежской деревни Красная Сельга в каждую горизонтальную графу страницы втискивал события дня, слова иногда сокращал, но в целом текст был понятен, например: «1932. в. (воскресенье). Ш (март) – 28. Пришел от праздника. От Черк (*Черкассы – В. Е.*), шол 4 часа. Погода хорошая. Митька ушел в Ламбастручей для промерки межи. Хозяйка дома кое-что»; «Ч. 21–8. Я был на озери на Койбозери, сачил 1 рас все озеро объехал и ничего не достал вынес сак Митрий на медвеш Марья на смолукурки осмол заготов. Хозяйка вколхози огород поливала». (Орфография и стиль сохранены). Вот в таком телеграфном стиле автор «**Павел**» вел дневниковые записи, в основном не выходя за пределы типографской графы. Это важно отметить: содержание записи детерминировалось типографской разграфкой страницы: строчка – событие.

Другая особенность: содержание строилось по твердой схеме, от которой автор почти никогда не отступал: первая строчка – о самом себе, любимом – что он сегодня делал: тесал доски, вязал сеть, делал ушат, похожал, сколько рыбы достал... Всегда он в первой строчке. Вторая строка – Митька (Митрий) – его сын. Так же подробно, но в рамках одной строки: Митрий пахал (орал), косил, был на смолукурке, на ремонте дороги, работал в лесу, праздновал... Третья строка – Марья, жена Митрия: жнет «рож», сажает картошку, косила, грабила и сушила сено, рубила дрова, пасла коров... Женские крестьянские работы мало чем отличались от мужских в то время. И четвертая строчка – Хозяйке. Имя ее не называется – просто хозяйка, потому и пишу ее с заглавной буквы. Она работала уборщицей в конторе Райлесхоза и еще – «стерала», мыла, топила байну, морозила тараканов, ткала, косила, занималась скотиной, землей, картошкой...

Этот шаблон дневника значительно облегчал писательский труд автору и стимулировал его к этой деятельности, она стала для него частью жизни, стереотипом; вероятно, под вечер, при свете лучины или керосиновой

³ 1937 г. не упоминается. Возможно, именно за этот год были вырваны 10 страниц – с 64 по 74.

лампы (в деревне Красная Сельга никогда не было электричества) он садился записывать, чем каждый занимался, подводил итог дня. Может быть, поэтому в дневнике нет размышлений, оценок, проявлений чувств, недовольства, радости... Нет в дневнике и ничего о каждом члене семьи: сколько лет, где учился, какие отношения между ними – только работа и «праздники». Редко промелькнет, что Митрий был пьян, или – ушел на «беседу» в Барковицы, уехал на учебу. Даже о женитьбе Дмитрия на Марье сказано в нескольких строках.

Публикуемый дневник писался в 30-х гг. (1932–1938 гг.) XX века в д. Красная Сельга (Заонежье), она имеет и другое (старое) название – Грязная Сельга. На это указывал еще известный финский исследователь иконы и заонежской архитектуры Ларс Петтерссон (1943 г.). Об этом же сообщил мне Е. М. Морозов, краевед, автор книжки о соседней деревне Селецкой, не раз упоминаемой в дневнике. Это же название деревни сохранили и расстрельные списки Карелии: из деревни Грязная Сельга было «взято» и расстреляно в 1938 г. три человека (Поминальные списки Карелии. 1937–1938 гг. Петрозаводск, 2002. С. 105).⁴

Тридцатые годы сделали этот дневник ценнейшим историческим документом, несмотря на то, что его автор не выходил в своих записях за пределы семейного круга. Он как бы со стороны констатировал круг своих забот и домочадцев: что делал он, его хозяйка, Митрий и его жена Марья – и так – год за годом. В дневнике почти нет ничего, что давало бы возможность понять – имя-фамилию автора, его образование, возраст домочадцев, почти ничего о соседях, о начальстве, политике, деревенских детях, школе,⁵ учителях, врачах... Ни-че-го... Но из записей все же можно понять, что деревня жила полноценной жизнью: были собрания, проводились воскресники, на которых работали бесплатно (это автор подчеркивает), колхоз выращивал овощи, лен и другую сельскохозяйственную продукцию, было стадо коров, коней, люди занимались лесозаготовками, «курили» смолу, деготь, ремонтировали дороги, приезжала кинопередвижка, были собрания и митинги, было, как всегда, много разного начальства – десятичники, пунктовые, счетоводы, кладовщики, инструктора – все они аккуратно перечислены в дневнике. Всего в деревне Красная (Грязная) Сельга на 1937–38 гг. проживало 97 жителей: 47 мужчин и 50 женщин, половина из них – старики и дети (Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2022. С. 105). На примере этой деревни хорошо прослеживается политика уничтожения, «выбивания» самых активных, умелых, сильных мужчин деревни, что в конечном итоге значительно подорвало как само сельское хозяйство, деревню, так и генофонд населения страны в целом. Вероятно, они выражали свое недовольство, обсуждали, что делается в их маленьком мире. Этого было достаточно...

Имя автора дневника долгое время было не известно. На обложке, как я сказал, удалось прочесть только имя «Павел», но на стр. 39 (оборот), «ноябрь, пятница, 19-6» он пишет, что в этот день праздник св. Варлаама, и в этот день он именинник. Значит, его имя могло быть – Варлаам. (в деревне Черкассы недалеко от Красной Сельги стоит часовня Варлаама Хутынского!). Но 6 ноября – есть и память Павла исповедника. И так, мы приняли как за рабочую гипотезу имя автора – Павел.

На первой странице гипотезу имени автора был записан адрес: «Адрес дер. Крас. Сельга, дом Ананья Степану Денисьеца». Предположили, что фамилия его – Ананьин, кто Степан Денисович? Так пока и неизвестно. На с. 82 (оборот, октябрь 1934 г.) упоминается Ананьина Ап. Ив. – уборщица райлесхоза, как я понял – жена автора. Так определилась фамилия Павла – Ананьев. Далее на помощь пришел всезнающий Интернет. Нашел информацию о деревне Красная (Грязная) Сельга. Оказывается, два дома из нее – дом Березкиной и дом Ананьева были в 1975 г. перевезены в Кижский музей-заповедник и входят в архитектурный комплекс деревни Ямка. Именно этот дом Ананьи был указан в дневнике на второй странице. Мог ли я предполагать, что дневник снова свяжет меня с этим домом!

Но на ловца и зверь бежит. Оказывается, в Марциальных Водах проживает женщина из Красной Сельги, хорошо знавшая автора дневника и его семью. Евдокия Федоровна Агапитова (в девичестве Юудина), мать известного этнографа, переводчика, поэта и художника В. А. Агапитова, ей – 82 года, но память ее отличная. Родом из д. Верхнее Мягрозеро, которое имело еще местное название – Куричино. Долгое время ее семья проживала в Красной Сельге. Она-то и сообщила, что имя автора дневника Павел Тимофеевич Ананьев, она его хорошо знала. Умер он в конце 30-х годов, (едва закончив дневник). Жену (хозяйку) его звать Апполиария Ивановна, у них был единственный сын – Дмитрий, которому так много уделял внимания в дневнике отец. Знала она и жену Дмитрия – Марью Дмитриевну. Но, кто ищет, тот еще раз найдет! На днях известный краевед, живший в те 30-е годы в соседней деревне Селецкой, Е. М. Морозов сообщил мне телефон Раисы Дмитриевны Голицыной, которая является внучкой Павла Тимофеевича, дочерью его сына Дмитрия! Это был приятный сюрприз! Ей я обязан ценнейшей информацией.

Павел Тимофеевич – автор дневника грамотный, неординарный человек. Судя по орфографии, он учился, возможно, в церковно-приходской школе или в училище одно-двухклассном? Встречается старая орфография: «делал лучки **новья**», иногда в словах встречается буква «Ь» (дали денекъ)... Числа календаря указаны по новому и старому стилю. Почерк твердый, устоявшийся, можно сказать, что это человек, привыкший к письму. Не каждый способен на протяжении многих лет вести дневник жизни.

⁴ По сообщению жителей Красной Сельги – Раисы Дмитриевны Голицыной и Евдокии Федоровны Агапитовой арестовано было 7 человек: отец и сын Сафоновы Федор С. и Михаил Федорович, Губин Иван Дмитриевич, Федосков, Евсюгин, Корзин Василий, Сафонов Василий.

⁵ В деревне была начальная школа.

И все же при расшифровке дневника было немало трудностей: карандашные строчки иногда перекрывались типографским шрифтом «книжки возчика», предлоги он пишет слитно – «сажали картошку камбару». Долго ломал голову, что это такое – камбара. Оказывается, «сажал картошку к амбару!» (С. 15 мая. 1935. С. 52). «Марья валила подлен». Поди, догадайся, что это за «подлен!» Окончания слов часто недописаны, знаков препинания нет, нет согласований, будто писал не русский, топонимы пишет с прописной буквы: «Марья грабил и убира...». Он читает книги, выписывает газеты, ведет какие-то счета в конторе Райлесхоза: «Я писал счет в райлесхозе» (В. 3–21), пишет дневник: «Я писал немного», (январь. С. 9–27, 1935); «Был дома. Читал газеты». В дневнике множество учетных данных – по продовольствию, лесу, урожаю. В графе расходов указываются суммы на выписку газет, на покупку марок и конвертов. По рассказам родственников хорошо играл на гармошке.

Он немногословен, хороший хозяин, умелец, делает деревянную посуду и катанки «починяет», и сани отремонтирует, но в основном он – бондарь. На странице 89 (оборот) перечисляет все виды посуды, которую он продает: ведра, ушаты, лоханки, квашни, шайки, стоянки, бураки... Здесь же приводится «счет посуды», проданной на 267 руб. Это существенный заработок для семьи. «В. 2–20. Воскресенье. Выехали с посудой к Спасу к ночи. Ночевали у спаса нетленного с Митькой. П. 3–21. Проехали от Спаса в **Кяписельгу**. Ночевали у кумы Стафеевой. в. 4–22. Торговали по **Кяписельги** и вернулись обратно до **Викшозеру**. Ночевали у Феклистова... С. 5–23. выехали из **Викшозера** и проехали домой ночью в 2 часа. Посудой торговали хорошо. Продали своего товару на 366 (руб.), из него сделали расход ... 12 руб... наличные деньги 340, овсом и табак 26 руб.». Спрос на посуду, видимо, был большой, поскольку известно, что в Красной (Грязной) Сельге были еще бондари – Губин Петр Михайлович, Федосков Иван Николаевич. Печальную информацию о них получил из расстрельных списков по Карелии (Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 105). В соседней деревне – Карасозере, 7 км от Красной Сельги, из 13 репрессированных было 6 специалистов по производству деревянной посуды (там же, с. 105–106). Бондари, видимо представляли особую опасность для Советской власти и деревенского сообщества.

В «колхозы» наш автор не работает на постоянной основе: не «орет» пашню, нет никаких данных о том, что он выполняет какие-то сельскохозяйственные работы. Он столярничает, плотничает, занимается бондарным промыслом и это, как мы видим, дает ему хороший доход и лишь изредка пишет, что косил или «починял» что-то в колхозе... Как мы знаем, он имеет большой (очень большой!) дом, который сдает в аренду под контору райлесхоза, у него живут на квартире все приезжие в деревню – печник, пекарь, таксатор, лесник, сапожник, пилостав, девушки-лесозаготовители, «работчие» от райлесхоза и это тоже дает доход. В райлесхозе он ведет учет работы возчиков и лошадей, учет канцелярских принадлежностей и т. д. «П. (понедельник), 4–19. Я просидел в конторе для расчета» (С. 51). Павел Тимофеевич имел большое хозяйство – несколько лошадей, коров, овец, птицу, водяную мельницу. На чердаке дома в послевоенные годы, по рассказу Раисы Дмитриевны сохранился сундук с деньгами: когда-то хозяин продал две лошади, деньги при реформе пропали, ими играла в детстве Раиса Дмитриевна.

Вторая страница дневника (не нумерована). На ней крупными буквами, химическим карандашом запись о взятых автором со 2 по 8 января 1936 г. небольших сумм денег. Почерк и стиль автора, но записано так, что создается впечатление, что руки не совсем его слушаются. Возможно, Павел был серьезно болен. Запись сделана в 1937 году: страница начинается со строчки: «2 рубля старого 1936 года». Записей в 1937 году мы больше не встречаем. В конце 1935 г. все чаще встречаются заметки: «болен», «очень болен», «сильно хворал» и даже – «болен, при см (смерти?)». Правда, на частично сохранившейся последней страничке стоит дата 1938 г. и какие-то помесечные записи его почерком учета дней? (217 1/2 дня – итог с января по август I столбец). Дневник на этом заканчивается. Известно, что репрессии по Заонежью прошли в основном в 1938 г., автора они не коснулись, он умер своей смертью вскоре после того, как закончил дневник (в 1938–39).

Семья его состоит из 4-х человек – он, хозяйка Апполиария Ивановна, сын Митрий (Дмитрий Павлович) и его жена – Марья Дмитриевна. Но это постоянные персонажи дневника. По сообщению Раисы Дмитриевны Павел Тимофеевич был женат три раза. От первого брака у него были три дочери, которые к этому времени уже были выданы замуж: Александра Павловна – в д. Юлмаки (Миронова), Надежда Павловна – в Черкасы (Багрова), третья дочь Настя – в Барковицы. Они часто приходят в гости с мужьями или по отдельности. От второй жены дочь – Марья Павловна, 1904 г. р., выдана замуж за Конева Ивана Степановича в Устьреку. Третья жена – Апполиария Ивановна, она родила ему сына – Дмитрия. Митрий и его жена Марья – колхозники; разные полевые работы в колхозе выполняет и хозяйка Апполиария Ивановна, в то же время она в конторе Райлесхоза работает уборщицей, топит баню для рабочих и призывников.

О Дмитрие: Дмитрий (Митька, Митрий) – единственный сын Павла Тимофеевича родился в 1915 г. от третьей жены Апполиарии Ивановны. Женат, молод (к этому времени ему было 17–19 лет, его еще не призывали в армию, на все руки, как и отец, мастер. Он перенял от отца бондарное ремесло («Митрий сделал 1/2 ушата»), умеет плотничать, хорошо управляется с конями, с лодкой, выполняет самые разнообразные работы в колхозе – пашет, боронует, косит, работает на лесозаготовках, на смолокурке, на подсочке, умеет починить обувь, изгородь, подковать лошадей, что говорит о его связи с кузницей. Не говорю уже про рыбный промысел, т. е. он делает все, что умел делать каждый крестьянин. Он активен и в общественной жизни. Неоднократно автор упоминает, что Митрий ушел на собрание, вместе с председателем колхоза проверяет какие-то учетные данные или на ревизии: «Митька при учете председателя колхоза», принимает и вешает овес, раздает мясо и солонину (С. 58, об.), т. е. он достаточно грамотный человек и активно участвует в колхозной жизни.

«В. 1–V–18. Первое Мая. Я вязал вершу. Митрий и Марья празновали», т. е. молодые достаточно активно откликнулись на новую жизнь. В дневнике ничего нет о его образовании. Есть несколько строк, что его отправили на учебу: «С. (среда), 30–17. Я дома кое что. Митрий ушел в **Шуньгу** на все обучение». Этот всеобуч продолжался почти 2 **недели**, в чем он заключался из дневника не понятно.

Как-то невнятно и мимоходом сказано о женитьбе Дмитрия. На с. 10 в пятницу, 1 апреля 1933 года: «Я дома щыпал лучину. Митька возил дрова, сено и ушел к Черкасу за рыбой. Хозяйка кое-что, извать зятя на свадьбу»; Свадьба? Чья? На следующий день записывает, опять как бы между прочим: «Митька ушел наустьреку звать зятя и Маню на свадьбу. Хозяйка готовится кпразнику и свадьбе». Обычно к свадьбе готовятся задолго. Здесь же это событие всего в нескольких строчках. Далее запись 3 апреля, на Пасху: «В. 16–3. воскресенье, были сватать. И пришел зять черкасской... были сватать четыре человека». Здесь все не понятно. Сватала обычно невесту. Сваты приходили в дом невесты. Это был сложный и разработанный сценарий. Ничего подобного в дневнике нет: «П. (понедельник), 17–4: Я был в свадьбы, играли свадьбу. Пришел зять устьрецкий, Марья барковск. (*кая*) и клаша черкаская. Насвадьбу отнас было 8 человек, от туда 14 человек...». в. (вторник) 18–5. Было гостей на красной стол тоже 14 челов. Вина в свадьбу вышло 11, 5 литр». В среду, т. е. на следующий день после свадьбы он уже пишет: «С. 19–6. Я начал починять верши, Митька (это жених!?) в колхозе возил сено». Выходит, свадьба проходит как-бы между делом. Имя жены Митрия не называется, только через несколько дней, в понедельник появляется запись: «П. (*понедельник*), 21–8. Митрий возил дома дрова смолодух (*ой*)». Через 16 дней снова появляется «молодуха» и опять без имени: «В. (*воскресенье*), 7–24. Митька ушел к Черкасу в гости смолодухи» (С. 11, об.). Теперь в доме две «бабы» – хозяйка и жена Дмитрия, пока без имени: «Ч. 27–14. Был похожать верши 12 ш. Достал рыбы одну варку. Митька в колхозе возил сено. Бабы пилили дрова в лесах». «П. (*понедельник*), 24–11. Я починял верши. Митька в колхозе возит сено. Бабы подокном пият дрова» – это хозяйка с невесткой. И только на 11 странице мы узнаем имя жены Митрия: «В. 30–17. Воскресенье. Я празновал. Митька и Маня ходили похожать верши». Далее в дневнике она все время называется – Марья, Марья Дмитриевна 1911 г. р. Прошла неделя, в Фомино воскресенье Павел Тимофеевич записывает: «В. 23–10. «Фомино воскресенье, были нахлебинах, немного выпил, и все были в гостях» (С. 10, об.). Обычно «хлебны проводились на третий день свадьбы в доме родителей невесты. Проходит еще неделя и снова запись о хлебнах: «С. (суббота), 29–16. Были похожать верши 2 с марь (*с Марьей*) Митька приехал с Великой Губы к ½ дню. Потом были хлебны, гости и ходил в баню». Но пусть в этом разбираются этнографы. И, наконец, на с. 26, 1934 г., февраль, четверг: «Ч. 15–2. Митрий и Марья ездили к Карасозеру записывать женитьбой». Сохранившееся у Раисы Дмитриевны «Свидетельство о регистрации брака» Дмитрия и Марьи в Карасозерском с/совете подтверждает эту запись. У Дмитрия и Марьи Дмитриевны было четверо детей. О них Павел Дмитриевич почему-то не пишет. Первой родилась Лиза, умерла через несколько дней, затем Виктор, умер через полгода (призорилося), в 1937 г. родился Сергей, умер недавно – 18 февраля 2008 г. Осталась одна дочь – Раиса Дмитриевна, 1941 г. рождения. Она и рассказала, что отец – Дмитрий Павлович участвовал в Финской компании – 1939–40 гг., вернулся с войны, был председателем колхоза, затем в 1941 году мобилизован снова. Первое и последнее его письмо домой было из Лихославля, из госпиталя. Погиб в 1944 г. Еще одна запись была непонятна: Стр. 11, «С. 6–23... . Маня ходила в **Карасозеро** крестить ребенка». Имя ребенка не называется, чей ребенок? Марья – жены Дмитрия? Но со дня свадьбы не прошло и месяца. Ясность внесла Раиса Дмитриевна: – Маней Павел Тимофеевич обычно называл свою дочь – Марию Павловну из Устьреки. Она в это время гостила в доме отца и из Красной Сельги ушла крестить своего ребенка в Карасозеро.

Марья Дмитриевна (1911 г. р.), жена Дмитрия: она упоминается в дневнике почти всегда с рядом с Дмитрием. Она родом из Устьреки, сирота, вырастили ее Сафонов Федор Степанович и Губин Иван Дмитриевич (репрессированные впоследствии). Женщина она была работающая – пашет и косит, убирает картошку, боронует и «сият овес, похожает верши, ни часа без дела... Так что можно сказать, что Дмитрию повезло с женой. Только один раз в дневнике отмечено «Марья пьяна».

И совсем тенью проходит в дневнике Хозяйка. Это третья жена Павла Тимофеевича. Она всегда на заднем плане, в последней строчке дневника. Имя ее упоминается всего два раза – на с. 82 (оборот) и 83 1934–35 гг. – «Ананьина Ап. Ив. – уборщицы в райлесхозе», ее месячный оклад – 55 руб., с января 1935 г. прибавлено 16 руб. – оклад стал 71 руб. Евдокия Федоровна Агапитова подтвердила это имя. Апполинурия Ивановна – мать Раисы Дмитриевны. Чаще всего автор пишет: «Хозяйка дома, кое-что». Но это «кое-что» – труд на земле, дома, в колхозе. Она работает наравне с мужчинами. Она и уборщица в конторе райлесхоза, получает живые деньги, что стоит один только труд по дому: мыть полы, стены, потолок, она топит «байну», стирает, ткет...

Безусловно, автор – верующий человек, как, наверное, и большинство жителей деревни в то время. В дневнике перечисляются все религиозные праздники, которые он празновал, иногда добавлял: «Празновали все», или «Я и хозяйка празновали», в его доме часто бывает священник, «славит Христа», он жертвует деньги на часовню, покупает свечи, заказывает молебен и отмечает это в расходах в дневнике. Он и его родные (хозяйка, Митрий и Марья) ходят в соседние деревни на престольные праздники. Все религиозные праздники отмечаются «во первых строках» дневника: «В. 16–3. Святая Пасха. Воскресенье, были сватъ. Пришел зять черкасский, были свои ... четыре человека». В религиозные праздники родственники собирались вместе, съезжались из ближайших деревень, гостевали... В дневнике отмечены все эти знаменательные для сельского жителя даты, сколько гостей было, сколько вина выпито: «П. 4–22. Празник Казанской Божей матери (ей в деревне посвящена часовня – В. Е.). Празновали, обедало 1 стол, 16 ч за 2... С праздника ночевало 3 челов». Приписано на полях: «разной рыбы куплено и сахар 1 пуд 50 р.». Или: «Маня ходила в **Карасозеро** крестить ребенка...»; «В. 23–10.

Фомино воскресенье, были на хлебинах, немного выпили, и все были в гостях»; «Я был позван в часовню»; «Праздник Покров Пресв. богородицы... Я и хозяйка праздновали»; «В. 9–27. Воскресенье вербное, праздновал. Митька был на собрании у **Карасозера**. Хозяйка рубила дрова».

Запись эта примечательная. Автор дневника праздновал, а Митька был на собрании, и хозяйка в религиозный праздник работала. Все это говорит о размывании религиозной традиции. Правда, молодежь отмечает религиозные и советские праздники: «П. (понедельник) 21–8 (по новому и по старому стилю). Праздник Михайлов день я праздновал. Митька был у праздника в **Леликозере**, ночью приехал домой». Записи дневника отмечают, что Митька и Марья совмещают празднование с работой. О советских праздниках очень скупко: «Советской праздник. Был дома, наладил в хлев Ромку. Митька ушел к советскому празднику Карасозеру». Или: «Вторник, праздник совецкий и ... мы праздновали»; «П. (понедельник) 1–18 (май – по новому и ст. стилю). 1 Мая праздновали. Митька и Марья ходили похажать верши, никого не достали. Потом Митрей к **Карасозеру** праздновать, а мы дома праздновали». Никаких комментариев нет по поводу советских праздников. Но все-таки праздновали! Новые праздники входили в жизнь. Воскресенье было для него так же праздничным днем в том смысле, что это день отдыха от всяких работ: «В. (воскресень), 6–24. Воскресенье, праздновали. Митька пришел ночью домой с Селеского послы беседы в 3 часа ночи» (С. 3, об.). Беседы молодежь проводила в воскресные и праздничные дни: «В. 23–10, октября: Воскресенье, праздновали...». Но в то же время были и в воскресенье неотложные работы: «Митька конюхом».

Привычка писать проявляется и в учете доходов и расходов в семье. Все аккуратно записано: доходы – сколько получено с колхоза, с райлесхоза, за аренду дома под контору, за квартирантов, за работу в конторе, с должников (не забывает записать, кому и сколько давал в долг и когда получил долг), сколько выручил от продажи сделанной посуды, расходы – на хлеб, муку, вино, табак, чай, сахар, соль, спички, гвозди сапожные, одежду, пастуху, священнику, сколько дано денег Дмитрию, хозяйке, Марье и т. д. Это документ, который воссоздает экономический потенциал зажиточной зонежской семьи. Я помню, что моя мама в послевоенные годы и даже позднее – в 1960-е (уже привычка!) вела в записной книжке записи расходов на каждый день: сколько потрачено на хлеб, сахар, конферы, ученические тетради, ботинки, в кино... Это были копейки. Она считала, что это дисциплинирует расходы. Привычка эта сохранялась у нее вплоть до последних дней. Для исследователя довоенной крестьянской жизни материал дневника, позволяет реконструировать экономику того времени – стоимость товаров, стабильность цен, потребительскую корзину и т. д. Хотя надо заметить, что семья Ананьева не совсем типична: он ремесленник, делает и продает посуду, сдает в аренду дом, у него останавливаются на квартиру, все члены семьи работают, и его доходы, наверно, нельзя сравнивать с рядовым колхозником, они были значительно выше. Записи о должниках говорят, что он имеет возможность давать в долг односельчанам и дает! По сообщению Раисы Дмитриевны на чердаке дома был сундук с деньгами, старыми. Павел Дмитриевич, видимо, до революции продал две лошади, вырученные деньги пропали после реформы. Внучка говорит, что ими она играла в детстве. Интересно и то, что в дневнике почти не упоминаются трудовни, наиболее распространенная форма расчетов колхоза с колхозниками. Единственная запись – о выработанных в 1935 году трудовнях – семьей или им самим? на с. 102, всего за год – 224 трудовня. Автор пишет о расчетах колхоза натурой – зерном, мукой, иногда деньгами: «Получил с колхоза ржи 1 пуд 15 фунтов» (С. 4).

В дневнике – подробный перечень повседневных занятий всех членов семьи в колхозе и дома: «Хозяйка молотила в колхозе овес. И потом садила ригачу в колхозе ржи обивками»; «хозяйка молотила в колхозе рож», «хозяйка ставит став (ткацкий станок – В. Е.) или морозит тараканов»; «Я счылал лучину» (для корзины – В. Е.), «Был дома, починял катанки», «Я был на озери на Мижозери, сачил, достал рыбы...». На женских плечах лежит вся домашняя работа. Дневник дает яркое представление о характере крестьянских работ, тяжелых, однообразных, ежедневных, с утра до вечера. И в колхозе и дома... «С. (среда) 3–20 (мая). Я был похажать верши, ... Митька ... до обеда пилили дрова в лесах. С обеда Митька в колхоз уехал пахать». До обеда – в лесу, после обеда – на пашне! Бороновали, косили, сажали картошку, «гладили» овес, рубили жерди, возили навоз... Это все тяжелый физический труд, который выполнялся часто женщинами (а в 1937–38-е гг., и после войны деревни лишились мужиков из-за репрессий, погибли на фронтах), что еще более увеличило нагрузку на женские плечи: заготовка дров, ягод, грибов, выращивание картошки, мытье полов, уборка дома, прясть, ткать, топить байну, тяжелые работы в колхозе – обработка земли, выращивание картофеля, брюквы, льна, заготовка сена, смолокурение, лесозаготовки, ремонт дорог и т. д. Автор дневника ни словом не обмолвился, как устают его хозяйка, Митька, Марья. Это обычный крестьянский труд, обычная деревенская жизнь. Работали не только в колхозе, но и дома: те же крестьянские заботы на земле, со скотиной, женские заботы по дому – стирать, мыть полы, стены, колоть дрова, топить баню, прясть, ткать... Все это можно экстрополировать на всех жителей Красной Сельги, на всех крестьян. Очень редко в дневнике записи: «Был дома, ничего не делал», «Митька до обеда ушел рубить дрова, а с обеда ничего не делал». Но «ничего не делал» – это так редко, что об этом стоит даже отметить в дневнике. Или «Марья дома...», но если и дома, то добавляется «дома кое что», т. е. делает, какие-то домашние работы, которые за труд и не считаются... Без дела не сидели ни минуты. Днями отдыха в какой-то мере были религиозные праздники и воскресенья, но и то не всегда.

Многое уже в сельскохозяйственной, ремесленной, рыболовной терминологии в дневнике нам уже не понятно: что значит «гладить» овес? Или: «Митька переаривал овес. Хозяйка и Марья бороновали сеяной овес в дал. (дальнем) поли». И как это бороновать сеяной овес? Что значит «садила ригачи в колхозе ржи обивками»? или «Марья убереала остожи». Кто сейчас знает, кроме В. Даля, что значит «убирать остожи, остожья» (сооружения для сушки снопов – в поле или около ригачи). Или: «Митька в колхозе заперал огороду» (ставил

изгородь вокруг огорода); «Митька и Марья ходили похажать верши. Достали рыбы маленку варку». Понятно, что существенным подспорьем в крестьянском питании занимала рыба. Потому много места в дневнике автор пишет о своих рыболовных делах. С «похожки» на озера – на Мижозеро, на Койбозеро или на Тютозеро начнется запись на день. «П. 10–28. Я был на озери на Мижозери, сачил, достал рыбы 2 варки». Или: «Ничего не поймал, вытянул сак». Автор подробно описывает, как он вяжет «седки», ремонтирует и проверяет саки... Рыбачат или похажают не только хозяин, но и Митрий, и Марья. Я долго не мог понять, что такое «варка», пока не догадался заглянуть к Далю. Как всегда, Даль знает, что «варя, варка» – это существительное, обозначающее «меру, количество чего, для сварения за один раз» (Даль. 1955. Т. 1. С. 165). Вот почему: «достал рыбы 2 варки». И все-таки, иногда рыба покупается.

Интересна запись: «Митрий и Марья были в лесу пилили сосну и (на?) лучину» (С. 21, об. П. 20–7). Это процесс заготовки материала (лучины) для освещения избы и для плетения корзин, бураков из сосновой лучины, процесс длительный и нелегкий. Заключается он в следующем: выбирается толстая сосна, ближе к дороге, делается весной топором подсочка, чтобы избавиться от лишней смолы. Через несколько месяцев она спиливается и разделяется на чураки, длина которых зависит от того, какого размера будет корзина – одно-ручная, двуручная, бельевая, для ягод или грибов и т. д., примерно, от метра до полутора метров. Эти тяжелые чурки надо вынести, вывезти, выкатить из леса к дороге, погрузить на телегу и привезти в деревню. Дальше их колют на плахи. Чтобы не таскать тяжести колют иногда прямо в лесу. И затем мастер уже дома «щипает» из расколотых плах лучину и плетет корзины. Такие напиленные чураки мне приходилось видеть летом 2009 г. в лесу недалеко от д. Орзегги, в которой живет мастер-изготовитель корзин из лучины.

Иногда все-таки в дневнике проскальзывают события «местного» масштаба: «сменили конторщика», «сменили председателя, Ив. Егор. Соф. принял дела от Губина», «Был мастер, починял самовары за 20 руб», «К обеду будет кино», «Пиявкин ушел с квартиры» или наоборот, «поступил квартирант», «квартиранты ушли, перешли морозить тараканов», «Был баран у овцы», «Ночью была драка у соседей» и т. д. Записи о жизни в колхозе, об общественной деятельности, которая, несомненно, как-то проявлялась, занимают значительно меньше места в дневнике. Наверняка, работала школа и втягивала в свою орбиту родителей. Был комсомол и пионерия, ничего об этом нет. Изредка проскальзывают строки о выделении покосов единоличникам, о самообложении, о смене председателя или счетовода, но никаких комментариев. Скупые строчки сообщений: «Федосковых вычистили с колхоза» и подчеркнуто. «Митька ушел на собрание» или «Митрий ходил на собрание». Советский праздник – Первое Мая – пишет с большой буквы. В дневнике под 23 февраля 1935 г. запись: «Митрий праздновал советский праздник» – праздник – это день Красной армии. Праздновал только Митрий? Как он праздновал? Как отмечали в деревне? А вот Марья работала в это время – сено в колхозе грузила. О себе автор так же ничего не говорит, просто, «Я вязал седку» и все. Его отношение к празднику в этом умалчании. Праздник 1 Мая автор отмечает: «Я празновал». А потом: «Празновали все». Все мероприятия, собрания проводились в воскресные дни. Сам автор на собрания не ходит, это делает Митрий. Автор как бы подчеркивает это: он празднует воскресенье, а молодежь ходит на собрания: «В. 30–17. Воскресенье. Я празновал... Митька ушел к **Карасозеру** на собрание». Или: «Утром было собрание, перегнали на двор коней». В одной строчке – собрание и кони... Одной строчкой, лаконично – «Сняли председателя колхоза»... За что? Какое мнение автора, о чем было собрание, что обсуждалось, какое отношение его к собранию... Дневник нечто личное, не для посторонних и автор мог бы быть более откровенным, высказать свое мнение. Но... собрание и кони! «Сняли председателя» и сняли... Сухая констатация фактов. Дневник писался в суровые 30-е годы. Никаких оценок, рассуждений, эмоций, только факты. Автор был не глупым человеком и понимал что к чему.

Представляют интерес записи о погоде: 13 августа – «Ветер сильный», 29 августа – «Сильный ветер». И чем ближе к концу дневника, тем погода больше интересует автора, чаще и подробнее он делает метеорологические заметки: насколько дождливое было лето, или холодное, когда выпал снег, упал заморозок, теплые ночи... Они настолько информативны, что могут представлять интерес для – географов, метеорологов, историков. Из записей видно, что погода в середине 30-х годов была в такой же мере аномальной, как и в настоящее время.

Дневник говорит о тесных и теплых родственных связях Павла Тимофеевича: в дом к нему часто приезжают дочери с зятьями, другие родственники, и сам он ходит (пешком) то в одну деревню, то в другую. В круг общения дома «Павла» входят ближайшие деревни и села Заонежья – Мягрозеро, Карасозеро, Селецкое, Мунозеро, Шуньга, Леликозеро, Черкасы, Барковицы, Пегрема, Великая Губа, города – Медвежьегорск и Петрозаводск. Мир Заонежья не был изолированным: люди ходили друг к другу в гости, на престольные праздники, на именины, на ярмарки, на свадьбы и похороны, выезжали в крупные села и города, чтобы купить что-то (табаку, вина, костюм, «штиблеты») или продать, оформить документы, на учебу...

Одна из особенностей дневника – о некоторых событиях, погоде, лицах он отдельно записывает одним или двумя словами на полях страницы, там, где он обычно пишет числа и дни недели: «У овцы был баран», «Погода теплая», «Привезли пятаха», «Пришла Марья устьрецкая», «новый квартирант», «курица стала класть яйца, белая» и т. д. Возможно, для памяти. Затем он повторяет их в тексте. Эти записки я выделяю курсивом.

Этнографы найдут в дневнике информацию о культурах, выращиваемых в колхозах, сроках посева и уборки, местные, заонежские названия работ, например, «карзал хвою», богато представлена бондарная терминология, из чего делали ушаты, ... (из какой породы дерева), сколько стоила деревянная посуда, насколько большим спросом она пользовалась...

Дневник наполнен диалектизмами, названиями микрообъектов, в тексте богатейший состав лексических, морфологических, фонетических форм, что делает его уникальным документом для диалектологов: «починял», «метал навос», «складники», «был за черемшинами на складе» (С. 4, об.), «был дома, делал складники черемуховые» (С. 5), «Празник Гегорий умунозера» (С. 5), «в колхози», «ригачья», «отбирает ягоды», «починял катанки», «гладила овес» и т. д.

Еще одна особенность дневника: начиная с 74 страницы собственно дневниковые записи заканчиваются. Далее идут записи внехронологии экономического характера: расходы, что и когда куплено, сколько получено денег, продуктов по месяцам и числам, счета, справки, табеля. Интересны записи о расчетах колхоза с колхозниками. Наш автор педантично записывает, что и сколько он получил от колхоза. Только однажды встретилась запись

о трудоднях – сколько в год у него заработано трудодней, хотя он в полном смысле слова колхозником не был.

Расшифровку текста я старался делать в соответствии с формой записей автора дневника – по строчкам. По возможности, сохранял орфографию; точки и запятые, правда, ставил, поскольку содержание без этого понять трудно. И последнее, конечно, хотелось проиллюстрировать этот дневник фотографиями тех дней – вид деревни, домов, жителей. Такие фотографии со слов Вячеслава Алексеевича Агапитова были у его матери Евдокии Федоровны Агапитовой, но пришедший с фронта брат все фотографии сжег – время было опасное, деревня, как и все Заонежье, были под финнами, мало ли что... И в этом была своя правда...

К этому документу письменной крестьянской культуры XX века проявляют интерес этнографы, топонимисты, краеведы, историки, экономисты, поэтому к исследованию его был привлечен авторский коллектив.

*Шафранская К. В.,
Петрозаводский государственный университет,
кафедра туризма*

Формирование туристских дестинаций Карелии в краеведении 1920-х, 1930-х гг.

Республика Карелия является передовой территорией развития туризма на северо-западе России. Несмотря на мировой экономический кризис, затронувший нашу страну и отрицательно сказавшийся на возможностях выездного туризма (за первое полугодие 2009 г. снижение выезда на 23 %), в Карелии продолжается поступательное развитие въездного и внутреннего туризма, что, безусловно, благоприятно для экономики республики, как принимающей стороны.¹

Интерес, проявляемый российскими и зарубежными туристами к Карелии, напрямую связан с наличием здесь развитого модуля туристских дестинаций, формировавшихся в крае на протяжении многих веков, начиная с уникального наследия первобытной эпохи – Онежских и Беломорских петроглифов. Количество потенциальных объектов туристского показа увеличивалось параллельно с централизованным освоением русского Севера. На сегодняшний день 2 из 23 российских историко-культурных и природных объектов, внесенных в список ЮНЕСКО находятся на территории Карелии – это Кижы (с 1990 г.) и Соловецкий монастырь (с 1992 г.).²

Слово «дестинация» – destination – в переводе с английского языка имеет ряд сходных значений – местонахождение, место назначения, цель (похода), маршрут. В английской лексике приводится около 15 наиболее распространенных выражений со словом «дестинация», например – «point of destination» – конечный пункт маршрута, «intended destination» – планируемый пункт назначения, «to arrive at one's destination» – прибыть к месту назначения, а также «popular holiday destination» – популярное туристическое место.

В сфере европейского туризма понятие «дестинация» в исконном значении использовалось начиная с XIX – первой половины XX в. «Дестинация» встречается в качестве литературного поэтизма и философской константы в творчестве западных романистов, мыслителей и драматургов XX в., например: Агата Кристи «Место назначения неизвестно» (Destination Unknown, 1955 г.), современный американский режиссер Дэвид Р. Эллис «Конечная цель» (Final destination, 2003), английский публицист Чемберлен (Heaven was not his destination, 1941 г. – исследование о Людвиге Фейербахе), французский философ Функ-Брентано, американский драматург Уайлдера «Небо моя обитель» (Heaven's My Destination, 1935).³ В последнем прочтении слово «дестинация», выступающее в значении «обитель», близко по содержанию к своему современному определению, выражающему не только материальную, осязаемую, но и многоаспектную духовную сущность.

¹ Программа II научно-практической конференции «Северные туристские дестинации как доминанта развития туризма Северо-Западного региона» / М-во экон. развития РК, Администрация Петрозав. гор. округа, Рос. междунар. акад. туризма, Карел. ин-т туризма, Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск, [2009]. – 5 с. – В тексте нашей статьи использованы материалы пленарного доклада Зорина И. В. Дестинация как константа культурного и природного наследия.

² Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в России [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.

³ Уайлдер Т. Небо – моя обитель / Т. Уайлдер // История любви / Т. Уайлдер. – М., 1979.

Во второй половине XX в. в сфере туризма появились классические исследования Филиппа Котлера «Территориальный маркетинг», «Маркетинг отдыха»,⁴ в соответствии с которыми понятие «дестинация» приобрело научное значение и дополнительные смыслы. Изменилось понимание туризма в целом. Общество начало воспринимать путешествия не только как экономическую категорию, но и важную духовную составляющую жизни.⁵ Термин «туристская дестинация» впервые был введен в оборот профессором Лейпером (университет г. Мейсен, Германия) в середине 1980-х гг., и обозначал маршрут, а также область или отдельный объект, имеющие, в представлении туриста, свой образ, географическое и культурное единство.

Дестинация должна включать в себя совокупность 4 компонентов – это наличие достопримечательности, удобство инфраструктуры, культурная значимость места и доступность, как для туристов, так и для местного населения. По словам современного исследователя туризма И. В. Зорина, дестинация в XX в. становится новой «константой туризма», т. е. постоянной величиной, определяющая мир культуры в целом, также дестинация – это образ, возникающий у человека относительно того места, куда он собирается съездить.⁶

Становление, развитие и популяризация туристских дестинаций Карелии шло в русле государственной политики колонизации края. Территория Карелия с древности являлась стратегически значимой окраиной. По мере централизации государства, роста национального самосознания, накопления научного потенциала российское общество рубежа XVIII–XIX вв. обратилось к вопросу местной культурной самобытности и идентичности, применительно к Карелии выражавшейся в культурном взаимодействии двух этносов русского и финно-угорского.⁷ Карелия славилась как территория с древними духовными традициями – это и языческий мир карел, вепсов, саамов, финнов, и христианские православные, и старообрядческие традиции, нашедшие выражение в создании целых комплексов материальных объектов: монастырей, церквей, часовен, а также предметов культа: икон, манускриптов, утвари.⁸ Не меньший интерес представлял и образ столичного города Петрозаводска, основанного в 1703 г. и крепко связанного в отечественной истории с фигурой одного из самых видных императоров России Петра Великого.

Не смотря на насыщенность дореволюционной Карелии природными достопримечательностями и историко-культурными памятниками, трудно классифицировать их в качестве туристских дестинаций, прежде всего, из-за отсутствия двух важных компонентов – инфраструктуры и доступности для людей. Вплоть до начала индустриализации XX в., около 60 % населенных пунктов в крае были разобщены из-за бездорожья, 4 крупных центра – Петрозаводск, Сорока, Кемь, Кереть также имели слабое сообщение друг с другом. В географическом, хозяйственном, культурном плане Карелия распадалась на три части – север, юг и центр, образующие свои культурные ареалы. Образы культурно-исторических объектов (туристских дестинаций) складывались, по большей части, стихийно. Так, комплекс языческих древностей Карелии (петроглифы, саамские сейды, северные лабиринты) до середины 1920-х, начала 1930-х гг. не был известен широкой общественности. Величественные монастыри, два из которых сегодня входят в «золотой треугольник» карельского туризма (Валаам, Соловки), являлись центрами духовного паломничества, не имея отношения к культурно-познавательному туризму.

После революции 1917 г. стратегическое значение Карелии, в качестве «советских ворот на Запад» возросло. Туризм и экскурсионная деятельность стали важной составляющей общественной и культурной жизни в крае. Весьма показателен тот факт, что туризм в 1920-е гг. приобрел некоторые не свойственные ранее функции. Спортивный туризм молодежи предполагалось использовать в качестве завуалированной подготовки к возможному продолжению революционной борьбы и отражению угроз противника. С помощью размещения в кемпингах, появлялась возможность подготовить туристов к реалиям военного времени, выработать необходимые привычки к обстановке военного лагеря, совершению больших переходов, быстрому ориентированию на местности и самообслуживанию.⁹ Кроме того, туристы могли выполнять также функцию агитаторов и пропагандистов. В заметках того времени читаем: «При частых переходах туристу приходится сталкиваться с различными группами населения. Его засыпают вопросами. Удовлетворить эти естественные запросы населения является неотложной необходимостью туриста».¹⁰

Развитию туризма способствовало активное краеведческое движение.¹¹ Краеведы 1920-х, 30-х гг. действуя через центральные краеведческие организации республики¹² и налаженную сеть бюро, кружков и ячеек содействовали местным государственным учреждениям в комплексном изучении и модернизации Карелии. Главной

⁴ Филипп Котлер (род. 1931 г.) – профессор международного маркетинга Высшей школы менеджмента Дж. Л. Келлога при Северо-западном университете (США), доктор философии.

⁵ Зорин А. Дестинация / А. Зорин, И. Зорин. – М., 2009.

⁶ Там же.

⁷ Карелии смотрят друг на друга. Материалы Российского методологического семинара в г. Петрозаводске 17–19 мая 1994 г. – Петрозаводск, 1994. – С. 3.

⁸ Олонецкая епархия. Страницы истории / сост. Н. А. Басова [и др.]. – Петрозаводск, 2001. – 253 с.

⁹ См.: Туризм и оборона Советского Союза // Карело-Мурманский край. – 1928. – № 12. – С. 7.

¹⁰ Там же. – С. 7.

¹¹ Макарьев С. А. Экскурсионный вопрос в Карелии / С. А. Макарьев // Карело-Мурманский край. – 1928. – № 9. – С. 17–18.

¹² Общество изучения Карелии с 1923 г., Карельское бюро краеведения с 1928 г., Общество изучения Карельской АССР с 1935 г. Основные участники – Л. Г. Гершанович, В. И. Крылов, Б. А. Потапов, А. Н. Лесков, Ф. Е. Поттоев.

задачей карельских краеведов в сфере туризма являлась популяризация существующих туристских направлений АКССР,¹³ достаточных для успешного развития здесь различных видов туризма, ориентированного на широкие слои населения. Взыскательных столичных экскурсантов из Москвы и Ленинграда Карелия привлекала, прежде всего, живописными ландшафтами «страны озер и водопадов», традиционной северной культурой, «языческим, древним бытом».¹⁴

XIV съезд ВКП(б), прошедший 18–31 декабря 1925 г. в Москве, вошел в историю страны как съезд индустриализации, т. е. целенаправленного создания крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства и особенно в промышленности. В соответствии с курсом партии предполагалось внести изменения во все ведущие сферы жизни советского общества.¹⁵ В туризме появилось новое, перспективное направление – «производственный туризм», основной целью которого являлось ознакомление людей с ведущими производствами края.

За годы первой пятилетки индустриализации (1928–1933 гг.) область туристских направлений Карелии¹⁶ значительно расширилась за счет включения в нее новых объектов «производственного туризма». Экскурсии на стройки (в том числе, великие – Беломоро-Балтийский канал с 1931 г.), производства, заготовки, научно-исследовательские станции (Бородинская биологическая станция, Морская станция в селе Умба, Кандалакша, рыбо-хозяйственная станция КНИРС) были призваны характеризовать достижения советской власти в сфере народного хозяйства, продемонстрировать успешное использование основных ресурсов республики – леса, воды, полезных ископаемых, рыбных богатств.¹⁷

Базовые туристические маршруты Карелии 1920–30-х гг., разрабатывались в специально открытом для этого структурном подразделении Наркомата Просвещения АКССР – Экскурсионном бюро. Деятельностью Бюро руководил директор Карельского музея (Карельский государственный краеведческий музей), краевед Степан Андреевич Макарьев (1895–1937 гг.), он же являлся создателем первых туристических и экскурсионных маршрутов по республике.¹⁸ К середине 1920-х гг. относится и выпуск первых путеводителей по республике. Авторы – краеведы Е. Ф. Бартольд, Ф. Белявский, С. А. Макарьев, В. А. Никитин, В. К. Звеньев старались сформировать у экскурсантов и туристов привлекательный образ Карелии, акцентируя внимание гостей на проверенных временем направлениях – живописных ландшафтах «страны лесов, озер и водопадов».¹⁹

Бюро пропагандировало экскурсии в Карелию, ставя их в один ряд с популярными в то время поездками в Крым, на Кавказ и по Уралу. Поездки в Карелию заманчиво рекламировались в периодической печати:²⁰ «Летние экскурсии в Карело-Мурманский край, в страну незаходящего, полуночного солнца! В край неисчислимых лесных, рыбных и горных богатств! В страну древних исторических памятников! В страну мрамора и гранита!».²¹ Редакция «Карело-Мурманского края» приглашала всех желающих делиться впечатлениями от поездок по Карелии в виде очерков, стихов, зарисовок и фотографий, размещаемых в специальной графе «Отклики экскурсанта».

Эксперсии различались по профилям – школьные, для рабочих и служащих, для «лиц со значительными денежными средствами», «спортивно-краеведческие», для любителей рыбной ловли и охоты, а также по срокам проведения – кратковременные (от 1 до 3 дней), длительные (от 1 недели до месяца).²² Отправной точкой маршрутов являлся Петрозаводск – административный и культурный центр республики. С середины 1920-х гг. при Карельском музее началась разработка первых экскурсионных маршрутов по Петрозаводску и его окрестностям. Активное участие в этой деятельности принимал краевед и директор Карельского музея в период с 1925 по 1928 гг. Виктор Иванович Крылов (1874–1928 гг.).

В столице АКССР экскурсантам предлагалось на выбор более 20 различных объектов для ознакомления, среди них: Карельский музей, Онежский тракторный завод (с 1928 г. приступивший к выпуску дорожной техники), радиостанция, телеграф, рентгеновский кабинет Мурманской железной дороги, столярная фабрика, Дворец труда, Публичная библиотека, электростанция, пивоваренный завод, типография имени Анохина, егерский батальон.²³ Экскурсантам предлагалось, как следует из документов «проживание в помещении 3-й школы

¹³ АКССР – Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика.

¹⁴ Макарьев С. А. Экскурсионный вопрос в Карелии ... – С. 17.

¹⁵ КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1984. – С. 424–489.

¹⁶ В данном случае, под «направлением» мы понимаем маршруты экскурсий и туризма.

¹⁷ Доклад Карельского правительства на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР июнь 1927 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 9/65. Л. 2.

¹⁸ Отчет Карельского государственного музея за 1928–1929 гг. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. 47 л.

¹⁹ Например, Бартольд Е. Ф. По Карелии и Кольскому полуострову : путеводитель / Е. Ф. Бартольд. – Петрозаводск, 1923; Макарьев С. А. По Советской Карелии : краткий справочник для экскурсанта и туриста по Карелии / С. А. Макарьев. – Л. ; Петрозаводск, 1931; Никитин В. А. В стране лесов, озер и водопадов : путеводитель по Карелии / В. А. Никитин. – М. ; Л., 1930.

²⁰ Например, см.: журналы «Вестник Мурмана», «Вестник Карело-Мурманского края», «Карело-Мурманский край», газету «Красная Карелия», сборник «Беломоро-Балтийский комбинат».

²¹ Вестник Карело-Мурманского края. – 1929. – № 20/21.

²² Отчет Карельского государственного музея за 1928–1929 гг. ... Л. 45.

²³ Маршруты экскурсий по г. Петрозаводску в 1927 г. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. Л. 51–52.

и педагогического техникума Петрозаводска с оплатой в размере 30 копеек в сутки с человека с предоставлением бесплатной постели и кипятка».²⁴

Процесс формирования туристских дестинаций Карелии не был лишен шероховатостей. Основные сложности при приеме больших групп въездных туристов состояли в отсутствии или не достаточном качестве инфраструктуры – питание, размещение, доставка по месту назначения. Данные недостатки приводили к уменьшению или даже срыву некоторых экскурсий: «...неорганизованность привела к таким печальным последствиям, как отказ ленинградских рабочих от массовых поездок на наши озера и водопады прошлым летом».²⁵

В первой половине 1930-х гг. благодаря деятельности карельских краеведов и лично С. А. Макарьева появилось более 10 новых тематических маршрутов по Карелии, охватывающих крупные природные, промышленные и хозяйственные объекты, среди них: Кондострой (Кондопожская ГЭС и бумажная фабрика, сданы в эксплуатацию в 1929 г.), Шальское устье (рыболовецкие колхозы, до 1917 г. мужской монастырь XVI в., центр льняного промысла), острова «Гольцы» (гранитные массивы ледникового происхождения, добыча серого гранита, 6 ноября 1933 г. в Петрозаводске был открыт памятник Ленину, скульптора М. Г. Манизера, сложенный из 14 гранитных глыб весом 140 тонн), Тивдийские мраморные разработки (добыча полезных ископаемых), Бородинская биологическая станция (научная пресноводная лимнологическая станция, основана в 1897 г., с середины 1920-х гг. работала в АКССР на озере Кончезеро).²⁶

Активное экскурсионное движение охватывало и ближайшие пригороды Петрозаводска, среди них села Соломенное, Чертов Стул, Шуя, Ялгуба, Суйсарь, Деревянное, Сенная Губа, водопады Кивач, Гирвас, Порог, Заонежье (Повенец, Медвежья Гора). Для перемещения экскурсий привлекались моторные лодки спасательной базы «Спартак», а также пароходы «Роза Люксембург» и «Кудрома», предоставлявшие льготный проезд для экскурсий численностью более 10 человек.²⁷ Установилось автомобильное сообщение по маршруту Петрозаводск-Кивач. С помощью ресурсов Онегзавода на этот популярный маршрут были поставлены две машины (вместимость 10 человек), стоимость проезда в оба конца составляла 5 рублей.²⁸ К 1927 г. на территории водопада завершилось строительство гостиницы с буфетом, а также «специального барака для экскурсантов», где, вероятно, могли найти отдых и ночлег экскурсанты со скромным достатком. В планах была организация экскурсий выходного дня для жителей и гостей Петрозаводска, с помощью госпароходства предполагалось проводить поездки по Онежскому озеру.

К концу 1920-х гг. цифровые показатели экскурсионного движения по Карелии были следующими: в 1928 г. была проведена 101 экскурсия, из них 50 профсоюзных и 36 школьных. Наиболее высокий показатель набрал внутренний туризм – более 600 человек, жителей республики, посетивших г. Петрозаводск и совершивших поездки по другим маршрутам Карелии. Наименьшим в 1928 г. стал показатель выездного туризма – более 95 человек, выезд осуществлялся преимущественно в Ленинград. За период 1927–1928 гг. общее количество экскурсантов с 1389 возросло до 3433 человек.²⁹ Туристы ориентировались на летние месяцы (июнь, июль). В 1928 г. была проведена только 1 зимняя экскурсия для жителей Карелии и 6 для приезжих, с общим количеством 117 человек.³⁰ В 1928–1929 гг. населению Карелии по профсоюзной линии впервые были предложены дальние экскурсионные поездки в Крым, на Кавказ и другие местности СССР, с предоставлением 50 % льготного проезда.³¹

На рубеже 1920–30-х гг. в Карелию приезжали экскурсанты преимущественно из Ленинграда, Ленинградской области и Москвы. Свыше 55 % от общего числа экскурсантов составляли работники различных профсоюзов: просвещенцев, строителей, коммунальщиков, совторгслужащих, медицинско-санитарного Союза.³²

Продуктивное развертывание экскурсионной деятельности в АКССР стало возможным благодаря разграничению функций и закреплению курирования над разными видами экскурсий между Экскурсионным бюро и Карельским Советом Профессиональных Союзов. В организации доставки туристов этим ведомствам содействовали учреждения Госречпароходства и Мурманская железная дорога (МЖД), организации, заинтересованные в интенсивном пассажирском движении. В частности, под руководством экскурсионного бюро МЖД состоялось издание одного из первых советских туристических путеводителей по Карелии – «Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю».³³

У многих экскурсантов оставались незабываемые впечатления от поездок по Карелии. Людей удивляла красота северной природы и культура быта северян: «Север лучше юга, – писали туристы, – Север полон контрастов ... Белый снег и черные деревья. Резкие цвета солнечного восхода и заката. На берегах льдинки, пре-

²⁴ Там же. Л. 52.

²⁵ Крылов В. И. Экскурсионное дело в Карелии / В. И. Крылов // Карело-Мурманский край. – 1927. – № 4. – С. 36.

²⁶ Макарьев С. А. Экскурсионный вопрос в Карелии ... – С. 18.

²⁷ Маршруты экскурсий по г. Петрозаводску в 1927 г. ... Л. 52.

²⁸ Крылов В. И. Экскурсионное дело в Карелии ... – С. 36.

²⁹ Количество экскурсий и экскурсантов, обслуженных Экскурсионным бюро НКП за 1928/29 гг. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 49.

³⁰ Там же. Л. 50.

³¹ Сведения об экскурсантах, отправленных Экскурсионным бюро НКП за пределы Карелии с предоставлением 50 % льготы за время с июня по сентябрь (включительно) 1929 г. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 50.

³² Распределение экскурсантов по Союзам // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 51–52.

³³ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю. – Петрозаводск, 1925. – 45 с.

ломля солнечные лучи, дают розовую и бледно-желтую березу. Солнцем искрится снег...».³⁴ «Избы двухэтажные, просторные с большим количеством окон, чистые и опрятные, – продолжали обмениваться впечатлениями экскурсанты, – Всюду видны на домах шесты и рыбацьи снасти. ... По случаю нашего приезда созвали деревенскую молодежь и устроили бал. Девушки танцевали вальс и кадрили ... пришедший куплетист декламировал с большим пафосом и непринужденностью чисто городские стихи».³⁵

В 1920-е, 30-е гг. руководство Карелии, во главе с Председателем СНК АКССР Э. А. Гюллингом, старалось повысить интерес к республике на столичном уровне, привлечь научные и производственные кадры, укрепить сферу культуры и развить туризм. При активном содействии краеведов была проведена реорганизация Карельского музея, создана комиссия по охране культурно-исторических памятников, Истпарт комиссия, занимавшаяся сбором материалов о революционном движении в крае. В 1931 г. в республике открылся комплексный научно-исследовательский институт (КНИИ), что ознаменовало зарождение фундаментальной науки на карельской земле. За Институтом закрепили государственный заповедник «Кивач», традиционно являвшийся одной из самых живописных дестинаций Карелии в прошлом и настоящем, центр которого – одноименный водопад, расположенный на реке Суна, известен как второй по величине, после Рейнского, равнинный водопад Европы.

Краеведы ОИК АССР, совместно с исследователями КНИИ и при содействии карельского правительства поддерживали связь с Обществом изучения Ленинградской области, Русским музеем, Управлением дворцов и парков Ленсовета (УДПЛ) и другими учреждениями и организациями, совместно участвуя в разработке различных культурно-просветительских мероприятий, пропагандирующих карельские туристские дестинации того времени – природные, культурные, хозяйственные объекты.³⁶

К сожалению, внутривластные катаклизмы середины 1930-х гг., начавшиеся в Карелии с обострения национального вопроса и закончившиеся, как и в целом по стране, репрессиями 1936–1937 гг., а также продолжившие список трагических событий первой половины XX в. Советско-финляндская война (1939–1940 гг.) и Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) на время приостановили период активного развития краеведения и туризма в нашей республике.

Процесс формирования туристских дестинаций Карелии, как двигателя въездного и внутреннего туризма в крае продолжается до настоящего времени, и будет продолжаться в будущем, ведь сфера туризма всегда предполагает движение и прогресс, традиции в сочетании с инновациями.

Источники

1. КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1984. – С. 424–489.
2. **Маршруты** экскурсий по г. Петрозаводску в 1927 г. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. Л. 51–52.
3. **Доклад** Карельского правительства на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР июнь 1927 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 9/65. Л. 2.
4. **Количество** экскурсий и экскурсантов, обслуженных Экскурсионным бюро НКП за 1928/29 гг. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 49.
5. **Сведения** об экскурсантах, отправленных Экскурсионным бюро НКП за пределы Карелии с предоставлением 50 % льготы за время с июня по сентябрь (включительно) 1929 г. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 50.
6. **Распределение** экскурсантов по Союзам // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 51–52.
7. **Отчет** Карельского государственного музея за 1928–1929 гг. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 1–47.
8. **Постановление** СНК АКССР № 466 «Об организации отдела Карелии в государственном Русском музее в Ленинграде» (1933 г.) // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 52/432. Л. 35.
9. **Отчет** старшего научного сотрудника КНИИ Линецкого А. М. о работе павильона КАССР на выставке науки, техники и культуры в Ленинграде (август–сентябрь 1934 г.) // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. Л. 1–29.

Литература

1. **Вестник** Карело-Мурманского края. – 1929. – № 20–21.
2. **Зорин А.** Дестинация / А. Зорин, И. Зорин. – М., 2009.
3. **Карелии** смотрят друг на друга. Материалы Российского методологического семинара в г. Петрозаводске 17–19 мая 1994 г. – Петрозаводск, 1994. – С. 3.
4. **Котлер Ф.** Маркетинг, менеджмент. Анализ, планирование, внедрение и контроль / Ф. Котлер. – СПб., 1998.

³⁴ Петрозаводск–Кивач–Мурманск // Карело-Мурманский край. – 1927. – № 3. – С. 27–28.

³⁵ Там же. – С. 28.

³⁶ Постановление СНК АКССР № 466 «Об организации отдела Карелии в государственном Русском музее в Ленинграде» (1933 г.) // НА РК. Ф. Р 690. Оп. 3. Д. 52/432. Л. 35.; Отчет старшего научного сотрудника КНИИ Линецкого А. М. о работе павильона КАССР на выставке науки, техники и культуры в Ленинграде (август–сентябрь 1934 г.) // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. 29 л.

5. **Макарьев С. А.** Экскурсионный вопрос в Карелии / С. А. Макарьев // Карело-Мурманский край. – 1928. – № 9. – С. 17–18.
6. **Олонецкая** епархия. Страницы истории / сост. Н. А. Басова [и др.]. – Петрозаводск, 2001. – 253 с.
7. **Петрозаводск–Кивач–Мурманск** // Карело-Мурманский край. – 1927. – № 3. – С. 27–28.
8. **Программа II** научно-практической конференции «Северные туристские дестинации как доминанта развития туризма Северо-Западного региона» / М-во экон. развития РК, Администрация Петрозав. гор. округа, Рос. междунар. акад. туризма, Карел. ин-т туризма, Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск, [2009]. – 5 с.
9. **Спутник** экскурсанта по Карело-Мурманскому краю. – Петрозаводск, 1925. – 45 с.
10. **Список** объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в России [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.

Раздел 4. Филологические аспекты краеведения

Наталья Валерьевна Чикина

Мир природы в поэзии А. Волкова (лирико-математический анализ)

Александр Лукич Волков (род. 1928 г.) – известный карелоязычный писатель. Его имя вошло в литературу Карелии в 1990-е годы, когда была возрождена письменность на карельском языке. А. Волков пишет на ливвиковском наречии. Основная тематика произведений посвящена родному краю, его природе.¹

Для создания более полной картины о мире природы в творчестве А. Волкова был проведен сравнительно-сопоставительный анализ его поэзии. За основу была взята методика В. И. Николаева, которая представляет лирико-математический метод анализа стихотворений. Главная составляющая метода – это количественная оценка употребления того или иного слова в стихотворениях в рамках определенной темы.²

В качестве предмета анализа в поэзии А. Волкова были выбраны следующие объекты природы: животные (звери, рыбы, птицы), растения (деревья и кустарники, травы, цветы, культурные растения), небесные светила и явления (солнце, луна, звезды, закат, восход).

Поскольку проводился сравнительно-сопоставительный анализ, то анализировалось творчество и других поэтов-ливвиков Зинаиды Дубининой, Васи Вейкки и Ивана Савина. Были взяты 69 стихотворений сборника А. Волкова «*Järvet Karjalan*» («Карелии озера», 2003), 45 стихотворений сборника З. Дубининой «*Valgei koivikko*» («Белая березовая роща», 2003), 97 стихов сборника В. Вейкки «*Eloksen dorogat*» («Дороги жизни», 2003) и 56 стихотворений сборника И. Савина «*Roindurandu*» («Родимый берег», 2005).

При сравнении цифровых данных исследования сопоставление результатов соотносится к каждому строкам, написанными этими поэтами. В указанных выше источниках таких строк: у Волкова – 1642, у Дубининой – 778, у Вейкки – 934, у Савина – 704. Сравнительный количественно-лексический анализ мира природы представлен ниже в таблицах.

В стихах Волкова образы животных и растений встречаются почти в два раза чаще, чем в стихах Дубининой, Вейкки и Савина. У Волкова животные встречаются 52 раза, растения – 41 раз; у Дубининой и Вейкки – животные по 5 и 36 раз, растения – по 24 и 29 раз соответственно. В поэзии И. Савина животные встречаются 6 раз, растения – 15 раз.

Поэтическая фауна в произведениях А. Волкова и В. Вейкки весьма разнообразна, в ней обитают млекопитающие, птицы, рыбы. Большой любовью пользуются у А. Волкова птицы. В его стихах 11 видов птиц: чайка, лебедь, кулик, гусь, кукушка, глухарь, цыпленок, ласточка, журавль, петух, орел. Читатель встречается с ними 29 раз. У Дубининой мир птиц представлен одной (!) чайкой, у Савина одной (!) ласточкой. У Вейкки мир птиц представлен 6 видами. Можно предположить, что любимая птица у Волкова и Дубининой – чайка (10 и 4 раза соответственно), у Вейкки и Савина – ласточка. Таким образом, в творчестве поэтов-ливвиков выделяются две птицы: чайка (*kaioi*) и ласточка (*piäsköi*).

А. Волков вырос на берегу озера Сямозеро и, как видно из его творчества, оно является его любимым местом. В стихотворении «*Karjalan järvet*» («Озера Карелии») поэт сравнивает человеческую жизнь с озерами. Вновь к образу озера А. Волков обратился в стихотворении «*Järvi*» («Озеро»). Любимому озеру Сямозеро посвящены стихотворения «*Siämärvi*» («На Сямозере»), «*Minun Siämärvi*» («Мое Сямозеро»)³.

В триптихе «*Liivin virret*» («Слово о ливвах») он написал: «*On geenois miän kalastus'ero...*» («В наших генах рыбацкая хватка...»). Отсюда можно сделать вывод, что его любимым занятием является рыбная ловля. Этот традиционный мужской промысел распространен не только у карелов, но и у представителей других народов. Например, герой повести велского писателя Анатолия Петухова Николай Задорнов говорит: «Все дело в том,

¹ Подробнее биографию А. Волкова см.: Писатели Карелии: библиограф. словарь / сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 12–14.

² Подробнее методика см.: Николаев В. И. Мир природы в поэзии Н. А. Клюева / В. И. Николаев, В. Г. Солоненко // XXI век на пути к Клюеву: материалы Междунар. конф. «Олонек. страницы жизни и творчества Н. Клюева и проблемы этнопоэтики», посвящ. 120-летию со дня рождения великого рус. поэта Н. Клюева, 21–25 сент. 2004 г. Петрозаводск, 2006. С. 143.

³ Подробнее см.: Чикина Н. В. Александр Лукич Волков – певец Сямозерья // Сямозерские чтения: (докл., материалы). Петрозаводск, 2006. С. 182–185.

что рыболовство у нас, у коренных жителей, в крови, наследственное!».⁴ Однако, в поэзии Волкова, как и в поэзии Вейкки, рыбы представлены только 4 видами. Все рыбное многообразие ограничивается щукой, уклейкой, салакой, окунем, налимом и палтусом. У Дубининой и Савина рыбный мир, вообще, отсутствует.

Поэты-ливвики не забывают и про млекопитающих. По восемь видов у Волкова и Вейкки. Самыми любимыми млекопитающими у Волкова являются лошадь и собака (по 4 образа). Также присутствуют лиса, волк, корова, лось, мышь, бык. Вейкки разнообразит свой поэтический мир, добавляя образы зайца, кошки и белки. Интересно, что хозяин леса – медведь – встречается лишь в творчестве И. Савина. В стихах З. Дубининой животный мир представлен только лисой.

Поэтическая флора несколько уступает фауне. В произведениях ливвиков встречаются деревья и кустарники, травы, цветы, культурные растения, но соотношение их друг к другу весьма неравномерно, а нередко они вообще отсутствуют.

У восьми видов деревьев, воспетых Волковым, 25 образов. У всех современных карелоязычных поэтов-ливвиков есть одно любимое дерево. Это – береза (koivu, koivuine, koivikko, koivuzet, koivikkoine, koivahaine). Чаще всего с ее образом мы встречаемся у З. Дубининой – 10 раз. В поэзии Волкова образов березы 6, у Вейкки – 7, у Савина – 4.

Образы березки, березового леска, березовой рощи под пером поэтов становятся воплощением красоты, молодости, чистоты помыслов, как это характерно и для традиционного народного представления о березе. Этот привычный смысл не сводится к однозначной логической формуле, не становится словом-сигналом, а нередко обретает и социальное своеобразие в размышлениях поэтов о неприятии собственнических форм общества. Одна из книг З. Дубининой так и называется «Белая березовая роща». В нее вошли как оригинальные произведения на карельском языке, так и переводы с финского языка на карельский. Дубинина использует образы народной поэзии, раскрывая свой духовный мир.

В творчестве Вейкки встречаются и деревья, не произрастающие в Карелии: эвкалипт и кактус. Обращение автора к таким экзотическим для Карелии растениям скорее говорит о поиске В. Вейкки новых рифм.

Мир цветов представлен в творчестве В. Вейкки двумя видами: розой и ромашкой, по 2 образа соответственно. Одна роза есть у Савина. Полностью отсутствуют цветы в произведениях Волкова и Дубининой.

У Волкова, как человека хорошо знающего крестьянский быт, наиболее полно представлен мир культурных растений. На страницах его стихов читатель встретит 15 образов 9 видов культурных растений: репа, овес, рожь, клюква, земляника, малина, морозика, брусника, грибы. Вейкки разнообразит свою поэзию горохом, ячменем и картофелем. Культурные растения у Дубининой и Савина представлены 3 и 2 видами соответственно.

Самым скудным оказался мир трав. На протяжении всех сборников, перечисленных выше поэтов, мы встречаемся лишь с одной крапивой в стихотворении А. Волкова.

Наибольшее предпочтение из небесных светил авторы отдают звездам (tähti, tähtine, tähtet). Видимо, их свет наиболее привлекателен для них: Волков – 20, Дубинина – 7, Вейкки – 9. Вейкки наряду со звездами отдает должное и солнцу (9).

Обращение к образу солнца (päiväine, päivü) в произведениях З. Дубининой неслучайно. Солнце становится как бы одним из действующих лиц. Закат солнца – это и закат в жизни героя; одиноко садится солнце и герой одинок; и наоборот, солнце весело светит, наблюдая за праздничным народом.

В своих стихах поэты обращаются ласково как к звездам, так и к солнцу. Уменьшительно-ласкательные суффиксы используются и при создании образов растений и животных. Все это является приметой бережного, нежного отношения к родной карельской природе.

Мир природы в творчестве карелоязычных авторов тесно связан с миром человека. Сравнительный количественно-лексический анализ мира природы, проведенный выше, подтверждает этот факт. По данным исследования можно сделать вывод, что наибольшую связь с природой сохранил А. Волков, т. к. мир природы в его творчестве представлен наиболее полно.

⁴ Без отца : повесть // Петухов А. Избранное : в 2-х т. Т. 2. Вологда, 2005. С. 137.

Численность животных в стихах А. Волкова

Звери							
<i>Лошадь</i>	4	Лиса	3	Корова	2	Мышь	1
Собака	4	Волк	3	Лось	1	Бык	1
						Всего образов	19
Рыбы							
Уклейка	2	<i>Щука</i>	1	Окунь	1	Всего образов	4
Птицы							
Чайка	10	<i>Лебедь</i>	3	Кулик	1	Гусь	1
Кукушка	4	Глухарь	2	Цыпленок	1	Ласточка	1
Журавль	3	Петух	2	Орел	1	Всего образов	29

Растения в стихах А. Волкова

Деревья и кустарники							
<i>Береза</i>	6	Сосна	4	Осина	1	Можжевельник	1
Ольха	6	Рябина	5	Черемуха	1	Ель	1
						Всего образов	25
Травы							
<i>Крапива</i>	1						
Всего образов	1						
Культурные растения							
Клюква	3	Репка	2	Земляника	1	Малина	1
<i>Морошка</i>	2	Грибы	2	Овес	1	Брусника	1
Рожь	2					Всего образов	15

Сравнительный количественно-лексический анализ мира природы поэтов-ливвиков

Поэт	Волков		Дубинина		Вейкки		Савин		
Первоисточник	«Карелии озера»		«Белая березовая роща»		«Дороги жизни»		«Родимый берег»		
Количество строк	1642		778		934		704		
Животный мир									
1. Звери	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Видов	8		1		8		3		
Образов	19	1,2	1	0,1	15	1,6	5	0,7	
2. Рыбы	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Видов	4				4				
Образов	4	0,2			4	0,4			
3. Птицы	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Видов	11		1		6		1		
Образов	29	1,8	4	0,5	17	1,8	1	0,1	
Мир растений									
1. Деревья и кустарники	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Видов	8		5		4		4		
Образов	25	1,5	21	2,7	12	1,3	12	1,7	
2. Травы	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Видов	1								
Образов	1	0,1							
3. Цветы	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Видов					2		1		
Образов					4	0,4	1	0,1	
4. Культурные растения	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Видов	9		3		6		2		
Образов	15	0,9	3	0,4	13	1,4	2	0,3	
Небесные светила и явления									
	Всего	На 100 строк	<i>Всего</i>	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
Солнце	5		4		9		6		
Луна	4		3		5				
Закат	2		2				1		
Восход	1		1		3		1		
Заря	1						1		
Звезды	20		7		9		1		
Итого образов	Всего	На 100 строк	<i>Всего</i>	На 100 строк	Всего	На 100 строк	Всего	На 100 строк	
	Животных	52	3,1	5	0,6	36	3,9	6	0,9
	Растений	41	2,5	24	2,8	29	3,1	15	2,1
	Небесных светил	33	2	17	2	26	2,8	10	1,4

Местная топонимия в архивных документах как историко-лингвистический источник

В фондах Национального архива Карелии хранится значительный топонимический материал. Большую ценность представляют собой документы второй половины XIX – начала XX в. – дела о сенокосных местах, по отводу земельных и лесных наделов для крестьян, осмотры лесничеств, а также материалы 30–50 гг. XX в. – акты по закреплению сельскохозяйственных угодий, межхозяйственному землеустройству, утверждению внешних границ землепользования колхозов¹. В них содержатся списки и ведомости сенокосных, пахотных, рыболовных угодий, планы земель, чертежи землепользования населенных пунктов Беломорского и Кемского Поморья, Заонежья, Прионежья, Пудожского района Карелии.

В исследуемом материале приводятся названия поселений, островов, рек, озёр, заливов, полей, покосов. Значительная доля архивных данных содержит информацию об уже исчезнувших населенных пунктах и их названиях. При этом значительно преобладают микротопонимы – названия пахотных и сенокосных угодий². Отсутствие ударений в названиях, неразборчивое написание некоторых из них не снижают их важности для исследователя-топонимиста и историка.

Для правильной интерпретации топонима требуются дополнительные сведения о смысловом наполнении наименования. Лишь некоторые из этих сведений мы можем почерпнуть из указанных архивных материалов. Так, в них содержатся сведения о типе географического объекта (поля, покосы, рыболовные тони и проч.), одновременно фиксируются несколько десятков наименований отдельной микросистемы деревни или села.

Одним из существенных недостатков архивных документов следует признать отсутствие данных о значении географических названий от самих носителей топонимической микросистемы. Подобные объяснения топонимов информантами можно получить только в ходе полевых исследований.

Для получения более полной информации о местных географических наименованиях необходимо сопоставить архивные источники с топографическими картами и полевыми записями. Проведенное нами сравнение показало, что указанные материалы значительно дополняют друг друга. Из 40 названий сенокосных угодий с. Лапино Беломорского района, приведенных в деле №4/43, 18 наименований в полевых записях отсутствуют: *За конюшной, У весов, У реки, Грушинское, Кабрунское, Макаревица, У Кузницы, Зимник, Новопашь, Ливрова Корга, Горелые поля, Фейкин, Ципуха, Брызгановщина, Кузмичное, Под Кривцом, Ченга, Сусоев ручей, Романовщина*. В отдельных случаях имеются орфографические и грамматические варианты названий: *Глиненка / Глинянка, Гомариха / Гамариха, Кибрушка / Кабрушка, Кузьема / Кузема, Брод / Броды, Май-губа / Майгуба, Вис-ручей / Вистручей*. О неполноте полевых данных свидетельствуют практически все архивные документы. Для сравнения приведем полный список сенокосных угодий колхоза «Восход» с. Сумпосад (дело №3/36): *Ероховик (н.), Толстый наволок, Подветренные (Подветренные Тереба), Левый ручей (н.), Кожжорезские поля (Кожжаренские Тереба), Мальострова, Вегуба (Вёгуба), Рига (Ригачи), Сосновый ручей (н.), Костин бор, Палнаволоки (Палнаволоки), Тереба в Палнаволоке (н.), Ладручей, Рахостровок, Челузгинские (н.), Сосновая рада, Ньюнибор (н.), Быстрая курья (н.), Пиручей, Пиозеро, Парахин мох (н.), Великая гора (н.), Собачий ручей, Большая чупоргора, Тереба надоринские (н.), Окуневый (н.), У часовни (н.), Борисово болото (н.), Высокий мох (н.), Расостров, Малые половинные (н.), Малая чупоргора (н.), Черная ламбина, Тереба у студеного (н.), Тегоручей, Большое габозеро, Щучье, Валовские (н.), Порточные (н.), Избной ручей, Захарьев ручей (н.), Юковский зимник (н.), Поповиха (Поповщина)³.*

Разнобой в написании отдельных названий связан с описками и ошибками составителей документов. Следует учитывать и тот факт, что даже самые современные топографические карты могут содержать ошибочные написания. Так, на топографической карте «Петрозаводск-Ладва» (масштаб 1:100000) название поселка *Логморучей* отличается от наименования одноименного ручья (на карте зафиксирован ручей *Лагморучей*). Такие

¹ В работе использованы материалы фондов 27, 83, 755, 1843. Географические названия приводятся в орфографии источника.

² Микротопоним – это «собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта» (Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 86).

³ 1563 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930. С. 115, 120–122; 1582–1583 – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/1583 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 138, 143–144.

ошибки связаны с тем, что к картографической работе не привлекались и не привлекаются специалисты-топонимисты⁴.

Варианты географических названий широко встречаются в Писцовых книгах Обонежской пятины XV–XVI веков. В отдельных случаях писцы фиксировали несколько вариантов одного и того же названия. Приведем наименования, относящиеся к современной Ялгубе: дер. на Ялакши, дер. на Ялше-озери словет в Ялгобе, дер. на Ялгаш-озере на острове на Онеге же озере Васковская, дер. на Ялгаша Карпиковская, дер. на Ялгаша Онисимовская, дер. на Ялгаша Михиевская, дер. на Ялгоше Онисимовская, дер. на Ялгоше ж впушена в пашню, дер. на Ялгаше на Бору Максимовская, поч. в Ял-губе, поч. в Ял-губе в Ужном конце, поч. на Ялгаше на Бору (1563); дер. на Юлокси на острове Кононка Минина, дер. на Ялокси, дер. на Ялокси Минки Онаньина, дер. на Ялгоши на Бору Маскова, дер. пуста на Ялгоши Михайково, дер. пуста на Ялгоши Онисимково, дер. на Ялгоши Карпиково, дер. на Ялгоши озере на острове на Онеге Михалкино, поч. во Ялгубе Мосейка Ермолина, поч. во Ялгубе в Ужном конце (1582–1583)⁵. Варианты *Ялакши*, *Ялше-озеро*, *Ялгуба*, *Ялгаш-озеро*, *Ялгаша*, *Ялгоша*, *Юлоксиа* показывают двуязычие местного населения. И в XIX веке в Ялгубе половина жителей свободно говорила по-карельски, а село Логмурочей было полностью карельским⁶.

В XVI веке и ранее залив *Ялгуба* считался озером. Этот залив-озеро соединяется ручьем с озером *Нижнее Ламби*. Вероятно, первоначальная форма названия залива Ялгуба – *Юлялакшиа* связана с саамским *âlV* или прибалтийско-финским *ülä* 'верх, верхний' + *lahti/laksi* 'залив'.

В отдельных населенных пунктах встречаются пахотные угодья, которые делились по хозяевам. В связи с этим несколько названий производны от одного общего, ср.: *Палатекса* > *Палатекса Пахомовых*, *Палатекса Терехова Михаила Осиповича*, *Палатекса Терехова Егора Константиновича*; *Круглуха* > *Ивашковых Круглуха*, *Агеевых Круглуха*; *Березник* > *Березник Пахомовых*, *Березник Филобовых*, *Березник Тереховых*, *Березник Кондратьевых*, *Березник Васькиных*. Подобные многочленные образования, вероятно, в полном объеме не функционировали в речи местного населения. Только в ходе полевых исследований можно выявить степень употребляемости в живой речи местного населения подобных многокомпонентных топонимических образований. Некоторые из них могли быть созданы бригадирами и агрономами колхозов, например, *Огород по Песчанской дороге у склада*, *У скотного двора*, *У деревни*, *Перелог у телефонных столбов*, *Совхозное поле*, *У хранилища*, *Сопки по правую сторону дороги в Пудож*, *За училищем*.

В фонде 755 (2-ое Кемское лесничество) хранится «Дело по предписанию Управления государственными имуществами Архангельской губернии о доставлении сведений о местностях по берегу заливов Северного моря, просимых купцом Михайлом Сидоровым в вечную уступку» (1869 г.). В этом документе содержится 120 названий заливов, островов, мысов Мурманского, Терского и Кандалакшского берегов Кольского полуострова.

Купец Михаил Константинович Сидоров (1823–1887) – известный популяризатор и исследователь Русского Севера и Сибири, писатель, меценат, автор «Проекта о заселении Севера империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли» (1864).

Места для заселения М. К. Сидоров разделил на несколько категорий: 1) все приморские берега Северного океана, заливы, бухты, устья рек и острова в заливах и морях от границы Норвегии до реки Пясиной за Енисейским заливом, 2) гавани, доки и верфи, 3) пути почтовые и пароходные, почты и телеграфы, 4) заводы и фабрики. В первую предлагалось поселить людей, знакомых с морскими рыбными и звериными промыслами, включая лопарей, финнов, самоедов, остяков и зырян, во вторую преимущественно тех же, включая и карел, в третью преимущественно преступников, стараясь между ними поселять представителей кочевых племен, в землях которых будут возникать колонии, в четвертую преимущественно преступников, знакомых с фабричным делом⁷.

Примечательно, что перечень приморских мест по Мурманскому берегу, которые Михаил Константинович считал пригодными для поселений, большей частью совпадает с названиями, приведенными в «Деле». Приведем полностью список географических названий, содержащихся в архивном документе: *Филатьевская губа*, *Столбовая губа*, *Теломнаволок Маленький*, *Немецкая губа (Немецкая)*, *Анбарная губа (Амбарная губа)*, *Малая Волоковая губа (Малая Волоковая)*, *Айновские острова*, *Большая Волоковая или Земляная губа*, *Червяная губа (Червяная)*, *Губовская губа (Зубовская губа)*, *Цыпнаволок*, *Монастырский наволок (Монастырская)*, *Гавань Новой земли*, *Кутовой путь (Кутовая губа)*, *Титовской (Титовская)*, *Ничай (Вычана)*, *Аре (Ара)*, *Уре (Ура)*, *Кислой (Кислая)*, *Еретикахъ на Шажме (Еретики на Шалиме)*, *Лодейная губа*, *Торос остров*, *Оленья*, *Екате-*

⁴ Ряд ошибок и грубых опечаток на топографических картах Мурманской области и Республики Карелия отметил Г. М. Керт: Топонимия в современном мире // Известия Уральского ГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. № 20. С. 48–54.

⁵ 1563 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 115, 120–122; 1582–1583 – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/1583 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 138, 143–144.

⁶ Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Село Суйсарь и его окрестности в географических названиях // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 10–11.

⁷ Проект о заселении севера империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли // Сидоров М. К. Север России. СПб., 1870. С. 375.

рин остров (Екатеринин остров), Тювь губа (Тев губа), Кильдин остров (Кильдин), Олений остров, Онисовая Воронья губа (Опасовая и Воронья губа), Ярнашинная губа (Ярнышинная губа), Зеленецкая губа, губа Шубана (губа Шубина), Барышиха губа (губа Барышиха), Харловская губа (Харловка), остров Харлов, Корабельная бухта (Корабельная Пахта), губа Павютиха (губа Полютиха), Дворцовая губа (губа Дворцовая), Мокуев (Нокуев), губа Дроздовка, Ивановка, губа Черного мыса, Клятны, губа Савиха, Иоканка губа, Святой нос, Коровья губа, Лумбовские, Созоновка (Сазоновка), Качановская губа (Качковская губа), Орлова маяк, Поной, Фильманская губа, становище Столбово, Белый Малый наволок, становище Малонимецкое, мыс Земляной, становище Вайдозубское, мыс Кекур, мыс Скорбев, мыс Май Наволок, становище и губа Зубовские, становище Пузырево, Аникиевы острова, мыс Сергеев, мыс и становище Башенька, становище Воронье, Ловново, мыс Шарапов, мыс Гордеев, становище Бакланы, Коньково, Селиково, Мотовский залив, становище Зубовка, Эйны, остров Вильняк, мыс Добрягин, острова и губа Арские, губа Кислая, остров и становище Еретик, Почань наволок, Торас острова, губа Райда, Тюва губа, мыс Летинский, Лихая Паята, Кильдинская Салма, мыс Могильный, мыс Териберский, губа Опасова (Опасовая губа), губа Ярнишинная (Ярнышинная губа), губа, острова и становище Шильпины (Шельпино), губа Щербинина, губа Трещина (Трястина), становище Золотое, губа и становище Барышина (Барышиха), губа и становище Шубанина (Шубина), острова, становище Семь-островские, губа Лицкая (Лица), губа Полютиха, Паята и губа Корабельная (Корабельная Пахта), губа Дворовая, губа Савиха, мыс Большой и Малый Клятный (Клятны), острова Йеканские (Иоканские острова), мыс Коровий нос, губа Старцева, губа Кашкаранцы, губа Червяна, губа Глубокая, губа Коковина, мыс Коковин, губа Западная, мыс Оборной, мыс Большой Городецкий, мыс Малый Городецкий, губа Соронова, залив Немецко-Воловатый, мыс и залив Панфиловы, залив Качковский (Качковская губа), залив, мыс и остров Острая Лудка, ручей Подонский, мыс Терский Орлов-Маяк, остров Горянов⁸.

М. К. Сидоров вёл поиски полезных ископаемых на Кольском полуострове и Новой Земле, открыл первый на Севере России нефтяной промысел на реке Ухте, исследовал выходы каменного угля в бассейне Печоры. С 1852 по 1882 год он потратил на освоение Севера и истратил 1,7 миллиона рублей, что привело его к банкротству⁹.

На просьбы об отводе ему участков под разработку нефти на реке Ухте и золота на Новой земле чиновники Архангельской казенной палаты, Архангельского управления государственных имуществ и министерств отвечали неизменным отказом¹⁰. Вся история борьбы Сидорова за воплощение в жизнь своих стремлений для возрождения Севера России – обвинительный акт против отечественной бюрократической системы.

Таким образом, архивный топонимический материал является ценным историко-лингвистическим источником. Дальнейшее изучение топонимии по архивным данным может включать сопоставление материала с иными источниками (списками населенных мест, картами, полевыми записями и проч.), картографирование отдельных топонимобразующих элементов, выяснение этимологии отдельных географических наименований с учетом совокупности сведений о называемых ими объектах и всей микросистемы топонимов.

*Пюльзю Е. А.
(Петрозаводск)*

«Болтуны» и «ворчуны» в Обонежье (по лексическим данным)

Территория Обонежья интересна с точки зрения изучения материальной и духовной культуры, истории и языка.

В настоящей статье мы обращаемся к лексике, отражающей характеристику болтливости и ворчливости человека. Материалом исследования служат данные Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК). Какой район Обонежья отличается богатством слов, называющих болтунов и ворчунов; в чём заключается своеобразие лексики с прибалтийско-финскими компонентами; как в сознании жителя Карелии отражается диалектная картина мира? Постараемся ответить на эти вопросы.

При сопоставлении лексико-семантических групп «болтливый человек» и «ворчливый человек» выясняется, что господствующее положение занимает именно группа «болтливый человек». Приведём примеры регионализмов. В Прионежском районе бытуют слова *плячку́нья*, *ля'узный*; в Кондопожском – *речетёса*, *чйлайдун*; в Медвежьегорском – *барабóша*, *бредня'к*, *ла́йбак*, *лэпсик*, *лябзун*, *лявзунья*, *ляпсю'нья*, *пúстошка*, *ро́змаз*, *рабайду́нья*, *размазня'*, *таврúнья*, *тарайду́нья*, *трепу́ха*, *чваку́нья*, *чеверду́нья*, *вертополóхий*, *тестяной язык*; в Пудожском – *лабайду́н*, *лопоту́шка*, *плетёнка*, *рёмзало*, *зубатый*; в Подпорожском – *балабóлица*, *ерунда*,

⁸ В скобках отмечен вариант названия, зафиксированный в «Проекте о заселении Севера империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли».

⁹ Сидоров Михаил Константинович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

¹⁰ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. С. 183.

мелень, мя'тиха, тарахта́, трепя́к; в Вытегорском – *жа́ба, колоко́лина, тыранда́, хлы'за, вертоголовый*. Богатством лексики, характеризующей болтуна, отличается Медвежьегорский район.

Остановимся на описании некоторых слов. В медвежьегорских говорах употребляется лексема *чевердунья* 'болтливая женщина, девочка'. Вероятно, слово *чевердунья* образовано от глагола *чи́вердать* 'издавать писк, пищать, чирикать' медв.¹, кар г. Значение 'болтливая женщина, девочка' сформировалось путём метафоризации: *чи́вердать* 'издавать писк, пищать, чирикать' → *чи́вардать* 'говорить, болтать' → *чевердунья* 'болтливая женщина'. В основе семантического преобразования лежит мотивационный признак 'издавать звук'.

В кондопожских говорах бытует слово *чи́лайдун* 'болтун', основой для которого служит глагол *чи́лайдать* 'болтать' кондоп. Исходным в процессе метафоризации следует признать *чи́лайдать* 'звенеть' арх. Мотивационным является признак 'сходство звуков, издаваемых человеком, со звоном колокольчика'. Глагол *чи́лайдать* имеет прибалтийско-финское происхождение. Ср. карел. ливв. *čilahuttua* 'брякнуть, стукнуть', 'грязнуть, внезапно запеть' (СКЯМ, 35); вепс. *čilaita* 'бренчать, звенеть', 'журчать', 'тараторить' Пондала Бабаевского р-на Волог. обл. (СВЯ, 59).

Лексико-семантическая группа 'ворчливый человек' представлена на территории Обонежья в меньшем количестве: в Кондопожском районе – *бурандунья*; в Медвежьегорском – *ва́райдун, варайдунья, хара́йдун, хы'рач, ребя'йдучий*; в Пудожском – *нявгун, зви́гливый*; в Подпорожском – *кя'рча*, в Вытегорском – *неладли́вый*.

Большинство слов обладает прибалтийско-финскими компонентами (корнем или суффиксом). Так, в лексеме *бурандунья* 'та, которая любит ворчать; ворчунья' кондоп. выделяется суффикс *-анд-*. Слово *бурандунья* образовано от глагола *бу́рандать*, который употребляется в говорах в разных значениях: 'разговаривать, беседовать' медв., баб., подп., 'ворчать, брюзжать' кондоп., медв., подп., выт., 'бормотать, бубнить под нос' кондоп., 'гремять (о громае)' кондоп., 'жужжать (о насекомых)' пуд. При сопоставлении значений глагола *бу́рандать* выясняется развитие семантики существительного *бурандунья*: *бу́рандать* 'гремять' → *бу́рандать* 'ворчать, брюзжать' → *бурандунья* 'ворчунья'. В основе метафоризации лежит признак 'издавать звук'. Лексема *бу́рандать*, возможно, связана с *бурча́ть*. В данном случае наблюдается процесс контаминации, или двойного заимствования. Ср.: рус. *бурча́ть* → вепс., олон.-карел. *hurišta* 'бурчать в животе' → *бу́райдать* 'ворчать себе под нос' (Дубровина, Герд, 1979, 245–247).

Таким образом, богатством слов, отражающих характеристику болтливой и ворчливой человека, отличаются медвежьегорские говоры. Немалое количество лексем прибалтийско-финского происхождения с образным мотивационным признаком 'звукоподражание' употребляется в Медвежьегорском и Кондопожском районах. Исследование подобной субстратной лексики позволяет увидеть взаимовлияние карельского, вепсского, финского и русского языков, разных картин мира. В основе большинства слов, обозначающих болтуна и ворчуна, лежит сходство звуков, издаваемых человеком, со звуками животных, природных явлений, предметов быта, что свидетельствует о тесной взаимосвязи в сознании жителя Обонежья людей с окружающей действительностью.

Словари

1. СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. – Л. : Наука, 1972.
2. СКЯМ – Словарь карельского языка: (Ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск : Карелия, 1990.
3. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. – Вып. 1–6.

Литература

Дубровина, Герд, 1979 – Дубровина З. М., Герд А. С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1979. – Т. XV, № 4. – С. 245–247.

¹ Сокращения географических названий соответствуют данным СРГК.

Из бытовой лексики говоров Пудожя

Описывая бытовую лексику Пудожского края, нельзя не коснуться истории его заселения. Данный вопрос рассматривается в работах К. К. Логинова, И. И. Муллонен, Н. А. Кораблёва, С. А. Мызникова и др. Мнения ученых сходятся в том, что заселение данной территории началось около VIII тыс. лет назад. Известно, что в конце I тыс. н. э. здесь жили два племени финно-угорской языковой группы – лопари и чудь. А в XI веке началось продвижение еще одного прибалтийско-финского этноса – карелов. Одновременно, с продвижением карелов начинается новгородский этап в истории колонизации Русского Севера.¹ В лексике мы находим мощный пласт слов, который объединяет новгородские и пудожские говоры: *загибушка* 'четырёхугольный пирог с загнутыми краями; ватрушка', *матюхливый* 'такой, который постоянно ругается непристойными, бранными словами', *обáривать* 'бросать в жар от волнения', *пепелиха* 'мешок для золы; мешочек с золой для получения шелока' и др.

В данной заметке приводятся примеры лексики, отражающей в какой-то степени историю формирования пудожского говора. Материалом работы послужили данные Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей, по которым было зафиксировано 3992 лексические единицы с пометой *Пуд.* и данные Словаря русских народных говоров, по которым отмечено 1058 слов с пометой *Пуд.* Проведенные подсчеты показали, что словари содержат значительный пласт своеобразной лексики, отличающий говоры Пудожья. Многообразный состав лексики отражает лексические диалектные различия. Можно выделить следующие группы диалектизмов:

1. семантические – *перетáскивать* 'измучивать, изнурять', *братия* 'люди, объединенные общими целями, интересами', *ребятушки* 'маленькие дети';
2. лексические – *жажилуха* 'жадный, скупой человек', *загубёрье* 'захолустье';
3. словообразовательные – *готовоежа* 'о человеке, который привык жить за чужой счет', *зубовáтый* 'насмешливый, острый на язык' (ср. *зубастый*), своеобразной является лексема *кулынь* 'трава', имеющая особый суффикс (ср. *кула* 'трава').

Материалом исследования послужила бытовая лексика, которая представляет собой самую большую предметно-тематическую группу: это и орудия труда, и предметы домашнего обихода, предметы одежды, включая украшения и т. д. Системное описание данного пласта лексики пудожского говора даст возможность проследить развитие слова в пределах одного говора, а также расширение или сужение его семантики (в сопоставлении с другими говорами).

Понятие «бытовая лексика» не имеет однозначного определения в лингвистической литературе. По словам Г. Н. Лукиной, данный лексический пласт отражает материальную культуру. Она включает в состав бытовой лексики такие группы: названия одежды, обуви, головных уборов, украшений.² По мнению М. И. Фоминой к разговорно-бытовой лексике относятся те слова, которые используются в обиходном значении. Они не нарушают литературных норм, но употребление их в других стилях неуместно.³ Таким образом, к лексике бытовой сферы относятся слова, которые являются именами существительными и которые называют предметы и явления быта, обычаи, материально-культурные ценности.

Как отмечает К. К. Логинов, «влияние дославянского субстрата на хозяйственный и домашний быт водлозеров надежнее всего фиксирует прибалтийско-финская хозяйственная, бытовая и промысловая лексика».⁴ Исследователь приводит список заимствованных лексем (*мегла* 'лиственница', *румега* 'овсяная шелуха', *рипаки* 'старые одежды', *хумбар* 'ступа для полоскания белья'), и этимологически темных слов, например, *ашкут* 'летучая мышь'. Следует отметить, что в основном в списке представлена хозяйственная лексика, а также лексика природы, животного мира и растительного, промысел.

Приведем примеры собственно бытовой лексики пудожского говора.

Своеобразным, отмеченным только в пудожских говорах является слово *ка́були* в значении 'сани, волокуши': «Трактор на *ка́булях* навоз возя» [СРГК 2: 308]. Изолированное в русской лексической системе, данное слово, по всей вероятности, имеет прибалтийско-финские корни.

Пудожским говорам известно слово *кежня́* в значении 'неповоротливый человек' [СРНГ 13: 175], *кежня́* 'о толстом неповоротливом человеке': «У, какой *кежня́*» в беломорских говорах [СРНГ 2: 339], а *кяжня́* 'о человеке с большим животом' в словаре представлено без указания места [СРНГ 16: 209]. Л. П. Михайлова говорит

¹ Логинов К. К. Основные компоненты традиционно-бытовой культуры русских Водлозерья // Национальный парк «Водлозерский». Природное разнообразие и культурное наследие. – Петрозаводск, 2001. – С. 267–272.

² Лукина Г. Н. К семантической характеристике бытовой лексики древнерусского языка XI–XIV вв. // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М., 1978. – С. 245–256.

³ Фомина М. И. Современный русский язык: Лексикология. – М.: Высшая школа, 1978. – 247 с.

⁴ Логинов К. К. Этнолокальная группа ... – С. 253.

о том, что исконным в данном случае является *к-*, которое перешло в *кя-* под влиянием финских слов с *kä*⁵. В северо-западных говорах сохранились слова, в которых не отражена вторая палатализация, данный факт указывает на древность слова. На семантику развития слова *кежня* 'неповоротливый человек' повлияло общеизвестное перен., простореч. *квашня* 'о неповоротливом, толстом человеке', употребляемое как бранное [БАС 5: 914]. Таким образом, семантическая цепочка представляет собой следующее: *кеж* 'квас, кисель, закваска' => 'кислое тесто' => *квашня*, *кежня* 'посуда для брожения теста' => 'неповоротливый человек'. Исследователь отмечает, что «данные современных говоров отражают для слова *кежня* лишь последнюю ступень представленной семантической цепи, которая могла возникнуть по аналогии с такой же ступенью слова *квашня*, не развывая предшествующей, чем, возможно, и объясняется отсутствие слова *кежня* 'квашня' в словарях».⁶

Слово *куккой* и *куккуй* бытует в пудожских говорах в значении 'белый хлеб, мякушка, которую едят господа'. «Любопытно, что для означения лучшего хлеба северные великорусы почувствовали необходимость в заимствовании финского слова», – пишет Погодин.⁷ Семантически близкими являются: *куккуй* 'свадебный пирог с мясом', *куккой* 'ржаные пироги с кашей' в архангельских говорах, *куккочка* 'пирожок с кашей и луком', *кукка* 'пирог из ржаной муки, начиненный горохом или гречневой кашей' в новгородских говорах [СРНГ 16: 35], *кукка* 'вид пирога с начинкой' в новгородских говорах [НОС 4: 174], возникшие как результат взаимодействия с карельским языком *kukko* 'закрытый пирог' [СКЯП: 120], и вепским *kukko* 'вид пирога'.

К тематической группе «названия кушаний», относится и пудожское *ловканица* 'похлебка из репы или брюквы' [СРНГ 17: 101]. Производящим является *ловка* 'каша из брюквы с мукой', бытующее в медвежьегорских говорах [СРНГ 17: 101], 'кушанье из вареной или пареной репы, брюквы и других овощей, приправленных мукой' – в кондопожских, прионежских, подпорожских говорах [СРГК 3: 136]. Слово *ловка* возникло в результате взаимодействия с прибалтийско-финскими языками: ср. вепс. *lohkoi* 'репник (каша из ржаной муки с репой)' [СВЯ: 295], карел. *lohkorokka* 'суп из брюквы' [СКЯП: 142], *lohko* 'густая каша из ржаной муки с репой или брюквой' [СКЯМ: 189]. По словам С.А. Мызникова, лексема *лохкы* 'вареная или пареная репа', вероятно, является результатом семантического воздействия прибалтийско-финских языков и прямым заимствованием, в вепском языке связано с глаголом *lohkaita* 'отломить, расколоть'.⁸

Своеобразной в словообразовательном плане является лексема *подручка* 'корзинка': «Да вот *подручку* не найду» [СРГК 4: 667]. В говорах есть родственные слова с близкой семантикой: *ручник* 'большая корзинка с крышкой': «У меня был короб и *ручник*» в прионежских говорах [СРГК 5: 586], *ручник* 'небольшая корзинка': «*Ручник* на руках носят, а кошель через плечо» в архангельских говорах [СРНГ 35: 285], *ручонка* 'большая корзинка' в вологодских говорах [СРНГ 35: 287].

Представленный материал дает основание сделать вывод о том, что русские говоры Пудожья характеризуются наличием субстратной лексики карельского и вепского происхождения (*ловканица*, *куккой*), обнаруживаются четкие лексические связи с новгородскими (*куккой*) и беломорскими говорами (*кежня*).

Принятые сокращения

БАС – Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1948–1965.

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

СКЯМ – Словарь карельского языка: (Ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СКЯП – Словарь карельского языка: (Тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. М. ; Л. ; СПб., 1965–2007.

⁵ Михайлова Л. П. К вопросу о начальном *кя* – в лексике севернорусских говоров // Севернорусские говоры : межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. – СПб., 2004. – Вып. 8. – С. 6–22.

⁶ Михайлова Л. П. К вопросу о начальном *кя* – в лексике севернорусских говоров // Севернорусские говоры : межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. – СПб., 2004. – Вып. 8. – С. 6–22.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 16. – Л., 1980. – С. 35.

⁸ Мызников С. А. Калькирование как вид межязыкового взаимодействия // Диалектная лексика – 2009 / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб. : Наука, 2009. – С. 183–192.

Этноязыковые контакты в лексике крестьянского строительства русских говоров Карелии

Строительство – одна из самых важных сфер деятельности в жизни русского народа, в которой воплощены его национальные черты. Строительство было одним из основных занятий людей. В традиционной крестьянской культуре жилищу придавалось большое значение. Дом является средоточием достатка, счастья, согласия, здоровья. Он – символ единства всего рода: тех, кто живет ныне, и тех, кто жил прежде. От поколения к поколению передаются традиции семьи и крестьянского мира, связанные с работой, ведением хозяйства, в том числе и строительством, обустройством самого жилища. Обмен строительным опытом происходит и на уровне этнических контактов. На территории распространения говоров Карелии, в связи с ее многонациональным населением, отмечаются многие примеры этнического взаимодействия русских с другими народностями в различных сферах деятельности, в том числе и в строительстве (Гришина, 1992, 42–51).

Со строительством и строительной культурой непосредственно связана строительная лексика. Эта лексика является древней, прошедшей длительный путь формирования.

Исследование лексики крестьянского строительства русских говоров Карелии и сопредельных областей позволяет нам выделять два основных пласта, составляющих основу данной группы слов: славянский пласт и иноязычная лексика, включающая в себя заимствования из западноевропейских, тюркских языков, а также слова прибалтийско-финского происхождения. В отношении фонемного состава, семантики, происхождения интерес представляют отдельные лексемы.

Остановимся на анализе слова *гарде'р* 'узор на фронтоне дома', ареал которого ограничен подпорожскими говорами (*У крайнего дома гарде'р красивый*) (СРГК, 1, 328). Слово не зафиксировано у Даля и в других областных словарях. В этимологических словарях также не зафиксировано. Во французском языке есть глагол *garde'r* 'хранить, предохранять' (ИЭС, 1, 181).

И. Е. Гришина, описывая оконные и дверные проемы и способы их защиты, отмечает, что наличники защищали окна и служили неким оберегом. «Декоративная обработка наличников объясняется идеей охраны окон при помощи различных магических изображений. Часто наличник представлен только наверху (очельем), соотносимым с покрытием дома. Покрытие дома символизирует обережные коньковые комплекции, вписывающиеся в треугольную или близкую к ней форму» (Гришина, 1992, 48).

Подчеркнем, что слово *гарде'р* означает узор на фронтоне дома, то есть верхней части фасадной стены здания (обычно в виде треугольника с лепными украшениями), ограниченной двухскатной крышей (БАС, 16, 1576). Есть основания полагать, что *гарде'р* связан с идеей охраны стены, как и обработка наличника при помощи магических изображений. В подпорожском слове *гарде'р* сохраняется семантический компонент 'хранить, предохранять', связывающий диалектную лексему с французским этимологом.

В некоторых севернорусских говорах бытует близкое по фонетическому составу к *гарде'р* слово *гардина* 'занавески'. Ср.: пск. *гарди'на* 'оконная занавеска' (ПОС, 6, 139); яросл. *гарди'на* 'планка или доска над окном, к которой прикрепляются занавески, карниз' (ЯОС, 3,69). В Уральских говорах встречаем *гардеро'вки* (*гарди'нки*) 'занавески у входа в горницу' (СГСУ, 1, 112). В брянских говорах *гарди'нка* 'матерчатая занавеска' (СБГ, 4, 8). В БАС *гарди'на* 'оконная или деревянная занавеска' (БАС, 3, 38).

Встает вопрос: как связаны слова *гарде'р* и *гарди'на*. С точки зрения современной семантики эта связь отдалена. Скорее всего, слово *гарди'на* образовано от слова *гарде'р*. Подтверждение этому находим у В. Е. Гольдина, который отмечал, что среди названий построек и их частей выделяются такие лексемы, у которых сам корень указывает на отношение обозначаемых реалий к другим реалиям жилого комплекса. «Большое число диалектных названий построек и их частей образовано путем аффиксации от других названий реалий того самого же рода. Это наименования отдельных частей помещения или самих помещений, наименования, значения которых мотивированы главным образом пространственной связью обозначаемых предметов с теми реалиями, от названий которых образованы новые слова» (Гольдин, 1967, 7).

Слова *гарде'р* и *гарди'на* подтверждают данное положение. Они связаны одной лексико-грамматической семьей 'украшение и защита': *гарде'р* как украшение фронтона дома, его внешней стороны и как идея охраны при помощи различных магических изображений; *гарди'на* как украшение дома изнутри и как защита от внешнего мира.

Строительные обряды – неотъемлемый этап взведения дома у крестьян. В построенном с соблюдением всех ритуалов жилище человек будет чувствовать себя защищенным. Именно поэтому «пространство вне дома стало оцениваться как упорядоченное по другим правилам. Дом придал миру пространственный смысл, укрепив тем самым свой статус наиболее организованной его части» (Байбурин, 2005, 17).

В лексике крестьянского строительства русских говоров Карелии отразились этноязыковые контакты с тюркским языком. См. например: *амбару'ха* 'деревянная хозяйственная постройка' Канд., Кем., Медв., Тер.; *амбару'шечка* 'то же' Канд., Кем., Медв., Тер.; *амбару'шка* 1. 'амбар' Плес.; 2. 'то же, что амбаруха' Онеж., Тер.+Новг., Пуд. (СРГК, 1, 19). Признается заимствованием из тур. кыпч., крым.-тат. *ambar*. (Фасмер, 1, 75).

В медвежьегорских говорах бытует слово *балага'н* 'временная постройка для хранения овощей, дров', которое также пришло в наш язык из тюркского, где *balaxana* 'верхняя комната, комната над главным входом'. В строительной терминологии заимствования из тюркских языков связаны с важными строительными понятиями. Очевидно, что заимствования с Востока – это заимствования «древнего времени». «Это были первые заимствования славян у своих соседей» (Огиенко, 1915: 37–41).

Терминология строительного дела, прошедшая длительный путь формирования, сохранила в основе своей исконную лексику, на что указывал Олег Николаевич Трубачев, подчеркивая «определение группы славянских терминов элементарной обработки дерева как исключительно монолитной в лингвистическом отношении совокупности».

Основу лексики крестьянского строительства русских говоров Карелии составляет славянский пласт лексики. Здесь выделяется общеславянская лексика, известная многим славянским языкам (*дво'рище, зиво'р, по'веть, подсе'ни...*), восточнославянская терминология (*жукови'на, горди'на, обя'зка, приру'бок...*), имеющая параллели в украинском и белорусском языках. Основу славянской лексики в сфере строительного дела представляет собственно русское ядро. Многие слова являются узкоместными (*гнезде'и, горбе'и*, и проч.). Другие являются образованием говоров Верхней Руси (*бокову'шка, лазе'я, ли'на...*), собственно новгородскими лексемами (*за'нога, крестови'к, при'передок...*).

Отдельный интерес представляют слова, которые модифицировались в русских говорах Карелии под влиянием прибалтийско-финской фонологической системы, но при этом сохранили свое исконно славянское происхождение; их описанию не посвящены конкретные исследования.

Русским говорам Карелии известны слова *ня'тро, ня'тра, ня'тры* 'настил под крышей сарая для хранения сена', ареал которых ограничен медвежьегорскими, пудожскими и подпорожскими, говорами (СРГК, 5, 383–384).

Эти лексемы бытуют и в других севернорусских говорах: *ня'тро* 1. 'выступ крыши, навес над входом в амбар, сеновал' Иркут.; 2. 'чердак, подволока' Иркут.; 3. 'настил из досок или жердей под крышей нежилой постройки' Иркут.; 4. 'хозяйственная постройка, сарай' Ср. Урал. (СРНГ, 33, 236); *ня'тра* 1. 'навес крыши над входом в амбар' Вят., Перм., Казан.; 2. 'фронтон крестьянской избы' Вят., Перм., Казан.; 3. 'чердак, подволока' Перм., Сиб., Камч.; 4. 'то же, что *ня'тро* в 3-м значении' Том., Курган., Сиб., Камч.; 5. 'выступ под фронтоном крестьянской избы, на который вела дверь из светелки или с подволоки' Вят., Перм., Казан.; 6. 'балкон' Вят., Перм., Казан.; 7. 'выступ под дверьми сеновала для приема сена' Казан., Вят, Перм. (СРНГ, 33, 234). В близких значениях отмечена лексема *ня'тры* Вят., Перм., Иркут., Кемер., Челяб., Том. (СРНГ, 236).

Широкий ареал данных лексем в севернорусских говорах скорее всего связан с их исконно славянским происхождением. Лексема *ня'тро*, мн. *ня'тра* 1. 'выступ над входом на сеновал'; 2. 'потолок гумна из жердей, сеновал' восходит к древнерусскому *ня'тро* 'крыша', церковнославянскому *нѣтро* 'вид крыши'; слово известно разным группам славянских языков: ср. чешское *patro* 'этаж, ярус, сеновал'; польское *pietro* 'этаж'; также украинское *ня'тра*, сербохорватское *нета'р* (Фасмер, 3, 425–426).

Некоторым говорам Среднего Урала известен вариант со звонким согласным: *ня'дра* в значении «настил из досок или жердей под крышей хозяйственной постройки» Свердлов., Камышл., Саж., Ср. Урал. (СРГСУ, 5, 48; СРНГ, 33, 211), ср. *ня'тро* «то же» Свердлов., Камен., Камышл., Коат., Тур. *ня'тра* «выступ крыши навес над входом в амбар, сеновал и т. д.» Казан., Вят., Урал., Свердлов. (СРНГ 33, 235), «чердак» Свердлов., Манч. (СРГСУ, 5, 49), Перм., Сиб., Кемер., Южн., Сиб. (СРНГ, 33, 235).

Варианты *ня'тра* и *ня'дра*, имеющие одинаковое лексическое значение, отличаются согласными в корне. Каким же образом в говоре могла произойти мена звонкого и глухого в корне слова? Софья Мендалевна Глускина отмечает, что «в севернорусских говорах наблюдаются многочисленные случаи мены звонкого согласного на глухой или глухого на звонкий в сильной позиции, где не должно быть ни позиционного оглушения, ни озвончения: *симной, бау'к, тѣждик* и многие другие. Это явление не новое» (Глускина, 1973, 36).

В литературе высказаны два мнения о происхождении мены звонких и глухих согласных в севернорусских говорах. Виктор Владимирович Колесов, анализировавший данные памятников письменности, считает, что мена глухих и звонких согласных является результатом внутреннего развития фонологической системы древнерусского языка (Колесов, 1963). С. М. Глускина вслед за Б. А. Лариным объясняет это явление угро-финским субстратом. Аргументацией в пользу этой точки зрения является, например, то, что «при освоении русского языка финны произносят звонкие согласные в начале слова даже в тех случаях, где в русском – глухой согласный: *brud < нруд* и т. п. Это явление известно и в карельском, и в вепском языках. <...> Мена звонких и глухих согласных, но без четкой закономерности, наблюдается в русской речи эстонцев старшего поколения в Ульяновской области: *блохо, бобольше, пыли, пыстра, томов, не моку*. <...> Мысль о связи севернорусской мены глухих и звонких согласных с угро-финским субстратом представляется более убедительной» (Глускина, 1973, 47). Характерной особенностью прибалтийско-финских языков является слабая развитость оппозиции звонких и глухих согласных (Лаанест, 1975, 26).

Слово *ня'дра* модифицировалось в некоторых севернорусских говорах: употребляется со звонким согласным в корне (ср. *ня'тра*), что является ярким примером прибалтийско-финского воздействия.

В севернорусских говорах, в сфере крестьянского строительства, бытуют и некоторые довольно интересные народные термины, заимствованные из западноевропейских языков в эпоху Петра I, также испытывавшие лишь частичное воздействие прибалтийско-финской фонологической системы: *конда'р* 'крыльцо' Пуд. (СРГК, 2, 411) из нем. или франц., связано по происхождению с литературным *галере'я*. Рост. Яросл. (СРНГ, 15, 119).

Возникновение данной лексемы может быть представлено цепью следующих фонетических, морфологических и словообразовательных преобразований: *конда'р* ← *кандаре'я* ← *гандаре'я* ← *галдаре'я* ← *галере'я*, где на второй ступени преобразований происходит меня г~к, отражающая связь севернорусской мены глухих и звонких согласных с угро-финским субстратом (Глускина, 1973: 47).

В целом лексика крестьянского строительства севернорусских говоров характеризуется устойчивостью русских именованных основных частей жилого и хозяйственного комплекса (*до'м, жи'ра, изба', дро'вник, подпо'л, подоко'шко*), допуская иноязычные вкрапления для обозначения деталей. Славяне при заселении данной территории принесли с собой исконную терминологию, связанную с дорогим для каждого понятием дом.

Актуальность дальнейшего исследования данной группы слов обусловлена недостаточной изученностью в современной диалектологии лексики крестьянского строительства севернорусских русских говоров и, в особенности, говоров Карелии. Для системного описания строительной терминологии необходимо выявить состав лексики, истоки ее формирования; определить зону распространения слов, ареальные связи описываемой лексики с другими говорами русского языка; определить субстратную, а также узко-региональную лексику.

Литература

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. СПб., 2005.
2. Глускина С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. Т. 3. Псков, 1973. С. 35–51.
3. Гольдин В. Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названия построек и их частей в русских говорах) : автореф. канд. дис. Саратов, 1967. С. 5.
4. Гришина И. Е. Ареальные исследования архитектурного декора Южной Карелии (на примере кронштейнов) // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении : межвуз. сб. Петрозаводск, 1992. С. 42–51.
5. Колесов В. В. Северновеликорусские чередования согласных парных по глухости–звонкости // Вестник ЛГУ. № 2. Серия языка и литературы. Л., 1963. Вып. 1.
6. Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975. С. 5–142.
7. Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.

Швайко В. И.

Лексика юридических документов о выделении рыболовных угодий в Кемском уезде конца XIX – начала XX вв.

В Национальном архиве Республики Карелия хранятся постановления Кемского Городского Общественного Управления, интересные в плане становления социально-экономических отношений на севере Карелии в конце XIX – начале XX вв., в которых немаловажную роль играл рыболовецкий промысел.¹ В них зафиксированы правила ведения промысла, касающиеся места и времени установки рыболовных снастей, условия аренды, проведения торгов, заключения контрактов и т. п. Данные юридические документы, отражающие состояние делового стиля того периода, содержат богатейший пласт лексики разного происхождения и в связи с этим могут рассматриваться как ценный историко-лексикологический источник.

Материалом настоящего исследования являются тексты двух документов – «Об отдаче в оброчное содержание принадлежащих г. Кеми рыболовных заколов и заборов на реки Кеми на 1872 г.» (далее – 1) и «Торговый лист в Кемском Городском Общественном управлении по р. Кеми заколов и заборов на 1903 г.» (далее – 2), близкие по содержанию. В них отражаются юридическая лексика, рыболовецкая лексика, лексика торговли, местная топонимия.

Содержание документов излагается в виде нескольких кондиций (на что указывает подзаголовок «Кондиции»). Латинское по происхождению слово **кондиция**, заимствованное в русский язык в начале XVIII в., употребляется в значении 'условие, требование, обязательство договаривающихся сторон или одной стороны по отношению к другой'.²

В кондициях описываются требования, обязанности, выполняющиеся арендаторами при взятии в оброчное содержание рыболовных заколов и заборов, для ловли семги и мелкой рыбы. Арендаторы обязаны ставить заборы и заборы на указанном пространстве один от другого и на дозволенной глубине. Никто не должен допус-

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 250. Оп. 1.

² Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. – СПб. : Наука, 1998. – С. 130.

коть никаких нарушений: «Если кто-либо нарушит эти условия излишне **выставкою закола и забора** в длину или глубину или в тесном разстоянии от владельца другого **закола**, тот подвергается за таковое нарушение наказанию на основании **ускорения о наказаниях** и сверх того уничтожению шире **заколов и заборов**» (1, кондиция 3). Участники рыбной ловли «обязаны производить промысел всегда в известное для всех время», «не засаривать реку вредными веществами, преграждающими путь проходу рыбы», «не спускать **себру**», «чужих снастей и снарядов себе не присваивать» (1, кондиция 4). Особо, в кондиции 5 (1), оговариваются финансовые условия заключенного контракта. Арендаторы обязаны представить верное ручательство купцам, мещанам или залог наличными деньгами. Залогом числится недоимка прежних лет за рыбные ловли.

Особая статья относится к рыбопромышленникам по поставке **заколов**, которые обязаны предъявить общественному управлению прочный осмотр **заколов**: «во всей ли готовности к производству лова, и сколько под ними предлагается иметь **самоловных сетей**, а также по прочности своей могут ли они без случайного повреждения стоять во все промысловое время до окончания промысла, в случае же повреждения сплавом, **мелом** на заводе **заколов**, арендаторы должны объявить о том полицейскому и общественному управлениям на другой день» (1, кондиция 8).

Во втором документе уделяется внимание лесопромышленникам, которые должны принять на себя обязательство отвечать за все убытки, за поломку **заколов**. Иногда возбуждались **пререкания**, что требовало заключения нового соглашения, в котором сказано:

1. «сплав леса производить Товариществу лесопильных заводов с 1 августа по левому северному **фарватору** от запани до **Сабе-Губы** ... при чем переводка **кашелей** по этому **фарватору** до остравка **калиниха** должна производиться людьми, а не пароходом».

2. «от **запани** с правого **фарватера** на левый, для возможности **переводки кошелей** должны быть снесены два **закола**, значущиеся по торговому листу Управления под №№ 53 и 57, за что товарищество уплачивает городу ежегодно по 28 руб./коп. (**заколы**, называемые **Дьяковским** и ниже 52 и 53)».

3. «Выше записаны **заколы** могут поставлены, так как становились ранние, но охрана таковых от поломки лесов обязательна для самих рыбопромышленников при чем для **атводов** на таковую охрану Товарищество дает на время сплава вязанного **оплотника**».

4. «**Заколы** в проездных воротах у запани, под названием **из под городавай луды и Уигача**, где производится **набивка кошелей** на **балакны**, ставиться и за то Товарищество уплачивает Управе по пятьдесят пять руб.».

Не имея возможности представить анализ всей лексики документов, отметим лишь некоторые его особенности. Из слов иноязычного происхождения, кроме упомянутого **кондиция**, употребляются такие, как лат. **контракт**, лат. через польск. **аренда**, **арендатор**, гол. **фарватор/фарватер**, лат. **комиссия**, нем. **табель**.

Данные документы содержат термины рыбооловецкой лексики: **закол**, **забор**, **снасть**, **лов**, **рыбная ловля**, **семга**, **тинда**, **самоловные сети**, **выставка**, **себра**, **морские тони**, **полупала вода**.

Отметим, что слово **закол** бытует в кемских, онежских, терских, беломорских, псковских говорах в значении 'система рыболовных снастей, расставленных поперек реки или в море'. Слово **заколь** 'частокол поперек реки для ловли рыбы; **закол**' зафиксировано в деловых документах с последней четверти XVI в.³ Слово **забор**, известное онежским, архангельским говорам в значении 'рыболовный **закол** для ловли семги', использовано в грамотах Новгорода и Пскова XV в. и в писцовых книгах Обонежской пятины: «Да на Нюхче ж реке **забор** рыбной, а в нем ловят с осени семгу и сиги » 1563 г. – в значении 'рыболовное сооружение из свай, забитых в дно реки, перегораживающее реку поперек'.⁴

Слово **выставка**, известное кемским говорам в значении 'установка рыбооловецкого орудия в водоеме (для ловли рыбы)', связано с лексемой **выставлять** 'ставить **сети**' и 'ставить, собирать, сшивать (**сети**), приготавливаясь к лову рыбы', бытующей на Волхове и Ильмене, а также в районе Астрахани.

Слово **себра** отмечено в новгородских говорах в середине XIX века в значении 'сети с крупными ячейками из нескольких неводов, которыми ловят осенью крупную рыбу с четырех лодок'. М. Фасмер приводит слово **себра́** в значении 'два расположенных напротив друг друга невода, которые стягиваются при ловле'; предполагается заимствование из вепс. *šebr-(šebra-)* 'коллективная работа', фин. *seura* 'общество', балтийского происхождения.

Тексты изучаемых документов содержат также юридическую и делопроизводственную лексику: **контракт**, **мировые судьи**, **ответственность**, **аренда**, **торги**, **переторжка**, **полупроцент**, **недоимка**, **плательщик**, **пререкания**, сочетания терминологического характера: **статейная книга**, **оброчная плата**, **оброчная статья**, **торговое производство** и др.

В тексте документов, важных для жителей города Кеми и его окрестностей, указываются названия конкретных географических объектов: **до Сабе-губы**, **островок Калиниха**, **Дьяковский **закол****, **Тербостров**, **Сабнаволок**, **Верховские пороги**, **Нижняя река**, упоминаются фамилии купцов: **Сурков**, **Щергольдт**.

Таким образом, текст документов содержит интересную лексику, которая показывает, что промышленное рыболовство является одной из ведущих отраслей материально-хозяйственной жизни кемлян второй половины XIX и начала XX вв., социально-экономические отношения закреплялись государственными документами

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. – М.: Наука, 1978. – С. 216.

⁴ Там же. – С. 137.

на уровне Городского Общественного Управления. Эти документы являются не только историческим, но и ценнейшим лексико-графическим и лингвистическим источником.

Попов А. А.

Ареальные связи обонежских говоров (на примере названий насекомых и пресмыкающихся)

В истории заселения Карелии выделяются несколько основных периодов: саамский, финно-угорский и самый поздний – славянский. Восточные славяне колонизировали Карелию в разное время и из разных центров: «новгородский» этап – с X–XI вв., «ростово-суздальский» – с конца XIV в. Дальнейшее заселение территории Карелии русскими происходило «только за счёт обрусения территорий карел и вепсов. Активнее всего оно происходило в XVII–XVIII веках».¹ Причём взаимодействие с финно-угорскими соседями продолжалось и после колонизации Карелии новгородцами и ростово-суздальцами.

Согласно данным исторической диалектологии, Олонецкая группа говоров (равно как и новгородская, поморская, вологодско-вятская) формируется на основе древненовгородского диалекта. «Однако, распространившись на огромной территории, ...новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково. История формирования этих групп и диалектных различий между ними относится к эпохе после XV в.»²

Лексика русских говоров Карелии своеобразно фиксирует исторические события, с которыми связана территория Карелии. Для проведения лингвистических исследований, связанных с историей этноса и его языка, интерес представляют главным образом старейшие участки языковой картины мира, которые «в первую очередь становились объектами номинации со стороны языкового сознания...».³ Одним из таких «участков» являются названия насекомых – энтомосемизмы – и названия пресмыкающихся. Этот пласт лексики отражает как архаичные, так и более поздние языковые процессы, позволяет отследить лексические связи говоров друг с другом.

Фауна Карелии чрезвычайно богата насекомыми. Она включает в себя десятки тысяч видов этих животных. Вполне понятно, что всё видовое разнообразие насекомых не может быть отражено в народной терминологии, но, тем не менее, довольно значительное количество названий представителей этого класса животных отражено в народном языке.

В исследовании использовались материалы ряда областных словарей, фиксирующих лексику севернорусских говоров: СРГК, СРНГ, СВГ, НОС, ЯОС.

По данным СРГК на территории обонежских говоров бытует около 150 диалектных названий насекомых и пресмыкающихся. При классификации именованных выделяются 34 тематические группы (27 групп названий насекомых и 7 групп названий пресмыкающихся),⁴ такие как «общее название насекомых», названия отдельных видов насекомых и пресмыкающихся, например «стрекоза», «муравей», «змея» и т. п.

Большая часть энтомосемизмов и названий пресмыкающихся представляет собой исконную лексику. Заимствование и субстрат имеют место преимущественно на территории тесного контакта с иноязычными народами (и прежде всего с финно-угорскими). Неисконная лексика представлена такими словами, как *ли'пка* 'бабочка' Онеж.,⁵ Медв., Кем., Белоз., Кирил., Пуд., Тихв., *ти'гач* и *ти'гача* 'мошка' Медв., Пуд., *чига'ч* Тер., Кем., Лоух., *ба'рма* 'овод' Медв., Кондоп., *ба'рма'к* Пуд., Медв., *па'рма* Пуд., *парма'к* и *пармя'к* Прион., Медв., Кондоп., Пуд., *ши'элик*, *ши'элик*, *ши'эжник* 'ящерица' Выт., Лод., Подп., Кондоп., *жигалю'ха*, *жижалю'ха*, *жижаню'ха* Медв., Кондоп., Прион., *жи'эжелька* Пуд., *жи'элик* Пуд., Плес., *жижлю'к* Пуд., *жижля'к* и *жи'зля'к* Карг., Пуд., *жи'эжник* Пуд., Карг.⁶

Исторические и археологические данные, которыми обладает исследователь культуры определенного этноса, подтверждаются, а в ряде случаев и уточняются, данными лингвистической географии. «Основной задачей лингвистической географии является изучение пространственного размещения языковых явлений и решение

¹ Логинов К. К. О динамике некоторых элементов культуры вепсов, карел, русских в процессе их расселения на территорию Карелии // Культурные коды двух тысячелетий : материалы междунар. конф. 1–4 дек. 2000. Вып. 1. Традиционные культуры: локализация и динамика. – Петрозаводск, 2001. – С. 42–43.

² Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. – М., 1972. – С. 144.

³ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2003. – С. 24–25.

⁴ См.: Попов А. А. Названия насекомых в севернорусских говорах // ЛАРНГ–2007. – СПб., 2008.

⁵ Географические пометы поданы в соответствии с СРГК.

⁶ См. об этом подробнее: С. А. Мызников. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики. – СПб., 2003. – С. 203–203, 206–210; С. А. Мызников. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб., 2004. – С. 82–83.

различных проблем, вытекающих из этого размещения».⁷ В данном исследовании применяется один из методов лингвогеографии – выявление ареальных лексических связей между говорами.

В результате изучения названий насекомых и пресмыкающихся русских говоров Карелии методами лингвистической географии были получены следующие результаты.⁸ Говоры Обонежья связаны:

во-первых, с говорами, исторически связанными с древним новгородско-псковским диалектом (новгородскими, псковскими, гдовскими): *ба'бка-ли'пка* 'бабочка, мотылёк' Выт., Подп., Медв., Кондоп., Прион., Пуд.,⁹ *мошкарня'к* 'мошкара', *верете'ник, веретенник, верете'льник* 'змея, ящерица' Пуд., *толку'н* 'мошкара' Пуд., *ось, осо'ва* 'оса' Медв., Пуд., Выт., *па'вка* 'паук' Медв., Кондоп., Выт., Белом., *червь* 'змея' Выт., *га'ведь* 'о змеях' Медв., *мура'ха, мура'шка* 'муравей' Прион., Подп., *лепня'к* 'овод, слепень' Пуд., *скачо'к* 'кузнечик' Медв. (слова с приведёнными выше корнями отмечаются также в ладого-тихвинских, белозерско-бежецких, вологодских и архангельских говорах);

во-вторых, с ярославскими говорами, которые наследовали черты ростово-суздальского диалекта: *бу'ка* 'вошь', *гадиньё, собир.* 'вредные насекомые' Пуд., *я'щер* 'ящерица' Выт., *стеку'ха* 'муравей' Выт., *стяку'ша* 'муравей, который живёт вне муравейника' Подп.

Помимо этого выделяются:

а) группа слов, повсеместно распространённых на диалектном континууме: *бука'рка, букара'шка, букара'ха* 'общее название насекомого', *гад, гади'ха, гадьё* 'змея', *крючо'к* 'слепень', *меде'ник, ме'дник, ме'денка* 'змея медянка', *па'ут* 'овод', *слепе'ц, слепя'к, слепы'ш* 'слепень', *стрекоза', стрекоту'н* 'кузнечик';

б) группа слов, связанных с архангельскими говорами: *се'верница, северу'ха* 'бабочка, моль' Медв., Кем., Сег., Пуд., *заго'шка* 'клещ' Медв., Выт., Подп., Прион., Пуд.

Наконец, выделяется группа собственно обонежских, локализованных наименований: *ба'рма* 'овод' Медв., Конд., *ба'рма'к* Пуд., Медв., *па'рма* 'овод' Пуд., *парма'к и пармя'к* Прион., Медв., Кондоп., Пуд., *бухмара* 'вид мухи', *бу'чень* Пуд., *бу'чок* Пуд. 'овод', *ве'ред* 'овод, слепень' Белом., *засева'тель* 'овод' Выт., *стре'лка* Выт., *стрело'к* Выт. 'кузнечик', *ти'гач и ти'гача* Медв., Пуд., *тяга'ч* Кем., Тер., Белом., Прион., Сег., *чи'гала* 'мошка' Пуд., *че'сла* 'мошка' Пуд., *учебрас* 'шмель' Подп., *учубро'сник* 'насекомое типа шмеля' Подп.

Таким образом, данные региональной лексикографии, а также лингвистической географии в целом, подтверждают исторические сведения о заселении Обонежья сначала прибалтийско-финскими народами (наличие группы субстратной и заимствованной лексики), а впоследствии и отдельными славянскими группами, тесно контактирующими с финно-угорскими соседями – это новгородско-псковский и ростово-суздальский миграционные волны. Причём, в лексике обонежских говоров преобладают именно новгородско-псковские черты.

Список сокращений

НОС – Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. – Новгород ; Великий Новгород, 1992–2000.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. – СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 1–39. – М. ; Л. ; СПб., 1965–2005.

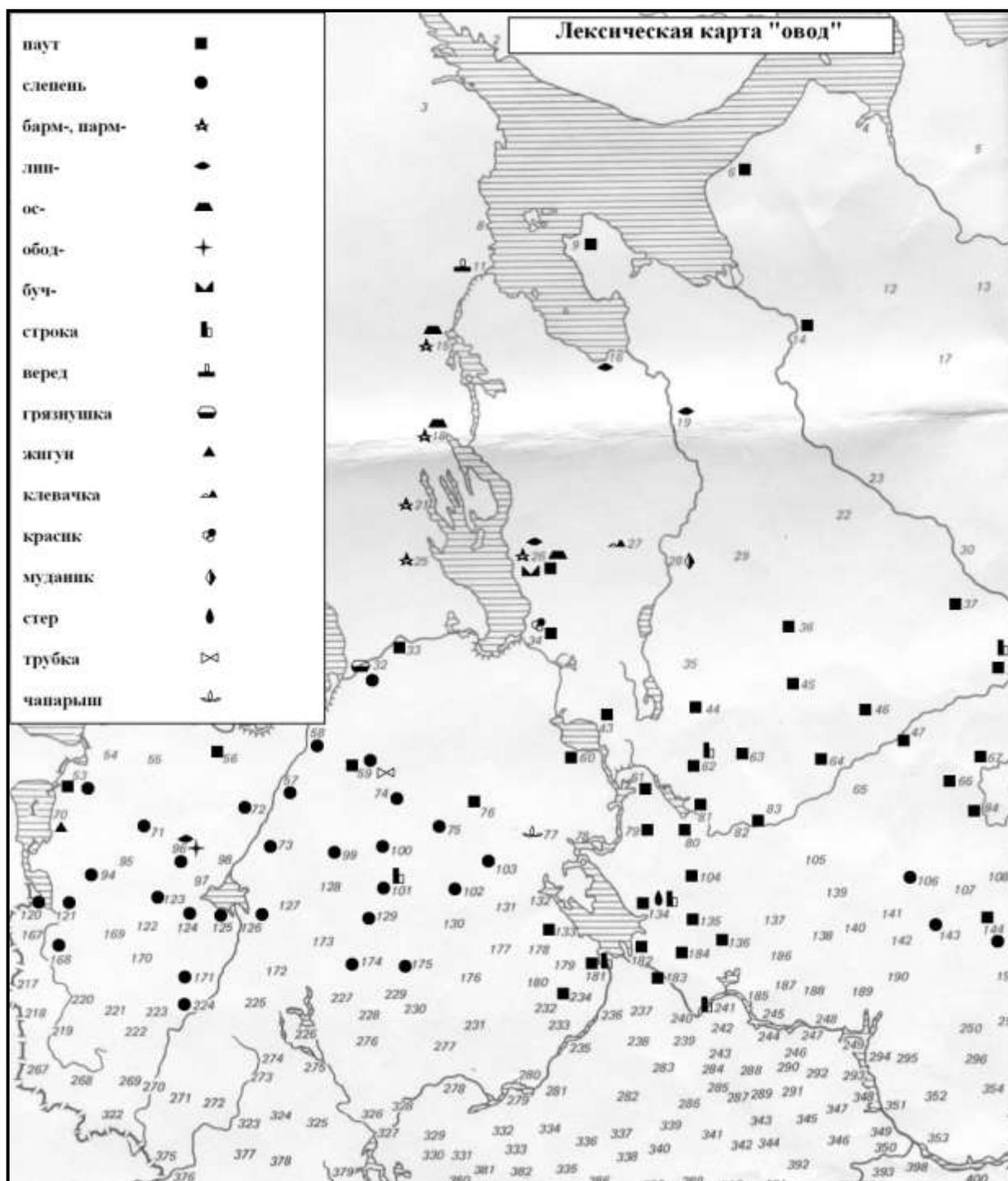
ЯОС – Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. [Вып. 1–10]. – Ярославль, 1981–1991.

⁷ Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1973. – С. 120.

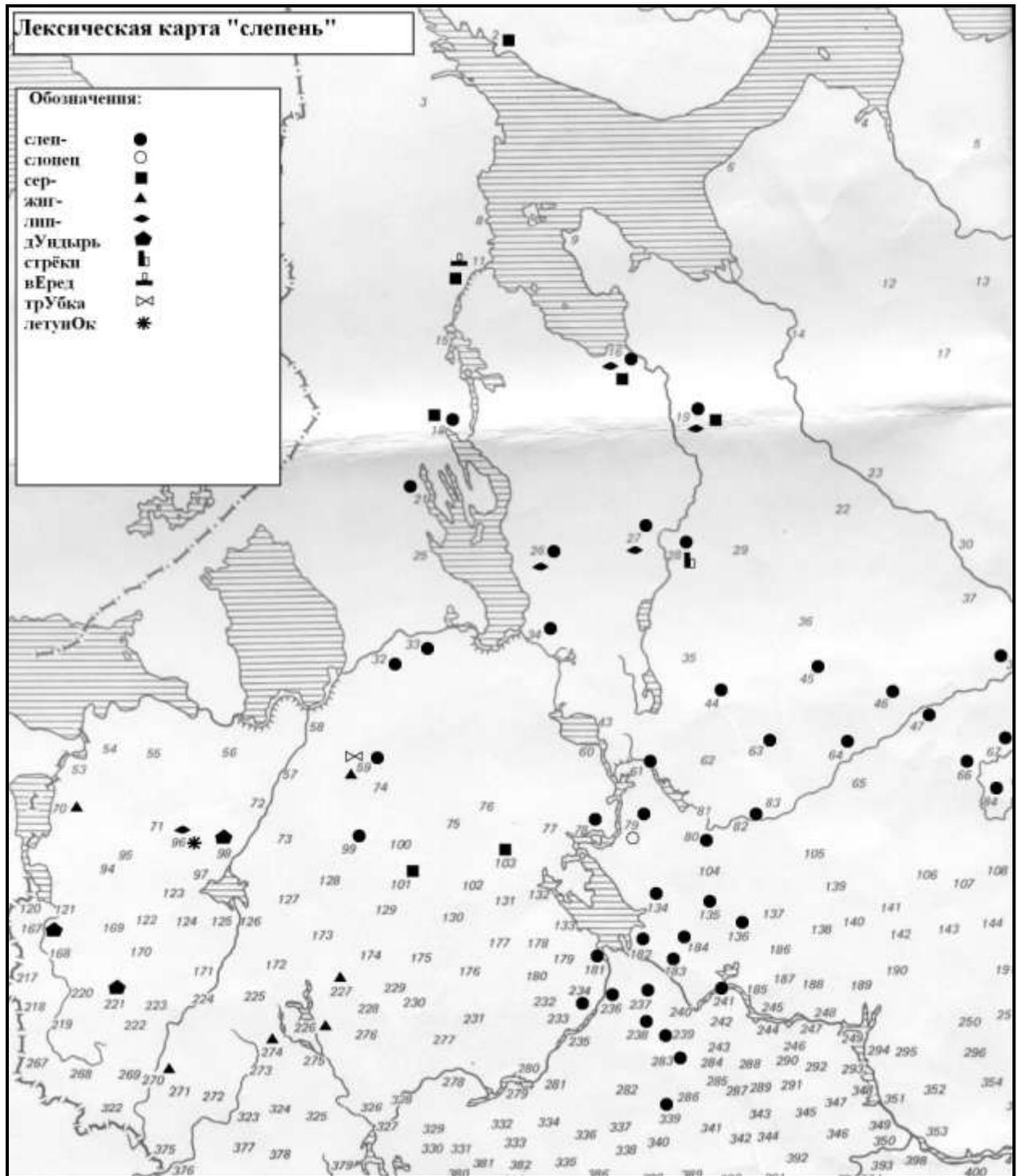
⁸ Иллюстрацией к картографическому аспекту настоящего исследования могут служить лингвистические карты: Карта 1 и Карта 2.

⁹ Здесь и далее при словах указываются только районы Обонежья, в которых фиксируется слово. Указания на связь с другими говорами ограничены названием этих говоров без уточнения районов.

Карта 1

Карта 2

Раздел 5. Карелия Советская: к 90-летию республики

Е. В. Дианова

Кооперативная агитация и пропаганда 1920-х гг.

В 1920-е гг. важным средством привлечения различных слоев населения в кооперативные товарищества была кооперативная агитация и пропаганда. Как и до революции, кооперативная агитация и пропаганда обеспечивала приток новых членов, расширяла социальную базу кооперации. В свою очередь, членство в кооперации способствовало улучшению материального положения и повышению культурно-образовательного уровня городских и сельских жителей. В результате кооперативное движение охватило тысячи крестьянских хозяйств.

Кооперативная агитация была средством воздействия на сознания и настроения населения города и деревни с целью побудить их к вступлению в кооперативное товарищество, потребительское общество или кредитный кооператив. Кооперативная агитация проводилась на сельских сходах, волостных собраниях путем коллективных и индивидуальных бесед с крестьянством. Устная агитация сопровождалась распространением печатной продукции, кооперативной литературы, брошюр, листовок, где в доступной для крестьян форме раскрывались сущность и значение кооперации, рассказывалось об устройстве кооперативов, говорилось о той выгоде, которую получает член кооперативного товарищества. Устная и печатная агитация преследовала цель распространить кооперативные идеи среди крестьянства и других слоев населения, привлечь их к участию в кооперативном движении и членству в кооперативе.

Одновременно велась пропаганда кооперативной теории, учения Роберта Оуэна, П. А. Кропоткина и других «отцов» кооперации, шло распространение знаний о кооперативном движении в России и Западной Европе и истории кооперации, разъяснение кооперативных принципов. Устная и наглядная кооперативная пропаганда служила формированию кооперативных взглядов и убеждений, оказывала влияние на поведение, действия и поступки людей, которые должны были понять идеи кооперации и приобщиться к участию в работе кооператива.

На проведение агитационно-пропагандистских мероприятий кооперативные союзы тратили немало собственных средств. По этому поводу М. И. Туган-Барановский писал: «Затрачивая огромные суммы на поднятие духовного уровня современного человечества, устраивая библиотеки, музеи, учебные заведения, курсы, лекции, народные дома, кооперация следует не только свойственным ей идеалистическим мотивам, но и своему правильно понятому хозяйственному интересу. Ибо для достижения своих хозяйственных целей кооперация должна прежде всего создать человека, способного ей служить».¹ Кооперативная агитация и пропаганда были направлены также на формирование кооперативной психологии, что обеспечивало большую эффективность работы кооперативных организаций.²

В воспитании кооперативной психологии народа кооператоры России начала XX века видели залог успешной деятельности кооперации и утверждения кооперативного идеала в обществе. М. И. Туган-Барановский считал, что «для успеха кооперации требуется господство в душе человека не жажды богатства, а чувство общественной солидарности, готовность жертвовать личным интересом ради интересов общественной группы».³

Кооперативная агитация и пропаганда затрагивала сознание людей, их морально-нравственные нормы, которые регулировали взаимоотношения людей в кооперативных организациях. По мнению современного исследователя кооперации К. И. Вахитова, «основной формой нравственного сознания кооператоров и моральным оправданием их деятельности были кооперативные принципы». Кооперативные нравственные ценности как основа кооперативного сознания были сформулированы еще в момент зарождения кооперации в России и Западной Европе. Так, П. А. Кропоткин в своем труде «Взаимная помощь как фактор эволюции» одним из первых обозначил главные этические основы кооперативного движения – «взаимопомощь, справедливость, нравственность», а Роберт Оуэн считал, что «в единении – сила и мудрость».⁴

Сейчас к кооперативным нравственным ценностям относятся такие понятия, как самопомощь, демократия, равенство, справедливость, солидарность. Кооперативными принципами считаются добровольное и открытое членство, демократический контроль, осуществляемый членами кооперативов, самоуправление, автономия

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 434–435.

² См. подробнее: Дианова Е. В. Кооперативная психология крестьянства начала XX века: проблема формирования и изучения // Методология и методы исторической психологии : материалы XXVI Междунар. науч. конф. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. СПб. : Нестор, 2009.

³ Туган-Барановский М. И. Указ. соч. С. 434.

⁴ Цит. по: Кооперация. Теория, история, практика : избр. изречения, факты, материалы, коммент. / авт.-сост. К. И. Вахитов. М., 2004. С. 52, 60, 73.

и независимость, сотрудничество, забота об обществе и др. Кооперативные принципы являются «путеводителем, с помощью которого кооперативы внедряют свои ценности в жизнь».⁵

Кооперативная психология подразумевала под собой набор определенных нравственных качеств кооперированного населения, которое понимает важность участия в работе кооперативного товарищества. Она формировалась в процессе кооперативной деятельности, которая в свою очередь влияла на сознание людей. Участие крестьян в работе потребительского общества, кредитного товарищества обогащало их новыми знаниями, раскрывало новые стороны бытия. В то же время некоторые теоретики полагали, что традиционное мышление, общинная психология, коллективистское сознание крестьянства могут облегчить объединение в кооперативы, так как у сельских жителей была привычка к коллективному совместному труду. На эту характерную особенность традиционной общинной психологии крестьянства рассчитывали кооперативные агитаторы и пропагандисты.

Организаторы кооперативного движения того времени считали, что кооперация скоро получит признание среди крестьян, «поскольку народу знакома артельная форма хозяйства, у сельского сословия есть, так сказать, призвание, инстинкт, поэтому кооперативы для народа являются такими простыми предприятиями, в успехе которых нельзя было сомневаться».⁶ Между тем, как показала жизнь, только реальный практический результат мог стать весомым аргументом в пользу создания кооперативного товарищества. Лишь очевидная выгода и польза для трудового крестьянского хозяйства могли заставить крестьянина вступить в кооператив. Однако само по себе вступление в кооператив и осознание правильности сделанного шага еще не гарантировали наличия уже сложившейся кооперативной психологии.

Формирование кооперативной психологии и кооперативного сознания крестьянства происходило в ходе устной пропаганды идей кооперации, в процессе длительной воспитательной работы, которая велась силами местной интеллигенции: агрономами, земскими деятелями, учителями, организаторами кооперативных товариществ и потребительских обществ на местах. Средством формирования кооперативной психологии служили лекции и беседы кооператоров с крестьянством. Теоретики кооперации изучали особенности мышления крестьян и специфику восприятия ими устной и наглядной кооперативной пропаганды.

А. В. Чаянов предупреждал лекторов, кооператоров и агрономов, что проводить беседы с крестьянством очень трудно, потому что «методы воздействия на малокультурное взрослое население» были совершенно не изучены. Он вынужден был признаться в том, что «мы до сих пор не имеем полного подробного анализа аудиторий взрослых крестьян как педагогического объекта». На лекциях и беседах о кооперации можно было увидеть «и старых крестьян, заматерелых в земледельческом быту трехполья, и питомцев земской школы, и бывалых в городах промышленников, людей грамотных и безграмотных, читающих ежедневно газеты и никогда не читающих ни одной печатной строчки и проч.»⁷

При проведении кооперативной агитации и пропаганды среди крестьянства лектор должен был знать научные категории общей психологии: абстрактное и логическое мышление, понятия, представления, эмпирический опыт, рассуждение, виды умозаключения индукция и дедукция. Лектор действовал на ум, память, волю сельской аудитории сообразно с ее психическими способностями. Так, во время лекции о значении кооперации лектор должен был дать своим слушателям целый ряд новых представлений и тем расширить их кругозор. Лектору приходилось «вводить в мир крестьянских представлений не только представления, связанные с предметом его лекции, как сепаратор, химический анализ, искусственное удобрение, потребительская лавка, секретарь, счетоводные книги, но также значительное количество общекультурных, географических и естественноисторических представлений».⁸

Большие трудности ожидали агитатора и пропагандиста во время лекций по теории кооперации, при сообщении слушателям новых понятий и систематизации старых, так как «аудитория крестьянская изобилует представлениями практической жизни и почти лишена отвлеченных понятий». В то же время лектор должен был помнить известную истину: «Понятия, лишённые представлений, пусты, представления же, не связанные понятиями, слепы». Организатор лекции или беседы с крестьянством должен был объяснить «незнакомые деревенскому быту» понятия – кооперация, производительный кредит, правила Ф. В. Райфайзена.

А. В. Чаянов предупреждал кооперативных пропагандистов о том, что «обычный тип крестьянского мышления носит эмпирический характер», а «отдельные крестьянские представления и понятия скреплены между собой рядом подобных элементарных эмпирических связей утверждений». Поэтому лектору нужно было рационализировать многовековой житейский опыт, в какой-то мере «перестроить весь склад крестьянского мышления и на место житейского навыка поставить логическое рассуждение». В то же время А. В. Чаянов считал, что главной задачей лектора, агронома или кооператора, является «не сообщение население возможно большего количества новых идей и фактов, а пробуждение самостоятельности населения».⁹

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Лозовый А. А. Курс кооперации. Очерк истории и теории кооперации. М., 1929. С. 334.

⁷ Чаянов А. В. Основные идеи и методы работы общественной агрономии // Чаянов А. В. Избранные произведения. М., 1989. С. 95, 100, 101.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Там же. С. 97, 98, 100.

Основными приемами устной агитации и пропаганды были утверждение, доказательство, повторение, аргументация доводов. При этом А. В. Чайнов замечал: «Для крестьянской аудитории сила доказательности едва ли не главным образом зависит от эмоциональной стороны лекции. Не только к уму своих слушателей, но и к сердцу их должен взывать лектор народной аудитории». А. В. Чайнов выделял разные формы кооперативной пропаганды: индивидуальные, групповые и коллективные; регулярные и эпизодические. «Летучие беседы на крестьянском сходе» он относил к массовой форме пропаганды, которая охватывала широкие слои населения. В то же время он советовал лекции проводить не от случая к случаю, а разработать сеть лекционных пунктов и лекционный календарь, чтобы дни и часы бесед были бы наиболее удобны для местного населения. Лекции должны были быть согласованы с работой кооперативных предприятий. Например, лекции об устройстве машинных товариществ или закупке машин через сельскохозяйственное товарищество должны были сопровождаться работой прокатных пунктов или демонстрацией машин в работе на показательном участке. Такие лекции и беседы оказывают большое воздействие на ум, волю и воображение крестьянина.

По образному выражению А. В. Чайнова, кооперативный лектор не только «должен донести до своей аудитории ту мощную социальную энергию, которая присуща кооперативному движению», но и «должен забросить в душу своих слушателей искры великого пламени творческой социальной активности, которым богато возрождение русской деревни».¹⁰

Результатом кооперативной агитации и пропаганды являлось вступление крестьянского или городского населения в кооперативное товарищество, где проходил процесс дальнейшего развития кооперативной психологии во время участия данного крестьянина в работе кооператива в качестве активного пайщика, члена правления или ревизионной комиссии. Участие в кооперации способствовало хозяйственной самостоятельности, предприимчивости, социальной активности, ответственности за принятые на себя финансовые обязательства и других качеств, которые постепенно вытесняли из сознания крестьянства пережитки крепостничества, состояние забитости и апатии.

В начале XX в. кооперативная агитация и пропаганда проводилась силами организаторов кооперативных товариществ. Инициаторами создания кооперативных товариществ часто выступали представители местной интеллигенции, среди них были учителя сельских приходских школ, преподаватели семинарий и духовных училищ. Так, например, в селе Шала Пудожского уезда Олонецкой губернии потребительское общество было создано исключительно благодаря стараниям М. С. Стратонникова, учителя Закона Божьего местной школы.¹¹

Устные беседы и лекции сопровождалась демонстрацией наглядных пособий. Слушателям демонстрировались картины, плакаты, модели, таблицы и рисунки. Наиболее запоминающейся было использование так называемых «туманных картин», или диапозитивов которые проецировались на экран с помощью волшебного фонаря. Диапозитивы рассылались почтой на места по заявкам кооперативов. Так, Архангельский союз кооперативов, выполняя просьбу И. М. Дурова, который руководил кооперативным культурно-просветительским кружком в селе Сумский Посад в феврале 1919 г. было отправлено 70 различных диапозитивов, в том числе «Как общество потребителей построило мельницу».¹²

С развитием кооперативного движения агитация и пропаганда проводилась силами работников кооперации, представителей губернских и уездных кооперативных союзов. Агитацией занимались инструктора кооперативов, которые совершали поездки в сельскую местность с целью привлечения населения к участию в кооперативных организациях. Предварительно инструктора проходили соответствующую подготовку на курсах. В 1918–1920 гг. в Олонецкой губернии кооперативные курсы проводились уездными союзами кооперации в Петрозаводске, Вытегре, Лодейном Поле, Повенце, Пудоже, Олонце. На курсах читались лекции по истории и теории кооперации, счетоводству и бухгалтерии. Организаторы курсов понимали, что «деревня сама по себе некультурна и не обладает нужными знаниями», поэтому наряду с кооперативной подготовкой приходилось давать элементарные основы арифметики, грамоты и письма.

Состав курсистов был самым разнообразным. Так, например, в 1918 г. на кооперативные курсы в Вытегре были посланы вернувшиеся с фронта солдаты, еще не приспособившиеся к крестьянскому делу, свободная от работ молодежь, представители местной интеллигенции, священники, учителя и учительницы. В апреле 1918 г. на курсы в Пудож приехали учителя из уезда. Курсантам было предложено общежитие и ежедневное содержание за счет средств Пудожского союза кооперативов. Из 34 учителей в возрасте 16–40 лет (20 мужчин и 14 женщин) только трое мужчин были женаты, остальные все были холостые и незамужние. Во время кооперативных курсов пудожские педагоги слушали лекции по истории и практике кооперативного движения в Англии, Германии и России, знакомились с историей и теорией кооперации, кооперативным законодательством, счетоводством и организацией кооперативов.¹³

Кооперативная агитация и пропаганда, как правило, проводилась на базе Народных домов, местных центров культурно-просветительской работы. Народные дома были открыты в уездных городах при участии кооперации и местной интеллигенции. Они оказывали помощь в организации бесед, лекций на кооперативные

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ См.: Дианова Е. В. Кооперативная деятельность духовенства Олонецкой губернии в начале XX века // Провинциальное духовенство дореволюционной России : сб. науч. тр. Тверь, 2008.

¹² Государственный архив Архангельской области. Ф. 362. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

¹³ Олонецкий кооператор. 1918. № 6–7. С. 16–17; 1919. № 1. С. 19; № 3–4. С. 53.

темы, снабжали необходимой литературой и наглядными пособиями, руководили деятельностью культурно-просветительских кружков.

С установлением советской власти сущность кооперативной агитации и пропаганды изменилась. С одной стороны, была выдвинута идея создания всемирного кооператива трудящихся, в 1918 г. было введено поголовное принудительное членство в потребительской кооперации, а в 1919 г. вместо потребительских обществ были созданы потребительские коммуны. С другой стороны, в период политики военного коммунизма произошло свертывание кооперативного движения, кредитная и сельскохозяйственная кооперация была фактически ликвидирована, кооперативная агитация и пропаганда потеряли свой изначальный смысл, кроме того, многие «старые» кооператоры были противниками многих мероприятий советской власти и оказались в очень трудных условиях.

Известно, что партийные руководители в центре и на местах крайне отрицательно относились к кооперации, считая кооператоров скрытыми врагами Советской власти. В. И. Ленин не раз говорил о том, что «в кооперации сидит целый ряд контрреволюционеров».¹⁴ Даже выступая на X съезде РКП(б) В. И. Ленин заявлял о том, что кооперация «служит местом организации, централизации, объединения элементов, политически враждебных нам, проводящих по сути дела колчаковскую и денкинскую политику». Читая доклад «О замене разверстки натуральным налогом» он вызвал одобрительный смех в зале такими словами: «Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эсеров. Это химический закон, – тут ничего не поделаешь!».¹⁵

Данное высказывание В. И. Ленина было подхвачено агитаторами, в частности В. В. Маяковским. Широко известна его агитационно-пропагандистская деятельность в «Окнах РОСТА», где «шершавым языком плаката» он боролся с врагами революции. В. В. Маяковский, познакомившись с речью В. И. Ленина, вместе с художником М. М. Черемных придумал агитационный плакат. Плакат был выполнен в характерной для «Окон РОСТА» манере: несколько рисунков, объединенных общей темой, с пояснительными текстами. Первый рисунок сопровождается неточной цитатой Ленина: «Кооперация – это такая среда, на которой легче всего произрастают меньшевистско-эсеровские бактерии».

Цель данного плаката состояла в том, чтобы убедить население в необходимости государственного и партийного контроля над кооперацией: «Надо стараться, чтоб РКП руководила работой кооперации». Плакат напоминал: «Следите, чтоб спекулянтам в кооператив не пролезть»; на перевыборных собраниях требует выбирать в правление представителей местной ячейки РКП(б): «Чтоб рабочие могли пить и есть, подымись за коммуниста рука рабочего». Плакат предостерегает от ошибок: «Не подымай за этих рук ты. Смотри: легче всего кооперации почва рождает фрукты». Под «фруктами» подразумевались представители бывших свергнутых классов, меньшевики и эсеры, мешочники и спекулянты.¹⁶

В 1920-е гг. снова происходит развертывание кооперативной агитации и пропаганды. Главным отличием советской кооперативной агитации и пропаганды состояло в том, что в 1920-е гг. она была нацелена на привлечение граждан в кооперативы для их участия в строительстве нового общественного строя. Отсюда вытекала главная задача советской кооперативной агитации и пропаганды – после отмены принудительного членства вовлечь как можно больше граждан в потребительские общества в городе и в деревне, обеспечить полную выплату паевых взносов. В тоже время в советской кооперации продолжали работать кооператоры с дореволюционным стажем, которые главной задачей кооперативной агитации и пропаганды видели не в том, чтобы строить «столбовую дорогу к социализму», а прежде всего в том, чтобы с помощью кооперации решать насущные задачи: восстанавливать крестьянские хозяйства, поднимать их материально-техническое оснащение.

Так, в марте 1922 г. в Народный комиссариат земледелия Олонецкой губернии была подана Объяснительная записка к плану работ по развитию сельскохозяйственной кооперации. В ней говорилось о том, что «одной из решительных мер по поднятию сельского хозяйства является его кооперирование, только самодеятельность населения и объединение может спасти хозяйство от разрухи... Чтобы выйти из такого тяжелого положения, необходимо населению прийти на помощь. Мало иметь желание, надо еще иметь знания и материальные средства. Ни того, ни другого нет в нашей глухой, темной деревне».

В записке обращалось внимание руководства на необходимость агитации и пропаганды: «Чтобы развитие кооперации шло правильно, нужно чтобы население было кооперативно просвещено. Кооперативное просвещение может распространяться разными способами через агитацию и пропаганду, книжный склад, библиотеки и кооперативные курсы. Агитация и пропаганда ведутся через газеты, лекции, чтения и беседы, через инструкторов, распространение популярных книг, газет и журналов». Для обеспечения населения литературой была необходима организация книжного склада, он будет «духовной базой для нарождающейся сельскохозяйственной кооперации».

Авторы записки отмечали большое значение кооперативных курсов: «Ничто не способствует развитию кооперации как курсы, где участники получают не отрывочные сведения, а проходят систематический курс,

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 279.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 64.

¹⁶ Маяковский В. В. Грозный смех. Тексты «Окон сатиры». М., 1938. С. 23.

счетоводство, теорию и практику кооперации. Курсы в деревне – это уже событие, которое оставляет глубокий след и служит лучшим агитационным средством».¹⁷

Таким образом, кооперативная агитация и пропаганда должна была проводиться в местной печати, через лекции, чтения, беседы инструкторов и агрономического персонала, распространение популярной и агитационной литературы, устройство специальных отделов по кооперации в существующих библиотеках, выписка и распространение газет и журналов по кооперации. В 1920-е гг. в кооперативной агитации и пропаганде принимали участие партийные деятели, руководители партии и государства. Так, например, среди населения распространялись брошюры со статьями Н. И. Бухарина «Путь к социализму», В. И. Ленина «О кооперации», А. И. Рыкова «Деревня, новая экономическая политика и кооперация» и др.

Статья В. И. Ленина «О кооперации» была подхвачена пропагандистами, его высказывания «Строй цивилизованных кооператоров есть строй социализма», «Простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма» стали советскими лозунгами. На местах они использовались во время проведения различных мероприятий, в том числе во время празднования Международного дня кооперации. Кооперативные союзы по указанию комитетов РКП(б) развешивали транспаранты и плакаты «Кооперация – путь к коммунизму», «Кооперация – столбовая дорога к социализму».

В. В. Маяковский тоже принял участие в создании агитационных лозунгов кооперации. В 1924 г. по заказу «Кооперативного издательства» он вместе с художниками В. Степановой и П. Степановой подготовил 12 кооперативных плакатов. В своих пропагандистских текстах В. В. Маяковский использует цитаты из статьи В. И. Ленина «О кооперации», например:

В коммуноу
не впрыгнешь разом.
Бей капитал
и винтовкой
и грошом.
Соедини
«революционный энтузиазм
с умением
стать торгашом».

В строфе «Соедини революционный энтузиазм с умением стать торгашом»¹⁸ дается перефразировка слов В. И. Ленина: «Все дело в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с умением быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора».¹⁹ В лозунге «Слова Ильича помни твердо: Кооперация – смычка деревни и города»²⁰ также приводится изложение одной из основных мыслей статьи В. И. Ленина «О кооперации».

В кооперативных лозунгах 1924 г. В. В. Маяковский пропагандирует дешевый кооперативный кредит: «Кооперация крестьянскому люду дает на выгодных условиях ссуду» или «Здесь крестьянскому люду заранее дадут нужную ссуду. Эта ссуда лучше всяких опор поддержит бедняцкий и середняцкий двор». Поэт внушает крестьянству мысль о том, что: «Через кооперацию трактор осилим, а не то, что плуг»,²¹ т. е. пропагандирует одно из главных направлений деятельности сельскохозяйственной кооперации – снабжение крестьянских хозяйств орудиями труда и техникой.

В 1920-е гг. основными формами агитационно-пропагандистской работы кооперации были кооперативные кружки и уголки, вечера вопросов и ответов, работа с книгой и газетой, художественно-наглядная агитация (кино, «живая газета», агитсуды, пьесы, плакаты, диаграммы). Тогда же проводились специальные агитационные «кооперативные двухнедельники», в ходе которых инструктора выезжали в сельскую местность, выходили на производство, производили обход городских квартир и крестьянских хозяйств, пытались склонить некооперированное население в пользу кооперации, убеждали в необходимости членства хотя бы в потребительском обществе.

Избы-читальни в деревнях и рабочие клубы в городах были опорными пунктами для ведения массовой агитационной и пропагандистской работы, где можно было организовать кооперативные кружки и уголки, вечера вопросов и ответов, работу с книгой и газетой, устраивать агитсуды, «живую газету», выставки плакатов, ставить пьесы, смотреть кино. Для этих целей из средств кооперативных союзов должны были выделяться сметные ассигнования на агитацию, пропаганду и просветительскую работу.

В 1920-е гг. кооперативная агитация и пропаганда стали важным звеном в массовых общественно-политических кампаниях. В начале перехода к нэпу кооперация занимала центральное место в пропаганде товарообмена и восстановления сельского хозяйства. В 1923 г. с отменой принудительного членства в потребительских обществах началась кампания «по добротченству», кооперативная агитация и пропаганда были на-

¹⁷ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 26/392. Л. 82–83.

¹⁸ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 6. М., 1957. С. 189.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.

²⁰ Маяковский В. В. Указ. соч. С. 190–191.

²¹ Там же.

правлены на привлечение в кооперацию новых членов на добровольных началах. Тех граждан, которые уже были членами кооперативов, агитаторы убеждали полностью выплатить паевые взносы, склоняли к участию в массовых мероприятиях, посвященных Международному дню кооперации. Кооперативная агитация и пропаганда использовались в кампаниях по паенакоплению и снижению цен, в борьбе с частной торговлей и за привлечение женщин в кооперацию.

В 1920-е гг. с большим подъемом отмечался Международный день кооперации. Этот праздник стремились использовать для развертывания кооперативной агитации и пропаганды. В газете «Кооперативная жизнь» печатался материал об успехах советской кооперации, ее роли в восстановлении народного хозяйства и росте благосостояния людей. Газета пестрела лозунгами: «Кооперативное просвещение – путь к укреплению кооперации. Шире развернем кооперативную просветительскую работу!». В специальном выпуске газеты от 3 июля 1926 г. была напечатана статья Э. Гордона «Международный день кооперации и массовое кооперативное просвещение». В этой статье говорилось о роли кооперативного просвещения как одном из важнейших средств повышения активности кооперированного населения: «Только при помощи глубокой заинтересованности и самодеятельности членов кооперации, которые смотрят на кооперативное дело как на свое собственное, мы создадим могучую ленинскую кооперацию».²²

Кооперативное просвещение трудящихся масс должно было осуществляться в ходе агитации и пропаганды. Цель агитации и пропаганды – «продвинуть в массы знания о кооперации, о ее задачах и систематически знакомить население с повседневной работой кооперации». Кооперативная агитация и пропаганда были нацелены «на борьбу с бесхозяйственностью, расточительностью в расходовании кооперативных средств, с хищениями и растратами и другими злоупотреблениями в кооперации». С болезненными явлениями следовало бороться путем усиления общественного контроля над кооперативами, развертыванием кооперативного просвещения: «Только общественный характер контроля способен наиболее полно обеспечить выявление недочетов и успехов кооперации перед широкими массами. При помощи правильно поставленной агитации и пропаганды мы скорее добьемся нормального контроля самих масс над работой нашей кооперации. Массовое кооперативное просвещение поможет воспитать в каждом члене кооперации и в каждом ее работнике чувство ответственности за общественное благо. Сознательный, преданный общественному делу пайщик не позволит тратить ни одной лишней народной копейки. Если мы по-настоящему развернем массовую просветительскую работу, то не останется ни щели, куда не заглянул бы глаз настоящего хозяина кооператива – его членов».²³

Международный день кооперации использовался для развертывания кооперативной агитации и пропаганды, он должен был явиться «смотром сил на кооперативном фронте, днем деловой проверки работы кооперации и наметки путей дальнейшего кооперативного строительства». В этот праздник велась агитация за режим экономии, качество продукции, снижение накладных расходов, укрепление спайки между пролетариатом и крестьянством, вовлечение в кооперативное строительство большинства крестьянских хозяйств. В этой связи выдвигались такие пропагандистские лозунги: «Больше активности – лучше работа кооператива. Калёным железом выжжем растраты и хищения в кооперации! Сильная кооперация – лучшее средство борьбы с дороговизной! Дешёвый хлеб городу! Даёшь товар деревне! В борьбе за низкие цены потребкооперация будет на первом месте! Поднимем хозяйство города и деревни, укрепим их смычку! Массовое кооперирование и укрепление смычки с социалистической промышленностью – таков путь деревни к социализму! Ни одного члена профсоюзам не должно быть вне кооперации! Каждый рабочий и служащий должен стать не только пайщиком, но и хозяином своего кооператива. Рабочие и крестьяне, ближе и внимательнее к управлению кооперативами!» В пропагандистских лозунгах 1920-х гг. подчеркивались социальная сущность советской кооперации, ее роль в вытеснении частной торговли: «Ни гроша частному торговцу! Покупайте всё в кооперативе. Борись с частной торговлей с помощью кооперации. Бедняк, кооперирование твой союзник против кулацкой кабалы. Вступай в кооператив, будь активным пайщиком! От сохи – через сельхозкооперацию – к трактору и электрификации».²⁴

В середине 1920-х гг. с укреплением финансового положения кооперативных союзов их агитационно-пропагандистская работа стала приобретать планомерный характер. Однако она сразу же была взята под контроль партийных органов и тесно увязана с коммунистической агитацией и пропагандой. Объединившись, они должны были стать «важнейшим орудием социалистического воспитания масс и привлечения их к активной борьбе... против отсталых настроений и проникающих в рабочие массы чуждых идеологических влияний, мелкобуржуазных колебаний и шатаний перед лицом трудностей реконструктивного периода».²⁵

В 1927–1928 гг. вопрос об организации кооперативной агитации и пропаганды неоднократно заслушивался на заседаниях Карельского обкома ВКП(б). В июле 1927 г. секретариат Карельского ОК ВКП(б), рассмотрев положение дел в кооперации и подготовку кооперативных работников, вынужден был признать, что кооперативной пропагандой была охвачена довольно незначительная часть населения, не была установлена связь между кооперативными и политпросветорганами. Секретариат предложил к 1 сентября 1927/28 учебного года

²² Гордон Э. Международный день кооперации и массовое кооперативное просвещение // Кооперативная жизнь. 1926. 3 июля. С. 3.

²³ Там же.

²⁴ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 7/81. Л. 3–10.

²⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 428.

разработать план кооперативной пропаганды и программы для специальных школ-передвижек, организовать кооперативные кружки самообразования и снабдить их литературой.

В 1927/28 г. преподавание в кооперативных школах-передвижках вели инструктора Карело-Прионежского союза потребительских обществ (Каронегсоюза). Правление Каронегсоюза разработало свою программу для кооперативных школ-передвижек. Однако она была отклонена Карельским ОК ВКП(б) из-за отсутствия в ней ленинского кооперативного плана и решений XV съезда партии. Для организации кооперативной пропаганды и культурно-просветительской работы правление Каронегсоюза сделало специальный культфонд, куда перечислялась часть прибыли. В низовую сеть было отправлено 50 библиотек с литературой по вопросам развития кооперации. Кинопередвижка Каронегсоюза обслуживала 14 сел на периферии.²⁶

Низкая квалификация агитаторов и пропагандистов требовала повышения их теоретического и общеобразовательного уровня. Для ведения кооперативной агитации и пропаганды на высоком идейно-политическом уровне организовывались специальные курсы инструкторов районных союзов. В 1928 г. в Ленинграде Северо-Западный союз потребительской кооперации проводил курсы для участковых инструкторов районных союзов региона. От Каронегсоюза на эти курсы поехали К. А. Багге, В. П. Никитин, Д. Г. Андреева и И. В. Дубровин. Все командированные, кроме последнего, были членами ВКП(б), имели низшее образование. Только комсомолец И. В. Дубровин имел среднее образование. Программа курсов была рассчитана на 62 часа. Слушатели знакомились с основными формами кооперативной агитации и пропаганды, организацией массовой культурно-просветительской работы. Курсантам предлагалась примерная тематика бесед и краткое их содержание. Например, тема «Индустриализация страны и подъем культурного уровня» включала следующие вопросы: 7-часовой рабочий день и подъем культурного уровня среди рабочих масс; рост культурности и подъем производительных сил деревни; ликвидация неграмотности; роль кооперации в поднятии культурного уровня масс; кооперативное просвещение; проведение кооперативных и общих кампаний.²⁷

На местах по примеру центральных кооперативных союзов районные союзы также осуществляли подготовку инструкторов по кооперативной агитации и пропаганде и культурно-просветительской работе. Партийное руководство АКССР предписывало обратить внимание на политическую и теоретическую подготовку инструкторов, «на исправление имеющихся в ней извращений и уклонов как в сторону безыдейности, аполитичности».²⁸

Подводя итог, следует сказать о том, что кооперативная агитация и пропаганда сыграли большую роль в развитии кооперации, привлечении в свои ряды сотни пайщиков из различных слоев населения. В начале XX века кооперативная агитация и пропаганда должны были способствовать формированию кооперативной психологии населения. Особенность советской кооперативной агитации и пропаганды состояла в том, что они были подчинены целям социалистического строительства. Массовость кооперативного движения должна была обеспечить реализацию заветов Ленина о том, что «кооперация сплошь и рядом совпадает с социализмом, социализм есть строй цивилизованных кооператоров».

В конце 1920-х гг. кооперативная агитация и пропаганда становятся важным средством политического воздействия на сознание и настроение трудящихся масс. Путем ведения коллективных и индивидуальных бесед им разъяснялась политика ВКП(б) по отношению к деревне и кулаку, планы первых пятилеток и т. п. С началом массового колхозного движения в деревне и введением карточной системы кооперативная агитация и пропаганда утратили свой изначальный смысл, полностью слились с официальной государственной агитацией и пропагандой.

С. М. Титов,
*заведующий отделом Карельского
государственного краеведческого музея*

Обзор боевых действий на Онежском озере в 1919 году

В 1919 г. северная часть акватории Онежского озера стала театром боевых действий. В течение пяти с половиной месяцев, с конца мая по начало ноября, здесь проходили бои, в которых принимали участие советские, английские, американские и белогвардейские военные корабли. Победителем, как известно, осталась красная Онежская флотилия, чей командующий, Э. С. Панцержанский, кратко, но выразительно подвел основные итоги кампании: «Флот неприятеля уничтожен. Медвежья Гора в огне, мы у самой цели, за сотню верст от своей базы, в тылу врага, полные хозяева всего водного пространства, за господство коим шла все время борьба»¹.

События, происходившие на Онежском озерном фронте, сразу же стали объектом пристального изучения. Начало всему положили красные моряки-онежцы. Ими уже в конце 1919 – начале 1920 г. был подготовлен

²⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 113. Л. 56.

²⁷ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 13. Д. 1/16. Л. 17–22.

²⁸ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 246. Л. 427.

¹ Панцержанский Э. С. Удары в спину красного Питера // Красный военный флот. М., 1923. С. 229.

и опубликован в Петрозаводске «Годовой отчет деятельности Онежской флотилии»². В последующем эта работа была продолжена³, и сегодня мы имеем обширный список литературы, в которой, к сожалению, имеется один существенный недостаток. Повествование ведется в основном с одной – советской стороны, тогда как данные, касающиеся состояния и действий морских сил противников – англичан, американцев и белогвардейцев – продолжают оставаться малоизвестными. Некоторой компенсацией этому могли бы служить работы историка русского зарубежья Н. З. Кадесникова, но в них все внимание сосредоточено на русской (белой) флотилии. О «союзниках» автор отзывался без особого почтения, а в целом в его суждениях эмоции явно превалировали над фактами, коими он либо не владел, либо не захотел воспользоваться⁴.

Серьезной попыткой заполнить образовавшиеся пустоты можно было бы считать вышедшую в свет в 2009 г. работу мурманского историка Д. Е. Жалнина «Онежская флотилия Северной области в 1919–1920 гг.»⁵. В ней в научный оборот вводятся неизвестные ранее документы, касающиеся истории не только белой, но и английской флотилии. Однако в части, касающейся истории красной Онежской флотилии, автор допускает серьезные ошибки, которые ставят под сомнение сделанные им выводы.

Первые боевые корабли появились на Онежском озере в августе–сентябре 1918 г. Это были плавучие батареи и вооруженные пароходы советской Онежской озерно-речной флотилии (ООРФ). Ее формирование началось 17 июня 1918 г. и происходило в непростых условиях⁶. Связано это было с тем, что флотилия создавалась решением Военного (армейского, а не морского) ведомства, должна были входить в состав сухопутных соединений, подчиняться их командованию и снабжаться всем необходимым за счет армии (а не флота). Такое положение, вызывавшее массу неудобств и сложностей, становилось препятствием во многих отношениях и, прежде всего, в обеспечении специальным морским и техническим имуществом. Как писал позднее адмирал Г. А. Степанов (в 1919–1920 гг. – начальник штаба ООРФ), «морские органы снабжения (Петроградский – Кронштадтский порты) отказывали в снабжении на том основании, что флотилия состояла на снабжении армии»⁷.

1 февраля 1919 г. Онежская флотилия была передана под эгиду Морского ведомства, но не Балтийского флота, а находившегося в Москве Морского центра. На общую ситуацию это повлияло незначительно и так продолжалось вплоть до 11 августа 1919 г., когда флотилию наконец-то в административном и хозяйственном отношении переподчинили Реввоенсовету Балтфлота⁸.

На этих подробностях, возможно, и не стоило бы останавливаться, если бы не встречающиеся сегодня заявления о том, что Онежская флотилия «комплектовалась за счет сил Балтийского флота...» и для ее «тылового обеспечения были задействованы ресурсы Петрограда и Балтийского флота»⁹. К этому флотилия действительно пришла, но пришла, пережив время, в течение которого ей пришлось быть «бедной родственницей флота»¹⁰.

Красная Онежская флотилия создавалась в преддверии ожидаемого весной и летом 1918 г. наступления немцев и финнов. Однако в бой ей пришлось вступить только год спустя, когда берегов Онега достигли наступавшие с севера англо-американские и белогвардейские войска, чье командование сразу же приступило к формированию собственных морских сил.

К весне 1919 г. на Севере – в Мурманске и Архангельске – имелось большое количество кораблей различных классов, как русских, так и иностранных. Однако единственным средством доставки их на Онежское озеро была железная дорога, переброска по которой крупных судов оказалась невозможной. Поэтому пришлось ограничиться боевыми катерами. Часть из них была взята в русских портах, а часть – доставлена из Англии и США. В апреле первый эшелон с девятью катерами на платформах двинулся в сторону Онежского озера¹¹.

На берега Онега наземные части интервентов и белогвардейцев вышли к середине мая 1919 г. Первым был взят Повенец (18 мая), на очереди была Медвежья Гора, но, не дожидаясь ее падения, американские железнодорожники из роты Транспортного корпуса начали готовить первые катера к спуску на воду. Надо сказать, что работа эта была тяжелой (нужно было прорубить просеку, подготовить трассу и потом катить по ней платфор-

² Годовой отчет деятельности Онежской флотилии (1 декабря 1918 – 1 декабря 1919 г.). Петрозаводск, 1920.

³ Сакович А. Речные и озерные флотилии. М.–Л., 1927; Безпальчев К. А. Флот и берег в опыте Онежской флотилии (к 10-летию начала боевых действий Онежской флотилии) // Морской сборник. 1929. № 5; Морозов К. А. Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск, 1961; Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917–1941 / Н. Ю. Березовский, С. С. Бережной, З. В. Николаева. М., 1992; Дубровская Е. Ю. «Озерный фронт» в Карелии: Онежская военная флотилия в 1918–1920 гг. // Двинская земля. Вып. 4. Вельск, 2005; Широкопад А. Б. Великая речная война. 1918–1920 годы. М., 2006.

⁴ Кадесников Н. З. Краткий очерк Русской истории XX века. Нью-Йорк, 1967. Режим доступа: http://www.dorogadomj.com/dr61/dr61kad4.html#4_11; Он же. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах // Флот в белой борьбе. М., 2002.

⁵ Жалнин Д. Е. Онежская флотилия Северной области в 1919–1920 гг. // Ученые записки Мурманского государственного педагогического университета. Исторические науки. Вып. 9. Мурманск, 2009.

⁶ Боевая летопись Военно-Морского Флота. С. 147.

⁷ Степанов Г. А. Формирование флотилии. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 191, л. 3 об.

⁸ Сакович А. Указ. соч. С. 86–88; Боевая летопись Военно-Морского Флота. С. 148.

⁹ Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 21.

¹⁰ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. VIII.

¹¹ РГА ВМФ. Р-124, оп. 1, д. 194, л. 5.

мы, снимая рельсы позади и укладывая впереди), но американцы с ней справились, и 27 мая два катера были спущены на воду в Большой губе Повенецкого залива¹².

Корабли красной флотилии помешать этому не смогли. Причиной тому было то, что хотя основная часть Онежского озера была доступной для плавания уже к середине мая, в узости Заонежского залива продолжал стоять лед толщиной до 1–1,5 м. Предпринятые 18 и 23 мая попытки преодолеть его закончились безуспешно, и лишь 24 мая красные моряки вошли в Повенецкий залив. Неделя была потеряна, и за эти дни войска противника смогли укрепиться в районе Повенца и Медвежьей Горы, а главное, воспользовавшись старым пароходом «Иоанн Златоуст», переправиться на Заонежский полуостров, где сразу же вспыхнуло антисоветское восстание. Центром его оказалось село Шуньга, где незамедлительно была создана военно-морская база. По данным советской разведки, 1 июня здесь находились три катера, один из которых около полудня того же дня провел первый бой с советской канонерской лодкой¹³.

К этому времени красная Онежская флотилия (или Онегофлот) имела в своем боевом составе 23 корабля, в том числе: в дивизионе заградителей – 3 («Березина», «Яуза» и «Шексна»), в дивизионе канонерок – 8 (№ 1–8), в 1-м дивизионе сторожевых судов – 4 судна и 2 катера (№ 1–4 и 5–6) и во 2-м дивизионе сторожевых судов – 6 судов (№ 13–18)¹⁴. Однако в зону ответственности флотилии входили не только Онежское, но и Ладожское озеро, а также река Свирь – те районы, где в мае–июне проходили бои с белофиннами. Это направление считалось наиболее опасным, а потому именно здесь было сосредоточено большинство кораблей флотилии. В частности, дивизион заградителей и 1-й дивизион сторожевых судов базировались на Лодейное Поле, а 2-й дивизион сторожевых судов – на Новую Ладугу.

На Онежском озере находился только дивизион канонерок, который с 28 мая, помимо выполнения задач по поддержке сухопутных войск и высадке десантов, должен был нести дозорную службу в районе островов Речной, Сал и Мег – на границе Повенецкого и Заонежского заливов¹⁵. Списочно дивизион, как уже отмечалось, состоял из 8 кораблей, однако, боеготовыми из них были только 6. Два корабля заканчивали ремонт и вступили в строй позже. Вместе с тем надо учитывать, что никогда вплоть до сентября месяца в своем полном составе дивизион не действовал. Сам характер дозорной службы требовал разделения его на два сменяющих друг друга отряда (по 4 корабля в каждом). Однако техническое состояние канонерок (несмотря на зимний ремонт) было таким, что и отряды практически никогда не выходили в озеро своим полным составом. Реально в дозоре находились 2–3 канонерские лодки.

В оперативном отношении красная флотилия находилась в подчинении начальнику 1-й стрелковой дивизии. На деле же получалось так, что непосредственным начальником дозорной группы канонерок был не начдив, а командир действовавшего в Заонежье пехотного отряда. В итоге зачастую вся «работа» канонерок сводилась к обеспечению действий этого отряда. О какой-либо борьбе за господство на озере говорить в таких условиях не приходилось. Это обстоятельство, как отмечали потом красные моряки, «дало возможность противнику создать морскую силу, если не превосходящую, то, во всяком случае, не уступающую нашей»¹⁶.

Основой этой силы стали моторные катера, обладавшие различными техническими характеристиками и вооружением. Наиболее мощными из них были истребители (сторожевые катера), строившиеся по русскому заказу в США и Норвегии. По мореходности эти небольшие (14–25 т) кораблики проигрывали более крупным (180–300 т) канонеркам красных. Однако малые размеры сулили и определенные преимущества, связанные с особенностями театра военных действий. «Повенецкий залив – отмечалось в отчете красной флотилии, – хотя и представляет, на первый взгляд, довольно значительный водный район, но обилием подводных опасностей (зачастую плохо известных) затрудняет плавание судов с более или менее значительной осадкой. Это, конечно, сказывалось на типе судов, применявшихся противником. Наилучшим типом кораблей, пригодным для этой части озера был легкий мелкосидящий катер, могущий ходить почти не заботясь о банках и маневрировать под прикрытием батарей»¹⁷.

Еще одним преимуществом истребителей была подвижность и маневренность. Имея силовые установки мощностью от 500 до 1000 л. с., они развивали скорость до 20–30 узлов, чем существенно превосходили все корабли красной флотилии, чей ход не превышал 8–12 узлов. К тому же эти катера постройки 1916–1917 гг., в отличие от переоборудованных из буксиров красных канонерок, были настоящими боевыми кораблями, и их палубы не прогибались от частой стрельбы.

Вооружение катеров, действовавших на Онежском озере, состояло из скорострельных пушек калибра 37, 47 и 57 мм. В этом они уступали красным канонеркам, главный калибр которых составляли орудия калибра 75 мм. Однако в июне 1919 г. такие пушки (7 шт.) стояли только на пяти кораблях, причем у трех – только

¹² Willet R. L. Russian sideshow. America's undeclared war. 1918–1920. Washington, 2003. P. 138; Our Navy at war by Joseph Daniels, Secretary of the Navy 1913 to 1921. Washington, 1922. P. 272.

¹³ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 20; Безпальчев К. А. Начало боевых действий на Онежском озере. Дозорная служба в Повенецком заливе. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 191, л. 28–30; Сведения о положении на фронтах гражданской войны в пределах Олонецкой губернии и на севере. НА РК. Р-573, оп. 1, д. 50/433, л. 230.

¹⁴ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Безпальчев К. А. Флот и берег в опыте Онежской флотилии. С. 5–7.

¹⁷ Там же. С. 92.

на корме. Из-за особенностей конструкции корабельных корпусов все носовые орудия канонерок могли действовать только на борт и не могли стрелять прямо по носу. Это противник понял сразу и «с первых же столкновений выяснилась твердо усвоенная им тактика – пользуясь преимуществом в скорости, держаться на носовых курсовых углах канонерок, вне обстрела их кормовых пушек»¹⁸. По этой причине красные корабли, стреляя из этих орудий, во время боя должны были выписывать замысловатые спирали, стараясь к тому же не подпускать противника на близкую дистанцию, где решающим становился уже не калибр пушек, а их скорострельность.

Остальные три канонерки дивизиона имели от 1 до 4 орудий калибра 37–47 мм. Учитывая их малую скорость, нетрудно понять, что боевая ценность этих кораблей была, пожалуй, даже ниже ценности малого катера.

Первые два катера, как уже отмечалось, союзники спустили на воду недалеко от Медвежьей Горы 27 мая 1919 г. Катера эти были американскими и пока о них известно лишь то, что оба они относились к типу 50-футовых (т. е. имели в длину 15 м) и вооружались одной 37-миллиметровой пушкой и пулеметом. Подробности их боевой деятельности неизвестны, но, по словам военно-морского министра США Д. Дэниэлса, «они трижды вступали в бой с большевистскими канонерками на дальней дистанции»¹⁹.

Остальные катера спускались на воду уже в Медвежьей Горе, причем спуск этот был, в отличие от предыдущего, менее трудоемким: американцы снова постарались и уложили рельсы в озеро, так что катера заходили в воду прямо с платформ²⁰. Все прибывшие в Медвежью Гору катера по мере спуска сразу же отправлялись в район Шуньги, где в это время развернулись бои с красными войсками.

1 июня 1919 г. находившаяся недалеко от д. Федотово красная канонерка № 5 была атакована скоростным катером. Бой продолжался полчаса, противник выпустил по канонерке до 50 снарядов, но, попав в артиллерийскую вилку, сразу же ретировался²¹.

4 июня состоялся еще один бой, в ходе которого красные канонерки № 4 и № 6 были с двух сторон атакованы двумя катерами противника. Бой длился порядка 50 минут, один катер попал под накрытие, после чего оба катера, пользуясь превосходством в скорости, один за другим скрылись в Шуньгской губе²².

Интересно, что в отчетах и воспоминаниях командиров красной флотилии нет никаких указаний на национальную принадлежность этих катеров. Все они были либо просто «катерами», либо «истребителями», в лучшем случае «белыми» или «неприятельскими». И это неудивительно, потому как на озере в тот момент действовала флотилия, в которую входили английские, американские и русские суда. Командовал ею английский офицер, командер Д. Р. Стенхауз²³. При этом есть основания утверждать, что в первых двух боях с советскими канонерками (1 и 4 июня) участвовали американцы. Англичане, по их собственным данным, впервые вступили в бой только 5 июня²⁴.

В этот день канонерки № 4 и № 6, обстреливавшие берег у д. Шуньгский Бор, подверглись атаке четырех катеров противника. На этот раз все закончилось совсем быстро. В 10 ч 10 мин канонерки начали маневрирование для боя, через 10 минут открыли огонь и сразу же достигли накрытия, а в 10 ч 30 мин все четыре катера повернули на 180° и вышли из боя. Спустя два с половиной часа эти же катера были замечены в другом месте, но ушли, едва канонерка № 6 начала двигаться им навстречу²⁵.

В июне 1919 г. это был последний морской бой на Онежском озере. Но, как уже отмечалось, министр Д. Дэниэлс говорил об участии американских моряков в трех столкновениях с красными. В июле американцев на Онеге уже не было. В этой связи возникает предположение, что 5 июня советским канонеркам пришлось иметь дело с объединенным англо-американским отрядом.

Появление в северной части Онежского озера морских сил противника обеспокоило советское командование – и морское, и сухопутное. Беспокойство это подогревалось и неверными разведанными, в соответствии с которыми, например, указывалось, что в конце мая в Медвежьей Горе была спущена на воду подводная лодка²⁶. Но, как оказалось, страхи были напрасными. Потерпев неудачу в первых же боях, экипажи английских и американских катеров в последующие недели никакой активности не проявляли. Американцы, удовлетворившись тремя перестрелками «на дальней дистанции», уже, видимо, собирались домой. Англичане же, наоборот, наращивали свое присутствие на озере, создав свою флотилию и доведя ее состав сначала до 8, а к концу июля – до 12 вымпелов. Командующим флотилией уже в июне был назначен командер Р. В. С. Кёртеис²⁷. Однако в бой с красными канонерками английские катера вступать не спешили, хотя советским морякам от этого легче не стало.

¹⁸ Безпальчев К. А. Из воспоминаний военного моряка. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 181, л. 37.

¹⁹ Our Navy at war. P. 272.

²⁰ Willet R. L. Op. cit. P. 138.

²¹ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 22; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920 : сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1964. С. 81–82.

²² Безпальчев К. А. Начало боевых действий на Онежском озере. Л. 33–34.

²³ Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 25.

²⁴ Summary of the battles and campaigns in which British troops were engaged. 1914–1919. Режим доступа: http://veterans-uk.info/pdfs/publications/guides/e_e_guide/app_12.pdf.

²⁵ Безпальчев К. А. Начало боевых действий на Онежском озере. Л. 35.

²⁶ Там же. Л. 29.

²⁷ Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 25, 28; Army. The evacuation of North Russia. 1919. London, 1920. P. 18.

Готовясь к овладению онежскими берегами, английское командование позаботилось о переброске сюда не только катеров, но и самолетов. 4 июня в Медвежью Гору прибыл первый эшелон с гидропланами «Передового крыла» британской морской авиации. 7 июня они совершили свои первые боевые вылеты, после чего стало ясно, что именно на летчиков англичане намерены возложить всю тяжесть борьбы с советскими кораблями. В течение лета происходило постепенное наращивание сил британской авиагруппировки, которая к сентябрю имела в своем составе около 30 самолета. Кроме того, к осени начал свои действия и Мурманский авиадивизион белогвардейцев²⁸.

Первые боевые вылеты англичане совершили 7 июня, а 9 июня, как сказано в одном документе союзников, «наша моторная флотилия совместно с нашими гидропланами обратила в бегство 4 вражеских вооруженных судна»²⁹. Возможно, кто-то и сегодня считает этот день своего рода «днем победы», однако на деле никакой победы не было. Были откровенная приписка, скрывшая оплошность английских пилотов, упустивших верную добычу, и полное бездействие английской флотилии, которая в тот день не имела никаких соприкосновений с кораблями красных³⁰.

Появление английской авиации в небе над Онежским озером стало для моряков красной флотилии большой неприятностью. С катерами противника у них, как можно было убедиться, особых сложностей не возникало. Другое дело – самолеты, против которых они оказались безоружны, потому как в этот момент на советских канонерках не имелось ни одного орудия и ни одного пулемета для зенитной стрельбы. Пользуясь этим, английские пилоты атаковали их с самых малых высот, спускаясь «почти до высоты мачт корабля»³¹.

Единственным средством борьбы с воздушными атаками у командиров красных канонерок являлось маневрирование, и, надо отдать им должное, этим средством они пользовались умело. За все 4 месяца своего пребывания на Онежском озере англичане, несмотря на признанную красными «храбрость и умелость», не смогли повредить ни один из боевых кораблей советской флотилии. Лишь однажды они попали бомбой в невооруженное посыльное судно № 2 («Огюст Бланки»), да и то оно осталось на ходу³².

Наибольшей опасностью для красных могли быть комбинированные воздушно-морские удары. Такая угроза была реальной, но ни в июне, ни в июле она так и не была приведена в исполнение. Английская авиация в это время действовала весьма активно, атакуя надводные и наземные цели днем и ночью, в дождь и штормовой ветер³³. Английская флотилия, наоборот, ничем таким себя не проявила, умудрившись при этом потерять своего флагмана: 8 июля на истребителе «Веселый Роджер» вспыхнул пожар, вызвавший взрыв и гибель корабля, а с ним и пяти членов экипажа³⁴.

Во второй половине июня–июле 1919 г. дивизион канонерок по-прежнему оставался единственным действующим на Онежском озере соединением советской флотилии. Правда, в его составе в этот период произошли изменения, связанные с заменой кораблей у канонерских лодок № 1 и № 8. Новые пароходы были более мощными, и на корме канонерки № 1 удалось установить 75-миллиметровую пушку. После этого общее количество таких орудий в дивизионе достигло 8.

Красные канонерки продолжали нести свою дозорную службу и осуществляли конвоирование транспортов с войсками в Повенецком и Заонежском заливах, а также в Лижемской и Уницкой губах. Постоянными, особенно во второй половине июля, были налеты английских самолетов, результатом которых становились потери среди личного состава (в том числе и среди командиров)³⁵.

В этой связи вызывает недоумение заявление Д. Е. Жалнина о том, что в данный период «красная флотилия, несмотря на явное материально-техническое превосходство, в основном отставалась в Петрозаводске». Причинами тому называются боязнь авиации, недостаток опыта у части команд и «неожиданно решительные действия скоростных катеров белых»³⁶.

Прежде всего, надо заметить, что советская Онежская флотилия не могла «отставаться» в Петрозаводске. Этого ей никто бы не позволил. Будучи в оперативном подчинении сухопутному командованию она должна была выполнять и выполняла задания по обеспечению войск, сражавшихся в Заонежье и на Пудожском фронте.

Английской авиации красные моряки к этому времени уже не боялись, потому что на всех канонерках были поставлены зенитные пушки. Особой меткостью их стрельба, правда, не отличалась, однако и в таком виде она заставила англичан летать повыше, что еще более снизило точность бомбометания. В целом же, характеризуя общие итоги действий британских самолетов, можно процитировать слова К. А. Безпальчева, бывшего в 1919 г.

²⁸ Хайрулин М. А., Кондратьев В. И. Военлеты погибшей империи. Авиация в гражданской войне. М., 2008. С. 138–144; Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 83.

²⁹ Air War over North Russia. Режим доступа: <http://forum.axishistory.com/viewtopic.php?f=53&t=144246>.

³⁰ Безпальчев К. А. Из воспоминаний военного моряка. Л. 38–40.

³¹ Там же. С. 90.

³² Там же. С. 28.

³³ Honours // Flight. The aircraft, engineer & airships. No. 569 (No. 47, Vol. XI). November 20, 1919. P. 1501.

³⁴ Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 24.

³⁵ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 30; Безпальчев К. А. Начало боевых действий на Онежском озере. Л. 39–40.

³⁶ Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 28.

командиром канонерки № 1: «Материальные результаты единичных и групповых налетов гидро были ничтожны...».³⁷

Что же касается действий катеров противника, то за весь июль в документах отмечен лишь один случай, когда красным канонеркам пришлось отражать атаку неприятеля. По советским данным, это произошло 2 июля у острова Речной, причем бой был очень скоротечен: в зоне огня канонерок № 4 и № 6 вражеский истребитель находился всего 5 минут, после чего развернулся и вышел из-под обстрела. Англичане подтверждают факт участия своей флотилии в этом бою, но датируют его 3 июля³⁸.

Можно, конечно, предположить, что красные что-то утаили в своих отчетах. Не исключено. Однако еще в конце июля белые не чувствовали себя хозяевами Заонежского залива. Чтобы доставить грузы из Повенца в Челмужи, им приходилось использовать не катера и тем более не имевшийся у них пароход «Иоанн Златоуст», а примитивные гребные шлюпки. Почему? Потому, что только они могли двигаться вдоль берега на мелководье, то есть там, где их не могли настичь глубокосидящие канонерки красного дозора³⁹.

В июле, после Видлицкого десанта и разгрома финнов под Олонцом и Петрозаводском, командование советской флотилии начало переброску кораблей из Лодейного Поля. Во второй половине месяца на Онежское озеро прибыл 1-й дивизион сторожевых судов. В его состав входили 4 сторожевых судна (№ 1–4), относившихся к типу бронированных речных канонерских лодок, и два пулеметных бронекатера американской постройки (№ 5–6). Спроектированные для действий на реках, эти корабли отличались малой осадкой, что позволяло им действовать в непосредственной близости от берега – как раз там, где ходили шлюпки белых⁴⁰.

Вместе с тем события показывали, что переводом одного дивизиона малых сторожевых судов дело ограничиться не может. Еще в конце июня – начале июля был поставлен вопрос об усилении советской флотилии, но дело шло очень медленно. Месяц спустя командующий Онегофлотом Э. С. Панцержанский отмечал, что «обстановка на Онежском озере (Онежском озере) с каждым днем настолько усложняется, что ежечасное промедление и беспечность с нашей стороны могут быть чреваты весьма серьезными последствиями...»⁴¹. Причиной такой тревоги послужило, по всей вероятности, появление на Онежском озере еще одной флотилии. Ее личный состав, в отличие от англичан и американцев, был настроен весьма решительно, проявив, как признавали позднее красные моряки, «изумительную настойчивость ... при выполнении намеченной цели в борьбе за овладение озером»⁴².

Весной 1919 г., одновременно со своими англо-американскими союзниками, формированием отряда морских сил для Онежского озера занялось и русское командование Северной области. В апреле решением Военного (сухопутного) ведомства началось комплектование экипажей первых катеров, которые, как уже отмечалось, прибыли в Медвежьей Горе в конце мая и подчинялись командеру Д. Р. Стенхаузу.

1 июня из Архангельска в Кемь отбыл дивизион истребителей, назначенных для Онежской флотилии. В середине июня в Медвежьей Горе появился назначенный начальником флотилии капитан II ранга А. Д. Кира-Динжан. Тогда же из Кеми прибыли два эшелона с катерами. По показаниям мичмана А. Н. Водовиковского, первый доставил из Сороки (ныне Беломорск) моторные катера «Кемь», «Сорока» и «Гаможенный», а второй – отправленные из Архангельска истребители № 1, 4, 5, 15 и посыльное судно «Светлана». Флотилию передали в Морское ведомство, а из катеров, уже находившихся на Онеге, в нее вошли истребители № 260 и 296. 29 июня «боевое ядро» флотилии ушло из Медвежьей Горы в Шуньгу, а 6 июля, по свидетельству очевидца, два русских истребителя уже находились в озере (в районе Палеострова)⁴³.

Главную силу Онежской флотилии Северной области составили 7 быстроходных катеров-истребителей американской и норвежской постройки. Истребители № 1, 4, 5 («Безжалостный», «Беззаветный» и «Безрассудный»⁴⁴), «Бесстрашный» и «Бурный» (№ 296) относились к серии так называемых поздних (или больших) Гринпортов, построенных по русскому заказу в США в 1917 г. Истребитель «Буйный» (№ 260) принадлежал к типу ранних (или малых) Гринпортов, а истребитель № 15 «Безупречный» был одним из шести, построенных в 1916 г. в Норвегии. Помимо этого флотилия имела до десятка других катеров – моторных и паровых. Английская флотилия, как уже отмечалось, состояла из 12 катеров, 6 из которых были вооружены пушками и 6 – пулеметами⁴⁵.

Таким образом, можно подсчитать, что к концу июля англо-русские силы на Онеге включали в себя до 30 судов разных типов. Красная флотилия в тот момент располагала восемью канонерками, четырьмя сторо-

³⁷ Безпальчев К. А. Флот и берег. С. 3.

³⁸ Summary of the battles and campaigns...

³⁹ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 30.

⁴⁰ Черников И. И. Русские речные флотилии за 1000 лет (907–1017). СПб., 1999. С. 92–94; Он же. Флот на реках. СПб., 2003. С. 578–582.

⁴¹ Морозов К. А. Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск, 1961. С. 72–73.

⁴² Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 84.

⁴³ Кадесников Н. З. Краткий очерк Белой борьбы... С. 34; РГА ВМФ. Р-124, оп. 1, д. 194, л. 5, 9 об.; Олонская коммуна. 26 июля 1919 г. (№ 167). С. 3.

⁴⁴ К сожалению, соотнести номера с названиями этих кораблей пока не удастся.

⁴⁵ РГА ВМФ. Р-124, оп. 1, д. 194, л. 9 об., 20; Катера белой Онежской флотилии (1919). Режим доступа: <http://kortic.borda.ru/?1-15-30-00000036-000-0-0-1219004309>.

жевиками и двумя малыми бронекатерами. Остальные суда Онфлота все еще находились в Лодейном Поле и Новой Ладоге.

1 августа 1919 г. в дозор в Повенецком заливе заступила группа советских кораблей, включавшая канонерки № 2 и № 6, сторожевое судно № 3 и сторожевой катер № 6. На следующий день ими была захвачена белогвардейская шлюпка, шедшая с грузом в Челмужи. Ближе к ночи корабли встали на стоянку близ острова Сал.

К этому времени англо-русские силы были уже готовы к наступлению. Цель его была двойной. С одной стороны, необходимо было обеспечить наилучшие условия для эвакуации английских войск из России, а с другой, максимально улучшить положение остающихся один на один с красными белых войск Мурманского фронта. К операции, помимо сухопутных сил, привлекались самолеты «Передового крыла» и обе действовавшие на Онежском озере флотилии.

Утром 3 августа 7 катеров – 6 английских и 1 русский (истребитель № 15), – поддерживая наступление своей пехоты, сначала обстреляли позиции советских войск у д. Падмозеро, а после высадили десант в с. Толвуя. Началось вытеснение красных с территории Заонежского полуострова⁴⁶.

Тогда же стоявшие у острова Сал корабли красного дозора были с двух сторон атакованы четырьмя английскими гидропланами, к которым 20 минут спустя присоединился отряд из трех катеров-истребителей (№ 1, 4, 5) под флагом начальника белой флотилии. С самого начала красные оказались в сложном положении. Сторожевое судно № 3 вынуждено было двигаться под одним мотором (второй вышел из строя), а сторожевой катер № 6 и вовсе не удалось завести, в силу чего он был оставлен на месте ночной стоянки. Кроме того, явно не ожидая комбинированного («морского-авиационного») нападения, командир дозора А. Я. Пуга раздробил свои силы, направив корабли по двум разделенным длинной грядой рифов фарватерам⁴⁷.

Всеми этими обстоятельствами противник воспользовался в полной мере, «блестяще проведя комбинированную атаку самолетов и быстроходных катеров»⁴⁸. Удар гидропланов был нацелен преимущественно на канонерку № 6, тогда как истребители обрушились на канонерку № 2 и сторожевое судно № 3 (у которого вскоре вышел из строя и второй мотор). Бой длился полтора часа. Получив повреждения, канонерка № 2 и сторожевое судно № 3 выбросились на камни и были оставлены экипажами.

Примечательно, что красные моряки, потерпев поражение, постарались дать объективную оценку действиям своих бывших сослуживцев по императорскому флоту: «Противник прекрасно учел тихоходность и малоповоротливость наших военных кораблей – вооруженных буксиров – и в полной мере применил свои мелкосидящие быстроходные катера, несчитающиеся с подводными опасностями, а также и гидропланы, которые... заставляли наши корабли маневрировать именно так, как это было нужно ему»⁴⁹.

Судя по всему, примерно так же – сдержанно – оценивал свой успех и начальник Онежской флотилии белых А. Д. Кира-Динжан, награжденный за этот бой орденом святого Георгия IV степени и повышенный в звании до капитана I ранга⁵⁰. Иной оказалась реакция историков белого флота. По словам Н. З. Кадесникова, после 3 августа «стычки с неприятельскими военными судами участились, и перевес все время был на стороне белых, численность которых не уменьшалась, а чаще увеличивалась разными «призами»⁵¹. Ту же самую мысль проводят и некоторые современные историки. Повторяя слова Кадесникова, они объясняют успехи белых их преимуществом в «опыте и умении», подчеркивая при этом «явное материально-техническое превосходство» красных⁵².

Все это мало соответствует действительности. Победа 3 августа оказалась первой и единственной, одержанной белогвардейцами на Онежском озере. Оба захваченных в тот день корабля после ремонта вошли в состав белой флотилии. Канонерка № 2 стала вооруженным пароходом «Сильный». Сторожевое судно № 3 было переклассифицировано в канонерскую лодку и получило название «Боевой». Но больше никаких других «призов» в руки белых не досталось.

Трудно понять, о каком преимуществе в опыте и умении со стороны белых можно вести речь, если, к примеру, командирами кораблей в обеих флотилиях (и в белой, и в красной) были офицеры одного и того же Балтийского флота, равные как по возрасту, так и по мичманским и лейтенантским погонам. То же самое можно сказать и о матросах, служивших в годы Первой мировой войны на кораблях Балтики и Ледовитого океана.

Историки, пытающиеся глядеть на события тех дней со стороны белой флотилии, намекают на страхи красного командования, которое, дабы как-то стабилизировать ставшее критическим положение, направило на Онежское озеро «последние крупные подкрепления, вплоть до миноносцев»⁵³. Почему подкрепления были «последними», не ясно, а вот как обстояли дела с «миноносцами».

⁴⁶ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 31–32; Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 29. Англичане датируют эту акцию 2 августа, что явно ошибочно (Summary of the battles and campaigns...).

⁴⁷ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 30–31.

⁴⁸ Безпальчев К. А. Флот и берег в опыте Онежской флотилии. С. 7.

⁴⁹ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 91.

⁵⁰ Жалнин Д. Е. Указ. Соч. С. 29.

⁵¹ Кадесников Н. З. Краткий очерк Белой борьбы... С. 34–35.

⁵² Гончаренко О. Г. Последние битвы императорского флота. М., 2008. С. 165; Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 28–29.

⁵³ Кадесников Н. З. Указ. соч. С. 35; Гончаренко О. Г. Указ. соч. С. 165.

Действительно, после 3 августа 1919 г. красные морские силы на Онеге были усилены. Однако произошло это в основном за счет перевода кораблей флотилии из Лодейного Поля и Новой Ладogi в Петрозаводск. К началу сентября сюда прибывают заградители «Яуза» и «Березина», на которых была проведена замена артиллерии. Вместо 75-миллиметровых пушек оба заградителя получили по два 102-миллиметровых орудия и по одной 76,2-миллиметровой и 75-миллиметровой зенитной пушке, став самыми мощными кораблями Онежского озера. Правда, существенным и неизбывным недостатком этих колесных теплоходов продолжали оставаться малая скорость и неповоротливость⁵⁴.

Тогда же в Петрозаводск из Новой Ладogi прибыла группа кораблей из состава 2-го дивизиона сторожевых судов (сторожевые суда № 13, 17, 18)⁵⁵. Однако особой боевой ценности эти маленькие пароходы не представляли, так как обладали малой скоростью, низкой мореходностью и вооружением, не превышавшим вооружение белых истребителей. По этой причине их предпочитали использовать по прямому назначению, то есть для несения дозорной службы, неохотно привлекая для участия в больших операциях.

Что касается судов, прибывших непосредственно с Балтики, то таковых было три. 7 августа в Петрозаводск прибыл эсминец «Сторожевой», переданный в состав флотилии еще 1 июля и задержавшийся с приходом к новому месту службы⁵⁶. Главным достоинством этого корабля, близкого по типу миноносцам Порт-Артура, была приличная, по онежским меркам, скорость, достигавшая 21 узел⁵⁷. Вооружением, включавшим две 75-миллиметровых пушки, он не превосходил лучшую из канонерок флотилии – канонерку № 3, с той лишь разницей, что носовое орудие эсминца могло вести огонь по всему сектору своего обстрела, тогда как носовое орудие канонерки № 3 – только по борту. Стрелять вперед ей, как и остальным канонеркам Онегофлота, мешала конструкция носовой части.

12 августа в Петрозаводск была доставлена построенная в Петрограде плавучая батарея № 1 – несамоходная баржа с установленными на палубе одним 203-миллиметровым орудием и одной 76,2-миллиметровой аэропушкой. 20 сентября флотилия получила такую же плавучую батарею № 2⁵⁸. Однако орудия такого калибра для стрельбы по скоростным катерам были малопригодны, тем более что обе батареи были чувствительны к качке и могли действовать только в условиях тихой погоды⁵⁹.

12 августа красная флотилия наконец-то получила свою авиацию: в Петрозаводск из Ораниенбаума прибыли личный состав и техника 4-го гидроавиаотряда. Но разговоры о переводе этого подразделения на Онежское озеро велись уже с мая, а окончательно вопрос о подчинении его командующему флотилией был решен еще 28 июля⁶⁰. К тому же на вооружении авиаотряда были самолеты М-9 и М-20, по своим характеристикам и состоянию не способные конкурировать с более современными английскими машинами.

Таким образом, к 12 сентября 1919 г., когда красная Онежская флотилия была готова к активным действиям на озере, в ее составе находились 17 боевых кораблей и 4 малых катера: 7 канонерок (№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8), 2 заградителя («Березина» и «Яуза»), эсминец «Сторожевой», 6 сторожевых судов 1-го и 2-го дивизионов (№ 1, 2, 4, 13, 17, 18), плавучая батарея № 1, а также бронекатер № 5 (позднее № 9) и посыльные катера № 5, 6 и 8. В конце сентября, как уже отмечалось, флотилия получила еще одну плавучую батарею, но вскоре эсминец «Сторожевой» был возвращен на Балтику. 22 октября 1919 г. в состав ООРФ были перечислены посыльные суда (бывшие миноносцы) «Илим» и «Перископ». Однако в боях на Онеге они не участвовали.

В это же время на другом берегу Онежского озера тоже происходили заметные перемены. Английские моряки свою последнюю операцию провели в конце августа, причем не на Онежском озере, а на озере Санда, где, по советским данным, 27-го, а по английским, 28-го числа «белые высадили десант... при деревне Сапуха, численностью 200 штыков»⁶¹. Эта операция заслуживает особого внимания. Для того чтобы осуществить ее, англичане должны были перебросить свои катера по грунтовой дороге с Онежского озера и, возможно, именно за организацию такого непростого дела командер Р. В. С. Кёртеис и был награжден орденом «За выдающиеся заслуги»⁶².

Бои на озере Санда для англичан и белогвардейцев закончились неудачей и стали последними для английской Онежской флотилии. В течение сентября англичане вывели из России все свои наземные, морские и воздушные силы. В небе над Онегой теперь стали летать только летчики Мурманского авиадивизиона, а единственным противником красной флотилии на озерном фронте стали катера каперанга А. Д. Кира-Динжана. По имеющимся данным, в составе белой Онежской флотилии осенью 1919 г. мог быть 21 корабль: вооруженный пароход «Сильный», канонерка «Боевой», 7 истребителей (из них 3 в ремонте), 10 катеров (6 – с пушками

⁵⁴ Черников И. И. Минно-сетевые заградители «Березина» и «Яуза» // Судостроение. 2000. № 6. С. 73.

⁵⁵ Боевая летопись Военно-Морского флота. С. 156.

⁵⁶ Боевая летопись Военно-Морского флота. С. 152.

⁵⁷ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 13.

⁵⁸ Боевая летопись Военно-Морского флота. С. 154.

⁵⁹ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 89.

⁶⁰ Демушкин И. И. Воспоминания. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 184, л. 31.

⁶¹ Олонецкая коммуна. 31 августа 1919 г. (№ 196). С. 3; Summary of the battles and campaigns...

⁶² Naval Honours. Awards for Services in Russia. Режим доступа: <http://www.naval-history.net/WW1z05NorthRussia.htm>.

и пулеметами, 4 – с пулеметами⁶³), а также суда «Светлана» и «Азот». По версии Н. З. Кадесникова, на этих кораблях «белые воины героически боролись за правое дело и чаще в неравных боях были победителями»⁶⁴.

Увы, но имеющиеся факты говорят о другом. В августе белые провели две успешные десантные операции, однако боев с кораблями противника не имели. 14 сентября белые истребители пытались помешать высадке красного десанта на Большой Климецкий остров, но были без труда отбиты огнем заградителей. 17 сентября заградители «Яуза» и «Березина» уничтожили вражескую батарею на о. Сосновец, чем расчистили путь в Лижемский залив. 25–27 сентября красная флотилия высаживает десант в Лижме, после чего была окончательно ликвидирована угроза Петрозаводску.

8 октября Онегофлот выходит в свой последний, продолжавшийся более месяца, поход. В этой операции было задействовано 11 боевых кораблей: заградители «Яуза» и «Березина», 6 канонерок (№ 1, 4, 5, 6, 7, 8), плавбатарея № 2 и сторожевые суда № 2 и № 4⁶⁵. Итогами этого похода оказались захват батареи на острове Мег и взятие Челмуж, после чего действовавшие по обоим берегам озера красные войска вышли на подступы к Медвежьей Горе. Правда, взять станцию тогда не удалось, но 6 ноября заградители «Яуза» и «Березина» подошли к ней и подвергли уничтожающему обстрелу...⁶⁶

Чем на все это ответили белые? 9 октября «Сильный» и истребители дважды пытались атаковать красную флотилию у о. Мег, но оба раза были легко отогнаны огнем заградителей «Березина» и «Яуза». Превосходство советских кораблей в артиллерии было подавляющим, но у белых по-прежнему оставался важный козырь – скорость. 30-узловой ход их истребителей, по признанию красных командиров, был серьезным преимуществом, однако им противник так и не воспользовался, «не решаясь делать набег на наши тыловые базы, что при таком большом ходе его судов было бы весьма возможно и почти для него безнаказанно». По словам Э. С. Панцержанского, «флотилия противника бездействовала».

Не смогли белые воспользоваться и своими береговыми батареями. Одноорудийная батарея на острове Сосновец была без особого труда уничтожена красными заградителями. Батарея на Мегострове капитулировала, не выдержав обстрела. Батарею при входе в Челмужский залив белые так и не поставили. В это красные моряки сразу даже и не поверили, а когда поверили, то без боя заняли село, захватили трофеи, а заодно обрушили весь Повенецкий фронт противника⁶⁷.

Кроме артиллерии в распоряжении белой флотилии осенью 1919 г. имелось около 150 морских мин образца 1912 г. Используя их, можно было закупорить вход в Повенецкий залив, но это сделано не было. В итоге красные корабли вышли на оперативный простор и смогли дойти до самой Медвежьей Горы. Тут, правда, белые постарались и прикрыли подступы к своей главной базе минными заграждениями. Но эффекта это не возымело. Как оказалось, красные командиры то ли все правильно просчитали и вышли на свободные от мин участки, то ли им попросту повезло, но ни одного подрыва на минах не случилось. Возможна и еще одна версия, высказанная В. П. Боголеповым (в 1919 г. помощником командира канонерки № 7): «...Выяснилось также, что на предварительно поставленном... заграждении мы этой ночью и елозили – мины только стали (с помощью безвестных друзей?) на большее углубление, чем надо...»⁶⁸.

Как видим, за период с 14 сентября по 6 ноября белогвардейская Онежская флотилия не смогла провести ни одной успешной акции. Под натиском противника она пятилась назад, а когда озеро кончилось и пятиться стало некуда, А. Д. Кира-Динжан погрузил свои катера на платформы и отправил в Мурманск.

На этом боевые действия на Онежском озере закончились. Подводя их итоги, следует заметить, что обе стороны стремились использовать свои флотилии, в первую очередь, в интересах наземных войск. По этой причине морские бои на Онеге были относительной редкостью. По одним данным, за весь период с 1 июня по 6 ноября 1919 г. произошло 5 таких столкновений, а по другим – 7⁶⁹. Отсюда – специфика понесенных противниками потерь. Советская флотилия потеряла 5 кораблей, 28 июня 1919 г. в Уницкой губе полевой артиллерией было потоплено гидрографическое судно «Слуцкий»⁷⁰. 3 августа 1919 г. белыми были захвачены канонерская лодка № 2, сторожевое судно № 3 и сторожевой катер № 6⁷¹. 6 ноября 1919 г. у Сухого Наволока выстрелами с берега была потоплена канонерка № 7⁷². Кроме того еще два судна были исключены из состава

⁶³ Катера белой флотилии Онежского озера. Режим доступа: <http://kortic.borda.ru/?1-15-30-00000036-000-0-0-1219004309>; Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 12; Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота. С. 468, 471.

⁶⁴ Кадесников Н. З. Краткий очерк Русской истории.

⁶⁵ Морозов К. А. Указ. соч. С. 85.

⁶⁶ Панцержанский Э. С. Указ. соч. С. 220–230; Безпальчев К. А. Флот и берег. С. 7–15.

⁶⁷ Имяются в виду промежуточные базы, устроенные красной флотилией в Толвуе и Оровгубе (Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 89).

⁶⁸ Панцержанский Э. С. Указ. соч. С. 226.

⁶⁹ Безпальчев К. А. Из воспоминаний военного моряка. Л. 50–51.

⁷⁰ Кислицын В. В. Тральные работы на Онежском озере // Морской сборник. 1929. № 5. С. 16–18; Боголепов В. П. Гибель канонерской лодки «Пименов» осенью 1919 г. в Заонежье. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 183, л. 6.

⁷¹ Безпальчев К. А. Флот и берег. С. 3; Алафузов В. А. Дивизион канонерок. Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 20, № 191, л. 63–64.

⁷² Боевая летопись Военно-Морского флота. С. 151.

флотилии из-за серьезных повреждений: канонерка № 1 «Север» (из-за случившейся при стрельбе аварии, связанной со слабостью корпуса) и посыльное судно № 2 (повреждено авиабомбой 1 июля 1919 г.)⁷³.

Англичане на Онежском озере потеряли истребитель «Веселый Роджер», взорвавшийся 8 июля 1919 г.⁷⁴ Белые осенью 1919 г. потеряли 3 моторных катера, которые были сожжены в Великой Губе, Толвуде и Шуньге⁷⁵. 5 или 6 ноября в Медвежьей Горе был взорван неисправный истребитель «Бесстрашный»⁷⁶. 6 ноября в Пергубе команда взорвала свой пароход «Сильный». Тогда же собственным экипажем был взорван буксир «Азот»⁷⁷.

Что касается катеров, отправленных в Мурманск, то в марте 1920 г. все они были захвачены красными войсками и введены в состав советского флота.

Список сокращений

КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск.

НА РК – Национальный архив Республики Карелия, Петрозаводск.

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург.

К. А. Дианова

Первые мероприятия советской власти в оценках краеведов (на примере Архангельска и Петрозаводска)

Установление в 1917 г. советской власти и её первые мероприятия были неоднозначно восприняты русским обществом и стали одной из причин начала Гражданской войны 1918–1920 гг. Наиболее интересна в этом отношении позиция представителей интеллигенции, которые еще задолго до революции предлагали свои проекты преобразований, направленных на улучшение всех сфер жизни.

На Европейском Севере России одними из наиболее значимых объединений представителей дворянства и интеллигенции стали краеведческие общества, созданные после революции 1905–1907 гг. – в Архангельске (Архангельское общество изучения Русского Севера, далее – АОИРС), Вологде (Вологодское общество изучения Северного края) и Петрозаводске (Общество изучения Олонецкой губернии, далее – ОИОГ). Целью данных организаций было привлечение внимания правительства к проблемам и нуждам региона, а также содействие реализации проектов, направленных на решение этих проблем.¹ Для осуществления поставленных целей члены общества стремились как можно лучше изучить историю Европейского Севера, чтобы продемонстрировать его уникальность и ценность для Российской империи.

Названные общества имели достаточно однородный социальный состав: в них входили представители интеллигенции и местной администрации, а также промышленники и предприниматели. Что касается партийной принадлежности, то изначально данные краеведческие организации старались находиться вне политики. Между тем по характеру деятельности и содержанию проектов можно судить о том, что большинство краеведов симпатизировали либералам и партии кадетов, что отразилось на их позиции в ходе революции 1917 года. Однако в целом оценка данных событий, а также первых мероприятий советской власти обществами Архангельска и Петрозаводска была совершенно различной, что отразилось на дальнейшей судьбе их членов.

После Февральской революции 1917 г. ОИОГ заняло выжидательную позицию, а после октябрьского переворота старалось не идти на конфликт с советской властью. В журнале «Известия ОИОГ» не было ни одной статьи или даже заметки, в которой давалась бы какая-то оценка действий большевиков или нового правительства. Однако, несмотря на это, весной 1918 г. ОИОГ прекратило свою деятельность, хотя отдельные члены общества продолжали свою краеведческую и общественно-политическую деятельность. Бывшие члены ОИОГ Антон Антонович Бернацкий, Лев Григорьевич Гершанович и Виктор Иванович Крылов уже в период Гражданской войны стали активно публиковаться на страницах местных советских изданий, а в 1923 г. по их инициативе было создано «Общество изучения Карелии».

Главной целью этого общества стало изучение особенностей края с целью содействия проведению в жизнь хозяйственных и просветительских преобразований. Подробная программа мероприятий данной организации

⁷³ Там же. С. 154.

⁷⁴ Там же. С. 160.

⁷⁵ Безпальчев К. А. Из воспоминаний военного моряка. Л. 42; Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 28.

⁷⁶ Жалнин Д. Е. Указ. соч. С. 24.

⁷⁷ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии. С. 12.

¹ Устав АОИРС. – Архангельск, 1908. – С. 3.

была дана Л. Г. Гершановичем в статье «Задачи Общества изучения Карелии».² В ней автор представил анализ географических, экономических и историко-культурных особенностей региона, обобщил деятельность предшествующей организации – ОИОГ, а также наметил перспективы для развития краеведения на новом этапе. Помимо этого Гершанович выступил с некоторой критикой советского режима, в частности, он отметил, что новая власть пренебрегает необходимостью всестороннего изучения края. Гершанович подчеркнул, что использование лесных богатств происходит нерационально, с нарушениями вековых традиций, результатом чего становится убыточность данного вида хозяйствования. Что касается сельскохозяйственного сектора, краевед обратил внимание на то, что для реализации всех намеченных советской властью мероприятий следует всё же обратиться к опыту дореволюционных органов и вести преобразование на основе уже имеющихся наработок и исследований.³

Кроме того, краеведы неоднократно высказывали недовольство по поводу того, что с установлением новой власти значительно сократился круг лиц, занимающихся изучением родного края, и прежде всего, они выражали недовольство тем, что несмотря на все призывы советской власти представители учительства проявляют пассивность и не идут на сотрудничество с краеведами. Об этом неоднократно печаталось на страницах местной прессы. Таким образом, можно сделать вывод – несмотря на провозглашенное сотрудничество с новой властью, петрозаводские краеведы выступали с критикой некоторых действий советской власти, что не могло не остаться незамеченным, и вскоре деятельность Общества изучения Карелии была свернута.

Что касается АОИРС, то позиция членов данной организации значительно отличалась от ОИОГ. Вскоре после Февральской революции 1917 г. один из членов АОИРС – М. Н. Артлебен – опубликовал на страницах «Известий АОИРС» очерк «Архангельск в дни государственного переворота»,⁴ который также был издан отдельными оттисками. В нем автор подробно описал события в Архангельске с 28 февраля по 10 марта 1917 г., а также попытался дать собственную оценку всему происходящему. Из данного очерка видно, что члены АОИРС единогласно приветствовали революцию, которая свергла тормозивший развитие страны монархический режим и открыла путь для демократических преобразований. Но уже в апреле 1917 г. среди членов АОИРС произошло некоторое размежевание по политическим вопросам. 30 апреля на общем собрании членов Общества доктор М. В. Головинский предложил провести дискуссию на тему «Настоящий исторический момент и задачи завтрашнего дня». Приветствуя Февральскую революцию, он вместе с тем заявил, что требование пролетариатом диктатуры «законно и вытекает из того, что это было бы должной расплатой буржуазии и интеллигенции за прежние грехи перед низшим классом народа».⁵ Это заявление вызвало отрицательную реакцию у большинства архангельских краеведов, многие из которых принадлежали к «верхам» общества. Члены АОИРС считали, что «они не имеют вины перед народом», поскольку вся деятельность Общества была направлена на изучение края, что должно было способствовать улучшению его жизни.

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. положение АОИРС изменилось. Многие члены Общества не приняли Октябрьскую революцию и политику советской власти, и об этом открыто высказывались на страницах АОИРС, что не могло не отразиться на отношении новой власти к данной организации. Уже в первых номерах «Известий» за 1918 г. Правление АОИРС выступило с «Воззванием к русскому народу», в котором призывало не принимать некоторые постановления советской власти. Наибольший протест вызвало предоставление Финляндии независимости и передача ей «лучшей части нашего Мурмана».⁶ Общество считало это предательством национальных интересов.

В связи с угрозой отторжения западного Мурмана от России при Обществе было создано бюро «По охране целостности и жизненных интересов Севера», ставшее центром мобилизации общественности на сопротивление этим планам нового правительства. Члены этого бюро провели несколько собраний с представителями общественных организаций города, выпустили ряд воззваний, а также отправили в свою Москву делегацию; на страницах «Известий АОИРС» постоянно печатались заметки, критикующие действия советской власти. В связи с таким открытым противостоянием АОИРС и Архангельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже с весны 1918 г. начались аресты и обыски, в ходе которых были изъяты некоторые документы и материалы, связанные с деятельностью АОИРС и созданного при нем бюро.⁷

Вскоре после захвата Архангельска интервентами на страницах «Известий АОИРС» появилась статья «Падение советской власти и последующие события в архангельской жизни».⁸ В ней была сделана попытка оценить все события, которые происходили в России после октября 1917 г., в том числе и первые мероприятия Советского правительства. По мнению авторов, поддержка большевистского режима народом была ошибочной, поскольку крестьяне и рабочие «плохо разбирались в политических вопросах», а сама власть «держалась кучкой вооруженных солдат, терроризировавших местное население».⁹ С их точки зрения большевики занимались

² Известия Общества изучения Карелии. – 1924. – № 1. – С. 1–9.

³ Там же. – С. 5–7.

⁴ Известия АОИРС. – 1917. – № 3–4. – С. 114–129.

⁵ Известия АОИРС. – 1917. – № 5. – С. 228.

⁶ Известия АОИРС. – 1918. – № 3–4. – С. 44.

⁷ Дойков Ю. Много знали – выслать, расстрелять // Архангельск. – 1992. – № 135. – С. 7.

⁸ Известия АОИРС. – 1918. – № 10–12. – С. 232–235.

⁹ Там же. – С. 232.

исключительно демагогией, которая не имела под собой реальных основ, поэтому «свержение большевистской власти было заветной мечтой очень многих». В завершении статьи было подмечено, что «большевики не сильно отстаивали свою власть в Архангельске, поскольку были слишком поглощены спасением своей шкуры и увозом всякого добра», а также особо подчеркнута благодарность архангелогородцев перед союзниками, благодаря которым «они наконец освободились от кошмара советской власти».¹⁰

Созданное в Архангельске Временное правительство Северной области во главе с Н. В. Чайковским оказывало всяческую поддержку Обществу.¹¹ Поэтому вскоре после его создания на страницах «Известий АОИРС» появилась статья об установлении власти Временного правительства Северной области,¹² в которой автор подробно описал все события, связанные с приходом новой власти.

В 1918–1919 гг. АОИРС продолжало издавать свои «Известия», по мере возможностей проводило краеведческую и исследовательскую работу. Но одним из главных факторов его существования стала поддержка режима белогвардейцев. Так, например, на страницах «Известий» сообщалось: «1 ноября небольшое помещение публичной библиотеки было битком набито публикой, собравшейся, послушать интересный доклад А. А. Битриха, который месяц назад вырвался из Совдепии, где он прожил 15 месяцев». В этом докладе жизнь на территориях, подчиненных Советскому правительству, описывалась как царство «полнейшей анархии, где местные власти не признают распоряжений центра», «племенной скот сведен», «всюду нужда и голод», «огромная смертность от эпидемий», «продовольствие организовано плохо, получается богатый материал для критики социализма».¹³

К концу 1919 г. стали постепенно возобновляться традиционные направления деятельности АОИРС, связанные непосредственно с краеведческой работой, но они так и не смогли в полной мере развернуться, так как в феврале 1920 г. в Архангельске была восстановлена советская власть, и политика гонений на краеведов была продолжена. В марте того же года АОИРС было закрыто, хотя формально оно было переведено в состав Архангельского губсовнархоза в качестве научно-справочного отдела.¹⁴ Большинство членов АОИРС, находившихся в период интервенции и гражданской войны в Архангельске, было расстреляно.

В одном из «Отчетов АОИРС», сохранившемся в фондах Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова, имеется машинописный перечень членов общества с 1916 по 1920 гг., который кем-то продолжен от руки черными чернилами. Причем против многих имен имеются уточнения: «выбыл в Англию, Сибирь, Совдепию, за границей, убит...».¹⁵

Таким образом, можно сделать вывод, что архангельские краеведы после событий 1917 года активно включились в политическую жизнь страны, и прежде всего выступили с резкой критикой политики новой власти. Это стало одной из причин того, что после окончательного установления советской власти АОИРС было закрыто, а большинство его членов – подверглись репрессиям.

¹⁰ Там же. – С. 235.

¹¹ ГААО. – Ф. 83. – Оп. 1–2. – Д. 92. – Л. 6.

¹² Известия АОИРС. – 1919. – № 1–2. – С. 27–36.

¹³ Известия АОИРС. – 1919. – № 7–9. – С. 191–192.

¹⁴ Протоколы заседания президиума Архгубсовнархоза, отдела городского, сельского строительства (12 февраля – 20 декабря 1920 г.) // ГААО. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 129. – Л. 17.

¹⁵ Тропичева Е. И. Фонд «Русский Север» Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова как один из источников для изучения истории формирования книжных фондов библиотек города Архангельска XIX – начала XX вв. // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. – Архангельск, 2001. – С. 152.

*Федосов А. В.,
ответственный за музей истории МВД по Республике Карелия,
соискатель кафедры Отечественной истории
ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»*

От Школы полицейских урядников Олонецкой губернии до Центра профессиональной подготовки МВД по Республике Карелия

История – самая незащитная наука, которую в любой момент могут переписать по конъюнктурным и политическим соображениям власть предрежающие силы. В современных условиях такая практика избавления в России и странах СНГ от своего «российского и советского» прошлого, а заодно и от «милитаристской» истории приводит к формированию гипертрофированного понимания исторического процесса вопреки здравому смыслу, а также создает «благоприятную почву» для его искажения и фальсификации.

К сожалению, сегодня все это стало обратным возвратным движением некогда масштабно раскрученной советской идеологической машины, оставившей нам в наследство в ушедшем XX веке серьезные проблемы в вопросах изучения истории Российской империи и самого СССР.

Благодаря этому в истории имперских правоохранительных структур нашей России, признанных советскими идеологами «сатрапами царизма» и «душителями свободы», образовались обширные «белые пятна» или даже «белые поля», которые в той или иной мере сегодня влияют на поступательное развитие современных органов внутренних дел.

Именно для преодоления этих проблем только в современной стране могли сложиться все условия для организации всенародной акции по празднованию 200-летия МВД России в 2002 году.¹ Ее целью стало создание необходимых условий для объединения противоречивой истории «царской» полиции, «гражданской» и «народной» милиции периода Временного правительства, «рабочей», Рабоче-Крестьянской и советской милиции с нынешней российской.

В своем докладе мы попытались проследить на примере специализированного учебного заведения МВД по Республике Карелия его сложную историю от Школы полицейских урядников в Олонецкой губернии до нынешнего Центра профессиональной подготовки. Основной целью этого исследования является ломка прежних советских стереотипов по вопросам образования тех или иных исторических подразделений нашего министерства, а также восстановление нашей утраченной истории.

Во второй половине XIX века в самом начале царствования Александра II (1855–1881 гг.) в России были широко развернуты долгожданные народом внутривластные и социально-экономические преобразования, особенно в деле освобождения крестьян от «крепостного права». Однако в период подготовки и проведения этих реформ в стране стихийно возникла ситуация расширения социального и политического брожения во всех слоях его населения, повлекшая за собой необходимость срочной перестройки всего государственного аппарата и прежней «никлаевской» правоохранительной системы.

Историки считают, что коренную перестройку всей системы охраны правопорядка России по праву можно приравнять к одним из крупнейших реформ Царя-Освободителя, начало которой было положено утверждением предложений Особого совещания губернаторов от 25 марта 1859 г., получивших наименование «Основные начала реформы полиции».

Дальнейшее развитие правоохранительной системы состоялось после подписания 25 декабря 1862 г. Царем-реформатором «Временных правил об общем устройстве полиции в городах и уездах, по общему учреждению управляемых». Для этого на местах создавались городские полицейские управления во главе с полицмейстерами, подчиненные непосредственно губернаторам, как чиновникам МВД, а в уездных городах – уездные полицейские управления во главе с уездными исправниками с подчинением им прежних городничих с канцеляриями и земских исправников с земским судом. При этом вся городская и уездная полиция объединялась в единый и централизованный правоохранительный комплекс под руководством губернаторов, фактически получившим статус глав полиции своих губерний.

Для выполнения этих Правил в Олонецкой губернии 23 мая/4 июня² 1863 года во всех семи уездах Олонецкой губернии: Олонце, Лодейном Поле, Вытегре, Каргополе, Пудоже, Повенце и в Петрозаводском уезде – были учреждены вновь создаваемые полицейские управления, а также увеличены штаты и расширены полномочия Петрозаводской городской полиции.³

¹ МВД Российской империи было учреждено императором Александром I в числе других министерств Манифестом от 8/21 сентября 1808 года.

² Далее через дробь обозначены даты по старому/новому стилю.

³ Создание Петрозаводского полицейского управления берет свое начало еще во времена Екатерины Великой и дата образования УВД по г. Петрозаводску уточняется.

Отступая несколько от темы, можно с уверенностью утверждать, что функции охраны правопорядка в этих уездах после Февральской революции перешли от уездной полиции к уездной «народной милиции» и далее после Октябрьского переворота – к районным органам советской милиции, а от них – к современным правоохранительным районным органам в составе нынешней российской милиции. Отсюда, датой образования нынешних ОВД по Олонецкому, Пудожскому и Прионежскому⁴ районам МВД по Республике Карелия, ОВД по Лодейнопольскому району ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ОВД по Вытегорскому району УВД по Вологодской области и ОВД по Каргопольскому району УВД по Архангельской области является 4 июня 1863 года.

Продолжая освещение темы доклада, следует отметить, что с 1873 г. полиция получила возможность комплектования по принципу «вольного найма» взамен существовавшего прежде распределительного пополнения ее людьми из состава армейских чинов, негодных к строевой службе и, порой, не лучшего морального качества, от которых начальники старались всячески избавиться. Другим фактом является то, что в национальных окраинах страны в чины полиции в основном набирались люди исключительно из состава русского населения, что дало большевикам еще один повод заявить о царском режиме правления, как о «тюрьме народов», где главным «тюремщиком» неожиданно стал русский народ.

В условиях проведения в России земельной реформы наиболее остро встал вопрос о создании еще одного низового полицейского звена – государственной сельской полиции, обязанной своим образованием после утверждения императором от 9/22 июня 1878 г. «Временного положения о конно-полицейских урядниках», которые вошли в подчинение сельским станovým приставам. При этом руководство МВД Российской империи постоянно обращало внимание губернаторов на качественный подбор людей в состав низового звена полицейских урядников, исключение их использования для посторонних поручений и организацию достаточной подготовки к службе, особенно для производства розысков в качестве сельских полицейских агентов.

Уже после громкого убийства народовольцами императора Александра II Освободителя новым царем Александром III (1881–1895 гг.) «Положением о мерах к охранению государственного и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года в стране была узаконена жесткая система борьбы с политическими противниками самодержавия. В состав главных сил государственного противодействия революционному «беспределу» наряду с жандармерией вошла и вся российская полиция. Так в число задач полиции, обеспечивающей поддержание государственного устройства и общественной безопасности, помимо борьбы с уголовной преступностью и правонарушениями вошла и борьба с государственными преступниками.

В таких условиях резко возросли требования к укреплению рядов полиции, развитию ее материального обеспечения, а также к качеству комплектования вольнонаемным составом и подготовки его к полицейской службе, особенно в образовательном отношении. Эти требования в полной мере относились и к самому низовому ее звену – сельской полиции, комплектуемой за счет малограмотного населения по месту жительства. Именно для их подготовки к полицейской службе циркуляром МВД Российской империи от 28 июля 1887 г. № 3153 всем губернаторам на местах предписывалось повсеместное создание специализированных образовательных полицейских школ.

Историю создания такой школы в Олонецкой губернии проследил по материалам Национального архива Республики Карелия карельский исследователь Д. В. Макаров в своей статье «Петрозаводская школа для подготовки полицейских урядников», опубликованной в 2005 году.⁵ В ней он обращает внимание на особое личное отношение тогдашнего губернатора Г. Г. Григорьева (1870–1890 гг.) к сложному и по тем временам процессу учреждения такой школы, ее финансированию и обучению чинов полиции. Автору не удалось найти в исследуемых материалах точной даты ее создания, но по косвенным сведениям относит ее к началу 1888 года. Так, в переписке Олонецкого губернатора Г. Г. Григорьева было обнаружено уведомление от гражданского губернатора Витебской губернии князя В. В. Долгорукова за № 1538 от 18 февраля 1888 г., к которому прилагались три экземпляра «Правил» обучения в Витебской «школе для подготовки Полицейских Урядников».

Далее в своей статье Д. В. Макаров отмечает, что это новое учебное заведение губернатору пришлось создавать за счет средств и без того скудного губернского бюджета, искать способы уменьшения расходов на обучение за счет сокращения сроков обучения до 2-х месяцев⁶ и денежные средства на создание учебно-материальной базы. При этом комплектование школы вновь призванными чинами в сельскую полицию находилось исключительно под личным контролем самого Г. Г. Григорьева, где одновременно на один курс обучения могли поступить только по одному человеку от каждого уезда.

Школа размещалась в здании присутственных мест на Круглой площади (ныне – пл. Ленина), а местом бесплатного проживания будущих урядников было определено деревянное здание бывшей тюрьмы (не сохранилось). Первым начальником этого учебного заведения был назначен коллежский советник Соколов. Для оказания помощи в организации ее материально-технического обеспечения в школе был учрежден попечительский совет под руководством статского советника 1-го отделения Губернского управления Каверзнева, который в начале 1860-х годов возглавлял Петрозаводское уездное управление. В состав попечительского совета вошли

⁴ Территориально границы Прионежского РОВД и бывшего Петрозаводского уезда в основном совпадают.

⁵ Бюллетень Музея истории МВД Карелии. Вып. 3 (17). Петрозаводск, 2005. С. 6–14.

⁶ В Витебской школе полицейских урядников обучение длилось 4 месяца.

также Петрозаводский полицмейстер, полицейский исправник Петрозаводского уезда и сам начальник школы Соколов.

Другой заботой губернатора Г. Г. Григорьева стало состояние подготовки чинов по действующей программе из расчета 6 часов в день с изучением: 1) закона Божьего; 2) арифметики; 3) письменных упражнений с объяснением главных грамматических правил; 4) географии; 5) русской истории; 6) инструкций, правил и положений в отношении обязанностей урядников, а также проводились практические занятия под общим руководством полицмейстера Петрозаводска. После прохождения обучения урядники допускались к проведению «испытаний» и после успешной их сдачи – к самостоятельному несению полицейской службы на местах.

Все получившие оценку «неудовлетворительно» по личному решению губернатора имели возможность повторного прохождения всего 2-х месячного курса обучения уже с новым набором урядников. В условиях очевидной низкой грамотности населения такой, в своем роде, нетрадиционный подход оправдывал недостаток подбора в уездах годных к службе в полиции людей, помогал сохранить укомплектованность сельской полиции подобранными для этого кадрами, а также накрепко закрепить неуспевающими пройденный ранее материал повторно.

При этом недостатка желающих учиться в «приготовительной школе урядников» в «ссылной» Олонецкой губернии не было. Полицейские старались словом и делом доказать свое служебное рвение, чтобы остаться на государственной службе, пройти курс специальной подготовки и иметь шанс на дальнейшее продвижение даже по такой небольшой и малоодоходной служебной лестнице.

В период правления Николая II (1895–1917 гг.) к началу XX века в стране действовало множество политических партий, имеющих разветвленную боевую организационную структуру и связь с границей, которые ставили перед собой задачи свержения российского самодержавия. Масштабные события «Русского бунта»⁷ (1905–1906 гг.) затронули в 1906 г. и Олонецкую губернию, ставшую к тому времени «подстоличной Сибирью» для ссылки политических преступников под надзор полиции.

К этому времени в Петрозаводской школе полицейских урядников существовала уже 4-х месячная система обучения полицейских, которая была направлена на более глубокое обучение нижних чинов основам правоохранительной работы, особенно в вопросах пресечения преступлений по политическим статьям Уголовного уложения 1903 г.

Буквально по отдельным фрагментам, сохранившимся в Национальном архиве РК, исследователю Д. В. Макарову удалось установить примерную программу обучения, которая уже выделяется своей четко направленной профессиональной специализацией:

1) изучение государственных законов, особенно по вопросам противодействия уголовно наказуемым преступлениям против священной особы Императора и всего Императорского дома, а также по статьям «политической» принадлежности;

2) порядок производства обыска преступников и жилищ лиц, находящихся под различными видами полицейского надзора и наблюдения;

3) порядок проведения дознаний по уголовным преступлениям, административным правонарушениям, а также по «политическим» преступлениям на начальном этапе до прибытия чинов политической полиции – жандармерии;

4) основные понятия о проведении розыска и сыска;

5) порядок содержания скота и гигиены населения для противодействия эпизоотиям и эпидемиям;

6) изучение прав и обязанностей полиции в широком спектре полицейской специализации при четком взаимодействии с сельской администрацией и различными общественными проправительственными организациями.

После Февральской революции 1917 года в России пала монархия и власть перешла к Временному правительству, упразднившему в МВД Российской Республики прежние Департамент полиции и Жандармский корпус. Из тюрем вместе с политическими преступниками были выпущены и уголовники, которые резко дестабилизировали криминогенную обстановку в стране. На месте разогнанной полиции повсеместно стихийно из добровольцев стали создаваться отряды «гражданской» милиции.

В этом прокатившемся вихре прекратила свое существование и Школа подготовки полицейских урядников, но вопросы обучения сотрудников милиции, заменивших царскую полицию, оставались наиболее важными для организации отлаженной правоохранительной деятельности в губернии. Первоначально такая работа велась на базе т. н. резерва «гражданской (народной) милиции», которой руководил Олонецкий Комитет общественной безопасности, а после Октябрьского переворота 1917 года – на базе резерва «рабочей (Рабоче-Крестьянской) милиции», находившейся в подчинении Петрозаводского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В условиях полыхавшей в стране Гражданской войны о создании подобных специализированных учебных заведений для подготовки милиции даже не могло быть и речи, но после ее завершения в Советском государстве началось широкое формирование профессиональной Советской Рабоче-Крестьянской милиции, набор в которую осуществлялся исключительно по классовым признакам.

Для профессиональной подготовки таких милиционеров в апреле 1921 г. Главное Управление милиции НКВД РСФСР обязало все губернские и областные управления открыть у себя курсы командного состава,

⁷ В советской историографии – Первая русская революция 1905–1906 гг.

где слушатели в течение 3-х месяцев должны были изучать общеобразовательные предметы для повышения грамотности и знакомиться с основами юридических дисциплин нового советского законодательства. Однако с переводом в стране милиции на местный бюджет создание таких курсов было делом затруднительным и даже невозможным. Поэтому было принято решение о подготовке сотрудников на базе все тех же школ-резервов.

Такая Школа-резерв была создана 15 апреля 1922 г. при Управлении Рабоче-Крестьянской милиции Карельской Трудовой Коммуны под руководством сотрудника Симакова.

В историографии МВД по Республике Карелия с советских времен осталась еще одна дата образования Школы резерва при Управлении милиции – 1 февраля 1923 г., долгое время относившаяся к периоду создания НКВД АКССР,⁸ которая требует дополнительных исследований.

Вместе с тем был осуществлен первый набор курсантов на 8-недельные курсы, где к подготовке милиционеров относились с большой ответственностью. Курсанты находились на казарменном положении и постигали следующие специальные дисциплины: 1) *военное дело*; 2) *административная служба*; 3) *уголовный и гражданский кодексы, административное право*; 4) *специальная техника для раскрытия уголовных преступлений*; 5) *производство дознаний*; 6) *судебная медицина*; 7) *письмоводство и делопроизводство*; 8) *политическая грамота*; 9) *санитарная грамота*. Дополнительно курсанты повышали свой общеобразовательный уровень при изучении арифметики, русского языка и географии. Кроме того, для них обязательными были утренняя гимнастика, строевые занятия, самостоятельное чтение и занятия в тематических кружках. К сожалению, пока не удалось установить имена руководителей, но это – только дело времени.

Следующий период своей деятельности школа по подготовке нижнего звена сотрудников карельской милиции постоянно меняла свое наименование, где в архиве Музея истории МВД по Республике Карелия удалось установить достаточно полный состав руководителей этого учебного заведения (обозначены в скобках):

– 1927 г. – Школа резерва ЦАУ⁹ НКВД АКССР (*Ильин Павел Тимофеевич – 3.05.1927–13.09.1928 и 21.06.–1.10.1929*);

– 1930 г. – Школа младшего начальствующего состава (*Васильев Петр Васильевич – 20.11.1930–19.05.1931*);

– 1933 г. – Курсы подготовки младшего и рядового состава (*Васильев Петр Васильевич – 8.04.–15.12.1933*);

– 1935 г. – Петрозаводские курсы рядового и младшего начсостава УРКМ АКССР (*сержант милиции Дьячков Иван Иванович – 1.10.1935–16.07.1938*);

– 1938 г. – Школа (курсы) сержантов милиции РКМ КАСССР (*сержант милиции Егоров Василий Антонович – 16.07.1938–1.10.1939 и сержант милиции Шибаев Владимир Васильевич – 14.06.–2.08.1939*).

Все эти годы Школа (курсы) выпускала подготовленных сотрудников карельской милиции, участвовала в совершенствовании их профессиональной выучки и мастерства для борьбы с матерой уголовной преступностью, а также сыграла свою роль в годину следующих тяжелых военных испытаний.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) работа всех учреждений страны, в том числе и НКВД КФССР, была перестроена на военный лад. Многие сотрудники милиции, героически защищая Карелию от финских оккупантов, покрыли себя неуязвимой славой в составе сводных рот районных органов НКВД и Сводного батальона НКВД КФССР, в числе диверсионно-разведывательных групп, забрасываемых в тыл противника. В этих боях погибло и пропало без вести большое количество сотрудников, многие по приказу «сверху» были переданы в состав действующей Красной Армии и войск НКВД СССР. Образовавшийся при этом некомплект резко сказался на всей работе милиции, в задачу которой входило обеспечение общественной безопасности в условиях военного времени. После сложной эвакуации ОВД и НКВД КФССР за линию Карельского фронта и организации работы на новых местах в практически неподготовленных условиях, на смену выбывшим сотрудникам стали поступать мужчины, признанные нестроевыми для службы в армии военно-врачебной комиссией, а также женщины и ветераны ОВД.

Можно предположить, что занятия с сотрудниками и подготовка новых милицейских кадров в условиях прифронтовой полосы могла вестись во всех подразделениях НКВД, в том числе и в милиции, исключительно в рамках занятий по специальной подготовке и в процессе служебно-боевой деятельности. Все это требует еще своего дополнительного исследования в рамках изучения истории карельской милиции в годы Великой Отечественной войны.

Очевидно одно, что только после Великой Победы руководство НКВД–МВД СССР смогло направить основные усилия на восстановление сети учебных заведений для подготовки своего кадрового потенциала. Приход в милицию прошедших войну и демобилизованных армейских офицеров и солдат оказал благоприятное влияние на повышение боевой выучки и оперативного мастерства сотрудников. Для совершенствования оперативно-служебной деятельности милиции и качественного выполнения специальных задач по борьбе с разгулом уголовной преступности, имевшей после войны оружие, в КФССР была возобновлена работа по организации профессиональной подготовки личного состава карельской милиции. Так, в 1947 г. на базе Отдела кадров МВД КФССР была создана Учебная часть (*лейтенант Кузнецов Николай Филиппович – 15.05–19.07.1947, майор Гаврилов Иван Александрович – 19.07.1947–1.10.1950*).

⁸ НКВД АКССР был создан 5 сентября 1923 г. и первым наркомом внутренних дел АКССР стан Н. В. Архипов.

⁹ ЦАУ – Центральное административное управление (пришло на смену Управлению милиции). В нем объединились ранее самостоятельные службы уголовного розыска и наружной милиции.

Еще требует своего исследования малоизученный период деятельности карельской милиции, переданной после 19 октября 1949 г., как и все ОВД в стране, из структуры МВД в Министерство госбезопасности. В 1953 г. после смерти И. В. Сталина они были возвращены обратно в состав МВД вместе с органами госбезопасности, а МГБ ликвидировано.

С 1957 г. также начинается период постоянной реорганизации этого учебного заведения – Учебного пункта МВД КАССР, который сначала подчинялся Отделу кадров (*подполковник Кривицкий Евгений Сергеевич – 1.01.–18.01.1957, майор милиции Фетюлин Михаил Семенович – 1.02.1957–1.01.1959*), а с 1959 г. – Отделу службы МВД – МООП КАССР¹⁰ (*подполковник Дуделев Иосиф Иванович – 1.01.1959–30.03.1960*).

В 1960 г. Учебный пункт окончательно стал самостоятельным подразделением в МООП КАССР (*майор милиции Нестеров Иван Васильевич – 20.04.–1.12.1960, майор милиции Добин Даниил Георгиевич – 1.12.1960–1.01.1961, майор милиции Вичурин Алексей Ефимович – 1.01.1961–14.09.1973*). Сроки обучения сотрудников в этот период не превышали 1–2 месяцев, а программа представляла собой своеобразный техминимум по развитию общих навыков несения милицейской службы, а основы законодательства преподавались только в общем виде. Основным методом обучения был классный урок и практические занятия проводились мало.

В 1969 г. в период реформирования вновь воссозданной структуры МВД СССР¹¹ и МВД союзных и автономных республик (в т. ч. МВД КАССР) руководство этого союзного ведомства взяло курс на организацию на местах крупных учебных центров с хорошим материально-техническим оснащением, а также на восстановление утраченного престижа службы в ОВД СССР. Были разработаны программы первоначальной подготовки различных специалистов, изданы учебные пособия, активизирован процесс обучения в уже существующих учебных заведениях, в т. ч. и в Учебном пункте МВД КАССР.

С 1972 г. Петрозаводский Учебный пункт размещался на пр. Урицкого, 53 (ныне – пр. А. Невского). Ежегодно на его базе проходило обучение около 100 сотрудников ОВД, проводились межсессионные сборы студентов-заочников высшей школы и семинары оперативно-начальствующего состава. Вместе с тем в 1977–1979 гг. шло строительство необходимого нового учебного здания, где оказывая шефскую помощь, ежедневно работали еще и 30–50 сотрудников разных подразделений Петрозаводского гарнизона и курсантов самого Учебного пункта (*майор милиции Чехонин Валентин Леонидович – 26.09.1973–1.11.1979*).

В 1979 г. на основании приказа МВД СССР наш Учебный пункт был реорганизован в Школу подготовки младшего и среднего начальствующего состава МВД КАССР, которая в начале 1980 г. приняла уже 130 курсантов-милиционеров (*подполковник милиции Чехонин Валентин Леонидович – 1.11.1979–20.05.1985*). В эти годы происходит дальнейшее расширение учебной программы для более широкого охвата сотрудников МВД КАССР разных специализаций.

В 1985 г. на основании приказа МВД СССР Школа подготовки младшего и среднего начсостава МВД КАССР была переименована в Учебный центр МВД КАССР (*подполковник милиции Чехонин Валентин Леонидович – 20.05.1985–3.08.1987, подполковник милиции Бушмелев Борис Иванович – 3.08.1987–1.07.1989, подполковник милиции Репринцев Геннадий Павлович – 1.07.1989–1.02.1991*).

Характерным фактом того времени является учреждение на базе Учебного центра МВД КАССР в 1985 г. ко Дню советской милиции (10 ноября) выдержанного в строгих идеологических рамках того времени внештатного «Музея истории карельской милиции», реорганизованного уже позже в 2005 году в «Музей истории МВД Карелии» с переносом его в задние министерства.

В 1991 г. после развала СССР и образования вместо КАССР – Республики Карелия происходит и переименование нашего ведомства в МВД Карелии, а вместе с ним и Учебного центра при МВД Карелии (*майор милиции Гусев Константин Георгиевич – 17.01.1991–29.04.1992, полковник внутренней службы Полозов Виктор Васильевич – 12.05.1992–10.06.1997, полковник внутренней службы Фирсов Анатолий Васильевич – 10.06.1997–28.09.2005, полковник милиции Югансон Игорь Арвитович – 16.01.2006–1.04.2009*).

В 2007 г. в рамках общей реформы МВД России его ОВД в субъектах страны приобрели статус федеральных структур, где наше подразделение стало Учебным центром при МВД по Республике Карелия.

В 2009 г. в условиях финансовой нестабильности в государстве и необходимости использования дополнительных возможностей для обеспечения своего развития, Учебный центр начал развивать практику обучения и других категорий специально подготовленных граждан (охранники, частные детективы, водители).

В начале 2009 г., в соответствии с приказом МВД России от 16.09.2008 г. «Об организации центра профессиональной подготовки МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации», Учебный центр был переименован в Центр профессиональной подготовки МВД по Республике Карелия (*полковник милиции Югансон Игорь Арвитович – с 16.04.2009*).

Сегодня Центр профессиональной подготовки располагает современной учебной и материально-технической базой для профессионального обучения личного состава ОВД Карелии, повышения квалификации и переподготовки различных категорий сотрудников. Для этого в Центре имеются специализированные учебные помещения, компьютерный и мультимедийный класс, класс криминалистики и специальной техники,

¹⁰ МООП – Министерство охраны общественного порядка – создано в союзных и автономных республиках СССР взамен МВД после 13.01.1960 г.

¹¹ МВД СССР было воссоздано после 25.11.1968 г., а следом за ним МВД союзных и автономных республик с реорганизацией МООП.

кабинет дистанционного обучения, стрелковый тир, библиотека специальной литературы, спортивные залы, столовая, медпункт и общежитие.

В командно-преподавательском составе Центра организуют обучение и подготовку сотрудников ОВД высококвалифицированные специалисты, имеющие богатый опыт практической работы по борьбе с преступностью и правонарушениями, службы в «горячих точках» нашей страны. В обязательную программу обучения включены правовая и специальная подготовка, физическая подготовка с изучением разделов рукопашного боя.

Центр стал важным звеном при подготовке сотрудников к выезду в служебную командировку в Северо-Кавказский регион в составе отрядов милиции для выполнения служебно-боевых задач по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и поддержанию в этом нестабильном регионе конституционного строя Российской Федерации.

Кроме того, в Центре ведется большая работа по профессиональной ориентации молодежи для поступления после армии на службу в ОВД и по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Здесь ежегодно проводятся командные соревнования с допризывной молодежью по борьбе самбо, организована секция для детей сотрудников по прикладным видам рукопашного боя, ведется обучение в подшефном Профессиональном училище № 8 города Петрозаводска, а также проводятся дни «открытых дверей» для школьников и студентов.

Подводя черту, необходимо отметить, что учебное заведение по подготовке нижних чинов полиции, созданное еще в 1888 году в первоначальном виде трудами губернатора Г. Г. Григорьева, было воссоздано, как необходимое учебное учреждение для подготовки сотрудников карельской милиции и прошло вместе с краевыми правоохранительными органами свою удивительную историю. При этом профессиональная подготовка сотрудников карельских ОВД всегда находилась на высоком уровне и шла по пути совершенствования борьбы с преступностью и правонарушениями для защиты законных интересов граждан нашей республики.

Литература

1. Министерство внутренних дел России. 1802–2002 : ист. очерк. СПб., 2002. Т. 1.
2. Рыбников В. В., Алексушин Г. В. История правоохранительных органов Отечества : учеб. пособие. М., 2008.
3. Бюллетень Управления кадров и воспитательной работы (УКиВР) МВД Карелии. Вып. 1. Петрозаводск, 2001.
4. Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Вып. 3. Петрозаводск, 2001.
5. Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Вып. 4. Петрозаводск, 2002.
6. Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Вып. 5. Петрозаводск, 2002.
7. Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Вып. 7. Петрозаводск, 2002.
8. Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Вып. 9. Петрозаводск, 2003.
9. Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Вып. 10. Петрозаводск, 2003.
10. Бюллетень Музея истории МВД Карелии. Вып. 1 (12). Петрозаводск, 2004.
11. Бюллетень Музея истории МВД Карелии. Вып. 2 (13). Петрозаводск, 2004.
12. Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Вып. 3 (17). Петрозаводск, 2005.
13. Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Вып. 3 (23). Петрозаводск, 2007.
14. Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Вып. 1 (24). Петрозаводск, 2008.
15. Учетная картотека Управления по работе с личным составом (УРЛС) МВД по Республике Карелия.
16. Учетная картотека Музея истории МВД по Республике Карелия.
17. Архив Музея истории МВД по Республике Карелия.

*Карпеченко С. В.,
гл. хранитель фондов Музея истории МВД по РК,
соискатель кафедры Отечественной истории
ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»*

Сотрудники НКВД КФССР в годы Великой Отечественной войны: возвращение из списка потерь

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для нашей страны. До сегодняшнего дня, когда Россия встречает 65-ую годовщину окончания этой эпопеи, все еще много «белых пятен» в ее истории, не подсчитаны окончательные потери, не захоронены достойно погибшие.

В 1941 году противостояние агрессору потребовало сосредоточения всех сил страны. Ход первых боевых действий, ввиду огромных людских и территориальных потерь с нашей стороны, показал, что война будет за-

тяжкой. Особое значение в сложившейся ситуации приобрела работа правоохранительных структур. Летом 1941 года партийно-советским руководством страны был издан ряд постановлений и директив, которые определяли принципы деятельности органов внутренних дел /1, 2/. Изменения структуры НКВД и функций, выполняемых правоохранительными органами, соответствовали военной ситуации и общему положению в стране. Помимо своей основной деятельности – охраны общественного порядка и безопасности граждан, борьбы с преступностью и нарушениями административного и уголовного законодательства, изоляции и трудоустройства осужденных лиц, органам и подразделениям внутренних дел пришлось выполнять целый комплекс новых задач. Одной из таковых было участие в боевых действиях в местах своей дислокации вместе с полевыми войсками.

Во всех прифронтовых областях подразделения находились в боевой готовности. В случае наступления противника из сотрудников ОВД формировались батальоны и полки для поддержки частей Красной Армии. Так, 21 июля 1941 года в НКВД КФССР началось формирование Сводного батальона, командование которым поручили капитану Горькову М. А., сотруднику Местной противовоздушной обороны /3/. В состав батальона вошли:

- 2-я рота – сотрудники местной противовоздушной обороны, Управления шоссейных дороги административно-хозяйственного отдела;
- 3-я рота – сотрудники милиции;
- 4-я рота – сотрудники тюремного отдела, отдела исправительно-трудовых колоний, пожарной охраны.

Через месяц после объединения структур НКВД и НКГБ республики, что было сделано с целью более результативной деятельности системы правоохранительных органов, в состав батальона включили и сотрудников Управления Госбезопасности, создав из них 1-ю роту /4, 5, 6, 7/.

В условиях массированного наступления финских войск на столицу республики по Указанию ЦК КП(б) часть Сводного батальона – 3-я и 4-я роты в количестве 390 человек – 27 сентября 1941 года была переброшена на южный участок обороны Петрозаводска для ликвидации прорыва войск противника на Пряжинском направлении, которые перерезали железнодорожную магистраль в районе ст. Орзega. В тяжелых боях 29–30 сентября, ценой больших потерь, этот отряд самостоятельно выбил неприятеля со станции. В дальнейшем он обеспечил боевое прикрытие частям 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения, отступавшим под натиском к Петрозаводску, а после сдачи города – отход в южном направлении к р. Свирь. Находясь в составе 2-го стрелкового полка, сотрудники карельской милиции несли большие потери, прикрывая в упорных арьергардных и фланговых боях выходящий лесными тропами полк, спасая санитарный батальон с многочисленными ранеными. 15 октября 1941 года под шквальным огнем противника удалось обеспечить форсирование р. Свирь на подручных средствах. С небольшим отрядом капитан Горьков М. А. прикрывал переправу и только 17 октября вывел на противоположный берег Свири 26 крайне измученных сотрудников милиции и бойцов РККА в расположении частей 272-й стрелковой дивизии в районе д. Ошта. В одной только 3-й «милицейской» роте потери составили 134 человека, среди которых был и командир роты – младший лейтенант милиции Лосев Д. А. /8, 9/.

На сегодняшний день количество погибших и пропавших без вести растет – архивная работа продолжается, в ее ходе вырисовываются отдельные судьбы. Характерной для военного времени является история Евгении Ивановны Адлер (Пантелеевой) – последнего на сегодняшний день живого участника боев Сводного батальона НКВД КФССР при обороне г. Петрозаводска осенью 1941 года.

После окончания советско-финляндской войны Советскому Союзу отошли территории Карельского перешейка и северо-западного Приладожья. Автономная Карельская ССР с новыми присоединенными территориями в марте 1940 года была преобразована в Карело-Финскую ССР. Началось заселение приграничных районов жителями из внутренних областей страны, формировались структуры управления. Установление советского правопорядка потребовало серьезных усилий и со стороны НКВД КФССР – создавались органы внутренних дел в городах Выборг, Кексгольм, Сортавала, в поселках Антреа, Энсо, Куркиййоки, Суоярви, Ляскеля.

В 1940 году Евгения Пантелеева (уроженка Ленинградской области, 1922 года рождения) была принята на должность паспортиста в Куркийокский районный отдел НКВД. Там и застала ее, 18-летнюю девчонку, новая война: сотрудники милиции помогали эвакуировать население, затем должны были отходить вдоль Ладожского берега в сторону Ленинграда, оставляя за собой взорванные мосты; но они еще не знали, что впереди их ждал осажденный Кексгольм. Начальник РО НКВД капитан Иванов принял решение отправить Евгению Пантелееву в Петрозаводск с секретными документами /10/.

В Петрозаводске – казарменное положение, днем Евгения работала в паспортном столе, занималась эвакуацией архивов и других ценностей; по ночам сотрудники НКВД обеспечивали организацию эвакуации населения. В свободные часы (!) девушка посещала курсы медицинских сестер и рвалась на фронт. Евгения была зачислена в санитарную часть Сводного батальона НКВД КФССР /7/. Бои на ст. Орзega были первыми в ее жизни. В своих воспоминаниях она писала: «...Мы погрузились в эшелоны, вечером были уже на месте. Теперь наша дорога должна идти лесом. Мы не располагали ни повозками, ни автотранспортом, было очень тяжело – я была младше всех и меньше всех в батальоне. С непосильным грузом еле успевала за бойцами. Двигались медленно, боясь наскочить на засаду. Поднялись на гору и расположились на ночь. Проснулись от яркого солнца, было очень тихо, казалось, что и нет никакой войны... Но вдруг – оглушительный грохот миномета и пулеметные очереди – фашисты обнаружили нас, завязался бой, а где бой, там и раненые... мы, санитарки, были везде, кто ни позовет... наша задача – перевязывать раненых и вытаскивать их с места боя... В этом бою я получила первое боевое крещение, которое осталось в моей памяти на всю жизнь...» /10/.

В архиве Музея истории МВД по Республике Карелия в деле с материалами на убитых и пропавших без вести на Карельском фронте имеется справка от 28.01.42 г., в которой командир Сводного батальона НКВД майор Горьков, помощник командира роты Лукин и командир взвода Румянцев, подтверждают, что в период с 27.09 по 15.10.1941 г. во время боев под г. Петрозаводском боец батальона, помощник инспектора ОВИР УРКМ Пантелеева Евгения Ивановна пропала без вести /11/. На основании этого и других документов, Пантелеева Е. И. была занесена в Книгу памяти Республики Карелия, изданную в 1995 году /12/, в статусе пропавшей без вести на Карельском фронте.

На самом деле Евгения Ивановна прошла боевой путь с батальоном до Свири, сумела переправиться через реку. Одна из участниц этих событий, ветеран 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения Лилия Грикопелец вспоминала, что «...в их плоту было всего три бревна, его крутило, как щепку ... он перевернулся, сел на камни. Жал мороз, берега покрыла ледяная накипь...» /13/. В направлении «своих» двигались малыми группами, рассеявшись, и 17 октября, вместе с двумя бойцами, Пантелеева была захвачена финнами в плен в районе Вознесенья – голодная, измотанная долгими бессонными переходами, с обмороженными ногами.

Большинство попавших в плен, особенно в 1941 году, оказались там не по собственной воле, а в силу непреодолимых обстоятельств: люди попадали в окружение, теряли связь со своей частью, многие имели ранения. При этом некоторые теряли привычные политические, социальные и морально-нравственные ориентиры, добровольно или по принуждению вставали на путь сотрудничества с врагом. При рассмотрении этой проблемы необходимо учитывать социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к сотрудничеству с оккупантами /14/. Один из ведущих карельских историков, Веригин С. Г., в своей новой работе «Карелия в годы военных испытаний» отмечает, что до середины 1980-х гг. советская историография вообще не рассматривала проблему коллаборационизма как специальную тему для изучения, скрывая или показывая имевшие место факты как частное явление. До сегодняшнего дня по вопросу сотрудничества советских граждан с финскими оккупационными властями на территории Карелии или в лагерях для военнопленных отсутствуют не только монографические исследования, но и статьи, в которых данная тема была бы центральной /15/.

Евгения Пантелеева прошла через это испытание с честью. В госпитале для советских военнопленных в Коккола (Финляндия) хирург Александр Бедров пытался подтолкнуть Евгению Пантелееву к побегу в Швецию, не раз говоря: «...надо что-то делать, пока нас не отправили домой, а там – лагеря и расстрел. Мы там считаемся изменниками и предателями...». Однако, говорить с ней об измене Родине было бесполезно /13/.

Архивные документы УФСБ по РК подтверждают ее освобождение из финского плена в 1944 году в связи с заключением мира и обмена военнопленными. В фильтрационном деле на имя Пантелеевой /16/ имеются ссылки на участие в обороне Петрозаводска в составе особого батальона НКВД; о захвате в плен 17.10.41 г. в районе Вознесенья после переправы остатков батальона через р. Свирь; указывается местонахождение в плену в лагерях для военнопленных. Род ее занятий в лагерях не был связан с изменой Родине, о чем говорят отметки об отсутствии компрометирующих материалов в период нахождения в плену и свидетельские показания.

После освобождения из плена Евгения Ивановна Пантелеева продолжила свой боевой путь в составе 55-й армии 1-го Украинского фронта. Победу встретила в Германии, демобилизовалась из армии в Австрии в октябре 1945 года. Награждена орденом и медалями /10/.

В 2002 году Евгения Ивановна Пантелеева (Адлер) побывала в Карелии в составе группы ветеранов 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения. По возвращении домой, в Санкт-Петербург, она обратилась в Комитет по социальной политике Законодательного собрания Республики Карелия с просьбой документально подтвердить ее участие в боях по обороне г. Петрозаводска в составе Сводного батальона НКВД КФССР. Большая архивная работа, проведенная ответственным за Музей истории МВД по РК Федосовым А. В., дала положительный результат. Евгения Ивановна «вернулась с войны» спустя 58 лет с ее окончания.

В память о трагических событиях 1941 года на здании станции Орзег в начале 1980-х гг. была установлена мраморная плита с текстом, а в 1992 году был открыт Памятный знак погибшим в боях сотрудникам НКВД из состава Сводного батальона с перечнем фамилий. Ежегодно, начиная с 1981 г., в память павших проводятся легкоатлетические пробеги и лыжни памяти «Орзег–Петрозаводск», мемориальные митинги с участием ветеранов и сотрудников ОВД и членов их семей, руководства, жителей и гостей Прионежского района.

Сотрудники Музея истории МВД по РК совместно с членами поисковой группы Карельской региональной общественной организации реконструкции военной истории и культуры «Стражникъ» восстанавливают историю создания и боевого пути Сводного батальона НКВД КФССР по воспоминаниям и материалам архивов. С 2009 года мы начали реализацию плана пройти полевыми экспедициями от ст. Орзег до места переправы батальона через р. Свирь. На сегодняшний день, благодаря помощи жителя пос. Орзег, увлеченного краеведа Пичуева Виктора Ивановича, определено вероятное место братского захоронения бойцов Сводного батальона НКВД КФССР. Исследования будут продолжены.

Литература

1. **Министерство** внутренних дел России: 1802–2002 : ист. очерк в 2-х т. Т. II / С.-Петерб. ун-т МВД России ; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. – С. 280–381.
2. **Рыбников В.** История правоохранительных органов Отечества : учеб. пособие. – М. : Изд-во Щит-М, 2008. – С. 199–223.
3. **Приказ** Народного Комиссара Внутренних Дел Карело-Финской ССР от 21.08.41 г. № 0041 «О военной подготовке сотрудников Наркомата Внутренних Дел КФССР». Архив УФСБ по РК, ф. ЭКО, оп. 1, д. 21, л. 5–6.
4. **Список** среднего командного состава сводного батальона НКВД Карело-Финской ССР от августа месяца 1941 г. Архив МВД по РК, фонд секретариата МВД КАССР, д. 63/12, л. 64–66.
5. **Список** личного состава 1-й роты сводного батальона НКВД Карело-Финской ССР от 21.09.41 г. Архив МВД по РК, фонд секретариата МВД КАССР, дело приказов НКВД КФССР за 1941 г., л. 96–98.
6. **Список** личного состава 3-й роты сводного батальона НКВД Карело-Финской ССР от 21.09.41 г. Архив МВД по РК, фонд секретариата МВД КАССР, д. 63/12, л. 86–96.
7. **Список** личного состава санитарной части сводного батальона НКВД Карело-Финской ССР от 21.09.41 г. Архив МВД по РК, ф. секретариата МВД КАССР, дело приказов НКВД КФССР за 1941 г., л. 91–92.
8. **Бюллетень** МВД Карелии. – Петрозаводск, 2000. – Вып. 1 (01). – 28 с.
9. **85 лет** МВД по Республике Карелия. История и современность / [А. В. Федосов и др. ; под ред. В. С. Хевсуришвили ; ред. совет: И. В. Алешин и др. ; фот.: Л. В. Розенберг, Р. А. Еременко, М. С. Скрипкин] ; М-во внутр. дел по Респ. Карелия. – Петрозаводск : Скандинавия, 2008. – С. 163–166.
10. **Адлер** (Пантелеева) Е. И. Автобиография. Архив Музея истории МВД по РК. Машинопись, 3 с., 2002 г.
11. **Дело** НКВД КФССР со справками на убитых и пропавших без вести на Карельском фронте. Архив Музея истории МВД по РК. Машинопись, с. 178.
12. **Книга** памяти по Республике Карелия. – Петрозаводск, 2005. – Т. 7. – С. 51.
13. **Дьяков Н. Ф.** Под чужим небом. Солдатские записки. 1941–1944. – М. : Информационно-экспертная группа Панорама, 1998. – Вып. № 10. – С. 46–59, 323. – (Серия «Документы по истории движения инакомыслящих»).
14. **Ковалев Б.** Типология коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны / Москва, Российский институт стратегических исследований, международный круглый стол «Коллаборационизм и предательство. Власов и власовщина», 12 ноября 2009. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/doklady/?analyticsId=70>.
15. **Веригин С.** Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. / С. Веригин. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 386–417.
16. **Фильтрационное** дело Пантелеевой Е. И. Архив УФСБ по РК, ФТДМ арх. № 6626.

Вавулинская Людмила Ивановна

Строительные организации Карело-Финской ССР: проблема кадров в послевоенные годы (1945–1950 гг.)

После окончания Великой Отечественной войны одной из важнейших задач стало восстановление и укрепление строительных организаций. В период военных действий строительные организации республики были ликвидированы, а имевшееся у них оборудование передано воинским организациям для оборонных работ. Восстановление строительства проходило в исключительно трудных условиях: людям негде было жить, в республике не имелось собственной базы для изготовления строительного оборудования, основная часть строительных операций выполнялась вручную. Ощущался крайний недостаток рабочих и инженерно-технических кадров.

29 июля 1944 г. ЦК КП(б) Карело-Финской ССР обратился с просьбой в ЦК ВКП(б) о направлении в республику 116 специалистов жилищно-коммунального хозяйства и строительных организаций. В письме подчеркивалось, что на бывших оккупированных территориях Карелии после освобождения республики насчитывалось только 25 инженерно-технических работников в то время, как до войны – около 750 человек.¹

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. П-8, оп. 1, д. 1105, л. 16.

На таких крупных стройках Петрозаводска, как гостиница «Северная», общежитие Карело-Финского государственного университета не было ни одного инженера. Выступая на пленуме ЦК КП(б) республики в октябре 1944 г., председатель Совнаркома П. С. Прокконен подчеркнул: «Основное – это кадры, надо начинать с населения, с кадров, и на этот участок работы обратить максимум внимания. Первоочередная наша задача сейчас – это завезти в республику население и создать для него необходимые жилищно-бытовые условия... Второй вопрос – подготовка квалифицированных кадров. Этому вопросу сейчас еще не уделяется должного внимания, поэтому у нас страдает выполнение производственных программ...».²

В октябре 1944 г. потребность строительных организаций республики в специалистах была удовлетворена лишь на 6,5 %, в то время, как в лесной промышленности – на 15,4 %, в сельском хозяйстве – на 26 %.³ Спустя полгода положение с кадрами в строительстве оставалось крайне напряженным. В обращении Совнаркома республики в Комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР (апрель 1945 г.) подчеркивалось: «В основной строительной организации республики – Строительном управлении – обеспеченность инженерно-техническими работниками выражается только в 30 %, причем совершенно отсутствуют специалисты по санитарной технике: отоплению, вентиляции, водоснабжению и канализации. В 15 строительных конторах районов республики имеется всего один техник, нет ни одного инженера. Разрешить проблему с недостатком командных кадров для строительства собственными силами мы лишены возможности, так как организованный в 1944 г. Петрозаводский архитектурно-строительный техникум даст подготовленные кадры для строительства не ранее, как через два года». В связи с этим СНК республики просил направить в Карелию 15 техников и 10 инженеров-строителей разных специальностей из выпускников учебных заведений.⁴

Об особом внимании руководящих органов республики к проблемам строительных организаций свидетельствовал тот факт, что распоряжением Совнаркома Карело-Финской ССР от 5 октября 1944 г. Госстройтресту г. Петрозаводска на октябрь месяц выделялось 550 порций второго горячего питания.⁵ Постановлением СНК КФССР от 3 ноября 1944 г. для расселения рабочих и инженерно-технических работников Петрозаводского строительного треста предоставлялось 10 % площади во всех жилых зданиях, строительство которых осуществлялось трестом, независимо от их ведомственной принадлежности. Для оборудования квартир инженеров, техников и рабочих-стахановцев предусматривалось передать изготовленные предприятиями Наркомата местной промышленности в 4-м квартале 1944 г. и 1-м квартале 1945 г. 100 столов, 300 стульев и 50 платяных шкафов, а для продажи по разовым талонам рабочим-стахановцам и ИТР Стройтреста – 50 пар кожаных сапог, 25 демисезонных пальто и 25 костюмов. Кроме того, в ноябре 1944 г. рабочим и инженерно-техническим работникам Стройтреста по разовым талонам намечалось продать сверх установленных норм общественного питания по 10 кг картофеля, 1 кг крупы, 3 кг рыбы, а в декабре того же года – по 1 кг крупы и по 3 кг рыбы.⁶

Подобные меры принимались и в последующие годы. Так, постановление Совета Министров КФССР от 5 октября 1946 г. об организации республиканского треста по промышленному строительству обязывало Министерство торговли республики ежемесячно, начиная с октября 1946 г., выделять для дополнительного снабжения рабочих и инженерно-технических работников Промстройтреста по 3 кг рыбы за счет 10 % фонда, а с ноября 1946 г. – второе горячее питание на 300 человек за счет перераспределения общереспубликанского лимита.⁷

В 1946 г. в составе организованного в ноябре 1944 г. Строительного управления при Совете Министров республики действовали 7 строительных контор и завод стройдеталей. Министерство коммунального хозяйства республики располагало 11 строительными конторами.⁸ С октября 1946 г. при Совете Министров КФССР работал республиканский трест по промышленному строительству (Промстройтрест). В районах республики создаются специализированные организации, и строительство выделяется в самостоятельную отрасль.

Для подготовки рабочих массовых профессий были организованы ремесленные училища с двухлетним сроком обучения и школы фабрично-заводского обучения с 6-месячным сроком обучения. Однако при коротком сроке обучения в ФЗО многие выпускники, придя на производство, не выполняли норм выработки и не могли обеспечить надлежащего качества работ. В целях улучшения подготовки квалифицированных рабочих с 1947 г. стали создаваться строительные школы ФЗО с 10-месячным сроком обучения. Большинство школ ФЗО Петрозаводска готовили кадры строителей: каменщиков, штукатуров, плотников, маляров. Значительная часть квалифицированных рабочих обучалась непосредственно на производстве путем индивидуально-бригадного обучения, в технических школах и на курсах.

Подготовку специалистов-строителей осуществлял открывшийся в ноябре 1944 г. в Петрозаводске архитектурно-строительный техникум.

Одной из важнейших задач послевоенного времени стало возрождение столицы республики – г. Петрозаводска, который вошел в число городов СССР, подлежащих первостепенному восстановлению, т. к. 60 % зданий в городе было разрушено. Бригадир каменщиков второго строительного управления Карел-

² Там же, д. 1060, л. 118.

³ Там же, д. 1097, л. 7.

⁴ История строительства в Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 63.

⁵ НА РК, ф. Р-2832, оп. 1, д. 1, л. 101.

⁶ Там же, ф. Р-1394, оп. 5, д. 184, л. 129–130.

⁷ Там же, оп. 6, д. 55, л. 373.

⁸ Там же, д. 697, л. 10; ф. Р-2832, оп. 1, д. 15, л. 1–2.

горсельстроя Н. В. Краснов вспоминал: «Когда я вернулся в Петрозаводск, городу очень нужны были строители. Строительные организации усиленно приглашали к себе каменщиков, штукатуров, плотников – людей всех строительных профессий и тех, кто не имел никакой строительной специальности, но хотел участвовать в восстановлении родного города. Время было горячее, и рабочих обучали строительному делу не в специальных школах, а прямо на стройках, в процессе производства. Многие вчерашние фронтовики становились строителями».⁹

С 1 июля 1944 г. в городе начал работать Строительный трест, был организован трест «Водоканал». Горожане приняли обязательство отработать на стройках по 30 часов в месяц сверхурочно. Были введены особые трудовые книжки восстановителя, в которых ежедневно отмечалось количество отработанных на восстановлении города часов. К 1 октября 1945 г. жители города отработали на стройках столицы республики 36 тыс. человеко-дней. Они участвовали в закладке фундаментов 20 домов в Первомайском и Зарецком районах, закладке здания Госбанка, постройке кирпичного здания ГЭС № 1 и др.¹⁰

Бывший до войны в основном деревянным, Петрозаводск по существу не восстанавливался, а возрождался заново. Уже к началу ноября 1945 г. здесь было восстановлено 460 домов, 5 мостов, 5 электростанций.¹¹ Работали авторемонтный и газогенераторный заводы, слюдяная и швейно-трикотажная фабрики, хлебозавод, первая очередь судоремонтного завода, действовал водопровод.

На развитии строительства негативно сказывались недостатки в организации труда, его низкая производительность. В результате заработок строительных рабочих в первом квартале 1947 г. составил всего 9 руб. вместо 14 руб. по плану, т. е. почти не обеспечивал прожиточного минимума.¹² Неудовлетворительно было организовано бытовое обслуживание рабочих: не налажено питание в течение рабочего дня, в общежитиях не было помещений для сушки одежды и обуви, а в некоторых – отсутствовало и постельное белье.

Из-за недостатка рабочих кадров, а также жилья для приема и размещения людей строительные организации были вынуждены применять труд военнопленных и заключенных, что вызывало дополнительные расходы, связанные с содержанием охраны, перевозкой рабочей силы на работу и др. В соответствии с приказом Берия от 18 сентября 1944 г. в Петрозаводске был организован лагерь военнопленных № 120. Как вспоминал первый секретарь ЦК Компартии республики Г. Н. Куприянов в неопубликованной рукописи «Народное хозяйство республики после окончания войны», «по нашей просьбе нам прислали 3 тыс. немцев-военнопленных. Правда, они работали очень плохо – едва ли делали 1/5 часть нормы наших строительных работ...».¹³

4 июня 1945 г. решением Государственного Комитета Оборона для восстановления столицы республики было выделено 6 тыс. военнопленных. В сентябре того же года в лагере № 120 насчитывалось 7,5 тыс. человек.¹⁴ Они располагались в 6 лагерных отделениях городской черты: Кукковке, Соломенном, Сулажгоре, Северной точке, нефтебазе, лесном техникуме, а также в Кондопоге и Сямозере. В соответствии с постановлением бюро Петрозаводского горкома партии «О мерах по улучшению организации труда военнопленных на строительном-восстановительных работах в г. Петрозаводске» от 1 июня 1945 г. лагерный режим военнопленных был организован с таким расчетом, чтобы они работали на производстве не менее 8 часов, а на решающих участках – по 10 часов.¹⁵

При распределении квалифицированного состава военнопленных между хозяйственными организациями Петрозаводска приоритет был отдан строительной отрасли. Так, на совещании в Совнаркоме республики 26–27 апреля 1945 г. по вопросу об использовании военнопленных на работах в г. Петрозаводске 354 рабочих и инженера из 580 планировалось передать Строительному управлению. При этом предполагалось остальных квалифицированных строительных рабочих по мере их выявления среди военнопленных направлять исключительно на объекты Строительного управления. Исполкому Петрозаводского горсовета, Стройуправлению, хозяйственным организациям указывалось на необходимость использовать специалистов-военнопленных – инженеров и техников – по специальности в качестве технических руководителей на стройках и определить для них более льготные режимные условия и условия снабжения – размещение в комнатах без нар, предоставление необходимой мебели и постельных принадлежностей, возможности заниматься в общежитиях в вечернее время и т. д.¹⁶

Выступая на совещании инженерно-строительных работников Стройуправления 4 сентября 1945 г. зам. председателя Совнаркома республики В. К. Саккеус подчеркнул: «Решающей силой являются военнопленные. Совнарком принял решение, чтобы им создавались условия, которые у нас неблагоприятные. Мы должны создать такие условия военнопленным, чтобы поднять производительность труда и использовать знания, которые они имеют».¹⁷

⁹ История строительства в Карелии... С. 65.

¹⁰ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1528, л. 98–99.

¹¹ Ленин. правда. 1945. 6 нояб.

¹² НА РК. Ф. Р-2832, оп. 1, д. 27, л. 24, 26; ф. Р-1394, оп. 6, д. 697, л. 110.

¹³ Там же, ф. Р-3435, оп. 2, д. 241, л. 9 об.

¹⁴ Там же, ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 91.

¹⁵ Там же, ф. П-1230, оп. 24, д. 7, л. 59–60.

¹⁶ НА РК, ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 38; ф. П-8, оп. 1, д. 1736, л. 1–3.

¹⁷ Там же, ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 103 об.

В 1946–1947 гг. 2/3 рабочих в строительных организациях республики составляли военнопленные и заключенные. В системе Строительного управления на 1 января 1946 г. работало 899 человек, в том числе 162 инженерно-технических работника и служащих. Кроме того, насчитывалось до 1400 рабочих категории «спецконтингент», в основном военнопленных и заключенных.¹⁸ На всех объектах работ строительных контор военнопленные работали совместно с вольнонаемными рабочими в смешанных бригадах.

Труд военнопленных использовался на многих стройках Петрозаводска. Их силами были построены 8-квартирные деревянные жилые дома на Зареке, универмаг «Детский мир», гастроном на углу улиц Герцена и Гоголя, восстановлены Петрозаводский почтамт, Дом партийного просвещения, физиолечебница на ул. Куйбышева, Онежский тракторный завод, гостиница «Северная», государственный университет и др. Военнопленные участвовали в замощении шоссе 1 Мая.

Но рабочих кадров в строительстве остро не хватало. В 1947 г. из-за недостатка рабочей силы находилось под угрозой срыва выполнение производственных планов Промстройтреста, где на стройках работала только 1/3 необходимого количества рабочих. В Строительном управлении республики не доставало 750 военнопленных и 270 заключенных, из-за этого были временно законсервированы работы на ряде объектов (кинотеатр «Победа», государственный университет и др.).¹⁹

Помимо 120-го лагеря в республике действовали еще 3 лагеря военнопленных с многочисленными отделениями. Управления этих лагерей находились в Сегеже, Пудоже и Питкяранте. Военнопленные использовались на эксплуатационно-строительных и монтажных работах на целлюлозно-бумажных и других предприятиях. Они участвовали в строительстве жилищного фонда, служебных зданий культурно-просветительных учреждений, административно-хозяйственных и торговых организаций, предприятий коммунального хозяйства, дорог, осуществлении благоустройства.

К концу 1940-х гг. строительство оставалось отраслью, наименее обеспеченной кадровыми рабочими. Если промышленные предприятия Петрозаводска в 1948 г. были укомплектованы кадровыми рабочими на 82 %, то в строительстве – только на 32 %. При этом наблюдалась большая текучесть кадров, составившая по строительным организациям республики в 1948 г. 50 %.²⁰ С 1948 г. началась отправка иностранных военнопленных на родину. В 1949 г. последние военнопленные были репатрированы, их заменили вольнонаемные рабочие и заключенные, содержащиеся в лагерях Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний.

Поскольку рабочих кадров в республике по-прежнему не хватало, был взят курс на пополнение их путем организованного набора и переселения из других областей и республик страны. В докладной записке ЦК КП(б) КФССР в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР от 26 января 1948 г. выражалась просьба переселить в течение 3 лет (1948–1950) в Карело-Финскую ССР 100 тыс. семей, в том числе для работы в строительстве 25 тыс. семей.²¹ Основной поток мигрантов шел из центральных областей Российской Федерации, Белоруссии, Украины, республик Поволжья и Прибалтики. Но приоритетной сферой распределения этих кадров была лесная промышленность.

Таким образом, несмотря на большие трудности, в годы первой послевоенной пятилетки строительные организации республики окрепли, расширились объемы строительно-монтажных работ. Только в 1946 г. в Карелии было восстановлено и пущено в эксплуатацию более 100 промышленных предприятий. К концу 1949 г. промышленность в основном достигла довоенного уровня производства.²² Немало было сделано по восстановлению других отраслей народного хозяйства республики. Однако планы капитальных вложений и ввода в действие объектов строительства систематически не выполнялись; из-за неудовлетворительной организации труда, отсутствия необходимых инструментов и строительных материалов простой достигали до 50 % рабочего времени.

Одной из важных причин невыполнения планов являлся недостаток рабочей силы. Даже в начале 1950-х гг. ни одна из республиканских подрядных организаций не была полностью обеспечена кадрами. В 1951 г. обеспеченность рабочей силой составляла: в Промстройтресте – 62 %, Министерстве коммунального хозяйства – 55 %, тресте «Сельстрой» – 44 %. Высокой оставалась текучесть кадров, на инженерно-технических должностях работало большое количество практиков.²³

¹⁸ Там же, ф. Р-2832, оп. 1, д. 13, л. 10.

¹⁹ Там же, ф. Р-1394, оп. 6, д. 507, л. 34–35.

²⁰ НА РК, ф. П-1230, оп. 27, д. 595, л. 167.

²¹ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ), ф. 8, оп. 19, д. 202, л. 4.

²² История экономики Карелии. Кн. 2. Петрозаводск, 2005. С. 122.

²³ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 1751, л. 74; оп. 6, д. 1751, л. 74, 93.

Справочник И. М. Мулло «Памятники и памятные места Карелии» как источник по истории выявления историко-культурного наследия Карелии

Культура – та сфера жизни человека, в которой отражаются все изменения происходящие в стране. Так история памятников культуры Карелии на протяжении XX века была зеркалом происходивших в стране политических событий. В нашем докладе мы бы хотели с помощью анализа книги Мулло Ивана Михайловича «Памятники и памятные места Карелии», которая издавалась четыре раза – в 1963, 1965, 1971, 1984 гг.¹ – показать, каким образом в СССР менялась линия правительственной политики по отношению к памятникам культуры Карелии и, прежде всего, к тем, которые были созданы в дореволюционной России, в частности к культурным памятникам.

Иван Михайлович Мулло (1906–1990), сотрудник Карельского историко-краеведческого музея, был первым музейщиком со специальным музейным образованием. В 1932 г. он закончил географический факультет Ленинградского государственного университета и был направлен на работу в Карелию. Активная музейная деятельность Ивана Михайловича начинается с 1930-х годов XX века.² С 1932 по 1939 гг. и с 1948 по 1953 гг. И. М. Мулло был директором Карельского государственного музея. Иван Михайлович принимал активное участие в общественной жизни города и республики. Активно сотрудничал с Обществом охраны памятников истории и культуры Карелии, был председателем Совета городского отделения этого общества (1965–1971 гг.). Мулло Иван Михайлович побывал с экспедициями по всем районам Карелии. После XX съезда КПСС и последовавшей после этого либерализации в культурной сфере и в стране в целом именно Ивану Михайловичу было поручено создать первый путеводитель, справочник памятных мест Карелии с древнейших времен, который, как уже было отмечено, издавался четыре раза.

Первая книга, как уже было отмечено, была издана в 1963 году, когда в стране наблюдалась кульминация «хрущевской оттепели».³ В данном издании 60 наименований памятников. В связи с доминированием коммунистической идеологии в государстве в книге около 42 % памятников, т. е. 25 наименований, посвящены историко-революционным памятникам и памятным местам Карелии: памятники, посвященные деятелям Коммунистической партии, героям гражданской войны (Сулажгорские высоты, Братская могила (г. Петрозаводск), Штаб Красной гвардии Сороки (г. Беломорск), памятник В. П. Солунину (г. Беломорск)). Памятников, относящихся к дореволюционному периоду истории России, в книге насчитывается 28 наименований (47 %). Таким образом, памятников дореволюционного времени несколько больше, чем памятников истории и культуры советского периода. На наш взгляд, подобная ситуация объясняется тем, что книга была опубликована в период, когда «хрущевская оттепель» достигла своего апогея.

Значимым является то, что в книге присутствует описание многих культовых памятников истории Карелии. Как известно, идеология советского государства была несовместима с религией. Однако в 1963 году в стране уже отсутствовала такая жесткость в вопросе, касающемся религии. Этот факт говорит о том, что политическая ситуация отражается в культурной сфере страны. Довольно значимым является то, что из 28 памятников дореволюционного времени 14 памятников, т. е. 50 %, относятся к культовым памятникам. В целом из 60 наименований памятников, описанных в книге, 23 % памятников посвящено религиозному назначению.

В книге присутствуют описания памятников Великой Отечественной войны: места боев в годы войны (Самбатукса, Сармяги, Медвежьегорские высоты), памятник А. Н. Пашкову, дом Д. Е. Тучина, памятник Анне Лисицкой. Таким образом, в книге имеется описание 6 памятников Великой Отечественной войны. На наш взгляд, этот факт можно объяснить тем, что процесс выявления и создания памятников, посвященных Великой Отечественной войне, осуществлялся к тому моменту лишь 20 лет, что, как известно, не достаточно для подобной работы.⁴

Несмотря на то, что в стране было объявлено о разоблачении культа личности, в книге отсутствуют описания памятных мест, связанных с ГУЛАГом. Это говорит о том, что у десталинизации были определенные пределы. Однако в книге присутствует упоминание о Зимней войне вопреки общей тенденции замалчивать данное

¹ Мулло И. М. Памятники и памятные места Карелии. – Петрозаводск, 1963. – 146 с.

Мулло И. М. Памятники и памятные места Карелии. – Петрозаводск, 1965. – 158 с.

Мулло И. М. Памятники и памятные места Карелии. – Петрозаводск, 1971. – 87 с.

Мулло И. М. Памятники истории и культуры Карелии. – Петрозаводск, 1984. – 240 с.

² См.: Капуста Л. И. Петрозаводские музеумы, или страницы истории КГКМ [Электронный ресурс] // Карелия. – № 100. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/800/14.html>, свободный – Загл. с экрана. – На рус. яз. – Проверено 16.02.2010.

³ См.: Мулло И. М. Памятники и памятные места Карелии. – Петрозаводск, 1963. – 146 с.

⁴ См.: Мулло И. М. Памятники и памятные места Карелии. – Петрозаводск, 1963. – 146 с.

событие в истории страны. Автор говорит о героизме советских солдат, о том, что Финляндия спровоцировала войну 1939–1940 гг.⁵

Необходимо подчеркнуть то, что из общего количества описанных памятников только 13 памятных мест (22 %) расположены непосредственно в г. Петрозаводске. Анализ книги позволяет сделать вывод о том, что средоточие памятников наблюдается в Беломорском, Медвежьегорском, Прионежском районах. Также важно отметить то, что большая часть памятников расположена в сельской или деревенской местности. Иван Михайлович Мулло не обходит вниманием памятник певцу рун Педри Шемейкке в г. Сортавала, который до 1944 г. принадлежал Финляндии. Это говорит о том, что памятники этой территории охранялись.

Издание 1965 года данной книги не претерпело существенных изменений.⁶ В данное издание добавлено 4 памятника: дом Г. Р. Державина (г. Петрозаводск), дом В. М. Тимофеева (г. Петрозаводск), отдельное описание Марциальных вод, отдельная статья, посвященная Шатровой колокольне Кижского музея-заповедника.

Один из этих четырех добавленных памятников, Шатровая колокольня, является культовым, что подчеркивает вышеизложенную мысль о религии в советском государстве. Культурное наследие Карелии пополняется. В книге присутствует описание открытого в 1960-е годы памятника Марии Мелентьевой в поселке Пряжа Прионежского района. Таким образом, мы видим, что новые памятники открываются, осуществляется процесс выявления памятников истории и культуры. Необходимо подчеркнуть, что в первом и втором изданиях книги присутствует довольно малое количество памятников, посвященных героизму народа во время Великой Отечественной войны. Памятники Марии Мелентьевой и Анне Лисицыной – одни из немногих памятников подобного рода.⁷

Издание 1971 года дополнено новыми описаниями памятников Карелии.⁸ Большая часть новых описаний относится к первой главе «Историко-революционные памятники и памятные места». Книга дополняется статьями о памятниках, посвященных А. В. Шотману, П. Ф. Анохину. Необходимо отметить, что в книге появляются статьи с описаниями памятников Валаама и Соловецкого монастыря. Таким образом, книга пополняется культовыми памятниками, что подтверждает мысль о том, что в Советском государстве все же осознавали значение религии для русских людей.

Книга, изданная в 1984 году, довольно разительно отличается от предыдущих трех изданий.⁹ По прошествии около двадцати лет с момента публикации первого издания книги в стране, несомненно, многое изменилось. Книга значительно пополнилась описаниями новых памятников. Данный факт свидетельствует о том, что советское государство активно занималось охраной, выявлением новых памятников истории и культуры Карелии. В связи с этим важно выделить особый вклад, который внесло в этот процесс Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).¹⁰

В книге появилась отдельная глава о памятниках солдатам Великой Отечественной войны, состоящая из разделов о памятниках на местах оборонительных боев 1941–1942 гг., памятниках на местах наступательных боев войск Карельского фронта, памятниках, посвященных подвигам партизан и подпольщиков и т. д. Следует отметить, что со времени окончания войны прошел уже достаточный период для выявления и открытия памятников, а также следует помнить, что книга была издана, когда во главе страны находился Л. И. Брежнев, который являлся непосредственным участником войны, в 1965 г. отмечалось 20-летие победы, в 1975 – 30-летие победы в Великой Отечественной войне. В результате этих торжеств открывались новые мемориалы, памятники.¹¹

В книге присутствует обширная глава, которая посвящена памятникам истории и культуры Карелии XVI – начала XX века, а также памятникам духовной культуры народа, в том числе и культовым памятникам. По сравнению с изданиями 1963 и 1965 годов в данной книге описано несравненно большее количество памятных мест дореволюционного периода истории России, в том числе памятников, относящихся к XVI–XVII векам. И это также говорит о тенденции осознания в советском государстве необходимости понимания того, что религия в России всегда являлась неотъемлемой частью жизни народа, что религия связана и с бытом, и с традициями, религия вплетена в контекст многих исторических событий. В связи с этим вспомнятся слова одного из активных участников ВООПИК писателя Олега Васильевича Волкова:

«Борьба с религией часто сопровождалась походом на древнее искусство, на культурное наследие России, неразрывно связанное с церковью. Тем своевременнее ныне, когда очевидна ошибочность подобного отношения к древнерусским памятникам, отвести им подобающее место в нашем культурном наследии, подлинным украшением которого они призваны быть».¹²

⁵ См.: Мулло И. М. Места боев в годы Великой Отечественной войны // Там же. – С. 58–64.

⁶ Мулло И. М. Памятники и памятные места Карелии. – Петрозаводск, 1965. – 158 с.

⁷ Там же.

⁸ Мулло И. М. Памятники и памятные места Карелии. – Петрозаводск, 1971. – 87 с.

⁹ Мулло И. М. Памятники истории и культуры Карелии. – Петрозаводск, 1984. – 240 с.

¹⁰ См.: Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 1991. – 157 с.

¹¹ См.: Мулло И. М. Памятники истории и культуры Карелии. – Петрозаводск, 1984. – 240 с.

¹² Цит. по: Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 1991. – С. 7–15.

Таким образом, книги Ивана Михайловича Мулло различных лет издания, посвященные неотъемлемым составляющим – памятникам культурного наследия Карелии, наглядно демонстрируют те изменения, которые происходили в политике советского государства по отношению к памятникам истории и культуры, культуре в целом. Книги свидетельствуют о том, что в советскую эпоху процесс выявления и открытия новых памятников был достаточно динамичным, что, несомненно, очень значимо для сохранения культурного наследия нашей страны.

*Серко Илья Викторович,
научный сотрудник*

Карельского государственного краеведческого музея

Философия конфликта в государственной символике Республики Карелия

Бытовавшее традиционно представление о конфликте как об источнике хаоса и разрушения, с однозначно негативной оценкой, ушло в прошлое. Конфликтология второй половины XX – начала XXI столетия, рассматривая различные аспекты конфликта как явления, охватывающего все сферы человеческого общества, основывается на признании функциональности конфликта для социальных систем.

Диалектические концепции Л. Козера, Р. Дарендорфа и К. Боулдинга, исследования петербургского ученого В. А. Светлова по созданию единой теории конфликта приводят к принципиально новому пониманию общественно-политических преобразований через взгляд на конфликт как на творческое, созидательное начало, присущее всем общественным объединениям, ресурс развития, выводящий сообщество из состояния равновесия, что дает возможность перейти на качественно иную ступень роста¹.

Новая концепция конфликта позволяет по-новому взглянуть на отдельные моменты политической истории. Непримириемые противники, стремящиеся к овладению территорией, захвату рынка или насаждению своей идеологии, в процессе своей борьбы объективно создают нечто новое. История Карелии – региона, возникающего на стыке цивилизаций и постоянно являющегося территорией политического конфликта – подтверждает вышесказанное. Карелия «рождается в горниле» противоборства Швеции и Российского государства; новейшая история нашего края – во многом история политических, в том числе военных, конфликтов между Советским Союзом и Финляндией. Государственные символы Карелии, созданные в разные исторические периоды представителями противоборствующих сторон, наглядно отражают ход борьбы, политические предпочтения и пути преодоления конфликта. Вновь обратимся к современной конфликтологии, одним из важнейших элементов которой является понятие медиации – формы разрешения конфликта с участием третьей стороны, которая призвана помочь противникам урегулировать ситуацию и найти удовлетворяющий стороны выход. Символ-медиатор, как бы уравнивающий образы конфликтующих сторон, должен присутствовать и в государственной символике, особенно в геральдике. Выскажем предположение, согласно которому такой символ должен всегда находиться в верхней части герба; это логично с точки зрения восприятия зрительных образов – наиболее важное, сознательно или подсознательно, мы помещаем в центре либо в верхней точке изображения.

Первый из исторических гербов нашего края, так называемый шведский герб Карелии, является ярким примером «конфликтной» геральдики. Впервые этот герб был изображен на знамени на погребальной церемонии шведского короля Густава I Васы в 1560 году и вновь воспроизведен на его усыпальнице в 1562 году среди прочих изображений символов владений монарха. Карелией в середине XVI века шведы именовали провинцию, расположенную частично на территории юго-востока современной Финляндии, частично в западной части Республики Карелия и Северном Приладожье. По геральдической традиции, было составлено блазонное описание этого герба: «На красном поле золотая корона и под ней направленные друг против друга в ударе две руки, из которых правая в панцире сжимает меч и левая в кольчуге сжимает обнаженную кривую саблю. Обе руки серебряные, рукояти орудий и сочленения панцирей золотые. Над щитом герцогская корона»². Две руки, готовые скрестить оружие, расшифровываются как символы непрестанно сражающихся за территорию Карелии Швеции и России. Название оружия, которое сжимает «русская рука», не вполне верно переведено как «сабля»; в шведском оригинале блазона это «kroksabel», или скимитар – колюще-рубящее оружие, наиболее близким аналогом которого является турецкий ятаган. Щит, упомянутый в блазоне, варяжского типа, что характерно для шведской геральдики. Герцогская же корона является в данном гербе символом медиации; герцогская власть – проекция шведской королевской власти – призвана разрешать конфликты, разумеется, в пользу «рыцаря с мечом»; «перевес сил» подчеркивается удвоением короны – ее можно видеть и на самом щите, непосредственно над руками воинов, и над щитом.

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 141.

² Пашков А. М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 48–49.

На гробнице Густава Васы можно видеть также первое изображение герба Финляндии. Это коронованный щит с золотым коронованным львом в червленом поле. Правая передняя лапа льва закована в латы и заносит меч, задними лапами лев попирает оружие с изогнутым лезвием – саблю или скимитар. Эти два вида оружия – все те же символы шведского и русского воинства, с которыми знакомит герб Карелии. Червленое поле усыпано серебряными розами, на гробнице короля Густава их девять – это символы 9 исторических провинций Финляндии. Одной из этих провинций была Сатакунта в Западной Финляндии. Ее герб, так же, как и герб Карелии, впервые был продемонстрирован на похоронах Густава I в 1560 году. Чёрный, увенчанный золотой короной, стоящий на задних лапах медведь с красными когтями, глазами и языком, держащий в лапах меч – центральная часть герба; слева и справа от головы медведя – семиконечные звезды, а венчает герб все та же герцогская корона. Хотелось бы обратить внимание на то, что финский лев и медведь Сатакунты находятся в идентичной позе – на геральдическом языке она именуется «garrant», то есть «восстающий»; для льва эта поза считается обычной и специальному блазонированию не подлежит³.

Рубеж XVII–XVIII веков стал новой вехой в истории русско-шведского противостояния. Кульминацией политического конфликта в регионе становится Северная война 1700–1721 годов. Трансформация государственного устройства России, вызванная войной и связанная с именем Петра I, коснулась административно-территориального устройства страны. В 1708 году территория России была разделена на 8 губерний. С этого времени полки российской армии стали называться не по именам командиров, как раньше, а по названиям губерний, провинций и городов. С 1712 года началось изготовление полковых знамен для новых полков. На знамени Олонецкого полка была такая эмблема: «В золотом поле выходящая из облака рука, держащая голубой щит, а под рукой на цепях четыре яблока» (яблоки – кнппеля, снаряды морской артиллерии, ядра, соединенные цепями). Эта эмблема была заимствована из отпечатанной в Амстердаме в 1705 году «по указам и благоповелению» Петра книги «Символы и эмблемата». Одна из этих эмблем (№ 352) содержала изображение руки со щитом, выходящей из облака. Девиз под эмблемой гласил: «Sub clypeo» («Под щитом»)⁴.

Рука со щитом, выходящая из облака (в книге «Символы и эмблемата» она развернута геральдически вправо и держит, помимо щита, лавровую ветвь как знак славы, победы, величия) – символ Божественного покровительства, небесной защиты. Десница, исходящая из облака, с оружием и атрибутами власти, в петровскую эпо-

³ Слейтер, С. Геральдика : иллюстрир. энцикл. М., 2007. С. 80.

⁴ Пашков А. М. Указ. соч. С. 78–82.

ху становится частью гербов многих российских территорий. Однако не исключено, что символ «Sub clureo» именно для Олонецкого полка, ставший впоследствии гербом Олонца, а еще позже – Петрозаводска и Олонецкой губернии, был избран по особой причине. Можно предположить, что эмблема Олонецкого полка стала своеобразным «геральдическим ответом» России Швеции. Широко известный шведский герб Карелии, центральную часть которого занимают руки сражающихся воинов, в петровскую эпоху заменяется также изображением руки – но эта рука принадлежит не людям, а Божеству и осеняет щитом левую геральдическую сторону: на шведском гербе Карелии эта сторона олицетворяет Россию. Рука со щитом является одновременно и основным содержанием, и символом-медиатором эмблемы: «арбитром» противостояния между Швецией и Россией выступает Божество. Стоить обратить внимание и на «яблоко на цепях», особенно на их расположение, рисующее на эмблеме Олонецкого полка, будущем гербе Олонецкой губернии, «андреевский крест». Учитывая исключительный интерес Петра к данному символу, вполне вероятно, что эта фигура присутствует в эмблеме не случайно. «Велик Российский Бог!» – эта поэтическая строка В. А. Озерова идеально выражает мысль, содержащуюся в «геральдическом послании» петровской эпохи⁵. В 1878 году герб Олонецкой губернии изменяется в ходе реформы Кёне; изображение руки со щитом разворачивается в верную, с точки зрения европейских гербовых канонов, геральдически правую сторону, а сам герб увенчивается императорской короной. Смысл «геральдического послания» в этом варианте герба совершенно теряется.

Век спустя после эпохи петровских преобразований новый политический конфликт между Россией и Швецией закончился Фридрихсгамским мирным договором 1809 года, по которому Финляндия отходила России со статусом великого княжества. К устройству управления новоприобретенной Финляндии Александром I был привлечен М. М. Сперанский. 26 октября 1809 года он представил на Высочайшее утверждение герб Великого княжества Финляндского. Изображение на гербе практически тождественно гербу, известному с 1562 года, за исключением нескольких деталей. Главная из них заключается в следующем: лев на гербе «российской Финляндии» не попирает саблю, как в шведском варианте – он на ней стоит, одновременно держа ее эфес другой лапой. Перед нами замена откровенно конфликтной государственной символики на образ примирения и единства; лапа льва с мечом больше не закована в латы – отсылка к образу шведского рыцаря больше не действует, а скимитар из попираемого оружия врага стал собственным атрибутом гербового животного, даже более того – его мощной опорой. Единство европейского и российского начал становится основным содержанием финского герба в XIX столетии – это отображение внутренней политики империи по отношению к великому княжеству Финляндскому: предоставление автономии с сохранением сейма и конституции. Интересно, что измененный шведский герб Карелии 1562 года использовался в XIX – начале XX века как символ одной из губерний Финляндии – Сант-Михельской. Его использование говорит об утрате злободневности русско-шведского противостояния; оно ушло в историю, успев, однако, посеять семя будущего раздора.

Начало XX века стало временем глобальных политических трансформаций. Российская империя прекратила свое существование, на десятилетия в небытие ушли и ее государственные символы. Финляндия стала независимым государством – и практически с первых дней своего существования вернулась к старому, «дороссийскому», варианту герба: финский лев вновь стал попирает «русскую» саблю. Новорожденная страна приняла эстафету конфликтных отношений с Россией от Швеции – и как бывшая часть Швеции, и «благодаря» военным лидерам Финляндии первой половины прошлого столетия – представителям так называемой «шведской Финляндии». События гражданской войны вызвали к жизни два так называемых Временных правительства Карелии. Олонецкое правительство под председательством Куттуева было марионеткой Финляндии; оно не создало своей символики, во время деятельности правительства в Олонце были распространены марки с изображением финского герба и надпечаткой «Aunus» (Олонец)⁶. В северной Карелии в 1919–1920 годах действовало Ухтинское правительство, первоначально стремившееся к включению Карелии в состав Финляндии, но позже пришедшее к идее независимого Карельского государства. Финляндия признала Ухтинскую республику и приняла участие в создании ее государственной символики. Автором герба и флага республики стал известный финский художник Аксели Галлен-Каллела. Тип флага – скандинавский крест – скопирован с флага Финляндии, изменены лишь цвета: были избраны черный – образ земли и труда, красный – цвет крови и радости, напоминавший также о подсечно-огневом земледелии карел, и зеленый, символизирующий лес и природу нашего края. Герб же Ухтинской Карелии работы Галлен-Каллела, с одной стороны, почти полностью копировал герб исторической провинции Сатакунта (что осознавал, судя по тексту письма от 25 мая 1920 года, автор герба⁷), с другой же стороны воспроизводил все ключевые элементы герба Финляндии, но с национальным колоритом или с акцентом национально-освободительного движения. Так, в правой передней лапе «карельский медведь» держит не меч, как финский лев или медведь Сатакунты, а весури – традиционный для карел нож-сучкорез, являющийся одновременно и орудием труда, и потенциальным оружием. Медведь попирает образ, имеющий отношение

к России, но не саблю, а цепь – символ «освобождения от уз», обозначающий отделение Карелии от России. Уникальными геральдическими элементами являются изображение 53 столбов северного сияния, одновременно

⁵ Озеров В. А. Трагедии и стихотворения. Л., 1960. С. 293.

⁶ Бурков В. Г. Государственные символы «независимой» Карелии // Материалы 5-й ежегодной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». СПб., 2004. С. 237–241.

⁷ Пашков А. М. Указ. соч. С. 186.

символизирующие карельские общины, и традиционный карельский головной убор – куккелли, конусообразный шлем из светлой ткани, фактически накомарник. Этот головной убор находится над варяжским щитом, на который нанесено изображение медведя с весури, и несет тот же смысл, что и герцогская корона в аналогичных гербах Финляндии и Сатакунты – в данном гербе именно этому изображению присвоена функция медиации. Куккелли вместо короны, вероятно, означал примат народного, национального начала над государственным. В этом отличие государственных символов, предложенных Галлен-Каллела: несмотря на копирование основных элементов финского герба и флага, указывающих на «очевидность» сближения «Ухтинской республики» с Финляндией, право принимать окончательное решение, безусловно, предоставляется карельскому народу – во всяком случае, такой вывод напрашивается при изучении символики 1920 года.

Этот же переломный год становится первым годом Карельской трудовой коммуны – национального образования в составе Советской России, от которой берет начало современная Республика Карелия. Страна Советов не нуждалась в «геральдическом ответе» Финляндии и какому-либо иному государственному образованию, декларирующему (в том числе и визуальными средствами) вызов ее территориальной целостности. Конфликт Советской России, а позже Советского союза лежал в принципиально ином поле, чем столкновение национальных и государственных интересов – он произрастал из идеи мировой революции; «рука Москвы» теперь грозила не отдельным народам или странам, а всему буржуазному миропорядку. Карелия – с 1923 года автономия в составе РСФСР – по существовавшей традиции копировала государственные символы союзной республики. На гербе и флаге лишь надписи напоминали о «национальном компоненте»: но именно в надписях получил отражение продолжающийся и в Советской Карелии конфликт между советско-российской и финской парадигмами, совершенно незаметный в образном ряде официальной символики. Достаточно взглянуть на два флага Карельской АССР 1937 и 1938 годов: на первом надпись на флаге «Карельская АССР» воспроизводится на трех языках – русском, карельском и финском, второй же демонстрирует отсутствие финской надписи; она исчезла с флага уже 29 декабря 1937 года. Это лишь одно из проявлений массовой «антифинской кампании», начавшейся в Карелии в 1937 году: конец «эпохи красных финнов» был связан с массовыми репрессиями, унесшими сотни жизней⁸. Запреты на финский язык и финскую культуру, хотя и диктовались внешнеэтническими идеологическими установками, пошатнули влияние Финляндии в регионе, что не могло не вызвать «эффект бумеранга»: последующее пятилетие во внешней политике Суоми наблюдался подъем реваншистских идей. Накалившиеся отношения между СССР и Финляндией стали причиной двух войн; в ходе второй из них, которую финские историки именуют *Jatkosota* (война-продолжение), оккупационные власти захваченной части Карелии использовали символику А. Галлен-Каллела, как бы проводя линию преемственности с выраженными в гербе и флаге 1920 года идеями самоопределения карельского народа. Исторический выбор Карелии оказался иным, нежели тот, на который рассчитывала Финляндия; она осталась в составе Советского Союза на правах шестнадцатой союзной республики.

Карело-Финская Советская Социалистическая Республика была создана 31 марта 1940 года. При ее образовании были созданы герб, флаг и гимн республики. Флаг претерпел изменения в 1953 году, прочие же символы оставались неизменными до 16 июля 1956 года, когда КФССР была упразднена. Авторами герба и флага (варианта 1953 года) республики был, предположительно, В. Н. Попов или В. М. Агапов. Гимн КФССР был создан поэтом Армасом Яйкия, одним из министров Терийокского правительства, и выдающимся деятелем культуры Карелии композитором Карлом Раутио.

Анализ изображения герба Карело-Финской республики демонстрирует довольно интересную картину. Созданный между двумя советско-финскими военными конфликтами, этот герб практически лишен идеи конфликта как таковой. Напротив, все его составляющие говорят о синтезе: традиционное для советской символики изображение солнца органично вписано в карельский пейзаж; колосья, обрамляющие герб (их можно рассматривать как синоним русского начала), равнозначны «карельской» ветви хвои – впервые именно в гербе КФССР хвойные деревья появляются в карельской символике; лента, которой перевиты колосья и хвоя, украшены узором, стилизованным под традиционную карельскую вышивку⁹. Однако знак медиации совершенно отчетлив и помогает осознать, в русле какой идеологии осуществляется данный синтез: в центральной верхней части символа Карело-Финской республики, над солнцем – серп, молот и пятиконечная звезда.

Идеи синтеза «советского» и «национального» можно увидеть и в тексте гимна КФССР, где используются такие формулировки, как «*Neuvosto-Sammon*» (Советское Сампо), а имя легендарного родоначальника карел Калева употребляется в связке с именами Ленина и Сталина. Особого внимания заслуживает флаг КФССР – на наш взгляд, самый удачный из результатов «ребрендинга» в государственной символике СССР начала 1950-х годов. Достоин внимания в этом флаге и то, что он – единственный из флагов союзных республик – является триколором, правда, с неравномерными полосами (19/30 отдавалось красному цвету, 1/6 – голубому и 1/5 – зеленому), и гармоничность сочетания выбранных цветов. Идеальное попадание в цветовую модель RGB, основанную на особенностях физиологии человеческого зрения, доказывает факт создания флага художником и делает его одним из самых удачных символов советской Карелии.

⁸ Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / под ред. Т. Вихавайнена и И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 161–206.

⁹ Пашков А. М. Указ. соч. С. 235–247.

Наконец, обратимся к современной государственной символике Республики Карелия, созданной в начале 1990-х годов. 16 февраля 1993 года Верховный Совет Республики принял вариант флага, созданный А. И. Киннером на основе идеи флага КФССР 1953 года. Карельский триколор стал еще гармоничнее – одинаковой стала ширина полос, значение цветов было частично переосмыслено; в таком варианте флаг Карелии начал «рифмоваться» с флагом Российской Федерации. 28 сентября того же года у Карельской республики появился герб – им стал вариант, предложенный Ю. С. Нивиним. Ниже приводится описание этого герба, приведенное в статье 13 Конституции Республики Карелия.

«Государственным гербом Республики Карелия является прямоугольный закругленный в нижней трети, трижды пересеченный в равных долях цветами государственного флага Республики Карелия щит с изображенным на нем профилем стоящего медведя черного цвета. Золотое обрамление щита переходит в стилизованное изображение ели с левой стороны и сосны – с правой. В наверху щита расположена восьмиконечная звезда (сдвоенный крест) золотого цвета»¹⁰.

Прочитанное описание герба нельзя считать полноценным блазоном; сам же герб до сих пор не внесен в Государственный геральдический регистр Российской Федерации. Причина – принципиальные нарушения правил геральдики, допущенные при создании государственного символа. Герб, в отличие от флага, производит при внимательном рассмотрении впечатление «лоскутного одеяла», созданного из противоречащих друг другу элементов. Центральный образ герба, медведь на щите варяжского типа «происходит» от символа Ухтинской республики. Изображения весури, куктели, северного сияния и цепи исчезают, зато медведь становится, говоря геральдическим языком, «вооруженным» – приобретает язык, как на гербе Сатакунты. Медведь – символ профинских, традиционно антисоветских сил: его изображение резко контактирует с просоветским фоном – триколором. Контраст этот подчеркивается стилизованными изображениями сосны и ели; в верхней части герба они образуют две разнонаправленные стрелы. Медиатором же герба выступает, как и в 1940 году, звезда, но не алая пятиконечная, а золотая (рифмующаяся с конфликтными «стрелами» деревьев-щитодержателей) с восемью лучами. Восьмиконечная звезда, она же сдвоенный крест или октаграмма – традиционный элемент карельской и вепсской вышивки, а также орнаментики русского населения Севера. Это древний символ, родственник розе ветров, свастики и исландским гальдрастафам; его можно видеть на православных иконах и флагах исламских республик. В определенной степени можно говорить о «родственных связях» звезды на карельском гербе и семиконечных звезд на гербе провинции Сатакунта. В карельском гербе она выступает как солярное и одновременно астральное начало, олицетворяет Сампо, символизирует такие понятия, как счастье, изобилие, путеводность, защита. Использование этого символа в геральдике и вексиллологии финно-угорских народов – кроме Карелии, это Мордовия, Чувашия, Марий Эл – примета нашего времени, не имеющая исторических прецедентов. Идея использования октаграммы в качестве знака-медиатора для разработчиков государственной символики, очевидно, близка идее Галлен-Каллела, использовавшего куктели для герба 1920 года: национальный колорит расшифровывается как национальное самоопределение. Однако многозначность и поликультурный характер октаграммы, о котором было упомянуто выше, расширяют смысловое поле этого символа; в рамках различных идеологических моделей возможны прочтения его как образа созидания – и разрушения, оберега – и разрушителя, знака мира и призыва к конфликту.

Таким образом, можно констатировать: философия конфликта, «запрограммированная» в шведском гербе Карелии 1560-х годов, все же не исчезла бесследно. Непримиемые противоречия продолжают жить в современном обществе; Карелия по-прежнему находится в процессе становления, продолжая выбирать свой исторический путь. Государственную символику, действующую сейчас, нельзя считать однажды и навек утвердившейся; будущее покажет возможные выходы из конфликтных ситуаций, которыми было богато прошлое и которые не исключены в будущем. Один из таких выходов подсказывает проект герба карельских беженцев в Финляндию 1930-х годов и современный герб Калевальского национального района. Общее в упомянутых гербах – ориентированность не на национально-государственное, а на общечеловеческое начало – культуру. «Геральдическим ответом» этого начала всей предшествующей геральдике являются, как и в гербе XVI столетия, две смыкающиеся руки – но в этих руках нет оружия; они смыкаются для того, чтобы начать исполнять руны. Это знаменитые «руки Калевалы». «Так давай свои мне руки,/Пальцы наши вместе сложим,/Песни славные споем мы,/И начнем мы с лучших песен...»¹¹. В гербе Калевальского района (той самой Ухты, где зародился прототип современного герба Карелии) «руки Калевалы» выполняют роль знака медиации, уравновешивая структурные элементы эмблемы «родины рунопевцев». «Стрелы» сосен в верхней части герба (указание на сосну Леннрота) однонаправлены, а центральная фигура герба – ладья, составленная из пера и кантеле – показывает, что безусловный синтез возможен именно в пространстве культурного обмена. Именно культура призвана стать силой, объединяющей проживающие в Карелии народы. Государственная символика нашей республики – индикатор, на котором высвечены проблемные зоны взаимоотношений этих народов. Корректное, продуманное использование символов специально предотвратит многие проблемы, а в идеале – создать почву для многолетнего и плодотворного взаимодействия.

¹⁰ Пашков А. М. Указ. соч. С. 338–339.

¹¹ Калевала : фин. нар. эпопея / полн. стихотвор. пер., с предисл. и примеч. Л. П. Бельского. СПб., 1888. С. 14.

Раздел 6. Заключительное пленарное заседание

*Е. Г. Соини,
доктор филологических наук,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Карелия в творчестве Юрия Солоневича

Юрий Иванович Солоневич – сын знаменитого публициста, автора «Народной монархии» Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953). Большой успех имела вышедшая в эмиграции книга Ивана Лукьяновича «Россия в концлагере», повествующая в частности о победе Солоневичей в Финляндию.

Стоило ли бежать? Этот вопрос вставал перед каждым беглецом. И однозначного ответа никто себе не давал. Наиболее четко этот вопрос звучал в книге самого молодого из Солоневичей – Юрия Ивановича в «Повести о 22-х несчастьях», опубликованной в 1938 году в Софии, в издательстве газеты «Голос России». Ныне это редкое и ценное издание. В самой России книга не публиковалась. Обложка проста и выполнена самим автором. Цифры «22» изображены то ли в виде двух лебедей, то ли опавших, но еще молодых листьев. Юрий Иванович оформлял практически все книги и публикации своего знаменитого родителя и больше известен немногочисленным читателям, как художник, нежели писатель.

Юрий Иванович Солоневич родился 15 октября 1915 года в Москве, 4 года учился в московской школе. Когда его мать Тамара Владимировна Пшевозная, урожденная Воскресенская вышла замуж за немецкого подданного Бруно Пшевозного, Юрий переехал в Германию и с 1928 года по 1931 год жил в Берлине, учился в Высшем реальном училище Корнера. Тамара Владимировна в это время работала машинисткой и переводчицей в торгпредстве. Вернувшись в Москву в начале 1930-х годов, Юрий поступил в московскую школу кинематографистов на отделение работников сцены.

Солоневичи совершали несколько попыток бежать. В результате второй они были арестованы под Петрозаводском 9 сентября 1933 года осуждены и отправлены в лагерь. Третья попытка оказалась удачной. 28 июля 1934 года Иван Солоневич вместе с сыном Юрием свершил побег из Медвежьегорска, а Борис бежал из Лодейного поля 27 июля и 8 августа перешел границу.

«Повесть о 22-х несчастьях» написана ярко, со своеобразной иронией и сарказмом. Не мудрено, ведь Юрий попал во всю суматоху советских скитаний в достаточно юном возрасте. На момент написания повести ему было лишь 22 года, что, несомненно, автор соотносит с названием книги.

Накопленный жизненный опыт стандартного советского ребёнка Юрий потерял, проведя за границей несколько лет в юном возрасте. Вернувшись на советскую родину, представлял он её не лучше чем любой турист. Страна советов была ему непонятна, и в тоже время любопытна.

В первой половине повести автор рассказывает о своих приключениях в Советской России, уделяя особое внимание взаимоотношениям с режиссёром Абрамом Матвеевичем Роомом (1894–1976), впоследствии снявшим фильмы «Суд чести», «Гранатовый браслет», «Цветы запоздалые». Юрий Солоневич был его помощником, поэтому из повести помимо всего прочего можно вынести немало интереснейших фактов из биографии известного режиссёра и из истории советской киноиндустрии 1930-х годов. Во второй части автор переходит к описанию одного из самых ярких событий своей жизни – попытке бежать через карельскую границу – в Финляндию. Солоневичи совершали несколько попыток бежать. Если Иван и Борис Солоневичи посвятили страницы своих книг третьему побегу, завершившемуся счастливым результатом, то юный Юрий в «Повести о 22-х несчастьях» описывает первую попытку – «неудачную». Оттого книга Юрия Ивановича резко выделяется из литературной истории побегов, вместо героического описания препятствий, погони, голода – ирония, улыбка, насмешка подростка над незадачливыми родителями, жаждущими переделать мир.

Каждый из участников воспринимал побег по-своему. Инициаторами, конечно же, были Иван и его брат Борис, а для молодого Юрия побег был всего лишь очередным приключением. Возможно, ему не так уж и хотелось бежать. В России, пускай и советской, для него было много интересного и непознанного. Он смотрел на все, происходящее в Советской России глазами человека, познавшего Запад, с «твердым намерением в кратчайший промежуток времени к этой стране приспособиться». Автор постоянно использует прием самоиронии, показывая своего героя с фотоаппаратом новейшей немецкой модели перед стихийной и непостижимой Россией. Герой желает фотографировать неприглядные стороны жизни. Он пытается тайком фотографировать почти сиреневые в царапинах ноги беспризорного мальчика, торчащие из штанин, *ноги, а не глаза*. Но понимает, что с такой установкой подходить к России нельзя.

Замысел побега для Юрия был просто интересен. Юрий молод, здоров, крепок, не лишен романтики, художественных задатков. До «большой политики» он еще не созрел, к тому же вся ответственность за успех предприятия лежит, прежде всего, на старших, а им можно доверять, с ними все будет так, как задумано.

Юрий Солоневич, уделяет много внимания деталям, пейзажным зарисовкам, размышлениям на «отвлеченные темы». У него больше времени и для мелочей и для того, чтобы почувствовать всю первозданную красоту карельской природы. Иван и Борис уже не воспринимали всей прелести природы, ни водопады, ни бурные реки не останавливали их взгляда, у них была только одна цель – Финляндия. В отличие от старших Солоневичей Юрий в своей повести выступает как натурфилософ, задумываясь над местом природы в жизни человека. Для Юрия природа представляла собой бесконечную стезю, откуда можно черпать вдохновение и идеи. Он находит красоту и романтику в обычных вещах, смотрит на мир совершенно другими глазами. Ранее не виданная Юрием красота поражает его сознание, он пишет о Карелии так, как никогда бы не написали ни Иван, ни Борис... «Утро раскрыло перед нами панораму карельского болота во всей его красе. Туман, смешиваясь с дымом стоявшей неподалеку деревеньки, устилал кочковатую равнину белесыми простынями».

Север казался беглецам демоническим местом, но герой повести бежит от северного демонизма не по своей воле. И поэтому Карелия, ставшая для беглецов настоящей пропастью, бездной перестает пугать Юрия и представляется ему *храмом*, где забывается время, где человек остается один на один с вечностью: «Был забыт счет шагам, было забыто даже самое время! Шли по бесконечным анфиладам огромного храма с темно зелеными, открытыми куполами, с темными, сумрачными галереями, с самоцветными мозаиками дождевых капель и мягкими, бесконечно узорчатыми коврами мхов».

Целый месяц перед побегом в Москве шли дожди, и Карелия представлялась Юрию каким-то солнечным краем, где можно будет, наконец, «просохнуть, отогреться и даже, чего доброго, – загореть...». Ни Юрий, ни остальные участники побега, ринувшись в самую чащу карельских лесов, не представляли куда они «суются». Карелия встретила беглецов хмурым небом, проливным дождем и ужасающей неизвестностью. Карелия была «подозрительным местом», Карелия как оборотень, она меняет облик. Это и храм, и демоническая земля. Ее представляют одной, а она оказывается совсем другой: «По берегам – лес дремучий и грозный, кормящий и убивающий, укрывающий и предательский, такой, каким он был в первый день творения, и тысячу лет назад, и сегодня, и каким он бог его знает, сколько времени еще проживет... В три обхвата великаны завалились поперек реки, ...мох виснет над головой, когда проплываешь под берегом, да такой мох, что будто сам леший свою Бородину в воде мочит...». Здесь чувствуется нечто сказочное, мифическое, Юрий и вправду попал в какую-то неведомую страну, и, казалось бы, куда еще бежать, зачем искать то, не знаю что?

Юрий думает об Абрашке (Абраме Матвеевиче Рооме – Е. С.), которому он пошлет открытку из Гельсингфорса, о друзьях, оставленных в Москве, «думает о Финляндии, причем констатирует, что никакого понятия о ней не имеет...». Для Юрия Карелия предстает и как испытание (пока еще туманное), и как что-то переходное от городской суматохи, от бесконечных очередей за продуктами, от вездесущих чекистов, от всего этого (по словам отца) «советского кабака» – в нечто почти нереальное, но в то же время существующее на самом деле в Финляндии. На этом пути в якобы счастливую страну предстает Карелия как граница мироздания, граница между двумя мирами, пространствами, временами. Здесь, сведена «граница родины с границей творения». Отсюда, по поэтической мысли Константина Случевского, остается один путь – в небытие. Но это небытие не будет раем:

...сюда пришла моя дорога!

Скажи же, Господи, отсюда мне куда?¹

Ощущение «переходности» заставляет Юрия быть наблюдательным, вглядываться, запоминать мелочи, «строить» всякие фантазии. Юрий находится как бы в другой стране, где ни разу не был, и почти забывает, что они – беглецы, что их могут заподозрить, усомниться в бесчисленных бумажках с печатями, проверить, куда-то сообщить. Детально описывает он невысокого кряжистого мужичка-карела, который на лодке повез их по реке Суне к водопаду Кивач, его крикливую собачонку и допотопное средство передвижения – лодку. «Лодка была длинным, плоскодонным сооружением, черным от времени и набухшим от воды, с ивовыми кольцами вместо уключин и без скамеек. Приняв в себя шесть человек с пятью рюкзаками, она погрузилась по самые борта, рискуя ежеминутно зачерпнуть мутную ледяную воду».

Мужичок-карел замечает могучую березу и указывает на нее путникам. Оказывается, береза эта – карельская и в Петрозаводске за кубометр дают куль муки – богатство немалое, но мужикам в Петрозаводск сдавать ее не велено, и несут они ценное сырье в трест, где платят копейки. Так в повесть врываются советские будни.

Юрий описывает древнего карельского старца из деревни Вороново, слепого и белого, как лунь, горделиво сидящего на кованом сундучке. «Что-то родоначальное струилось из старца». Кажется, что в образе этого неподвижного старца, быть может, рунопевца, застыло, остановилось время, время богатырей и кудесников, волшебных подвигов и героических людей. Но время идет, и об этом напоминают сельсоветские ребята с наганями на боку, с подозрением поглядывающие на путешественников. Внимание Юрия привлекает старушка, живущая в маленькой избенке у водопада Кивач, она заунывно пела и достаточно странно и быстро раскачивала люльку, в которой спал младенец, о чём Солоневич отозвался: «Как несчастный карельский бэбс умудрялся

¹ Случевский К. К. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1988. С. 99.

спать при таких условиях – было неясно, тем более, что пение шло в том же темпе, что и качание. – Вот этот уж на море не заболает!». Карельский пейзаж не перестает удивлять молодого беглеца. Берега реки Суны вдруг изменились, суша словно пропала, «уступив место плавающим кочкам, рыжей болотной жижице и завалам нанесенных рекою лесных гигантов. Было что-то доисторически-мрачное в этом низкорослом пейзаже и фантазия... принималась за всякие дикие картины. Вот – вылезет сейчас из болотного торфа длинная тонкая шея с маленькой головкой...».

К вечеру, уже на подводе, беглецы приблизились к водопаду. Шум его падающей воды перекрывал голоса, солнце садилось «в узкой полоске синеватого неба на горизонте». И молодой беглец, вместо того, чтобы думать, доберутся ли они до Финляндии, думает о солнце: и можно ли до него добраться, если идти все время на запад. «А может быть, солнце к тому времени вылезет с другой стороны и окажется на востоке?».

Свой путь духовный и географический одновременно герой осознает почти в категориях символистской эстетики как путь к Солнцу. Сравним стихотворение Николая Рериха «Пора», где о цели пути сказано: «Надо до солнца пойти...» Или пьесе «Борьба за свет» («Sota Valosta») финского поэта-неоромантика Эйно Лейно, герои которой провозглашают, что они должны служить солнцу. В сознании Юрия побег в Финляндию, и сама идея поиска счастливой земли сродни идее поиска Беловодья, Шамбалы, солнечной страны. Таковой сначала представлялась Карелия, но она обманула. Солнце Карелии – это вовсе не солнце: «С лукавым видом профессиональной русалки, заманивающей путника подальше в болото, выглянуло солнышко, залив неприглядную северную пустошь розовато-желтой акварелью. Казалось, будто здешнее солнце – вообще не солнце, а только его тусклое отражение в этих серо-белесых небесах».

На пути к солнцу возникают препятствия и случаются потери. В повести Юрия Солоневича герой преодолевает препятствия, но обрести Солнце ценой потери родины Юрий совершенно не готов. Элементы сказочного жанра в повести Юрия переплетаются с философской прозой. Увидев водопад Кивач, герой вновь забывает о времени. И вот побег, да и все препятствия на фоне беснующихся струй кажутся герою мелкими заботами. Среди грохота срывающегося потока воды Юрий обретает спокойствие в душе: «Левая струя огромным, широким языком, спокойно, точно вылитая из стекла, колонна, поднималась из огромной черной миски с белой пеной. Другая струя, правая, бесновалась уже с самого своего начала струи в ней пересекались, били одна через другую... Я, сел в «профиль» к водопаду, на мокрый мох и просидел Бог знает сколько времени. Смотрел, смотрел, смотрел – и становилось все спокойнее, величавее на душе и мелкими заботами стали казаться весь наш побег, и дождь, и болота...».

Поначалу в лесу Юрий соотносил свой путь с прохождением по некоему Храму, но вскоре тяжелые рюкзаки, острые гранитные осколки, упавшие деревья, густые заросли заставили забыть о высоких и сказочных настроениях: «Предстоящая ночь чудилась всем ... исправленным и дополненным изданием дантовского Ада», «...мир ушел куда-то в небытие, уступив место... смутному, все нарастающему подозрению, что твориться что-то неладное». Неладное, действительно, случилось: беглецы заблудились, и неудивительно, что попытка бежать провалилась. Всё было просто: «Карелия оказалась одним из немногих мест на лице земли русской, где водились так называемые магнитные аномалии. Финские холодные скалы и болота таили в себе какие-то предательские рудные залежи, отклонявшие стрелку компаса. Можно было, руководствуясь компасом, неделями ходить вокруг одного и того же места, пока какая-нибудь случайность не выдала бы сего трагического заблуждения...».

Надо было сдаваться пограничникам, убеждать, что они – научная экспедиция, заблудились в лесу и просят их отправить домой. Собственно говоря, так и получилось, пригодились бумажки с печатями. Вечером беглецов уже кормили горячей картошкой в мундире. «Со времени этого нашего похода гряда дымящейся картошки в мундирах неизменно ассоциируется у меня с карельским пейзажем, с холодом и бездомностью и с какой-то странной смесью отчаяния и радости».

Юрий, не желая «отбивать хлеб собственному папаше», отсылает читателя, желающего знать каким образом беглецы попали в Финляндию, к книге Ивана Солоневича «Россия в концлагере», зафиксировав только с точностью: «Четырнадцатого августа тысячу девятьсот тридцать четвертого года мы с сияющими от счастья и комариных укусов лицами выбрались, наконец, как и было задумано, на финскую территорию, в стопроцентном на сей раз убеждении, что жизнь для нас начинается завтра». Но поиск счастливых стран счастья не принес. Свою повесть Юрий Солоневич заканчивает размышлением, что побег в Финляндию оказался «утопическим проектом», и не стоило «рыскать взорами в голубых далях неведомых «тридевятьземель», ведь пруд «с самыми настоящими, золотистыми и жирными карасями» был лучше всего там, откуда они ушли, и солнце для него действительно оказалось на востоке».

В эмиграции Юрий Иванович, или как он подписывал свои картины, Джордж Солоневич посвятил свою жизнь живописи. Он жил в Германии, Аргентине, а в 1952 г., переехал в США, где скончался в возрасте 88 лет в 2003 г. Свое имя Юрий Солоневич и его жена, уроженка Тампере Инга Доннер-Солоневич назвали по образцу «Калевалы» – Солола. Известен портрет Рональда Рейгана, написанный Солоневичем и его иллюстрации к детским книгам. Любопытно, что Юрий Иванович оформил ряд научно-познавательных изданий, рисуя планеты и столь любимое им солнце.

Становление неофициальной газетной печати в Олонецкой губернии (1906–1917 гг.)

Вплоть до первой российской революции на территории Олонецкой губернии периодическая печать была представлена лишь официальными изданиями – газетой «Олонецкие губернские ведомости» и еженедельником «Олонецкие епархиальные ведомости». Такое положение объяснялось целым рядом факторов. Основным из них являлся застойный характер общественно-политической жизни в крае, которая практически всецело контролировалась местными властными структурами. Даже земские органы, являвшиеся в Центральной России основным оплотом либеральных общественных сил, в губернии находились под влиянием чиновничьей бюрократии, а численно преобладавшие в них представители зажиточного крестьянства придерживались, как правило, традиционалистской идейной ориентации. Из 34 губерний, где к началу XX в. было введено земское самоуправление, только в Олонецкой губернии не было ни одного земца, замеченного в симпатиях к либерализму. Олонецкое губернское земство неизменно выступало с адресами консервативно-охранительного характера и уклонялось от участия в общеземских съездах.¹ Что же касается носителей радикальных идей, то они были представлены в крае в основном политически пассивными, рассеянными небольшими группами по глухим деревням. Никаких организационно оформленных структур как либерального, так и радикального направлений здесь не существовало. В данной социально-политической обстановке, даже при постепенном росте грамотности населения, отсутствовал массовый читательский спрос на печатное слово, который позволил бы организовать издание газеты на коммерческой, независимой от воли властей, основе. К тому же слабое развитие торговли и промышленности в крае не позволяло потенциальным издателям надеяться на значительные доходы за счет публикации рекламных объявлений. Важно отметить также, что издательское дело в России было сковано жесткими законодательными рамками, в частности, в отношении провинциальной периодики на рубеже XIX–XX вв. сохранялся режим предварительной цензуры.

Бурные революционные события 1905 г. в центре страны всколыхнули и окраинную Олонецкую губернию. Под их влиянием в широких слоях населения стал пробуждаться интерес к общественной жизни, резко ускорился процесс вызревания и самоопределения различных политических сил. После издания Манифеста 17 октября 1905 г., создавшего правовые основы для легальной политической деятельности, в крае возникли местные организации основных общероссийских партий – октябристской и кадетской (декабрь 1905 г.), социал-демократической и эсеровской (апрель–май 1906 г.)

В период революции изменилось и правовое положение периодической печати. Николаем II 24 ноября 1905 г. были утверждены «Временные правила о повременных изданиях», ставшие важным шагом на пути к свободе печати и продолжавшие в своей основе действовать до 1917 г. «Временные правила» отменили предварительную цензуру, а также устранили административные взыскания в отношении печати, заменив их судебным порядком решения дел.²

Инициативу по созданию первого в Олонецкой губернии независимого периодического издания взяла на себя Петрозаводская группа конституционно-демократической партии, обладавшая для этого необходимыми материальными, организационными и интеллектуальными ресурсами. Учредителями еженедельной кадетской газеты под названием «Олонецкий край», выступили члены группы: старший фабричный инспектор Олонецкой губернии Владимир Владимирович Дмитриев, начальник отделения казенной палаты Б. А. Муликовский и чиновник особых поручений при управлении земледелия и государственных имуществ П. А. Розенберг.³ Все они занимали видные посты в местной чиновничьей иерархии и в силу служебного положения имели не только широкие связи, но и доступ к различным источникам информации. Редактором-издателем стал В. В. Дмитриев. Пробный номер «Олонецкого края» увидел свет 8 июня 1906 г., а со 2 июля 1906 г. был налажен регулярный выпуск газеты.⁴

Новый печатный орган освещал события общероссийской и местной жизни с либеральных, левокадетских позиций, придерживаясь при этом критического отношения к охранительной политике губернских властей. Значительное внимание на его страницах уделялось вопросам положения рабочих и рабочего движения в Олонецкой губернии. Постоянно велась рубрика «Из жизни рабочих». Одним из ее активных авторов являлся председатель комитета выборных Александровского завода служащий заводской лаборатории К. П. Самцов, выступавший под псевдонимом «Лемаль». Будучи беспартийным, он придерживался близкой к кадетам идейной ориентации. На страницах издания предоставлялось место для выступлений и политическим оппонен-

¹ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 232; Савицкий И. В. Либеральное дворянство Вологодской губернии в начале XX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1979. С. 19–20.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 193–200.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 1. Оп. 46. Д. 36/943. Л. 24–26.

⁴ Олонецкий край. 1906. 8 июня (пробный номер); 1906. 2 июля (№ 1).

там кадетов слева – социал-демократам. Все это делает публикации «Олонецкого края» незаменимым источником для изучения событий периода подъема революционного движения в Олонецкой губернии летом 1906 г. В корреспонденциях и статьях содержится информация практически о всех массовых митингах и демонстрациях в Петрозаводске с июня по сентябрь 1906 г., о формировании и деятельности комитета выборных на Александровском заводе, попытке создания профсоюза на Александровском и Видлицком заводах, о столкновении демонстрантов с полицией на Тюремной площади в ночь с 17 на 18 сентября 1906 года. При оценке публикаций «Олонецкого края» следует иметь в виду, что по справедливому замечанию одного из лидеров петрозаводских социал-демократов в 1906–1907 гг. А. А. Копяткевича, местные кадеты «были левонастроенными радикалами, гораздо ближе примыкавшими к левым партиям, чем к правым, до октябристов включительно».⁵

Отношение губернской администрации к «Олонецкому краю» было резко негативным. В донесении П. А. Столыпину от 9 августа 1906 г., губернатор Н. В. Протасьев не без горечи признавая, что данная «газета имела известный успех и расходилась в числе 800 экземпляров», делал однозначный вывод: «Этот орган приносит существенный вред».⁶ Администрация выжидала лишь удобный момент для расправы над неудобным изданием. По недоброй иронии судьбы последним для «Олонецкого края» стал 13-й очередной номер от 24 сентября 1906 г. со статьей о разгоне полицией демонстрации на Тюремной площади. С прибытием в Петрозаводск дополнительного отряда правительственных войск и прекращением политической стачки на Александровском заводе, губернатор 29 сентября 1906 г. издал постановление о приостановлении выпуска кадетской газеты. Против ее редактора «Олонецкого края» В. В. Дмитриева было возбуждено дело по ст. 129-й Уголовного уложения 1903 г. (распространение сочинений, возбуждающих к неповиновению закону и ниспровержению существующего строя), которое рассматривалось в Петербургской судебной палате. Суд приговорил В. В. Дмитриева к 6-месячному тюремному заключению и вынес решение «издание этой газеты запретить навсегда».⁷ Остальные учредители газеты – Б. А. Муликовский и П. А. Розенберг были переведены из Петрозаводска на службу в другие губернии.⁸

В период послереволюционного столыпинского «успокоения» губернские власти основательно зачистили политическое поле. С помощью административно-полицейских и судебных мер им удалось ликвидировать все местные организационные структуры левых и либеральных партий, включая даже вполне лояльных октябристов, и в дальнейшем блокировать их восстановление. Вместе с тем, извлекая урок из опыта революционных событий, администрация стремилась усилить идеологическое влияние на население с помощью печатного слова. В феврале 1909 г. Н. В. Протасьев обратился с письмом к начальнику управления по делам печати МВД, в котором критически охарактеризовал официальную краевую газету – «Олонецкие губернские ведомости» как орган «по своему размеру и скудному материалу не имеющий почти никакого значения». Он ходатайствовал о выделении этой газете ежегодной правительственной субсидии в 1,5–2 тыс. рублей для того, чтобы превратить ее в действенную трибуну, «призванную к разрешению серьезных местных вопросов».⁹ Однако вскоре сменивший Протасьева на губернаторском посту Н. Д. Грязев, до этого служивший вице-губернатором в Ковенской губернии с широко развитой местной прессой, предпочел пойти по пути создания наряду с губернским официозом формально независимой газеты консервативного направления. Планировалось, что такая газета будет издаваться при Олонецком совете Карельского православного братства. В докладной записке, которую по поручению Грязева подготовил председатель совета братства, ректор духовной семинарии Н. К. Чуков отмечалось, что растущая потребность в печатном слове заполняется по большей части общероссийскими газетами «с направлением интернациональным и религиозно-индифферентным». Этому следует противопоставить «свой собственный печатный орган, главной целью которого было бы оживление и подъем в населении... идей православия и русского национализма».¹⁰ Новому изданию предназначалась также важная роль в борьбе с панфинской пропагандой, проникавшей из соседней Финляндии. В январе 1911 г. во время личной аудиенции у премьер-министра П. А. Столыпина Н. Д. Грязев изложил свой замысел и встретил со стороны премьера полное сочувствие к проекту. Материальным выражением поддержки стало выделение правительственной субсидии на издание газеты в размере 3 тыс. рублей.¹¹ Еженедельная газета, получившая название «Олонецкая неделя», начала выходить с 3 апреля 1911 г. Обязанности ее редактора-издателя были возложены на Н. К. Чукова. Помощь в подборе материалов ему оказывал преподаватель богословия и русской литературы в Олонецкой духовной семинарии П. М. Смирнов. Газета публиковала обзорные статьи о мероприятиях правительства в областях, затрагивающих интересы населения северных губерний, освещала текущие события административной, религиозной, общественной, экономической и культурной жизни края, ряд материалов был посвящен исторической проблематике. Редакция и авторы издания последовательно придерживались консервативной, охранительной позиции. По просьбе Н. Д. Грязева почтовое ведомство установило льготный тариф для пересылки «Олонецкой недели». Тираж газеты достигал 1,5 тыс. экземпляров. При этом 1,1 тыс. экземпляров бесплатно распространя-

⁵ Копяткевич А. А. Из революционного прошлого в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1922. С. 2.

⁶ НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 36/943. Л. 25.

⁷ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/12. Л. 354.

⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 36/939. Л. 11.

⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/12. Л. 101–102.

¹⁰ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/20. Л. 4.

¹¹ Петрозаводск: 300 лет истории : док. и материалы : в 3-х кн. Кн. 3. Петрозаводск, 2003. С. 67.

лась по волостным правлениям, библиотекам-читальням, земским и церковно-приходским школам, врачевным и фельдшерским пунктам губернии. Кроме того, благодаря низкой подписной цене (50 коп. в год) газета имела около 250 подписчиков среди крестьян. Однако с 1913 г. правительство, посчитав, видимо, что в олонецком крае «панфинский» вопрос утратил актуальность, прекратило выплату субсидии, несмотря на настойчивые ходатайства губернского руководства.¹² Вместо «Олонецкой недели» субсидия стала выплачиваться журналу «Карельские известия», который с 1914 г. начал издавать в Выборге Финляндский совет Карельского православного братства.¹³ И все же при финансовой поддержке губернского попечительства о народной трезвости и земства «Олонецкая неделя» продолжала выходить до 1917 г.

В целом газета была поставлена солидно, и пользовалась известным авторитетом в губернии, однако, в отдельных случаях редакция проявляла излишнее охранительное рвение и оказывалась, что называется «святейшею самого Папы» (т. е. губернской администрации). Так, в одном из декабрьских номеров за 1913 г. на страницах «Олонецкой недели» появилась корреспонденция из Ребольской волости с обвинением рабочих-финнов, работавших в этой волости на лесозаготовках фирмы «Гутцайт и К^о» «в политическом развращении карельского народа» и внесении в его среду разного рода негативных бытовых привычек. Губернатор М. И. Зубовский обратился к полицейскому исправнику Повенецкого уезда, чтобы узнать подробности дела. Неожиданно полицейский чин дал резкую отповедь публикации проправительственной газеты: Он писал: «Ничего подобного не замечалось, чтобы финны, будучи на заготовках и на сплаве леса, занимались политическим развращением карельского народа... Сушая ложь, что служащие-финны вносят в местную крестьянскую среду пьянство, разврат, ножовщину и т. д. ... Если бы что-либо подобное было, как это изложено в заметке, то не было бы оставлено без преследования... Финны-доверенные лесных фирм сейчас же рассчитывают на вывозках крестьян, замеченных в пьянстве, а потом сообщают приставу».¹⁴ И губернатор М. И. Зубовский, прислушавшись к аргументам исправника, отказался от публичной поддержки упомянутой газетной публикации.

В период Первой мировой войны в Олонецком крае возродилась и неофициальная газетная пресса либерального направления. Объективной предпосылкой к этому послужил всплеск общественного интереса в условиях войны к событиям в мире, в России, к положению на фронтах, что не раз отмечали наблюдательные современники. Так, одна из сельских учительниц на страницах местного земского вестника сообщала: «Крестьяне жадно читают всякую газету, попавшую к ним, и внимательно следят за ходом военных действий. От них, конечно, ускользают мелкие детали, частности, но многие сознательные крестьяне находятся в курсе дела и стараются поделиться газетными сведениями со своими соседями».¹⁵

«Первой ласточкой» стал выход в свет газеты умеренно-либерального толка «Олонецкая мысль», пробный номер которой появился 21 ноября 1914 г., а регулярное издание началось с 15 декабря того же года. Издателем и редактором ее выступил чиновник лесного ведомства Д. П. Макашин.¹⁶ Но поставить дело на прочную основу, очевидно, из-за недостатка стартового капитала, ему не удалось. Было выпущено всего пять номеров газеты. Уже 23 декабря 1914 г. в «Олонецких губернских ведомостях» появилось объявление конторы «Олонецкой мысли» о том, что дальнейший ежедневный выпуск данного издания «отложен по некоторым обстоятельствам до 1 января 1915 г.».¹⁷ Однако он так и не возобновился.

На смену этому, недолго просуществовавшему печатному органу, пришла газета «Олонецкое утро», первый номер которой увидел свет 21 июля 1915 г. Первоначально в роли редактора-издателя «Олонецкого утра» выступал помощник присяжного поверенного А. Рождественский, но вскоре его сменил чиновник, секретарь губернского правления А. Ф. Кожевников. Последний был известен своим активным участием в деятельности Петрозаводской кадетской группы в 1905–1906 гг., за что подвергся проработке со стороны губернских властей. И хотя в 1907 г. губернатору Н. В. Протасьеву представлялось, что Кожевников под административным нажимом «заметно подался вправо», он, как показывают факты, сохранил верность либеральным убеждениям. Редакция нового органа довольно откровенно заявила о своей идейной ориентации, поместив в девятом номере газеты от 29 июля 1915 г., перепечатку статьи из столичного «Колокола» под заглавием «Политическая разногласица», в которой отмечалось: «В Петрограде и Москве опальные кадеты работают совершенно беспрепятственно, с пользой для государства, в городских, земских учреждениях, создаются по их инициативе столь сложные и заслуженные организации, как общеземский союз помощи раненым... Не то в провинции. Там по-прежнему кадеты – не легализованная партия, от их сотрудников сторонятся, в задачу местной власти обязательно входит борьба с единомышленниками Гессена и Милюкова... На местах чиновники просто боятся до сей минуты обвинений в «кадетизме».¹⁸ Намек на ситуацию в Олонии, с ее вытоптанной администрацией политическим полем, был весьма прозрачным.

¹² НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/20. Л. 31, 31 об., 72.

¹³ См.: Дубровская Е. Ю. Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX века // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 77–78.

¹⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111/1. Л. 117–117 об.

¹⁵ Учительница А. С. Война и деревня // ВОГЗ. 1916. № 4. С. 12.

¹⁶ Олонецкая мысль. 1914. 31 нояб.

¹⁷ ОГВ. 1914. 23 дек.

¹⁸ Олонецкое утро. 1915. 29 июля.

И в дальнейшем, газета придерживалась прокадетской ориентации, причем тональность материалов становилась все более оппозиционной, что вызывало растущее недовольство губернского начальства. Ее редакторы не раз получали замечания. А на публикацию в номере от 28 февраля 1916 г. передовой статьи «Граждане второго сорта»,¹⁹ в которой выражалась поддержка представителям национальных меньшинств в Государственной Думе, критиковавшим политику правительства по национальному вопросу, последовала крайне резкая реакция со стороны губернской администрации с прямыми политическими обвинениями в адрес редакции. Губернатор М. И. Зубовский, прежде занимавший пост вице-директора Департамента полиции, издал постановление, в котором говорилось: «Статья составлена так пристрастно, краски до такой степени сгущены и вопросу о положении инородцев придано такое одностороннее освещение, что статью эту нельзя расценивать иначе, как злостную выходку против правительства, имеющую целью выставить в самом непривлекательном виде и подорвать доверие к органам высшей власти, которых автор нагло обзывает «осквернителями знамени европейского согласия». Такие выступления в печати возбуждают среди легковверных людей враждебное отношение к правительству, ослабляют народный дух в минуту государственного бедствия и могут смутить тех, не принадлежащих к русской народности граждан, которые доблестно сражаются в рядах нашей армии за наше общее отечество».²⁰ Губернатор наложил на редактора А. Ф. Кожевникова штраф в 500 рублей.

В номере от 2 марта 1916 г., где редакция была вынуждена поместить упомянутое выше обязательное постановление губернатора, она одновременно известила читателей: «Газета все время вела тяжелую борьбу за свое существование и такую дополнительную статью расхода вынести не сможет. По этой причине выпуск газеты приостанавливается».²¹ А. Ф. Кожевников обжаловал действия губернатора в Сенат, но этот высший кассационный орган также счел, что «статья “Граждане второго сорта”, по содержанию своему, несомненно, представлялась возбуждающей враждебное отношение к правительству», и оставил губернаторское постановление в силе.²²

Тем не менее, победа губернских властей над либеральной прессой оказалась далеко не безоговорочной. Уже на следующий день после выхода последнего номера «Олонецкого утра» увидела свет новая газета «Олонецкое эхо», редактором-издателем которой значилась А. А. Щедрова. Ранее, в сентябре 1915 г. она подписывала к печати в качестве редактора некоторые номера «Олонецкого утра». На страницах новой газеты было опубликовано объявление «От конторы “Олонецкого эха”», в котором недвусмысленно заявлялось о преемственности курса издания: «Вследствие состоявшегося соглашения издательство «Олонецкое эхо» принимает на себя все обязательства «Олонецкого утра». Подписчикам последнего будет высылаться «Олонецкое эхо».²³ Тональность публикаций в этой газете стала более умеренной, но их общая направленность оставалась прокадетской, о чем, в частности, явно свидетельствовала передовая статья в номере от 27 апреля 1916 г., посвященная десятилетнему юбилею созыва I Государственной Думы. Автор статьи резюмировал: «С благоговейностью вспомним нашу I Думу, нашу первую школу. Как бы там ни было, но именно она превратила русское народное представительство из отвлеченной идеи в реальный факт. И этот факт не может быть вычеркнут из русской истории».²⁴

В выпуске «Олонецкого эха» важную роль играл профессиональный журналист Борух (Борис) Яковлевич Герцык, с середины августа 1916 г. возглавивший газету в качестве редактора-издателя. Это был человек с неординарной биографией. Сын московского купца, в юности Герцык активно участвовал в леворадикальном движении, однако в 1906 г. порвал с ним и уехал за границу. Жил в Бельгии, работал журналистом во французских и бельгийских изданиях, некоторое время служил даже директором Бельгийского телеграфного агентства. В 1913 г. с разрешения Департамента полиции вернулся в Россию, но в начале 1914 г. за прежнюю революционную деятельность был выслан в Олонецкую губернию, в г. Повенец. Здесь у него не сложились отношения с местной интеллигентской средой, которая сочла его полицейским агентом, и в октябре 1914 г. Герцык добился у губернатора перевода в Пудож,²⁵ а затем перебрался в Петрозаводск, где его богатый журналистский опыт оказался востребованным. После отставки М. И. Зубовского с губернаторского поста в ноябре 1916 г. и прихода на эту должность А. Ф. Шидловского, именно Б. Я. Герцык подал заявление о возобновлении выпуска газеты «Олонецкое утро». А. Ф. Шидловский – человек более умеренных политических взглядов и более широкого общественного кругозора, нежели предшественник, к тому же имевший давние и прочные связи в интеллигентских кругах по «Обществу изучения Олонецкой губернии», разрешил возобновить издание «под личной ответственностью» Б. Я. Герцыка.²⁶ К этому времени «Олонецкое утро» располагало уже собственной типографией, что существенно укрепляло независимость газеты от властей. Располагалась типография вместе с редакцией в доме купца Селиверстова по Садовой улице. С 29 декабря 1916 г. издание «Олонецкого утра» возобновилось

¹⁹ Олонецкое утро. 1916. 28 февр.

²⁰ Олонецкое утро. 1916. 2 марта.

²¹ Там же.

²² НА РК. Ф. 325. Оп. 2, Д. 12/172, Л. 114.

²³ Олонецкое эхо. 1916. 3 марта.

²⁴ Олонецкое эхо. 1916. 29 апр.

²⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 9. Д. 11/355. Л. 1–2.

²⁶ Петрозаводск: 300 лет истории : док. и материалы : в 3-х кн. Кн. 3. Петрозаводск, 2003. С. 75–76.

и продолжалось до конца 1917 г. Именно на страницах этой газеты 3 марта 1917 г. впервые в губернии были опубликованы телеграммы о падении самодержавия.²⁷

Деятельность газеты «Олонецкое утро» нарушила монополию официальных и близких к ним консервативных кругов в средствах массовой информации края. Она также в немалой степени способствовала, если не организационной, то идейной консолидации сторонников кадетской партии. Не случайно, уже вскоре после Февральской революции кадетская партийная организация возродилась в Петрозаводске одной из первых.²⁸ Показательно, что одним из местных кадетских лидеров в 1917 г. стал городской голова Г. Е. Пименов. В период революции 1905–1907 гг., он примыкал к октябристам, но в 1915–1916 гг. прослеживается его сближение с кругом редакции «Олонецкого утра». Обращает на себя внимание, что оппозиционный орган весьма охотно помещал информацию о деятельности возглавлявшейся Пименовым городской думы, а сам городской голова не раз обращался к услугам «Олонецкого утра» для публикации объявлений и разъяснений, вплоть до весьма обширного интервью корреспонденту газеты по злободневному продовольственному вопросу, данного по возвращению со съезда Союза городов в Москве в июле 1915 г.²⁹ Свои впечатления от московского форума Г. Е. Пименов выразил в интервью вполне в кадетских традициях: «В целях воспитания парламентского духа для нашего общества очень и очень полезны этого рода съезды».³⁰

Бывший редактор-издатель «Олонецкого утра» А. Ф. Кожевников в ходе событий Февральской революции 1917 г. эволюционизировал влево и вступил в петрозаводскую группу народных социалистов. В мае 1917 г. он был назначен губернским комиссаром Временного правительства.³¹

Таким образом, есть все основания констатировать, что неофициальная газетная печать, несмотря на неоднократные драматические повороты в ее судьбе, завоевала в начале XX в. прочное место в общественной жизни Олонецкой губернии.

²⁷ См.: Петрозаводск : Хроника трех столетий, 1703–2003. Петрозаводск, 2002. С. 197.

²⁸ Петрозаводск: 300 лет истории : док. и материалы : в 3-х кн. Кн. 3. Петрозаводск, 2003. С. 101–102.

²⁹ Олонецкое утро. 1915. 29 июля.

³⁰ Там же.

³¹ Петрозаводск : Хроника трех столетий, 1703–2003. Петрозаводск, 2002. С. 199, 206–207.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы IV научной конференции (16–17 февраля 2010 г.)

Составитель

Н. П. Новикова, заведующая отделом Национальной библиотеки Республики Карелия